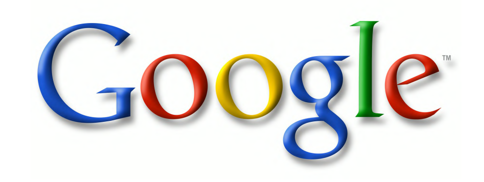
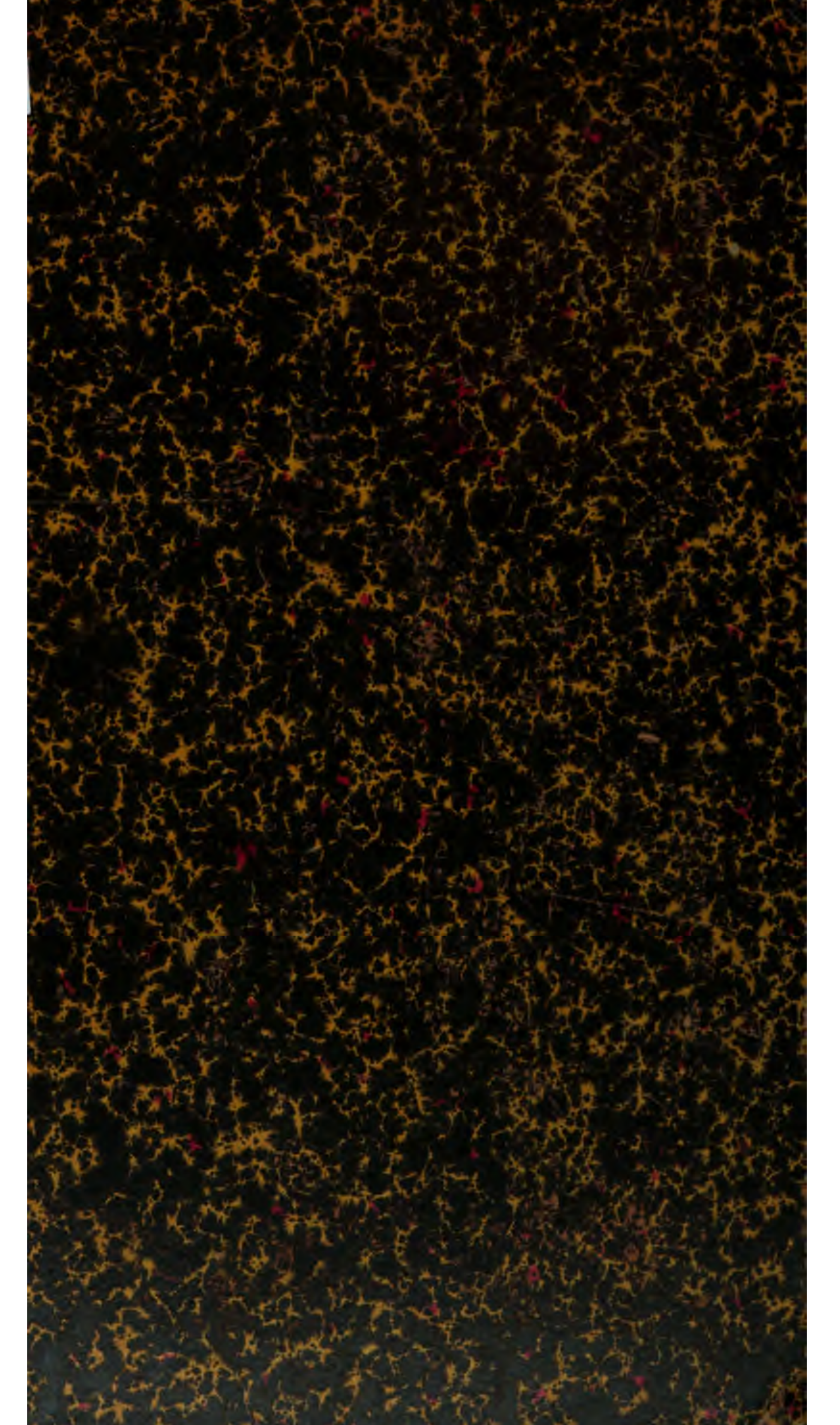

Google

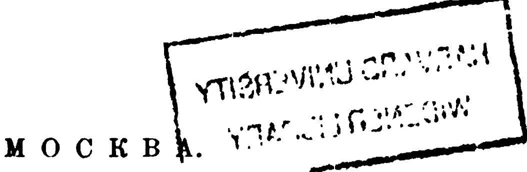
ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКВЫ.

1147—1703.

ОЧЕРКИ.

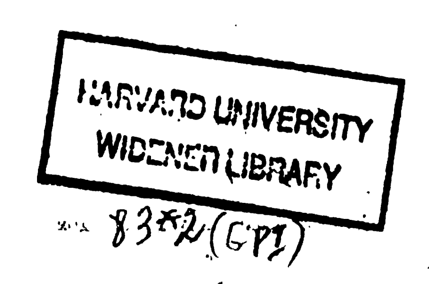
СЪ 212 РИСУНКАМИ.

В. Н.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., соб. домъ.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 12 февраля 1896 года.

Выпуская въ свѣтъ иллюстрированные очерки: «Изъ Исторіи Москвы», мы имѣли въ виду, въ небольшомъ, общедоступномъ изданіи, соединить, по возможности, все главное изъ того, что разбросано во множествѣ сочиненій, посвященныхъ этому предмету. Извлеченное отсюда мы группируемъ и освѣщаемъ, по-своему, и все это сопровождаемъ снимками съ памятниковъ—архитектурныхъ, иконографическихъ, нумизматическихъ, палеографическихъ и другихъ, планами, портретами и рисунками художественнаго происхожденія, въ такомъ количествѣ и порядкѣ, какихъ не нашли даже въ большихъ изданіяхъ, предшествующихъ нашему.

Опасаясь дать слишкомъ большой размѣръ нашей книгѣ, мы ограничиваемъ описываемое въ ней время пятью съ половиной вѣками (1147—1703), протекшими, съ основанія Москвы, до построенія Петербурга и перенесенія туда Царскаго Престола и жительства нашихъ Государей. Но, представляя нѣчто цѣльное и законченное, этотъ періодъ Исторіи Москвы и создалъ ее, во всѣхъ ея самобытныхъ особенностяхъ, отпечатлѣлъ на ней своеобразный ея типъ, отличающій ее отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ Русскихъ городовъ. Въ этомъ воплотился свой историческій геній, или духъ Москвы, который, какъ незримая, но все еще могучая сила, больше, чѣмъ все другое, даетъ ей характеръ, если не средоточія государственной власти, то центра нашей жизни, съ ея національной мыслью, съ ея народными чувствами и стремленіями, съ особенностями русскаго быта. Громадная, по своему населенію, сильная своими промышленностью и торговлей, Москва все же сильнѣе всего этого своими историческими преданіями, которыя дѣлаютъ ее принципомъ нашей жизни. Вотъ отчего она, до сихъ поръ, такъ чутка, во всѣ знаменательные моменты нашей исторіи,—вотъ почему соприкосновеніе съ нею въ каждомъ русскомъ, великъ ли, или малъ онъ, поднимаетъ и крѣпитъ русскія чувство, мысль и волю. Здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, бьется сердце Россіи...

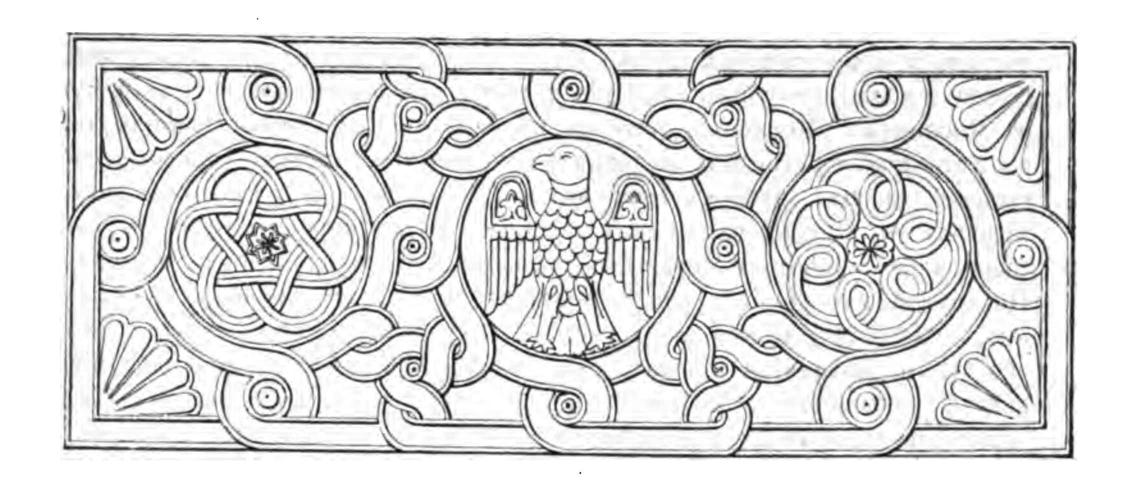
Въ концѣ книги мы прилагаемъ списокъ тѣхъ источниковъ и пособій, коими мы пользовались, для составленія нашихъ очер-

ковъ и ихъ иллюстрированія; теперь же скажемъ, что мы будемъ удовлетворены, если читатели, слѣдя, по нашему изданію, за минувшими судьбами Москвы, обновятъ въ себѣ національное сознаніе. Здѣсь, а не въ другихъ нашихъ центрахъ, выковалась государственность Русскаго народа, сложилось великое Русское Царство, выработались разныя стороны нашего быта, коими до сихъ поръ объединяется и укрѣпляется громадная Россія. Правду сказалъ поэтъ:

Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ,
По цѣлой Руси изъ Кремля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, русское сознаніе, по памятникамъ нашей столицы, проходитъ послѣдовательно цѣлый рядъ важнѣйшихъ страницъ нашей исторіи. «Москва, — говоритъ Забѣлинъ,— въ своемъ составѣ вся сложена изъ памятниковъ своей исторіи. Ея кремлевскія святыни, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ этого средоточнаго города, о его тревогахъ въ дни бѣдъ и общаго горя, о его торжествѣ въ славные дни одолѣнія враговъ, или избавленія отъ наступавшей погибели»... Мы, однако, въ очеркахъ своихъ не будемъ заниматься обще-государственной исторіей, касаясь ея только, гдѣ будетъ это необходимо, а станемъ болѣе всего слѣдить за исторіей Москвы, какъ города, за памятниками ея прошлаго, въ его послѣдовательныхъ періодахъ. Въ 749-й годъ, отъ основанія ея, наканунѣ ея семьсотъ-пятидесятилѣтія, которое наступитъ, 28 марта 1897 года, наши очерки не будутъ лишними...

I.

Основаніе Москвы и Юрій Долгорукій.

Сказаніе о томъ, будто Москва возникла въ IX столѣтіи, еще при Олегѣ, есть вымыселъ позднѣйшихъ книжниковъ. Впервые мы имѣемъ лѣтописное извѣстіе о существованіи Москвы отъ конца первой половины XII вѣка. Это—время наибольшаго развитія удѣльной системы, ослабившей Россію предъ нашествіемъ татаръ; это была пора образованія отдѣльныхъ областныхъ княжествъ и время ожесточенной борьбы изъ-за Кіева между Мономаховичами и Ольговичами и даже въ родѣ первыхъ. Въ этой громадной борьбѣ, которою, по выраженію лѣтописей, „взмялась“ и въ коей „разодралась“ вся Русская земля, принимали участіе всѣ князья: и сѣверные, и южные, и западные, и восточные. Ихъ дружины крестили и бились по всей Руси; но въ то же время заканчивался кіевскій періодъ Руси и подготовлялся новый. И Москва въ первый разъ упоминается, какъ городъ, въ лѣтописи, именно въ эту горячую пору, подъ 1147 годомъ.

Весною этого года Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ, какъ передаетъ лѣтописное сказаніе, пошелъ на Новгородъ, бывшій на сторонѣ Изяслава Мстиславича, взялъ Торжокъ и землю на Мстѣ, а Святославъ Сѣверскій, его союзникъ, по Юрьеву приказу, пошелъ на землю Смоленскую, тоже стоявшую на сторонѣ Кіевскаго князя, и взялъ тамъ жившихъ на Протвѣ литовцевъ-голядей и обогатилъ дружину свою полономъ. Послѣ этого, Святославъ, къ которому Юрій еще раньше посы-

лалъ на помощь сыновей своихъ и богатые дары для него и его княгини (ткани и мѣха), получилъ отъ Суздальскаго князя зовъ пріѣхать къ нему въ Москву (въ „Московъ“), которая по этому поводу впервые упомянута въ лѣтописи. Святославъ отправился къ нему въ новый городокъ съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и дружиной. Олегъ поѣхалъ въ Москву напередъ и подарилъ Юрію барса. Дружески поздоровался основатель Москвы съ князьями, и здѣсь началось пированье. На другой день Юрій сдѣлалъ большой, или, по старинному выраженію, „сильный“, обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Олега, Владиміра Рязанскаго и всю ихъ дружину. Вѣсти о свиданіи князей союзниковъ въ Москвѣ, предъ началомъ громаднаго междоусобія, разнеслись по всей Руси и сдѣлали извѣстнымъ этотъ новый и маленькій городокъ. Такъ какъ этотъ съѣздъ въ Москвѣ происходилъ въ концѣ марта (28 числа, на Похвалу Богородицы), то пиры и обѣдъ „сильный“ не могли идти въ шатрахъ и, безъ сомнѣнія, происходили въ княжемъ теремѣ.

Въ эту пору Москва была лишь небольшимъ пограничнымъ для Суздальскаго княжества военнымъ пунктомъ, которому предстояло лишь въ будущемъ важное значеніе, по его срединному положенію, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ нашихъ естественныхъ предѣловъ на западѣ и востокѣ, на югѣ и сѣверѣ.

Хотя въ половинѣ XII вѣка еще не могла быть сознана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тутъ лежитъ бойкій узелъ границъ нѣсколькихъ княжествъ: Суздальскаго, Смоленскаго, Рязанскаго, Сѣверскаго и Новгородскаго и важный перекрестокъ многихъ дорогъ и водныхъ путей.

Первый Суздальскій князь Юрій, получивъ отъ отца своего Владиміра Мономаха Залѣсье, долженъ былъ почувствовать, что ему недостаточно въ его удѣлѣ старыхъ новгородскихъ городовъ (Суздаля и Ростова), при помощи коихъ славяне утвердились въ поволжскомъ бассейнѣ, а также и новыхъ княжескихъ, какъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и Ярославль на Волгѣ: „онъ началъ города строить и людей населять“. Въ своемъ удѣлѣ онъ основалъ Переяславль Залѣсскій, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но ему былъ еще необходимъ новый городъ и именно на Москвѣ-рѣкѣ.

Москва-рѣка, при обиліи лѣсовъ, семь съ половиною столѣтій тому назадъ, многоводная и судоходная, представляла собой пунктъ, гдѣ въ живомъ соприкосновеніи сходилось и сплеталось очень многое. Начало этой рѣки, выше Можайска, находилось въ княжествѣ Смоленскомъ, тянувшемъ по Днѣпру къ южной Руси, а по Двинѣ къ западу; устье Москвы, при впаденіи ея въ Оку, принадлежало Рязанско-муромскому княжеству, тянувшему къ Волгѣ. Цѣлая сѣть рѣкъ дѣлала это мѣсто очень бойкимъ для соприкосновенія съ другими княжествами пунктомъ, гдѣ сходились пути и въ Новгородъ, и въ Кіевъ, и во Владиміръ, и въ Смоленскъ. Н. П. Барсовъ въ своей Русской Исторической Географіи говоритъ: „для связи съ областью Москвы-рѣки, верхней Оки и чрезъ

нее Угры, составлявшей путь изъ верхняго (Чернигово-Сѣверскаго) Поднѣпровья, служила Лонасня, сближающаяся съ притокомъ Москвы Пахрою (на границахъ Подольскаго и Серпуховского уѣздовъ) и еще болѣе Протва, которая своими верховьями подходитъ непосредственно къ Москвѣ-рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ). Здѣсь мы видимъ, въ первой половинѣ XII вѣка, старинныя поселенія „Вышегородъ и Лобыньскъ". Съ другой стороны, Москва-рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ Рузою и Ламою, вмѣстѣ съ Шошею, вливающеюся въ Волгу. Здѣсь—извѣстный Волокъ-Ламскій. Въ область Клязьмы шли пути по Сходнѣ, впадающей въ Москву-рѣку выше столицы, и по Яузѣ..."

Понятно, что здѣсь былъ узелъ бойкихъ, перекрещивающихся военныхъ и торговыхъ дорогъ изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова съ Кіевомъ, Ростова съ Суздалемъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ были не только поселенія финской мери, о чемъ свидѣтельствуютъ недавно открытые въ Москвѣ остатки языческихъ городищъ и разные предметы доисторическаго быта, но и славянскія селенія. При постройкѣ Большого Кремлевскаго дворца, были найдены серебряные обручи и серьги, а на мѣстѣ храма Христа Спасителя—древнія арабскія монеты, изъ коихъ одна 862 года. Здѣсь, по всей вѣроятности, бывали Владимиръ св., построившій свой городъ на Клязьмѣ, Борисъ, княжившій въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ, и Ярославъ Мудрый, основатель Ярославля на Волгѣ, если только они ѣзжали оттуда на юго-западъ въ Кіевъ, а не въ Новгородъ. Несомнѣнно, что посѣщалъ эти мѣста и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, нѣсколько разъ ѣздившій въ Ростовскую землю и строившій тамъ храмы. Но, когда онъ отдалъ въ удѣлъ Владиміро-суздальскую землю своему сыну Юрію Владиміровичу Долгорукому, здѣсь мы видимъ на Москвѣ-рѣкѣ цѣлый рядъ селъ, принадлежащихъ старшему его дружиннику перваго ранга, говорятъ, даже тысячскому,—боярину Кучкѣ. Здѣсь, при этомъ вотчинникѣ, конечно, все было: и большія поселенія, и храмы, и боярскія хоромы: *не было только города,* какъ крѣпости, какъ военно-княжескаго пункта. Но, несомнѣнно, основатель отдѣльнаго княжества Суздальскаго не могъ, на рубежѣ стольких удѣловъ, въ пору ихъ наибольшаго столкновенія изъ-за Кіева, при началѣ усобицы съ Изяславомъ Мстиславичемъ, не основать здѣсь города, какъ именно стратегическаго пограничнаго пункта. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то, что новый городъ въ 1147 году сдѣлался мѣстомъ важнаго съѣзда вышеназванныхъ князей—ратныхъ союзниковъ, гдѣ князья сговарились „жить въ любви и единствѣ до конца живота, имѣть однихъ друзей и враговъ и сообща стеречься отъ недруговъ". И крѣпость главными своими сторонами обращена на югъ и западъ. Она была заложена на холмѣ, тамъ, гдѣ оканчивалось взводное судоходство Москвы-рѣки и начинается сплавное, гдѣ рѣка, выше устья Неглинной, образуетъ пороги. Впослѣдствіи для защиты Москвы построена другая крѣпость—Китай-городъ, а потомъ Бѣлый городъ и круговое земляное укрѣпленіе, охватывавшее городъ со всѣхъ сторонъ.

Лѣтописное преданіе говоритъ, что „Юрій, казнивъ Кучка, взыдѣ на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и Неглинной, возлюби села оныя (Степана Кучка) и повелѣлъ сдѣлати тамъ древянъ градъ". Что же именно построилъ Юрій Владиміровичъ въ Москвѣ? Древнѣйшій храмъ Іоанна Предтечи подъ Боромъ и церковь Спаса на Бору, который тянулся изъ Кремля, отъ Боровицкихъ воротъ, черезъ Китай-городъ, на нынѣшнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже послѣ смерти Юрія. Сооруженіемъ основателя Москвы были, несомнѣнно, деревянныя стѣны Кремля, за коими могли находить себѣ защиту крестьяне селъ Кучковыхъ и новые поселенцы. Но эти стѣны были даже не дубовыми, потому что таковыя, по лѣтописному сказанію, построены Іоанномъ Калитою. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что основатель Москвы построилъ въ Кремлѣ и княжій дворъ, съ соотвѣтственными строеніями, гдѣ гостили у него князья и гдѣ можно было дать названный выше „сильный" обѣдъ, въ 1147 году, и гдѣ жила княжья дружина. Сомнѣнія нѣтъ, что извѣстный храмоздательствомъ, по другимъ городамъ, Юрій построилъ хотя одну церковь въ Москвѣ; но объ этомъ мы не имѣемъ письменныхъ свѣдѣній.

Что такое были Кучковы села до основанія на Москвѣ-рѣкѣ города? Этотъ интересный вопросъ рѣшить очень затруднительно.

Къ числу Кучковыхъ селъ, по преданіямъ, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево; называютъ и другія; и тамъ, еще до основанія Москвы, какъ города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются отъ деревень церквами. Одно только извѣстно, что Кучковы села не совпадали съ городомъ Москвою. Кучково поле начиналось именно съ того мѣста, гдѣ идетъ теперь Лубянка, а домъ боярина находился будто близъ нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ. Преданія разсказываютъ, что, на мѣстѣ церкви Спаса на Бору, когда-то жилъ пустынникъ Букалъ, а Крутицахъ какой-то мудрый человѣкъ, по имени Подонъ, родомъ римлянинъ.

Но все, что можно сказать о Степанѣ Кучкѣ, есть или былины лѣтописцевъ или догадки историковъ новѣйшаго времени. Разныя старинныя преданія говорятъ согласно, что онъ былъ казненъ Юріемъ Долгорукимъ. Но за что?—Вотъ вопросъ, который розно рѣшается и въ схожихъ съ былинами „старинкахъ", и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Одна легенда говоритъ, что Кучко, возгордѣвся зѣло, не почтилъ своего князя и даже хулилъ его.

Какая-то раскольничья рукопись, которая была въ рукахъ историка Татищева, увѣряетъ, будто Юрій Владиміровичъ, бывшій въ связи съ женою Степана Ивановича Кучка, казнилъ его за то, что этотъ послѣдній заперъ отъ него свою жену и измѣнилъ ему въ отмщеніе за свою честь въ пользу Изяслава Мстиславича. Но та же „старинка" утверждаетъ, что Юрій Владиміровичъ выдалъ дочь казненнаго боярина Улиту за своего сына Андрея Боголюбскаго, передалъ ему въ бояре сыновей Степана, а села опальнаго взялъ себѣ. Особенно странно, что сыновья казненнаго боярина, Кучковичи,

были ближними боярами Андрея Боголюбскаго: одинъ изъ нихъ былъ казненъ имъ, а другой, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ и другими боярами, составилъ заговоръ и убилъ въ Боголюбовѣ этого князя. Все это — очень темно...

Позднѣйшіе историки, основываясь на томъ, что въ Новгородѣ иногда встрѣчалось имя Кучко, стали предполагать, что Степанъ Кучко былъ новгородскимъ земскимъ бояриномъ, что его села были населены новгородцами и что въ его земскомъ сопротивленіи заключается при-

Князь Юрій Долгорукій, основатель Москвы.

чина его казни, что самая Москва есть колонія новгородская. Но едва ли это такъ. Въ княжеское время, со времени основанія Владиміра-на-Клязьмѣ и Ярославля, все вѣчевое-новгородское, начиная съ Ростова и Суздаля, въ Приволжскихъ владѣніяхъ Мономаховичей, становится въ тѣнь; и едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло въ XII столѣтіи сказываться въ вотчинахъ Кучковыхъ. Да и самое прозваніе ихъ владѣльца, оканчивающееся на *о*, скорѣе указываетъ, что онъ, или его родители пришли изъ южной Руси, а не изъ Новгорода. Въ Подоліи былъ городъ Куча, а въ Червонной Руси Кучельминъ. У Черниговскихъ кня-

зей былъ бояринъ Судиміръ Кучебичъ. Отъ этого, можетъ-быть, и Степанъ Кучко тянулъ на югъ къ Изяславу Мстиславичу, за что и былъ казненъ великимъ княземъ суздальскимъ.

Положилъ ли какую-нибудь печать своего личнаго характера на основанномъ имъ городѣ Юрій Долгорукій?—Едва ли. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что онъ не послѣдовалъ примѣру своего прадѣда—Ярослава Мудраго, дававшаго свое имя основаннымъ имъ городамъ, и не назвалъ свою крѣпость Юрьевымъ, какъ сдѣлалъ это самъ относительно построеннаго имъ Юрьева-Польскаго, гдѣ онъ создалъ церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца,—своего ангела. Москва нѣкоторое время называлась даже Кучковымъ, а потомъ за нею утвердилось, по рѣкѣ, названіе: „Москва", вѣроятно мерянское, обозначающее, по однимъ сказаніямъ—„смородину", а по другимъ—„крутящуюся, искривленную", по третьимъ „мутную" и т. д. Все еще дѣло—за лингвистами выяснить намъ, изъ какого языка произошло и что именно значитъ слово „Москва", составлявшее названіе сперва нашей рѣки. Пора бы разгадать эту филологическую загадку. Ходаковскій пишетъ: *Мосткова,* производя это имя отъ мостковъ на рѣкѣ. Иные производятъ это имя отъ Мосоха, сына Іафетова.

Три поколѣнія Юріева потомства новооснованный стратегическій пунктъ не удостоивали сдѣлать *постояннымъ* стольно-княжескимъ городомъ, хотя тутъ живали, въ XIII столѣтіи, князья Владиміръ Всеволодовичъ, Владиміръ Юрьевичъ и Михаилъ Хоробритъ, сынъ Ярослава. Такое же отношеніе этихъ областныхъ князей продолжалось до смерти Александра Ярославича Невскаго. Но, со времени утвержденія здѣсь княжескаго стола, при сынѣ Александра Невскаго Даніилѣ, и особенно съ возвышенія Москвы на степень общерусскаго центра, стала возстанавливаться и подниматься память основателя его. Наши князья, начиная съ Даніила Александровича, нарекали своимъ сыновьямъ—въ честь основателя Москвы—имя Юрія, и, наконецъ, Іоаннъ III сдѣлалъ ангела его, Георгія Побѣдоносца, гербомъ московскаго княжества. Это указываетъ на то, что преданія объ основателѣ Москвы хранились въ ней и его личный образъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдующемъ преданіи не оставался безъ нѣкотораго вліянія на нашихъ московскихъ князей и имъ подвластныхъ.

Прежде, чѣмъ вглядѣться въ историческія черты характера и дѣятельности строителя Москвы, мы привели его изображеніе, принадлежащее профессору исторической живописи Императорской Академіи Художествъ В. П. Верещагину, взятое изъ его интереснаго изданія: „Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей". Конечно, рисунокъ этотъ не имѣетъ значенія портрета этого князя, но онъ вполнѣ художественъ и вѣренъ въ бытовыхъ чертахъ тому времени, къ коему относится. Воспроизводимъ также изображеніе ангела основателя Москвы—св. Георгія Побѣдоносца во Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ.

Сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ, прозванный въ южной Руси за свою склонность къ захватамъ: „долгія руки", стоитъ на рубежѣ

двухъ эпохъ, при концѣ кіевской и въ самомъ началѣ владиміро-московской. Если онъ менѣе, чѣмъ его сынъ Андрей Боголюбскій и Московскіе князья-собиратели Руси, носитъ на себѣ великорусскій типъ князя-хозяина и государя и не чуждъ еще свойствъ родового и дружиннаго южно-русскаго князя, то все же онъ не похожъ на своего идеальнаго въ этомъ отношеніи отца — Владиміра Всеволодовича, съ коимъ скорѣе схожъ внукъ его Изяславъ Мстиславичъ, такъ упорно боровшійся съ Юріемъ Долгорукимъ изъ-за Кіевскаго великокняжескаго стола

Св. Георгій Побѣдоносецъ въ Дмитріевскомъ соборѣ.

и самого Кіева, исполненнаго „величества и красы всѣмъ". Въ нашемъ же Суздальскомъ князѣ мы уже не найдемъ многихъ чертъ южно-русскаго князя, запечатлѣнныхъ въ „Поученіи" Владиміра Мономаха дѣтямъ. Онъ не—сторонникъ патріархально-родовыхъ отношеній, хотя изъ своихъ выгодъ и не хочетъ уступить Кіева своему племяннику Изяславу. Нашъ князь не постѣснился идти и противъ своего старшаго брата Вячеслава, который „былъ брадатъ, когда онъ еще не родился". Въ своихъ отношеніяхъ, онъ не дѣлаетъ различія между роднымъ гнѣздомъ

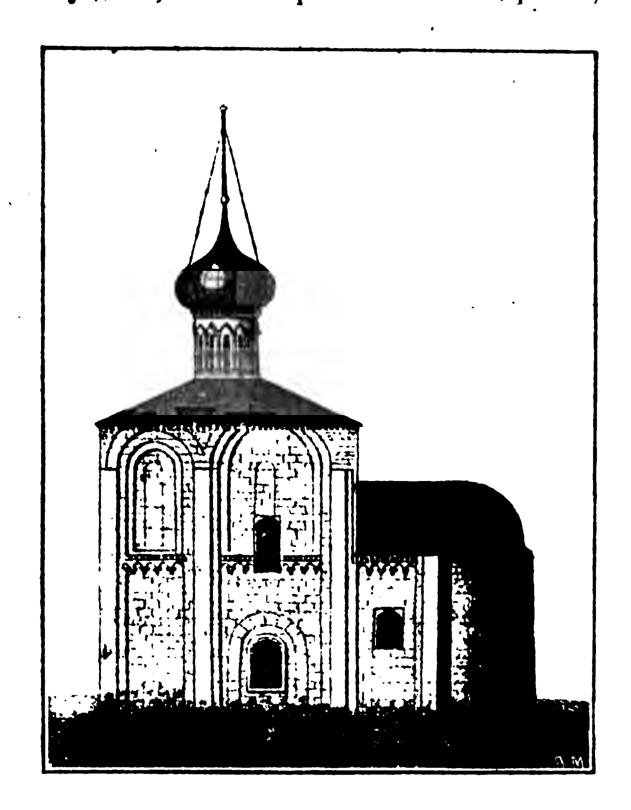
Мономаховымъ и чужимъ „осинымъ"—Ольговымъ; ему все равно, кто бы ни шелъ у его стремени; даже не брезгуетъ помощью половецкою. Сыновей своихъ не очень-то голубитъ, и они, какъ Ростиславъ, уходятъ отъ него даже къ его сопернику Изяславу Мстиславичу. Боярамъ своимъ, какъ показываетъ примѣръ съ Степаномъ Ивановичемъ Кучко, онъ не даетъ потачки и думы ихъ мало слушаетъ. Вѣчевымъ городамъ отъ Юрія тоже—плохо. Доставалось отъ этого „Мономашича" не мало тяжелаго и господину Новгороду Великому. Но за то онъ являетъ себя въ Сѣверо-восточной Руси княземъ-хозяиномъ, строителемъ городовъ и усерднымъ храмоздателемъ. Онъ хотѣлъ даже перенести старый Суздаль на Кидекшу и построилъ великолѣпные храмы во Владимірѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ, Юрьевѣ и въ упомянутой Кидекшѣ. Вообще Юрій не гоняется за южно-русскою княжескою популярностью, и, при жесткости своего характера, этотъ князь далеко не пользовался на югѣ такою любовью, какая окружала другихъ Мономаховичей. Но эти сѣверо-восточныя, великорусскія черты не вызрѣли еще въ Юріи I вполнѣ, не довели его до мысли о перенесеніи средоточія Руси съ юга на сѣверо-востокъ; его все еще тянуло въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ, тогда какъ сынъ Юрія Андрей Боголюбскій предалъ раззоренію „мать градовъ русскихъ", лишилъ ее великой святыни—иконы Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою, и сталъ на смѣну Кіеву обстраивать Владиміръ Залѣсскій высокопрестольными храмами, теремами и золотыми воротами.

Но если у великаго князя Юрія и не было мысли объ утвержденіи общерусccкаго центра на сѣверо-востокѣ не только въ Москвѣ, а даже во Владимірѣ, то все же великорусскій типъ этого князя долженъ былъ съ теченіемъ времени, какъ въ историческихъ, такъ и въ эпическихъ сказаніяхъ, сдѣлаться традиціей Москвы, когда стало возможнымъ выдвинуть ее какъ средоточіе общерусскаго тяготѣнія.

Нѣтъ свѣдѣній, навѣщалъ ли Юрій Владиміровичъ основанную имъ Москву, хотя и есть извѣстія, что онъ проходилъ по ея землѣ. Онъ даже умеръ не въ своемъ Суздальскомъ Залѣсьѣ, а въ Кіевѣ. О смерти создателя нашей Москвы лѣтопись кіевская говоритъ, что онъ на другой день Николина дня (10 мая 1157 года) пировалъ у своего боярина: „пивъ бо Гюрги въ осменники у Петрила, въ тъ день разболѣса" и чрезъ пять дней (15 мая) умеръ. Кіевляне не любили сѣверо-восточнаго Суздальскаго князя и на другой день разграбили его дворы (одинъ изъ нихъ великій князь называлъ раемъ) и перебили многихъ суздальцевъ. Но зато крѣпко любило Юрія великорусское населеніе Залѣсья, коему Георгій Суздальскій являлся подобнымъ Егорію Храброму.

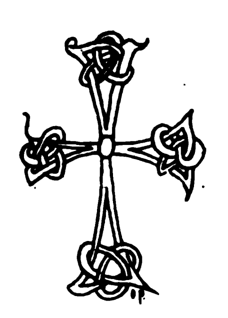
У Татищева о наружности и характерѣ Юрія горорится: „былъ роста не малаго, толстый, лицомъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ, долгій и покривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ, но все оное состояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ".

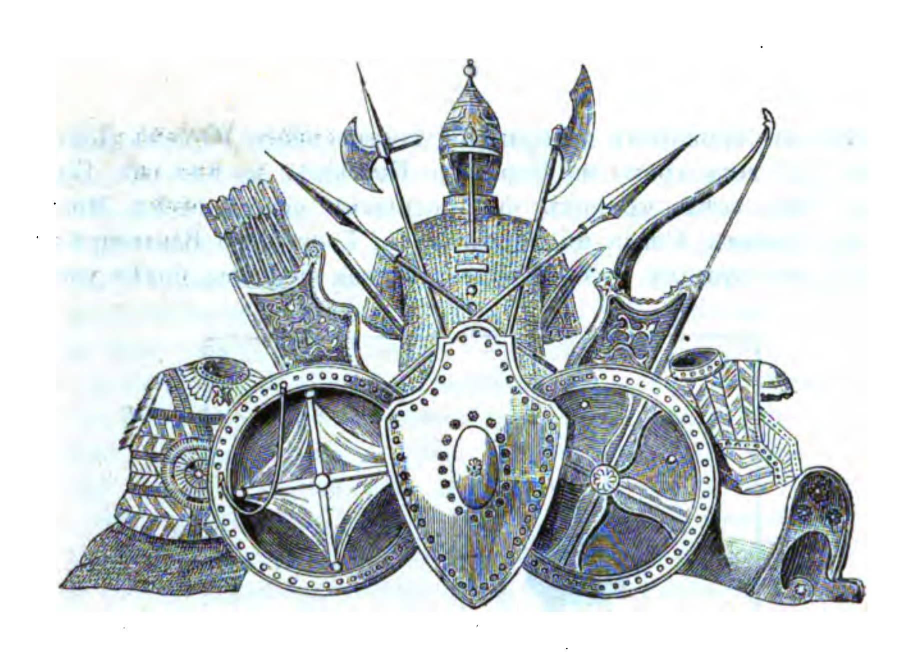
Здѣсь мы приводимъ изображенiе построеннаго Юрiемъ Долгорукимъ въ 1152 году храма на Нерли въ Кидекшѣ, во имя свв. Бориса и Глѣба. Изъ всѣхъ храмовъ, построенныхъ основателемъ Москвы: Спаса въ Суздалѣ, Спаса въ Переяславлѣ, Георгiя во Владимiрѣ и тоже Георгiя въ Суздалѣ, — эта Борисоглѣбская церковь, болѣе указан-

Храмъ князя Юрiя Долгорукаго, въ Кидекшѣ.

ныхъ, сохранила свой первоначальный видъ. Въ этомъ храмѣ обрѣтены мощи сына нашего князя Бориса Юрьевича. Заслуживаетъ вниманiя знатоковъ геральдики, что на этихъ мощахъ была одежда, шитая золотомъ, а на ней „вышитъ орелъ пластаный одноглавый, а отъ того орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами“.

II.

Москва до учрежденія въ ней княжескаго стола, Даніилъ Александровичъ, Юрій Московскій и Іоаннъ Калита.

Ростъ Москвы, по выраженію одного стариннаго сказанія, „малаго дрвяннаго города", былъ тугъ и медленъ. Что будто еще при Юріи Долгорукомъ здѣсь сидѣлъ сынъ его князь Ростиславъ Георгіевичъ, — это только предположеніе. Упоминается вскользь, что здѣсь былъ, вѣроятно, временно, князь Владиміръ Всеволодовичъ. Съ 1147 года прошло девяносто лѣтъ, прежде чѣмъ Москва опять всплыла на лѣтописную поверхность, до этого теряясь въ ряду другихъ городовъ Владиміро-суздальскаго княжества, такихъ, какъ Юрьевъ-Польскій, или Переяславль и т. п. Только разгромъ Руси Батыемъ заставляетъ лѣтопись яснѣе заговорить о ней. Сюда великій князь Юрій Всеволодовичъ посылаетъ, для защиты отъ хлынувшихъ изъ Рязанской земли враговъ, князя Владиміра Юрьевича. И вотъ печальныя слова второго лѣтописнаго сказанія о нашей Москвѣ: „Татарове идоша къ Москвѣ (1237 года); тояже зимы взяша татарове Москву, а воеводу убиша, Филиппа Нянка, за православную хрестьянскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди убиша отъ старца до сущаго младенца, а градъ и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и, много имѣнія вземше, отъидоша". („П. С. Русск. Лѣтоп." 1, 196).

Итакъ этимъ печальнымъ годомъ Москва, первый изъ городовъ Владимірскаго княжества, обратилась въ развалины, хотя за протекшія со съѣзда князей девяносто лѣтъ въ ней, какъ уже видно изъ приведенныхъ лѣтописныхъ словъ, была не одна, а нѣсколько церквей, неизвѣстно, впрочемъ, какихъ; даже основались здѣсь монастыри, значитъ, раньше позднѣйшихъ Данилова и Богоявленскаго; а самый городъ былъ уже настолько зажиточенъ, что враги могли взять здѣсь „много имѣнья".

Однако и полное раззореніе Москвы и избіеніе всѣхъ ея жителей не могло уничтожить этого города. Значеніе его, уже ясно сознанное во всемъ Владимірскомъ княжествѣ, скоро привлекло на запустѣвшее пожарище новыхъ жителей, и Москва выстроилась вновь. Въ ней даже появляется князь. Чрезъ девять лѣтъ, послѣ названной катастрофы, именно въ 1246 году, мы видимъ здѣсь храбраго и энергичнаго князя, родного брата Александра Ярославича Невскаго, Михаила Хоробрита. Онъ былъ настолько силенъ, что выгналъ изъ Владиміра дядю своего Святослава; палъ Михаилъ въ 1248 году въ битвѣ съ литовцами. По всей вѣроятности, при возстановленіи Москвы, онъ именно построилъ въ Кремлѣ въ честь своего ангела деревянный храмъ архистратига Михаила. Но это только предположеніе.

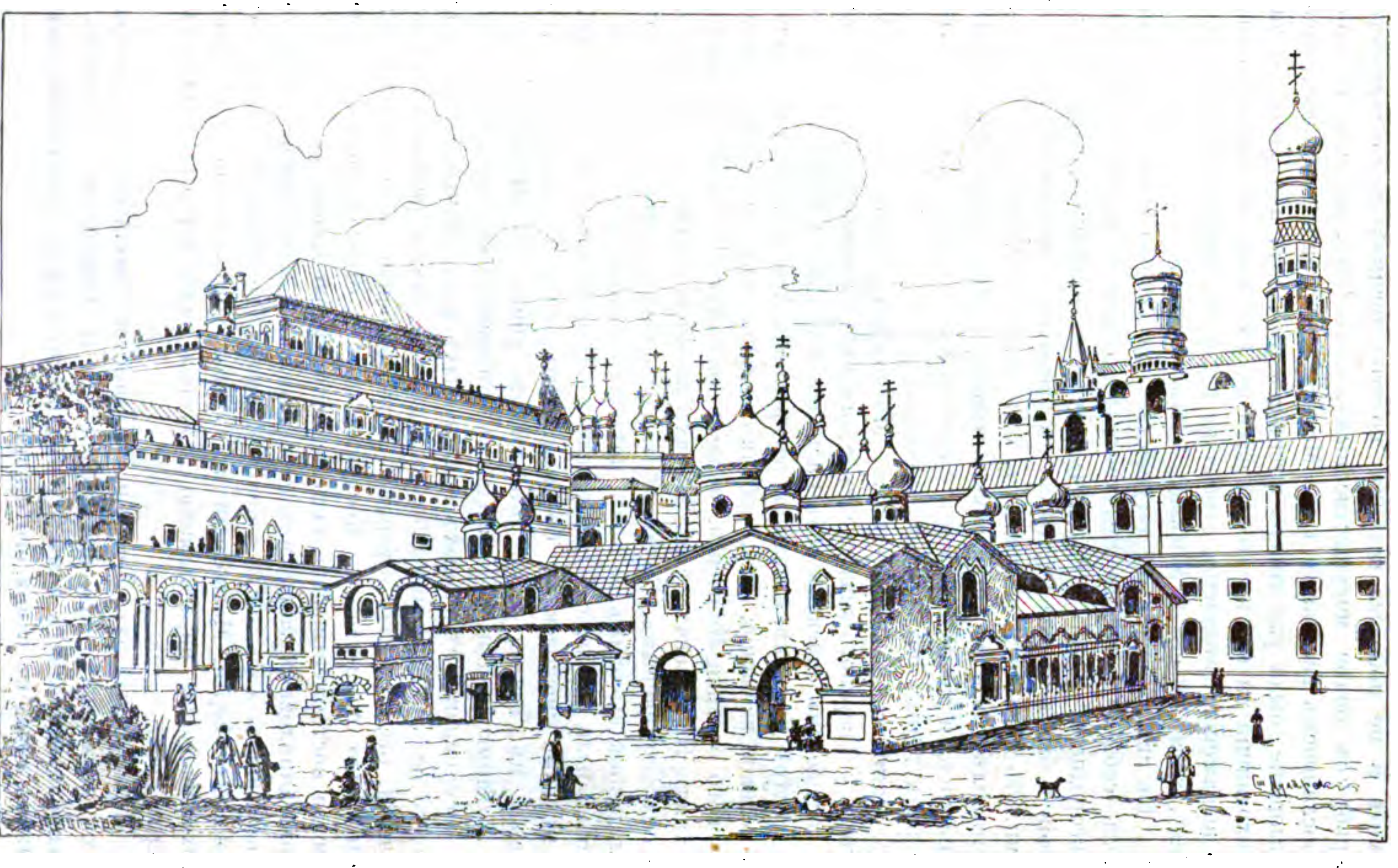
Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что основателемъ Московскаго княжества и родоначальникомъ династіи его князей былъ сынъ Александра Невскаго, соединявшій въ себѣ святость, храбрость и политическую мудрость отца своего. Только онъ и Димитрій царевичъ изъ всего рода московскихъ князей были причтены церковью къ лику святыхъ.

Четвертый сынъ Александра Невскаго, Даніилъ, послѣ смерти отца остался ребенкомъ двухъ лѣтъ и получилъ въ удѣлъ Москву,— которая принадлежала ему до 1303 года. Этотъ князь первый возвысилъ ее на степень стольно-княжескаго города, основавъ отдѣльное Московское княжество. При немъ Москва окрѣпла, хотя и опять была взята въ 1293 году татарами подъ предводительствомъ Дюденя. Выросшій подъ бурями татарскими, среди борьбы своихъ родичей изъ-за Владимірскаго великокняжескаго стола, нашъ энергическій князь направилъ свои силы на увеличеніе и округленіе собственнаго небольшого удѣла и былъ „первоначальникомъ собиранія русскихъ земель" подъ главенствомъ Москвы. Онъ примыслилъ къ своей вотчинѣ основанный Юріемъ Долгорукимъ Переяславль - Залѣсскій, доставшійся ему, по духовному завѣщанію, отъ Ивана Дмитріевича, внука Невскаго, хотя того же домогались дяди Московскаго князя и двоюродные братья. Кромѣ того, онъ разбилъ Рязанскаго князя Константина Романовича, взялъ его въ плѣнъ и присоединилъ къ Москвѣ Коломну, замыкающую, при впаденіи въ Оку, нашу рѣку.

Даніилъ Александровичъ былъ домовитымъ хозяиномъ и обстраивалъ свой стольный городъ храмами. Преданія приписываютъ ему построеніе церкви Спаса на-Бору, Данилова монастыря и Богоявленскаго

(1296 г., въ настоящемъ году ему исполнилось шестьсотъ лѣтъ), гдѣ однимъ изъ первыхъ игуменовъ былъ братъ преподобнаго Сергія св. Стефанъ и гдѣ былъ постриженъ и монашествовалъ будущій митрополитъ всея Руси св. Алексій, сынъ боярина Өеодора Бяконта, переселившагося изъ Чернигова въ Москву. Въ честь своего ангела Даніилъ Александровичъ построилъ за рѣкою Даниловъ монастырь. При сынѣ его Іоаннѣ Калитѣ, тамошнее иночество было переведено въ Кремль, къ Спасу на-Бору, а обитель Даніила съ теченіемъ времени запустѣла. Степенная книга разсказываетъ, что при Іоаннѣ III, когда государь ѣхалъ на охоту мимо запустѣвшаго монастыря, подъ однимъ изъ молодыхъ бояръ споткнулся конь, и онъ принужденъ былъ остановиться. Тутъ явился ему незнакомый мужъ и сказалъ, что онъ—хозяинъ мѣста сего,—князь Даніилъ московскій, погребенный здѣсь, и велѣлъ передать великому князю: „ты всячески забавляешься, а меня предалъ забвенію". Іоаннъ Васильевичъ приказалъ пѣть панихиды и раздавать милостыни въ память о своемъ предкѣ. Но, только послѣ еще нѣсколькихъ чудесныхъ знаменій, Іоаннъ Грозный велѣлъ соорудить здѣсь каменную церковь и возстановить монастырь. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, въ 1652 году, гробъ св. Даніила былъ перенесенъ внутрь храма. Мощи св. Даніила были положены въ серебряную раку. Принявшій предъ смертію иноческій чинъ и схиму Даніилъ самъ приказалъ, по своему смиренію, похоронить свое тѣло не въ церкви, а на общемъ кладбищѣ, среди другихъ усопшихъ. Даніилу Александровичу приписываютъ постройку Архангельскаго собора, но это могло быть возстановленіе его, послѣ какого-нибудь пожара или раззоренія. Можетъ-быть, это былъ и совсѣмъ новый храмъ въ честь ангела дяди основателя Московскаго княжества, князя Михаила Ярославича Хоробрита. Воспроизводимъ съ гравюры XVIII столѣтія изображенія церкви Спаса на-Бору, которая, при основателѣ Московскаго княжества, была еще деревянною. Даніилу Александровичу приписывается основаніе монастыря на Крутицахъ—мѣстности названной такъ по своей крутизнѣ. У подошвы этой возвышенности протекали двѣ рѣчки, съ сѣверной—Сара, съ южной—Подонъ.

Сыновья Даніила Александровича—Юрій, получившій свое имя, вѣроятно, въ честь основателя Москвы, и Іоаннъ Калита продолжали политику своего отца въ дѣлѣ присоединенія къ Москвѣ новыхъ земель. Первымъ дѣломъ Юрія Даниловича было пріобрѣтеніе отъ Смоленскаго княжества Можайскаго удѣла. Въ годъ смерти своего отца (1303), онъ вмѣстѣ со своими братьями предпринялъ походъ на Можайскъ и взялъ его, а тамошняго удѣльнаго князя Святослава Глѣбовича, племянника Өедора Чернаго, привелъ плѣнникомъ въ Москву. Пріобрѣтеніе Можайска было третьимъ важнымъ примысломъ къ Москвѣ. Ибо, владѣя Коломной на устьѣ Москвы и Можайскомъ на ея верховьяхъ, Московскій князь обладалъ всѣмъ ея теченіемъ и могъ свободно двигаться какъ въ смоленскія, такъ и въ рязанскія земли. Опираясь на такія владѣнія, а, главное, побуждаемый личною энергіей,

Спасъ на Бору. (Съ гравюры XVIII столѣтія).

Московскій князь сталъ стремиться къ великокняжескому столу во Владимірѣ и не побоялся вступить по этой причинѣ въ соперничество и борьбу съ болѣе могущественнымъ, чѣмъ самъ, княземъ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Сама Москва, несмотря на недавнее Дюденево раззореніе, была уже теперь крѣпкимъ городомъ, ибо Тверской князь, приходившій на нее во второй разъ въ 1305 году съ большою силою, по выраженію лѣтописца, „града не взя и, не успѣвъ ничтоже, возвратися", хотя бой его у Москвы „бысть силенъ".

Въ своей борьбѣ съ могущественной Тверью Московскій князь нашелъ себѣ помощь въ Великомъ Новгородѣ и въ Золотой ордѣ. Съ новгородцами Юрій Даниловичъ дружилъ, нерѣдко бывалъ у Святой Софіи и бился за нее не только съ тверичами, но и съ нѣмцами и шведами. Въ 1323 году, напримѣръ, онъ ходилъ противъ нихъ на Неву и поставилъ тамъ, на Орѣховомъ островѣ, городокъ (впослѣдствіи Шлиссельбургъ) и заключилъ миръ съ шведами, по старой пошлинѣ; второй же разъ ходилъ подъ самый Выборгъ.

Опираясь на новгородцевъ, Московскій князь сталъ домогаться отнять у Тверского князя великое княженіе Владимірское. Подарками и ловкостью онъ снискалъ себѣ расположеніе хана Узбека и женился на его сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіей. Получивъ ярлыкъ на великое княженіе, онъ, собравъ большія силы и въ сопровожденіи ханскаго баскака Кавгадыя, пошелъ на самую Тверь. Но энергическій Михаилъ Ярославичъ встрѣтилъ ихъ въ 40 верстахъ отъ Твери, подъ селомъ Бортеневымъ. Въ этой битвѣ особенно отличился самъ Михаилъ, обладавшій высокимъ ростомъ, крѣпкими мышцами и храбростью. Москвичи были разбиты; Юрій ушелъ въ Новгородъ, а Кончака, вмѣстѣ со многими московскими боярами, взята была въ плѣнъ. Когда она умерла въ Твери, Юрій Даниловичъ убилъ въ Москвѣ Тверского посла Марковича и съ Кавгадыемъ отправился въ орду, гдѣ обвинилъ своего соперника въ разныхъ враждебныхъ хану дѣяніяхъ и въ отравленіи его сестры. Вызванный туда Михаилъ, послѣ разныхъ жестокихъ мученій, былъ убитъ татарами близъ Дербента, и его обезчещенное тѣло было привезено въ Москву, а потомъ отвезено было въ Тверь. Москва восторжествовала надъ нею, но цѣною крови. За это и самъ Юрій Даниловичъ заплатилъ своею жизнью: 21-го ноября 1324 года, черезъ шесть лѣтъ послѣ убіенія Михаила Тверского, наканунѣ годовщины его смерти, Московскій князь былъ убитъ въ ордѣ Димитріемъ Михайловичемъ, по прозванію „Грозныя очи", который отомстилъ за смерть своего отца.

Приводимый изъ „Исторіи Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей" В. П. Верещагина рисунокъ наглядно представляетъ намъ эту трагическую сцену, разыгравшуюся на глазахъ хана, въ самой его ставкѣ.

Тѣло Юрія Даниловича впослѣдствіи привезено было въ Москву и было погребено св. Петромъ, митрополитомъ всея Руси, въ храмѣ Успенія (мѣсто его могилы неизвѣстно), при общемъ плачѣ на-

рода Московскаго и брата убіеннаго Іоанна Даниловича. Тверичъ, убійца, былъ казненъ въ ордѣ, и ханъ съ этого времени гнѣвался

Юрій Московскій и Димитрій „Грозныя очи“.

на всѣхъ Тверскихъ князей, называя ихъ, по выраженію лѣтописи, „крамольниками и ратными себѣ“.

Москва вышла такимъ образомъ побѣдительницею надъ Тверью, и теперь ее ожидалъ болѣе широкій путь къ собственному возвышенію и единству Россіи, хотя на немъ впереди было много терній и волчцевъ и камней претькновенія. Тяжкимъ трудомъ и кровавымъ потомъ достигалось осуществленіе великой цѣли, но Москва восходила на новую ступень своего историческаго бытія.

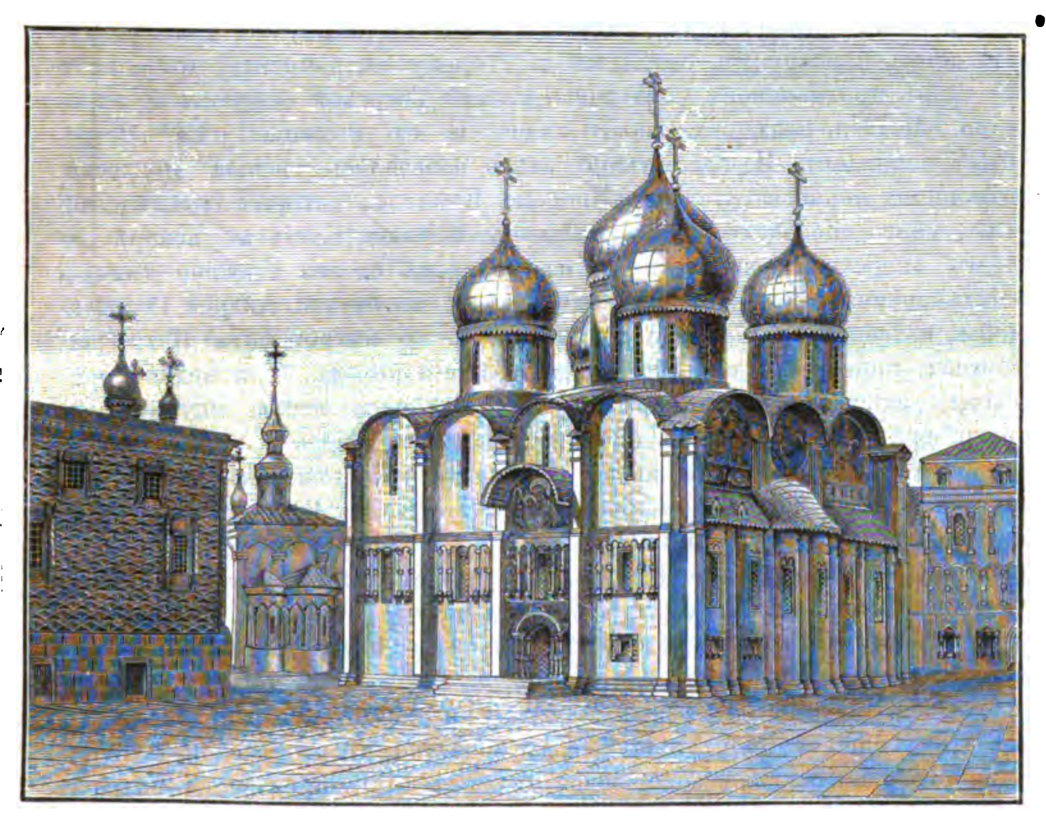
Преемникомъ Юрія на княжескомъ столѣ былъ его братъ Іоаннъ Даниловичъ Калита (1326—1340). Это—наиболѣе типичный изъ Московскихъ князей—собирателей Руси. Печать его сильнаго вліянія видна на послѣдующихъ князьяхъ, изъ коихъ многіе носили тоже имя Іоанна; она видна и на самой Москвѣ и на ея великорусскомъ населеніи.

Русскій типъ этого князя слагается изъ усердной религіозности и настойчивой, послѣдовательной расчетливости, съ отсутствіемъ той „удалости", которая была нерѣдкою чертою въ южно-русскихъ князьяхъ. Набожный и умный хозяинъ,—вотъ въ двухъ словахъ вся характеристика этого великаго князя. Но, проявляя въ своей дѣятельности именно эти двѣ черты своего характера, Іоаннъ Даниловичъ возвелъ Москву на новую, весьма важную ступень историческаго бытія. Если при Юріи Долгорукомъ она была только небольшимъ городкомъ, въ родѣ Переяславля-Залѣсскаго, Можайска и т. п., а при Юріи Даниловичѣ доросла до значенія Твери и Рязани, то при Калитѣ она пріобрѣтаетъ значеніе, которое принадлежало Владиміру, а до него Кіеву, т. е. значеніе всероссійское.

Похоронивъ брата Юрія, новый московскій князь, прежде чѣмъ установить свои отношенія къ хану Золотой орды и добиться великокняжескаго достоинства, отданнаго тамъ Александру Михайловичу Тверскому, 4-го августа 1326 года, заложилъ въ Кремлѣ каменный (вѣроятно, вмѣсто деревяннаго) соборъ Успенія Пресвятой Богородицы, который сдѣлалъ Москву всероссійской столицей въ церковномъ отношеніи. На приводимомъ далѣе рисункѣ изображено построеніе этого первопрестольнаго всея Руси храма, бывшаго каѳедрою Всероссійскаго митрополита раньше, чѣмъ Москва стала государственною столицею всея Руси. Успенскій соборъ построенъ былъ по совѣту св. Петра митрополита.

Чрезвычайно важны отношенія этого первосвятителя къ Москвѣ и ея князю. Житіе св. Петра, составленное его современникомъ и ставленникомъ Прохоромъ, епископомъ Ростовскимъ, и впослѣдствіи распространенное митрополитомъ Кипріаномъ, небогато біографическими данными. Онъ, уроженецъ Волыни, семи лѣтъ былъ отданъ въ книжное ученіе и послѣ одного чудеснаго видѣнія сталъ оказывать необыкновенные успѣхи. 12-ти лѣтъ онъ принимаетъ монашескій постригъ и въ монастырѣ научается иконописному искусству. Митрополитъ Максимъ, перенесшій всероссійскую митрополичью каѳедру изъ раззореннаго Кіева во Владиміръ, при посѣщеніи Волыни, благословилъ тамошняго на Ратѣ игумена Петра и принялъ отъ него икону Богоматери, его собственнаго письма.

Послѣ смерти этого первосвятителя, похороненнаго не въ Кіевѣ, а во Владимірѣ, въ Успенскомъ соборѣ, нѣкій игуменъ Геронтій, вѣроятно, съ согласія великаго князя Михаила Ярославича Тверского, завладѣлъ митрополичьей каѳедрой и утварью и отправился въ Царьградъ для поставленія въ митрополиты. Въ то же время Червонно-русскій или галицкій князь Юрій Львовичъ задумалъ устроить Галицко-волынскую митрополію и отправилъ Ратскаго игумена Петра къ Константинопольскому патріарху. Судьба устроила такъ, что Геронтія противные вѣтры задержали въ морѣ, а плаваніе Петра было скорое. Патріархъ

Успенскій соборъ.

Аѳанасій и императорскій Византійскій дворъ благосклонно приняли Волынскаго игумена, и онъ былъ рукоположенъ не въ Галицкаго митрополита, а Кіевскаго и всея Руси. У прибывшаго затѣмъ Геронтія отобраны были священныя принадлежности первосвятительскаго достоинства и переданы св. Петру, вмѣстѣ съ той иконой, которая была имъ поднесена покойному митрополиту Максиму.

Новопоставленный митрополитъ поселился однако не въ Кіевѣ, гдѣ пробылъ недолго, а во Владимірѣ, вблизи великаго князя и сблизился съ родомъ Московскихъ князей, въ особенности съ Іоанномъ Даниловичемъ. Въ Сѣверной Руси часть духовенства не была довольна

возведеніемъ на митрополичій престолъ Червонно-русскаго кандидата, въ особенности Тверской епископъ Андрей, сынъ Полоцко-литовскаго князя Герденя. Къ патріарху Константинопольскому отправленъ былъ доносъ на св. Петра, настолько важный, что изъ Царьграда былъ присланъ ученый канонистъ для разбора дѣла, вмѣстѣ съ русскимъ духовенствомъ. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ былъ созванъ въ 1311 году соборъ, имѣвшій осудить еще и ересь, враждебную монашеству. На Переяславскомъ соборѣ, кромѣ Тверского и Ростовскаго епископовъ, многихъ игумновъ и священниковъ, присутствовали и нѣкоторые князья съ своими боярами, именно—Тверскіе княжичи, а, главное, тутъ находился Іоаннъ Даниловичъ, сидѣвшій тогда въ Переяславскомъ удѣлѣ. По всѣмъ признакамъ, онъ держалъ сторону митрополита, тогда какъ во главѣ противниковъ послѣдняго стоялъ Тверской епископъ и, вѣроятно, не безъ поддержки своего князя и его княжичей. Св. Петръ былъ оправданъ. И, несомнѣнно, здѣсь завязались тѣсныя дружескія отношенія первосвятителя съ Иваномъ Калитой, которыя впослѣдствіи такъ много способствовали возвышенію Москвы. Когда же вскорѣ затѣмъ Тверской князь послалъ съ войскомъ своего княжича Дмитрія Михайловича отнять Нижній-Новгородъ у потомства Андрея Городецкаго, и тверичи уже дошли до Владиміра, то митрополитъ Петръ наложилъ церковный запретъ на дальнѣйшій походъ. Три недѣли простоялъ здѣсь Тверской княжичъ, пока добился, чтобы митрополитъ разрѣшилъ его, и долженъ былъ вернуться въ Тверь.

Объѣзжая удѣльныя княжества, св. Петръ полюбилъ Москву, ея князей и ихъ политику, направленную къ единству Руси, подолгу оставался у нихъ. Безъ сомнѣнія, онъ не безъ намѣренія придалъ особую торжественность похоронамъ великаго князя Юрія, убитаго именно Тверскимъ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ. Конечно, по указанію же митрополита всея Руси въ этихъ похоронахъ участвовали „и Новгородскій архіепископъ Моисей, и Ростовскій владыка Прохоръ, и Рязанскій владыка Григорій, и Тверской владыка Варсонофій“. Если присоединить къ этому еще игумновъ и прочее духовенство, то этотъ соборъ многъ на погребеніи московскаго князя долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе не только на Тверское княжество, но и на всю Русь.

Но, возвышая такимъ образомъ Москву предъ Тверью, первосвятитель Петръ старался поставить ее выше и Владиміра, заступившаго мѣсто Кіева. Онъ лишилъ Владиміръ значенія церковной столицы всея Руси. Формальнаго или торжественнаго перенесенія Всероссійской митрополичьей каѳедры въ Москву собственно не было; а просто во время своихъ частыхъ объѣздовъ русскихъ областей митрополитъ все рѣже пріѣзжалъ во Владиміръ, все долѣе гостилъ въ Москвѣ. Но это нельзя представлять себѣ несознательною случайностью, и совѣтъ — построить въ Москвѣ подобный Владиміровскому соборъ Успенія Пречистыя,—личною заботой митрополита о томъ, что ему здѣсь лучше всего найти мѣсто своего успокоенія и погребенія своихъ костей. Нѣтъ, глубокая мысль сдѣлать Москву Всероссійской церковной столицей пре-

красно освѣщена митрополитомъ Кипріаномъ въ его житіи первосвятителя Петра. По словамъ этого біографа, Петръ началъ просить Ивана Даниловича, въ то время лишь удѣльнаго князя, еще не имѣвшаго поддержки Узбека и нерѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, воздвигнуть въ Москвѣ такой же соборъ Богоматери, какой былъ во Владимірѣ. Чтобы подвигнуть на это вотчинника малаго древяннаго города, такого князя, который назвалъ себя великимъ княземъ всея Руси только подъ конецъ жизни, притомъ въ одной грамотѣ къ Печерскимъ сокольникамъ,—для этого необходимо было, и для высоко-авторитетнаго старца-святителя, слово сильнаго и вмѣстѣ елейнаго убѣжденія и даже раскрытіе отдаленнаго будущаго. Митрополитъ Кипріанъ такъ передаетъ слова св. Петра, обращенныя къ Московскому князю: „Если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и весь родъ твой и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители (всероссійскіе) будутъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ".

Чрезвычайно характеренъ этотъ тонъ совѣта уже умиравшаго первосвятителя, который называетъ сыномъ того князя, роду котораго возвѣщается никому еще неясное, даже въ сосѣдней Твери, величіе. Положенію костей своихъ въ будущемъ храмѣ первосвятитель придаетъ значеніе только примѣра для ряда своихъ преемниковъ. Іоаннъ Даниловичъ послѣдовалъ знаменательному совѣту іерарха; но силы Московскаго князя были настолько слабы, что онъ при жизни св. Петра успѣлъ лишь вывести у самаго дома своего фундаментъ новаго храма. Святитель же Петръ самъ устраивалъ въ храмѣ нишу съ каменной гробницей для себя. Въ декабрѣ 1326 года почившій святитель былъ погребенъ здѣсь.

Въ день своей кончины онъ служилъ литургію, поучалъ народъ и раздавалъ милостыню. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ послалъ за московскимъ тысячскимъ Протасіемъ, такъ какъ Іоанна Даниловича не было въ Москвѣ, и сказалъ ему: „чадо, я отхожу отъ житія сего; оставляю сыну своему, возлюбленному Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога, ему и сѣмени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею". Степенная книга разсказываетъ, что за нѣсколько времени до кончины св. Петра, Іоаннъ Даниловичъ, проѣзжая берегомъ рѣки Неглинной, мимо Высоцкой слободы, принадлежавшей, по преданію, боярину Кучкѣ, внезапно увидалъ тамъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, который вдругъ растаялъ, а затѣмъ исчезла и гора. Князь разсказалъ объ этомъ видѣніи митрополиту и услыхалъ отъ него объясненіе: „гора высокая это ты, князь, а снѣгъ—я, смиренный. Мнѣ прежде тебя должно отойти изъ сей жизни". Въ память этого на мѣстѣ видѣнія Калита построилъ храмъ Боголюбской Божіей Матери, сдѣлавшійся основнымъ храмомъ Высоко-Петровскаго монастыря. Св. Петръ построилъ въ Кремлѣ свой митрополичій дворъ при церкви Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, которая была его временнымъ каѳедральнымъ храмомъ. При возобновленіи его,

послѣ 1812 года, здѣсь открыты были слѣды стариннаго кладбища и остатки деревяннаго дубоваго зданія, по всей вѣроятности, бывшаго митрополичьимъ подворьемъ.

Памятниками святителя Петра въ Успенскомъ соборѣ являются: его митра, изъ полосатаго атласа съ горностаевой опушкой, посохъ и находящаяся въ иконостасѣ собора и писанная имъ самимъ икона Успенія Богородицы. Она примѣчательна по живости своихъ красокъ и представляетъ образецъ русской иконописи XIV вѣка; кромѣ того, Москва обладаетъ и другими предметами, напоминающими этого первосвятителя всея Руси. Такъ въ патріаршей ризницѣ хранятся: золотая панагія Св. Петра и его саккосъ. Въ оружейной палатѣ находится посохъ, принадлежавшій Іоанну Даниловичу и подаренный ему этимъ святителемъ. Въ этомъ древнехранилищѣ находится также рѣзной на кости образъ св. Петра, окруженный изображеніями и иллюстрирующими его житіе, какъ-то: его рожденіе, постригъ въ иночество и проч. Надъ однимъ изображеніемъ читаемъ надпись: „св. Петръ созда це(рковь), надъ другимъ: „Князь великій Иванъ“. Судя потому, что подъ образомъ есть подпись: св. Петръ—*новый* чудотворецъ, его происхожденіе относится къ тому времени, когда были обрѣтены его мощи, и начато было почитаніе его, какъ причтеннаго къ лику святыхъ. Мощи его были обрѣтены при Іоаннѣ III, при перестройкѣ собора въ 1472 году.

Св. Петръ митрополитъ.

Приводимъ изображеніе св. митрополита Петра, снятое съ драгоцѣннаго покрова, возложеннаго на его мощи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ соборной описи этой пелены сказано, что на немъ образъ святителя вышитъ золотомъ и серебромъ; надъ головою сдѣлано въ видѣ короны изображеніе Пресвятой Троицы; по ризамъ пробѣль низана крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; въ вѣнцѣ двадцать-девять искръ яхонтовыхъ. Оный покровъ опушенъ червчатымъ бархатомъ. На немъ слова канительныя, серебряныя, сла-

вянскою вязью: „Повелѣніемъ благочестиваго и христолюбиваго царя, государя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Руссіи и его благовѣрныя и христолюбивыя государыни царицы и великія княгини Марьи, сдѣланъ сей покровъ въ соборную церковь Успенія Пречистыя Богородицы, великаго чудотворца Петра митрополита на покровеніе чудотворныхъ мощей. Наста днесь всечестный праздникъ пренесенія честныхъ мощей твоихъ, святителю Петре, веселя твое стадо, вѣрнаго царя и люди, о нихъ же не оскудѣвая молися Христу Богу, имъ же отъ него даровати твоей паствѣ сохранитися отъ враговъ ненавѣствованныхъ и спастися душамъ нашимъ". По сторонамъ лика надпись: „святый (по-гречески) Петръ, митрополитъ, Московскій чудотворецъ". Такимъ представляли себѣ ликъ митрополита Петра русскіе художники XVII вѣка.

Въ этомъ іерархѣ мы не можемъ не видѣть одного изъ величайшихъ творцовъ государственнаго могущества и величія нашей Москвы.

Митрополитъ Өеогностъ окончательно утвердилъ каөедру всероссійскихъ первосвятителей въ Москвѣ, и вся Русь стала тянуть къ ней, какъ своему церковному средоточію. Уже это пробуждало Іоанна Даниловича къ сильному храмоздательству, которое впослѣдствіи сорокомъ сороковъ церквей выдѣлило нашъ городъ изъ всѣхъ городовъ Руси.

Древнія преданія, кромѣ Успенскаго собора, освященнаго епископомъ Прохоромъ, 4-го августа 1327 года, опредѣлительно приписываютъ Іоанну Даниловичу построеніе слѣдующихъ каменныхъ храмовъ. На Боровицкомъ холму, на самомъ дворѣ княжескомъ, была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита, вмѣсто деревянной, выстроилъ (1330 г.) „чудную" каменную, украсилъ ее иконами, сосудами, пеленами, снабдилъ книгами и всякими узорочьями и, будучи „мнихолюбивъ", перевелъ сюда иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ стали хоронить, ранѣе Вознесенскаго монастыря, московскихъ княгинь. Въ западномъ притворѣ храма были погребены великія княгини, принявшія иноческій чинъ: Елена, супруга Калиты, 1332 года, Анастасія Литовская, супруга Симеона Гордаго, 1345 года, и Марія (его же), послѣ сынъ Донского Іосифъ. При передѣлкѣ церкви, въ 1473 году, какъ свидѣтельствуетъ Софійскій Временникъ, „было обрѣтено тѣло великой княгини Маріи, въ схимѣ Өеотиніи, повреждено ничѣмъ, толико ризы истлѣли". Въ 1333 году Іоаннъ построилъ въ честь своего и сына своего ангела тоже каменную церковь Іоанна Лѣствичника, что „подъ колоколы", какъ выражается лѣтопись, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Иванъ Великій. На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ-рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела. Здѣсь Іоаннъ Даниловичъ, въ благодарность Богу за спасеніе Москвы, въ 1332 году, отъ голода, извѣстнаго подъ названіемъ *рослой ржи*, воздвигъ на ея мѣстѣ каменный храмъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего по-

томства. Но никакого нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ этихъ, опредѣленно указанныхъ преданіями церквей, Іоаннъ Даниловичъ построилъ и много другихъ. Но какихъ? Для рѣшенія этого весьма важнаго въ исторіи Москвы вопроса, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ. Впрочемъ, есть извѣстіе, что въ 1337 году этотъ князь построилъ церковь Іоанна Предтечи

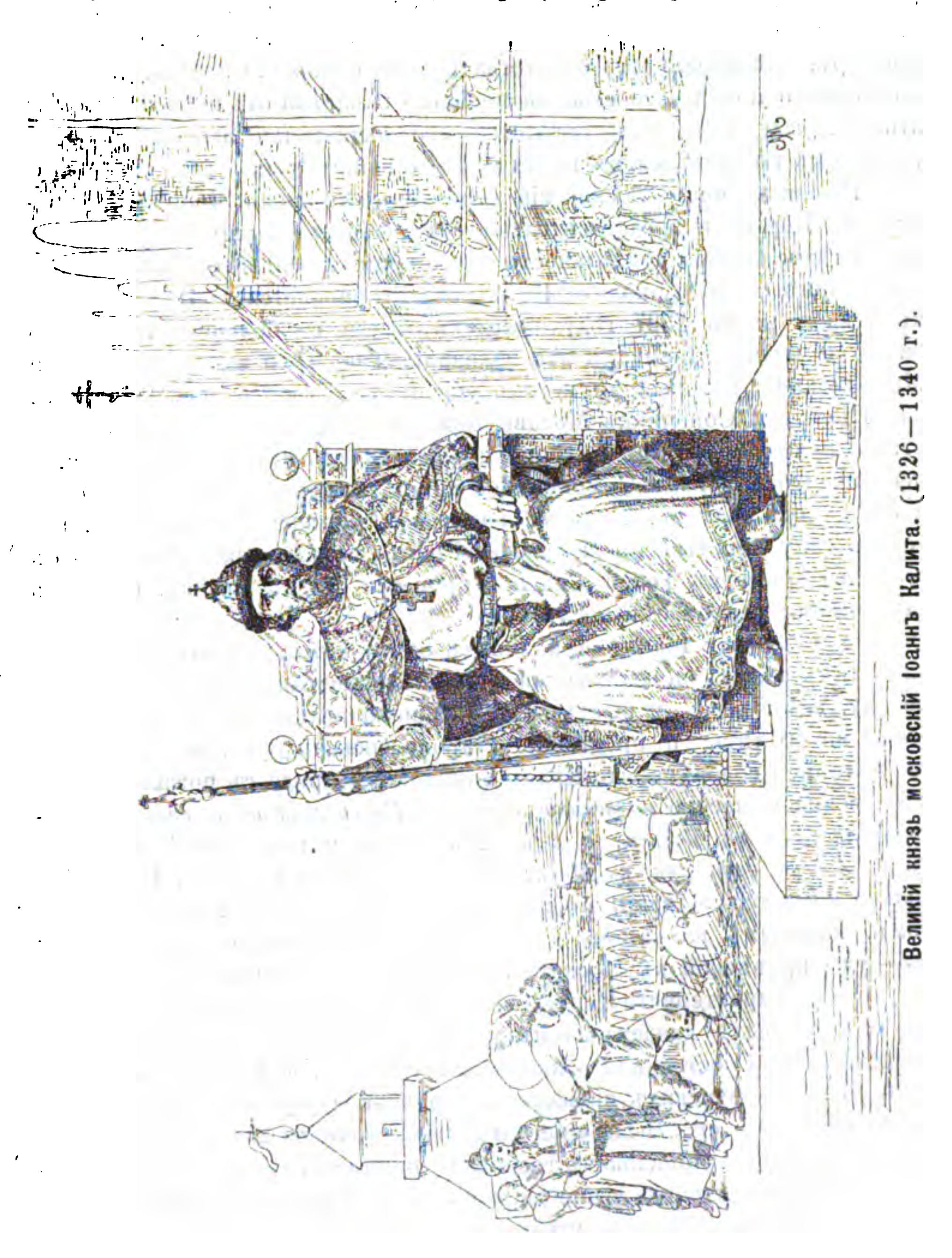

Архангельскій соборъ.

въ мѣстности, которая впослѣдствіи стала называться Малою Лубянкою. И здѣсь будто находился какой-то княжій домъ.

Но что при Іоаннѣ Калитѣ въ Москвѣ было уже много церквей, и именно построенныхъ этимъ княземъ, — это видно изъ извѣстій о пожарахъ въ нашемъ стольномъ городѣ. Чрезъ три года послѣ смерти Калиты, подъ 1343 годомъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ: „мая 31, погорѣ городъ

Москва, церквей изгорѣло 28; въ пятнадцать лѣтъ (1328—1343), се на Москвѣ уже четвертый пожаръ бысть великой. Въ 1337 году бысть пожаръ на Москвѣ (Москва вся погорѣ), згорѣ церквей 18".

Великій князь московскій Іоаннъ Калита. (1326—1340 г.).

Значитъ, только въ теченіе шести лѣтъ, съ 1337 года по 1343, было выстроено множество церквей. Не только эти 18 сгорѣвшихъ храмовъ были или выстроены вновь, или только возстановлены, но было построено еще совсѣмъ уже новыхъ 10, кои въ числѣ 28 сгорѣли въ

1343 году. Нѣтъ сомнѣнія, что Симеонъ Гордый въ три года, прошедшіе со смерти Калиты, могъ построить только нѣсколько храмовъ.

Вообще историки мало обращаютъ вниманія на храмоздательство Іоанна Даниловича и на его усердіе къ церкви и ея владыкамъ, хотя эта черта его характера и дѣятельности не менѣе важна, чѣмъ, напримѣръ, накопленіе имъ богатства и даже собираніе земель. Успѣшность этого послѣдняго едва ли не болѣе зависѣла отъ церковной силы этого князя, чѣмъ отъ богатства его калиты и благоволенія орды, коими онъ пользовался въ цѣляхъ объединенія Руси.

Раскрывъ чисто московскій характеръ отношеній Іоанна Даниловича къ Церкви и представителямъ Всероссійской іерархіи, обратимся къ государственной дѣятельности этого примѣчательнаго князя. Только по кончинѣ св. митрополита Петра, онъ отправляется въ Золотую орду къ Узбеку и въ 1327 году выходитъ оттуда съ большою татарскою ратью и пятью темниками для наказанія Тверского князя Александра Михайловича, который допустилъ убіеніе въ Твери баскака Чолхана, или Щелкана. Соперникъ Москвы бѣжалъ въ Псковъ; но тамъ его настигло духовное оружіе: митрополитъ Ѳеогностъ отлучилъ и князя, и псковичей отъ Церкви. Смирившійся врагъ долженъ былъ идти въ орду и былъ тамъ казненъ. Тверское княжество, раззоренное татарами, потеряло силу бороться съ Москвою. Калита велѣлъ снять колоколъ съ главнаго храма въ Твери Спаса и привезти его въ Москву, въ знакъ зависимости первой отъ послѣдней.

Въ 1328 году Іоаннъ Даниловичъ опять поѣхалъ въ орду и получилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе. Никоновская лѣтопись, по этому поводу, замѣчаетъ: „и бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на 40 лѣтъ; и престаша татарове воевати русскую землю". Та же лѣтопись говоритъ, что Иванъ Даниловичъ приде съ пожалованіемъ и съ великою честію *на великое княженіе Володимерское и сѣде на великомъ княженіи на Москвѣ; а столъ Володимеръ* и иныя многія княженія царь *Азбекъ даде ему къ Москвѣ.* Такъ, съ этого времени, Владиміръ только номинально, лишь по имени, считается великокняжескимъ столомъ, каковымъ на самомъ дѣлѣ съ этого времени является Москва: это—уже приписной къ Москвѣ, заштатный великокняжескій столъ.

Очень характеристическую черту Іоанна Даниловича составляетъ то, что онъ былъ княземъ-капиталистомъ, Калитою, т. е. кошелемъ съ деньгами. Собственная финансовая сметка и собираніе татарской дани со всѣхъ русскихъ княжествъ, порученное ему Узбекомъ, чрезвычайно обогатило его. Были у него и другіе источники доходовъ: такъ отъ Новгорода Іоаннъ Даниловичъ требовалъ за-камскаго, т. е. сибирскаго серебра. На приведенномъ выше рисункѣ В. П. Верещагина князь изображенъ съ кошелькомъ у пояса, что соотвѣтствуетъ словамъ въ духовномъ завѣщаніи Димитрія Донского, гдѣ упоминается „поясъ золотъ съ калитою".

Пользуясь своимъ богатствомъ, Іоаннъ Даниловичъ увеличивалъ свои владѣнія, при помощи купли земель. Такъ распространилъ онъ Московское княжество на юго-западѣ, отъ Коломны вверхъ по Окѣ, и

пріобрѣлъ тамъ города Серпуховъ и Каширу, а на сѣверо-востокѣ наши границы охватывали уже часть Поволжья, заключая въ себѣ Угличъ и Кострому. Кромѣ того, Калита пріобрѣлъ Звенигородъ, Галичъ Мерскій и Бѣлозерскъ. Для подчиненія другихъ княжествъ онъ пользовался родственными связями. Выдавъ дочь свою за Ростовскаго князя, онъ при помощи своихъ бояръ хозяйничалъ въ его удѣлѣ какъ въ своемъ.

Своимъ политическимъ вѣсомъ, богатствомъ и спокойствіемъ въ Москвѣ Калита привлекалъ въ свое княжество бояръ, переселявшихся сюда не только изъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, но и изъ иныхъ земель. Такъ изъ Приднѣпровья пришелъ къ нему на службу бояринъ Родіонъ Нестеровичъ съ княжатами, боярскими дѣтьми и дворомъ, въ числѣ 1,800 человѣкъ. Съ запада, изъ-за нашего рубежа, пріѣхалъ въ Москву бояринъ Андрей Кобыла. Съ востока, изъ орды, пришелъ мурза Четъ, родоначальникъ Годуновыхъ. Изъ родословныхъ книгъ нашихъ боярскихъ родовъ видно, что многіе изъ предковъ ихъ переселились въ Москву, именно въ это княженіе. Бояре же, сомкнувшись вокругъ Московскихъ князей, дали имъ большую силу во всей Руси.

Важно было княженіе Калиты для усиленіе Москвы, какъ крѣпости. Зимою 1339 года Іоаннъ Даниловичъ обноситъ Кремникъ, или Кремль, дубовыми стѣнами, кои были окончены въ слѣдующемъ году Великимъ постомъ. Находимыя въ Кремлѣ, при разныхъ постройкахъ, толстыя дубовыя бревна, какъ думаютъ, составляютъ остатки крѣпостного палисада.

Каковъ при Іоаннѣ Даниловичѣ и вообще при первыхъ московскихъ князьяхъ былъ великокняжескій дворецъ, и даже гдѣ и былъ-то онъ, объ этомъ до насъ не дошло лѣтописныхъ извѣстій. Мы, по необходимости, должны довольствоваться по этому предмету предположеніями. Вотчинническій, господарскій типъ московскихъ князей, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, обозначался даже въ самомъ устройствѣ ихъ стольнаго города Москвы. Въ сущности, это была помѣщичья усадьба, обширный вотчинный дворъ, стоявшій среди деревень и слободъ, которыя почти всѣ имѣли какое-либо служебное назначеніе въ хозяйствѣ вотчинника, въ потребностяхъ его дома и домашняго обихода. Нѣкоторые иностранцы, уже въ позднѣйшія столѣтія бывшіе въ Москвѣ, вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царскій дворецъ, говоря, что онъ обнесенъ каменной стѣной. Дѣйствительно, первой основой Кремля, а стало-быть всей Москвы, былъ *княжій дворъ,* или въ самое древнее время, княжій станъ, съ необходимыми хоромами и клѣтями на случай проѣзда. Онъ-то и былъ обстроенъ, кромѣ посада, рядомъ хозяйственныхъ селъ и слободъ, которыя тянули къ нему и составляли его службы. Остожье, или село Сѣнчинское, съ обширными лугами подъ Дѣвичьимъ, пасло табуны княжьихъ лошадей и заготовляло стоги сѣна на зиму. Слобода Конюшенная обнаруживаетъ свое назначеніе самымъ названіемъ, какъ и конюшенный дворъ. Поварская, съ Столовымъ, Хлѣбнымъ и Скатертнымъ переулками, населена была пристѣнниками государева стола. Кадаши (ткачи) и Хамовники готовили такъ называемую бѣ-

лую казну полотенъ и другого бѣлья. Садовники и Огородники готовили соотвѣтствующія произведенія для княжьяго обихода. Кречетники составляли особую охотничью слободу... Всѣ такія служебныя поселенія начали возникать въ самыя старыя времена Москвы и тянули, какъ къ своему центру, къ двору князя-вотчинника. Первоначально этотъ дворъ былъ построенъ на крутомъ углу Боровицкаго холма, на который, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, трудно было въѣзжать и входить, по значительности его подъема. Если церковь Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, была первою въ древнемъ городкѣ Москвы, то и первый княжій дворъ долженъ былъ находиться возлѣ этой церкви. Въ XIII столѣтіи княжескій дворецъ отодвинулся дальше отъ Боровицкихъ воротъ къ востоку и устроился на мѣстѣ нынѣшняго Большого Кремлевскаго дворца, предъ церковью Благовѣщенья на Княжьихъ Сѣняхъ. По легендамъ, постройка этой церкви относится къ 1291 году. По аналогіи съ кіевской Русью, княжій дворецъ и въ Москвѣ состоялъ изъ златоверхаго терема, который составлялъ верхній ярусъ хоромъ, какъ назывались остальные ярусы и вся совокупность строеній. Первообразомъ жилыхъ русскихъ строеній была клѣть, сложенная изъ бревенъ на четыре угла. Теплая, или зимняя, называлась истьбою или истопкой. Отъ другихъ боярскихъ жилищъ княжій дворъ отличался обширной клѣтью, носившей названіе гридницы, гдѣ собирались гридни, или младшая дружина. Другія клѣти назывались столовыми избами, повалушами (спальни), божницами (домовая церковь). Общая характерная черта въ устройствѣ княжьяго двора заключалась въ томъ, что хоромины, избы, клѣти ставились хотя и по двѣ, по три въ одной связи, но всегда въ отдѣльности, даже отдѣльными особняками, соединяемыми сѣнями или переходами. Зданія двора Московскаго князя первоначально были деревянныя...

До насъ дошли двѣ грамоты Іоанна Калиты это—завѣщанія его или душевныя грамоты. Обѣ онѣ являются важными юридическими документами Москвы XIV столѣтія. Въ нихъ великій князь, „идя въ орду, никимъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи, даетъ рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей“. Слѣдуя принципу единодержавія, Іоаннъ Даниловичъ даетъ преимущество и въ своей вотчинѣ, и во власти надъ остающейся, послѣ него, семьею сыну своему большему: „приказываю тебѣ,—говоритъ грамота,—сыну своему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми; по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ“.

Распредѣляя недвижимость и движимость князя, грамота даетъ много интереснаго для исторіи древнѣйшихъ московскихъ поселеній, быта и одежды той эпохи. Здѣсь мы встрѣчаемъ много селъ, кои существуютъ до сихъ поръ, и немало такихъ, кои исчезли съ лица земли. Изъ числа первыхъ упомянемъ: Напрудьское у города, Коломенское, Раменье, Гуслицу, Астафьево. Изъ числа вторыхъ: Труфановское (или Трифоновское), Черноголовль на Ворѣ, Маковецъ, Радонежъ.

Дѣля свои вещи между сыновьями и дочерьми (княжнами Фетиньей и Марьей) и супругой княгиней Оленой, великій князь подробно исчис-

ляетъ свой скарбъ, по части посуды, украшеній и носильной одежды (портище). Здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлую роспись разныхъ вещей: „и чаши золоты съ жемчугомъ, и „изъ судовъ“ блюда и блюдца, и золотыя съ каменьями, и серебряныя безъ украшеній, и ковши, и чары, и чепи, и пояса съ жемчугомъ и каменьями, и сердоличные, и на червчатомъ шелку, и царевскіе, и фряжскіе, и шапки золотыя, и бармы, и ожерелья, и обручи (кольца), и гривны, мониста, и коробочки золоты, и кожухи червленый жемчужный; и кожухъ желтой объяри, и бугай соболій съ наплечники и съ великимъ жемчугомъ и съ каменьемъ, скорлатное портище съ бармами“, и т. д. Все это очень интересно въ бытовомъ отношеніи. Въ обоихъ духовныхъ завѣщаніяхъ дѣлаются вклады въ церкви: „блюдо великое о 4 кольца Іоаннъ Даниловичъ приказываетъ отдать святой Богородицѣ Владимірской. Три сельца отдать на поминъ души въ монастыри. Серебряныя пояса раздать по попьямъ“.

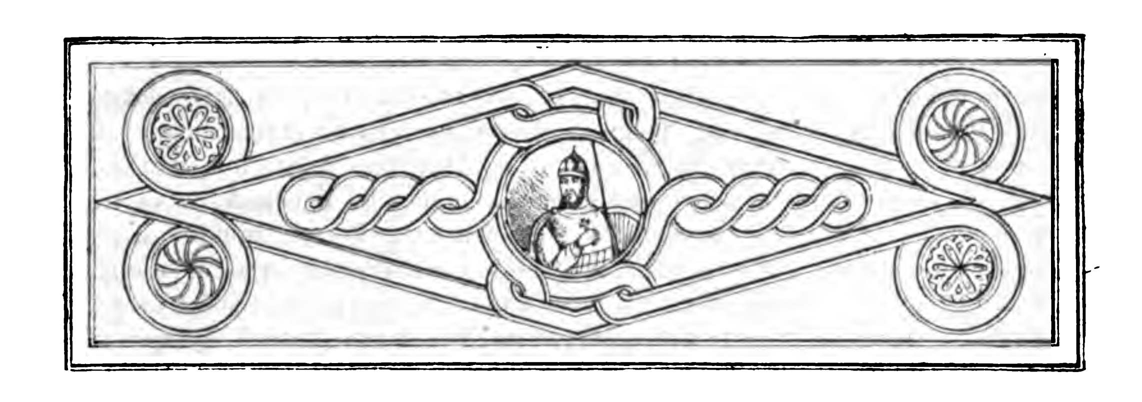
Та и другая душевная грамота относятся къ 1328 году. Первая изъ нихъ писана дьякомъ Костромой. „А послуси (свидѣтели) были,—говорится въ концѣ духовнаго завѣщанія, — отецъ мой душевный Ефремъ, отецъ мой душевный Ѳедосей, отецъ мой душевный попъ Давыдъ“.

У этихъ двухъ грамотъ сохранились двѣ хорошей работы серебряныя вислыя печати. Въ древнія времена, особенно въ Россіи, печать имѣла болѣе важное, чѣмъ теперь, значеніе. До временъ Петра I считалось несовмѣстнымъ съ достоинствомъ государя подписывать своею рукою грамоты. Даже тѣ государи, кои были выучены писать, какъ напримѣръ Алексѣй Михайловичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, — не ставили подписей подъ грамотами. Въ виду этого, подвѣшиваніе золотой, серебряной, свинцовой или даже восковой печати было актомъ утвержденія и вмѣстѣ удостовѣренія подлинности того или другого документа.

Обѣ печати Іоанна Калиты, осмигранной формы, имѣютъ на одной сторонѣ: изображеніе Христа Спасителя, одной рукой благословляющаго, а другой—держащаго евангеліе; на оборотной сторонѣ изображенъ патронъ великаго князя—Іоаннъ Предтеча, дающій правою рукой благословеніе, а въ лѣвой—держащій скрижаль или таблицу. Надпись: „печать великаго князя Ивана“. Снизу второй его печати привѣшена свинцовая печать, повидимому, татарская. Воспроизводимъ именно эту печать Калиты.

Іоаннъ Калита скончался 31 марта 1340 года, принявъ передъ смертью схиму, и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, близъ южныхъ дверей у западной стѣны.

III.

Москва, при сыновьяхъ Калиты: Симеонѣ Гордомъ и Іоаннѣ II. Димитрій Донской.

Сынъ и преемникъ Іоанна Калиты Симеонъ, прозванный Гордымъ (1340 - 1353), соединилъ разсудительность и практическую ловкость своего отца съ властительнымъ характеромъ. Получивъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское, торжественно вѣнчался на него во Владимірѣ и принялъ „подъ руцѣ свои" всѣхъ остальныхъ русскихъ князей и заставилъ младшихъ братьевъ „цѣловать у отняго гроба крестъ" на томъ, что они всѣ будутъ заодно и станутъ чтить его во отца мѣсто, имѣя общихъ враговъ и друзей. Когда новгородцы послали въ Москву Кузьму Твердиславича сказать: „еще, господине, на столѣ въ Новгородѣ не сѣлъ еси у насъ, а уже сильно дѣютъ твои бояре", Симеонъ въ наказаніе за то, что новгородцы захватили въ Торжкѣ московскихъ бояръ, пошелъ походомъ на Новгородъ, присоединивъ къ себѣ другихъ удѣльныхъ князей и даже всероссійскаго митрополита Ѳеогноста. Посадники и тысяцкіе, по требованію московскаго князя, явились къ нему и, босые, на колѣняхъ, просили у него милости; онъ взялъ съ Новгорода черный боръ и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ.

Онъ умѣлъ дать почувствовать свою силу и энергію даже русско-литовскимъ князьямъ, которые спрашивали у него разрѣшеніе на женитьбу на сѣверно-русскихъ княжнахъ. Походомъ своимъ подъ Смоленскъ онъ заставилъ Литву „со многими дары просить мира". „Князи же всѣ Рязанскіе, Тверскіе, Ростовскіе толики подручны себѣ имѣ, яко вся по его глаголу творяху". Совершенно естественно, что великій князь такого характера окончательно принялъ титулъ великаго князя *всея Руси* и постоянно величался имъ.

Въ его правленіе выступаютъ на историческое поприще два великихъ лица: преподобный Сергій и митрополитъ Алексій; первый при немъ основываетъ свой Троицкій монастырь, второй готовится въ Богоявлен-

Великій князь Симеонъ Гордый.

скомъ монастырѣ вступить на каѳедру всероссійскихъ митрополитовъ.

Симеонъ Іоанновичъ, слѣдуя примѣру своего отца, обнаруживалъ большое усердіе къ постройкѣ и иконописному украшенію храмовъ. Въ 1344 году, на другое лѣто послѣ пожара, когда въ Москвѣ сгорѣло

28 церквей, помимо ихъ возстановленія, „початы быша подписывати двѣ церкви: Успеніе Пречистыя и Архангелъ Михаилъ". Первую расписывали греки, иконописцы митрополита Θеогноста, и окончили свое дѣло въ одно лѣто; а вторую „подписывали рустіи писцы и ни половины не кончили, величества ради церкви тоя"; имена этихъ живописцевъ: Захарія, Діонисій, Іосифъ и Николай. На другое лѣто, въ 1345 году, по духовному завѣщанію супруги великаго князя Анастасіи, „почаша подписывати Спаса въ монастырѣ (на Бору)", а мастеромъ былъ староста Гойтанъ (поясъ, шнуръ), также русскій, но ученикъ грековъ; товарищами его были: Симеонъ и Иванъ. На третье лѣто кончили подписывать три церкви—Спаса, Архангела и Іоанна Лѣстничника. И тогда же, въ первый разъ въ Москвѣ, отлиты были три колокола большихъ, да два малыхъ, а лилъ мастеръ Бориско, который „слилъ колоколъ великъ для Новгородской св. Софіи". Такимъ образомъ Симеонъ Гордый оставилъ въ молодой Москвѣ память водвореніемъ здѣсь иконописнаго и литейнаго дѣла. Въ 1342 году въ Москвѣ былъ громадный пожаръ, истребившій почти весь городъ. При его возстановленіи Симеонъ заложилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ каменный храмъ, достроенный, по завѣщанію князя, бояриномъ Протасіемъ.

Симеонъ Іоанновичъ былъ три раза женатъ. Первая его супруга Айгуста Гедиминовна, литовская княжна, въ крещеніи Анастасія, рано скончалась; передъ смертью она постриглась въ черницы и была погребена у Спаса на Бору. Въ томъ же 1345 году Симеонъ женился на Евпраксіи, дочери одного изъ Смоленскихъ князей, но въ слѣдующемъ году отослалъ ее къ отцу и приказалъ выдать ее замужъ. На ней женился князь Θоминскій. Причина этого развода заключалась въ томъ, будто „великую княгиню на свадьбѣ испортили; ляжетъ она съ великимъ княземъ, и она покажется ему мертвецъ..." Въ третій разъ великій князь женился на Тверской княжнѣ Маріи Александровнѣ.

Въ 1352 году Россію посѣтила страшная гостья—„черная смерть", занесенная въ Европу изъ Индіи. Она обошла всю Россію и появилась въ Москвѣ. Для характеристики ея опустошительности лѣтопись указываетъ на то, что въ Бѣлозерскѣ и Глуховѣ во время чумы не осталось ни единаго человѣка,—всѣ до одного перемерли. Чрезвычайно заразительная болѣзнь обнаруживалась кровохарканьемъ; кожа умирающихъ сплошь покрывалась темными пятнами; на третій день слѣдовала смерть. По словамъ лѣтописи, священники не успѣвали отпѣвать покойниковъ. Каждое утро они находили по 20-30 мертвецовъ въ своихъ храмахъ и затѣмъ опускали по 5—10 труповъ въ одну могилу. Вслѣдствіе прилипчивости язвы, многіе стали убѣгать отъ умирающихъ, даже самыхъ близкихъ людей; но было довольно и такихъ, которые показывали самоотверженіе и страхъ Божій и до конца служили умиравшимъ. Церкви и монастыри въ это время, по духовнымъ завѣщаніямъ, на поминъ души умиравшихъ, обогатились всякими вкладами и земельными имуществами. Въ мартѣ 1353 года скончался митрополитъ Св. Θеогностъ и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ (въ придѣлѣ веригъ

апостола Петра), „объ едину стѣну съ митрополитомъ Петромъ чудотворцемъ“. Едва минули „святительскія сорочины“, какъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (36-ти) скончался и великій князь, успѣвъ передъ смертью постричься и принять схиму подъ именемъ Созонта.

Въ это княженіе впервые появляется въ Москвѣ тряпичная бумага, начинающая замѣнять пергаментъ. На этомъ новомъ матеріалѣ написанъ договоръ Симеона съ братьями и его духовное завѣщаніе. Приводимъ отрывокъ изъ этой грамоты. Достойна глубокаго вниманія заповѣдь умиравшаго: „слушать владыки Алексѣя и старыхъ бояръ, дабы не престала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла“.

а по оца нашего блгснью что намъ
приказалъ жити заодинъ. такоже
и язъ вамъ приказываю своеи бра
тьи жити заодинъ, а лихихъ бы
есте людии не слушали. слушали бы
оца нашего владыки олексѣя. такоже
старыхъ бояръ хто хотѣлъ оцю нашему
добра и намъ, а пишу вамъ се слово то
го дѣля, чтобы не перестала памят
родителии нашихъ и наша и свѣча бы не
угасла, а хто сю грамоту иметъ руши
ти, судит тому Бъ въ семъ вѣцѣ и в будущ
щемъ.

Завѣщаніе великаго князя Симеона Гордаго.

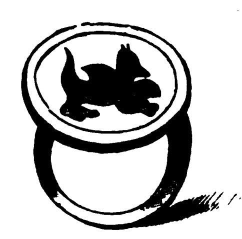
Къ этой грамотѣ привѣшена серебряная позолоченная печать; она на одной сторонѣ имѣетъ изображеніе св. Симеона съ соотвѣтствующею надписью; на другой сторонѣ — слова: „печать князя великаго Семенова всея Руси“.

По смерти великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго, на Московскій престолъ вступаетъ его братъ Іоаннъ II, по выраженію лѣтописи, „христолюбивый, кроткій, тихій и милостивый“. Слабый здоровьемъ, онъ не походилъ характеромъ ни на отца своего Калиту, ни на брата своего. Если въ Москвѣ „не погасла свѣча, и не престала память его родителей“, о чемъ заботился въ своемъ духовномъ завѣщаніи Симеонъ Гордый, то это зависѣло отъ того, что вокругъ Московскаго князя и

его стола дружно и дѣятельно сплотились митрополитъ Алексій и старые бояре московскіе.

Особенно важна была церковно-государственная поддержка князю со стороны владыки св. Алексія. Крестный сынъ Іоанна Даниловича, постриженникъ старшаго брата преподобнаго Сергія, настоятеля Московскаго Богоявленскаго монастыря, Стефана, св. Алексій за свой умъ и книжность поставленъ былъ митрополичьимъ намѣстникомъ и епископомъ Владимірскимъ, и митрополитъ Ѳеогностъ при жизни своей избралъ его своимъ преемникомъ на митрополичьей каѳедрѣ. Получивъ въ Цареградѣ отъ патріарха поставленіе въ митрополиты, св. Алексій, какъ проницательный и усердный русскій патріотъ, болѣе своего предшественника, грека, способствовалъ укрѣпленію могущества Москвы и сдѣлался первосовѣтникомъ и руководителемъ мягкаго характеромъ Ивана Ивановича въ дѣлахъ политическихъ. Исцѣливъ въ ордѣ жену хана Чанибека отъ слѣпоты, первосвятитель получилъ въ даръ татарскій конюшенный дворъ въ Кремлѣ, гдѣ онъ послѣ построилъ Чудовъ монастырь, привезъ изъ орды золотой перстень Тайдулы (онъ имѣлъ значеніе печати, на коей былъ изображенъ драконъ), хранящійся и теперь въ патріаршей ризницѣ, и грамоту, освобождавшую все русское духовенство отъ податей.

Перстень Тайдулы.

По возвращеніи своемъ изъ орды, первосвятитель съ восторгомъ былъ встрѣченъ великимъ княземъ и народомъ. Осьмилѣтній князь Дмитрій, будущій куликовскій герой, со слезами благодарности привѣтствовалъ митрополита слѣдующими словами: „о, владыко, что ти воздамъ противу труду твоему, имже намъ мирное житіе даровалъ?“ И дѣйствительно, митрополитъ Алексій сдѣлался могущественнымъ защитникомъ Москвы предъ ордою.

Чудовъ монастырь.

О построеніи Чудова монастыря извѣстно слѣдующее. За нѣсколько лѣтъ до своей кончины, именно въ 1365 году, святитель Алексѣй, на мѣстѣ подареннаго ему ханскаго двора, воздвигъ монастырь съ храмомъ въ честь чуда архангела Михаила съ придѣломъ Благовѣщенскимъ. Здѣсь онъ приготовилъ себѣ гробъ и вручилъ монастырь попеченію великаго князя. Сюда онъ призывалъ преподобнаго Сергія; здѣсь возложилъ на него золотой крестъ съ парамандомъ и уговаривалъ его стать его преемникомъ на всероссійской первосвятительской каѳедрѣ.

Святитель обстраивалъ Москву новыми монастырями, хотя ихъ постройка относится къ предшествующему времени. Кромѣ Чудова мона-

стыря, онъ построилъ Андрониковскій монастырь, на берегу Яузы, по обѣту, данному имъ на Черномъ морѣ во время бури. Мѣстность эта носила наименованіе Болвановской. По ней пріѣзжали съ болваномъ ханскимъ, или басмой, ордынскіе послы. Она также вела во Владиміръ и Суздаль.

Этотъ обѣтный монастырь былъ построенъ въ 1360 году. Святитель передъ этимъ ходилъ къ преподобному Сергію посовѣтоваться относительно исполненія обѣта. Тотъ далъ ему для построенія монастыря своего ученика Андроника. Мѣсто было избрано въ 7-ми верстахъ отъ Кремля, на высокомъ берегу Яузы. Преподобный Сергій, вмѣстѣ съ святителемъ Алексіемъ, благословилъ мѣсто закладки. Въ слѣдующемъ 1361 году былъ готовъ каменный храмъ, сохранившійся доселѣ, какъ памятникъ того времени. Сюда первосвятитель поставилъ привезенный изъ Царьграда нерукотворенный образъ Спасителя. Преподобный Сергій, князья и святители Москвы посѣщали этотъ монастырь. Подъ руководствомъ преподобнаго Андроника воспитались—его преемникъ по игуменству преподобный Савва и знаменитые художники-иконописцы Андрей Рублевъ и Даніилъ, основатели московской иконописной школы. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи двухъ первыхъ его игуменовъ. Монастырь былъ обнесенъ стѣнами и также, какъ и другіе предмосковные монастыри, сталъ служить фортомъ для московской крѣпости.

Третій монастырь основанъ былъ митрополитомъ, по просьбѣ сестеръ его Евпраксіи и Юліи,—Алексѣевскій, на Стоженкѣ, гдѣ теперь Зачатіевскій монастырь. При Василіѣ III онъ былъ перенесенъ на Чертолье (отъ Черторый—ручей, роющій овраги); а когда его мѣсто было отведено въ нынѣшнемъ столѣтіи подъ храмъ Христа Спасителя, онъ былъ перенесенъ за Красный прудъ, гдѣ и теперь находится. Монастырь этотъ основанъ былъ въ честь ангела митрополита Алексія. Сверхъ этого, святитель оставилъ память о себѣ и тѣмъ, что пріобрѣлъ Черкизово сельцо, которое, по его собственному выраженію, „было куплено на его серебрецо". Онъ скончался въ княженіе Димитрія Іоанновича Донского и погребенъ въ основанномъ имъ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ въ серебряной ракѣ почиваютъ его святыя мощи.

Москва въ этомъ монастырѣ хранитъ до сего времени драгоцѣннѣйшій манускриптъ этого великаго первосвятителя: переведенный имъ съ греческаго языка и переписанный его собственной рукою Новый Завѣтъ. Кромѣ этого, отъ святителя дошло до насъ его духовное завѣщаніе. Воспроизводимъ съ изданнаго покойнымъ митрополитомъ Леонтіемъ Новаго Завѣта четыре отрывка. Въ первомъ изъ нихъ говорится о входѣ Спасителя въ Іерусалимъ, во второмъ—о тайной вечери, въ третьемъ—о распятіи на крестѣ и смерти Іисуса Христа, въ четвертомъ—о погребеніи Его Іосифомъ Аримаѳейскимъ. Новый Завѣтъ святителя Алексія, кромѣ важности его въ многоразличныхъ отношеніяхъ, есть свидѣтельство того, что въ Москвѣ въ XIV вѣкѣ, не смотря на татарское иго, уже зачиналось основанное на изученіи греческаго языка образованіе, и что самое искусство письма, по сравненію съ

прежнимъ письмомъ московскихъ великокняжескихъ дьяковъ, сдѣлало уже значительный шагъ впередъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы воспроизводимъ печать св Алексія митрополита, привѣшенную къ одной изъ великокняжескихъ грамотъ, кои писались, „по благословенію владыки Олексѣя“ и даже „предъ лицемъ его“.

При Іоаннѣ Іоанновичѣ мы видимъ въ исторіи Москвы первую внутреннюю смуту, которая, можетъ-быть, ра-

зыгралась оттого, что этотъ великій князь былъ слишкомъ мягкосердеченъ. Осѣдавшее въ Москвѣ на полную осѣдлость боярство пріобрѣло тогда въ думѣ великаго князя очень большое значеніе. Особенную силу имѣлъ Московскій тысяцкій, завѣдывавшій и ратными, и земскими дѣлами. При Симеонѣ Гордомъ, Московскимъ тысяцкимъ былъ знатный бояринъ Василій Протасьевичъ Вельяминовъ, происходившій отъ варяжскаго выходца Шимона, сынъ котораго Георгій былъ тысяцкимъ въ Ростовѣ при Владимірѣ Мономахѣ, отцѣ основателя Москвы. Другой тоже знатный бояринъ Алексѣй Петровичъ, по прозванію Хвостъ, вѣроятно, потомокъ того, который упоминается еще въ начальной лѣтописи, завелъ какую-то крамолу противъ великаго князя Симеона. Очень возможно, что онъ завидовалъ Вельяминову, притязуя на санъ тысяцкаго. Великій князь отобралъ у него недвижимое имущество и изгналъ его изъ Москвы и, въ договорной съ братьями грамотѣ, обязалъ ихъ не принимать къ себѣ на службу этого крамольнаго боярина. Но Иванъ II, вѣроятно, по мягкосердечію, послѣ смерти брата не только воротилъ Алексѣя Петровича, но и сдѣлалъ его Московскимъ тысяцкимъ. Это обстоятельство, соединенное съ гордымъ характеромъ его, привело къ катастрофѣ. Очевидно, оно не могло не волновать большихъ бояръ и въ особенности сильнаго рода Вельяминовыхъ. 3-го февраля 1356 года, когда звонили къ заутренѣ, на городской площади подняли тѣло убитаго боярина Алексѣя Петровича. Подозрѣніе въ этомъ пало на враждебныхъ ему бояръ. Но убитый тысяцкій, какъ замѣтно, имѣлъ много сторонниковъ даже между обывателями Москвы, такъ какъ возникли въ народѣ волненія и мятежъ. Вслѣдствіе этого два большихъ боярина, Михаилъ Александровичъ и зять его Василій Вельяминовичъ, сынъ упомянутаго Василія Протасьевича, съ женами и дѣтьми, воспользовавшись послѣднимъ зимнимъ путемъ, отъѣхали въ Рязань.

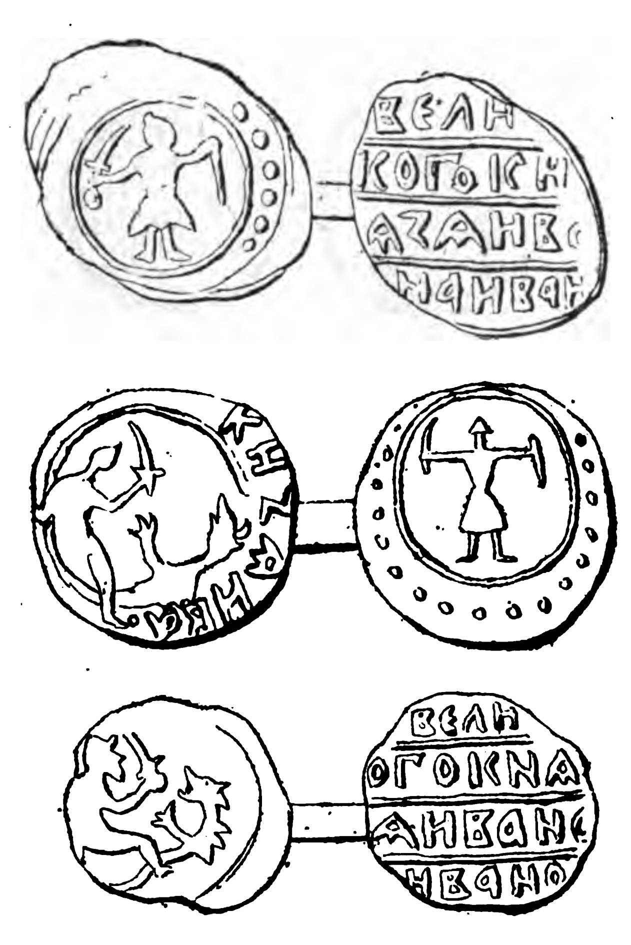
Печать митрополита Алексѣя.

Однако отъѣздъ этихъ бояръ, имѣвшихъ за себя значительную партію, повидимому, былъ непріятенъ великому князю: въ слѣдующемъ году онъ позвалъ ихъ назадъ на службу къ себѣ; а потомъ семьѣ Вельяминовыхъ удалось опять завладѣть саномъ тысяцкаго въ Москвѣ, въ лицѣ того же Василія Васильевича.

Если при Симеонѣ Гордомъ въ Москвѣ заведено было живописное и литейное дѣло, то при Іоаннѣ II у насъ заведена чеканка монеты. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще не найдено ни одной монеты ни его старшаго брата Симеона Гордаго, ни его отца Іоанна Калиты, а имѣются лишь монеты Іоанна II.

Монеты этого великаго князя, до насъ дошедшія, имѣютъ шесть

различныхъ чекановъ. Его серебряныя деньги, кромѣ русской подписи: „Княз великаго Ив—на Иван.", на оборотѣ, въ знакъ нашей зависимости отъ орды, имѣютъ татарскую легенду, состоящую изъ подражанія монетѣ хана Бердибека или Кульпа хана.

Но для насъ, въ геральдическомъ отношеніи, особенно интересны пулы, или мѣдныя монеты, Іоанна II. Какъ видно изъ приводимыхъ рисунковъ, на двухъ изъ нихъ изображенъ витязь, поражающій мечемъ дракона. На второй монетѣ чудовище кидается на князя.

При Димитріи Донскомъ этотъ витязь будетъ изображаться на конѣ съ копьемъ въ рукѣ, а въ послѣдующія княженія драконъ будетъ уже извиваться подъ копьемъ и конемъ витязя. Съ теченіемъ времени этому конному витязю, въ память основателя Москвы Георгія Владиміровича, будетъ придано значеніе св. Георгія Побѣдоносца. Такъ сначала зарождался, а потомъ развивался гербъ Москвы. Интересно также и отдѣльное изображеніе витязя въ остроконечномъ шеломѣ, въ правой рукѣ у него—мечъ, въ лѣвой—ножны.

Іоаннъ II, называвшійся Краснымъ, скончался 13-го ноября 1359 года, 33 лѣтъ отъ роду, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей Димитрія и Ивана и племянника Владиміра Андреевича. Душевная грамота скончавшагося князя дѣлитъ московскія владѣнія между этими тремя князьями. Въ ихъ удѣлахъ были разсѣяны владѣнія вдовствующихъ княгинь. Москва осталась въ общемъ владѣніи князей, и ея доходы раздѣлены между ними на трети.

Распоряженія духовнаго завѣщанія относительно движимаго имущества свидѣтельствуютъ, что богатства этого Московскаго князя, въ сравненіи съ его предшественниками, значительно увеличились. Здѣсь, кромѣ золотыхъ шапокъ или коронъ, бармъ, цѣпей кольчатыхъ, всякой драгоцѣнной одежды, болѣе перечисляется иконъ въ золотыхъ съ

каменьями окладахъ, золотыхъ шишаковъ, золотыхъ сабель съ драгоцѣнными обязями, стакановъ царьгородскихъ, бадей съ серебряною наливкой, стадъ коней, жеребцовъ и кобылицъ и проч. Заупокойные вклады Іоанна II на церкви были щедрѣе прежнихъ. Великій князь „даетъ свободу, куда кому любо", т. е. выпускаетъ на волю своихъ чиновныхъ слугъ, именно, казначеевъ, тіуновъ и посельскихъ со всѣми ихъ семьями и родственниками.

Въ Оружейной палатѣ хранится цѣпь золотая кольчатая, врана (съ чернью). Она состоитъ изъ 116 плоскихъ колецъ, украшенныхъ чернью, и вѣситъ 1 фунтъ 23 золотника. Это—та цѣпь „золотая врана съ крестомъ золотымъ", которую Іоаннъ II въ своей духовной грамотѣ передаетъ сыну Димитрію, вмѣстѣ съ золотой шапкой и бармами.

Приводимъ именную печать Іоанна Іоанновича съ изображеніемъ его ангела, святаго Іоанна, а подъ нею нумизматическія изображенія этого князя.

Такимъ образомъ, до кончины Іоанна II протекло 212 лѣтъ, со времени основанія Москвы, и она уже выросла не только до степени сильнаго города, но и могущественнаго центра государственно-церковнаго и даже культурнаго тяготѣнія для всея Руси. Въ ряду многосложныхъ причинъ ея возвышенія большое значеніе имѣетъ характеръ ея князей. Родъ ихъ хранитъ у себя духовныя черты своего предка благовѣрнаго Александра Невскаго. Въ нихъ преобладаетъ практическій разумъ и твердость воли; но въ нихъ не угасла и доблесть героя Невы. Всматриваясь въ лица державныхъ правителей Москвы, мы не видимъ въ нихъ однообразія. Вслѣдъ за религіозно-святымъ основателемъ Московскаго княжества Даніиломъ Александровичемъ идетъ рѣшительный, подвижной и предпріимчивый Юрій Даниловичъ, а за нимъ спокойный, разсудительный, хозяйственный и усердный къ храмоздательству Іоаннъ Калита, потомъ умный и энергическій Симеонъ Гордый, затѣмъ кроткій и набожный Іоаннъ Красный и, наконецъ, героическій Димитрій Донской.

Исторія Москвы, при великомъ князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ (род. 1350 года, скончался 1389 года), вступаетъ въ новую эпоху могущества и величія. Сынъ Іоанна Краснаго Димитрій остался, по смерти отца, девятилѣтнимъ отрокомъ. Но въ его малолѣтство „не погасла

свѣча", о которой заботился Симеонъ Гордый. Вокругъ государя-отрока сплотились митрополитъ Алексѣй и старые Московскіе бояре, и свѣтъ государственнаго могущества Москвы сталъ разгораться еще болѣе.

Димитрій Константиновичъ Суздальскій захватилъ въ 1360 году великокняжескій престолъ „не по отчинѣ и дѣдинѣ", но продержался въ стольномъ Владимірѣ не долго; онъ былъ изгнанъ въ Суздаль Московскими боярами. Не смотря на то, что въ ордѣ, гдѣ тогда, по выраженію лѣтописи, происходила „замятня", этотъ князь получилъ ярлыкъ на великое княженіе, святитель Алексій и Московскіе бояре добились того, что ханъ Муратъ призналъ великокняжеское достоинство за юнымъ Димитріемъ. Но старшій его соперникъ опять не хотѣлъ уступать Москвѣ. Тогда ея бояре посадили государя-отрока „на конь", „пошли ратью на соперника" и заставили того снова бѣжать въ Суздаль, а Московскій князь вошелъ въ стольный градъ Владиміръ и торжественно сѣлъ на столѣ отца и дѣда. Двоюродный братъ Димитрія, князь Владиміръ Андреевичъ, обязался держать подъ братомъ своимъ великое княженіе „честно и грозно и быть подъ его стягомъ".

„Смиривъ и взявъ волю свою" надъ Суздальскимъ княземъ, который выдалъ за него свою дочь, княжну Евдокію, Димитрій Іоанновичъ началъ приводить подъ свою власть всѣхъ другихъ князей русскихъ, а „которые не повиновались его волѣ, и на тѣхъ началъ посягати". Однихъ онъ „смирялъ до зѣла" силою, какъ, напримѣръ, могущественнаго Тверского князя Михаила Александровича; другихъ приводилъ къ повиновенію духовнымъ оружіемъ. Такъ, преподобный Сергій въ Нижнемъ-Новгородѣ затворилъ церкви и заставилъ тамошняго князя Бориса сдѣлать угодное Московскому князю; а строптиваго Олега Рязанскаго тотъ же преподобный Сергій тихими и кроткими рѣчами впослѣдствіи склонилъ къ заключенію съ Москвою вѣчнаго мира. Вошедши „въ размирье" съ Великимъ Новгородомъ изъ-за грабежей его ушкуйниковъ на Волгѣ, Димитрій принудилъ новгородцевъ силою оружія заплатить Москвѣ „черный боръ", въ количествѣ 8,000 рублей. Тверской князь приглашенъ былъ въ Москву, былъ судимъ здѣсь и „содержался въ истомѣ велицѣй на Гавшиномъ дворѣ (въ Кремлѣ)". Впослѣдствіи этотъ князь, „видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возста на него", съ челобитьемъ просилъ у Московскаго великаго князя мира, „даяся во всю волю его". Особымъ договоромъ великій князь Тверской обязался считать себя младшимъ братомъ Димитрія, наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ; когда Московскій князь выступитъ въ походъ и Тверской князь садится на конь „безъ ослушанья".

Давая такую силу принципу единства Руси подъ властью Москвы, Димитрій Іоанновичъ и внутри государства возвышалъ значеніе и крѣпость своей власти, доведя ее до степени царскаго могущества. Послѣ смерти тысяцкаго Василія Васильевича Вельяминова, въ 1374 году, Димитрій Іоанновичъ навсегда отмѣнилъ санъ тысяцкаго, предводительствовавшаго земскою ратью и напоминавшаго народу вѣчевыя времена. Сынъ этого боярина, крамольный Иванъ Вельяминовъ, измѣнившій ве-

ликому князю и бѣжавшій, въ орду, когда появился въ Серпуховѣ, былъ схваченъ и привезенъ въ Москву. Димитрій, не смотря на то, что у измѣнника была знатная родня, приказалъ казнить его: ему отрублена была голова на Кучковомъ полѣ (гдѣ теперь Срѣтенскій монастырь). Это первая въ Москвѣ публичная казнь, по замѣчанію лѣтописи, произвела сильное впечатлѣніе на народъ. Послѣ того былъ казненъ и купецъ гречинъ Некоматъ.

Даже и въ церковныхъ дѣлахъ Дмитрій Іоанновичъ давалъ едва ли не преувеличенное, впрочемъ, значеніе своей власти. Это сказалось послѣ смерти св. Алексія митрополита. Великій князь очень полюбилъ Коломенскаго священника, по прозванію Митяя. Онъ отличался высокимъ ростомъ, окладистою бородою и вообще сановитою наружностью. Будучи надѣленъ громкимъ, чистымъ голосомъ, онъ, отличаясь краснорѣчіемъ, плѣнилъ великаго князя своей службой и сладкими бесѣдами. Дмитрій взялъ его въ духовники себѣ и сдѣлалъ своимъ печатникомъ. Любимецъ князя сталъ сильно величаться и щеголять дорогими свѣтлыми одеждами и многочисленною прислугою. Когда умеръ Иванъ Непійца, архимандритъ придворнаго Спасскаго (на Бору) монастыря, великій князь велѣлъ поставить на его мѣсто своего любимца. „Еще до обѣдни былъ мірской попъ, а послѣ обѣдни—архимандритъ", говорили современники о такомъ быстромъ возвышеніи. Но Спасская архимандрія была для Митяя только ступенью къ высшему сану. Не смотря на то, что митрополитъ Алексій передъ своею смертью не хотѣлъ признать Митяя своимъ преемникомъ, этотъ послѣдній, по смерти святителя, переселился на митрополичій дворъ. И когда, вѣроятно, въ угоду великому князю, было получено отъ Константинопольскаго патріарха извѣщеніе, что онъ готовъ посвятить его въ митрополиты, то нерукоположенный еще Митяй сталъ возлагать на себя бѣлый клобукъ и митрополичью мантію и во время богослуженія возсѣдалъ въ алтарѣ на первосвятительскомъ сѣдалищѣ; ему служили и его сопровождали митрополичьи бояре и отроки. Съ духовенствомъ онъ обходился гордо и строго, а провинившихся и непокорныхъ сурово наказывалъ и смирялъ желѣзными веригами.

Во главѣ недовольныхъ стали епископъ Суздальскій Діонисій и два знаменитыхъ игумена: преподобный Сергій и его племянникъ Ѳеодоръ. Они вошли въ сношеніе съ сербомъ Кипріаномъ, „человѣкомъ весьма книжнымъ", котораго въ Константинополѣ поставили въ митрополиты для Юго-западной Руси, и призвали его въ Москву. Но великій князь заключилъ его подъ стражу и затѣмъ выслалъ изъ Москвы. Митяй, грозясь раззорить Троицкій монастырь, отправился въ Цареградъ, но во время плаванія, въ виду цѣли своего путешествія, умеръ. Великій князь не принялъ на митрополію посвященнаго послѣ того въ митрополиты Пимена и отослалъ въ заточеніе въ Чухлому, а потомъ самъ признавалъ митрополитомъ Кипріана.

Понятно, что великій князь такого характера и такихъ стремленій долженъ былъ горячо и энергически заботиться о возвращеніи Россіи

ея государственной независимости и объ охранѣ ея ото всякихъ покушеній на нее. Всѣмъ извѣстны его попытки къ сверженію татарскаго ига и его достославныя битвы съ Мамаемъ на Вожѣ и на Куликовскомъ полѣ. Мы оставляемъ безъ повторенія извѣстныя подробности о томъ, какъ предъ этимъ походомъ прощался Димитрій Донской съ Москвою, какъ кланялся у Архангела Михаила гробамъ предковъ, какъ разставался съ своей княгиней и т. д. Взамѣнъ этого мы даемъ изображеніе великаго князя предъ битвой на Куликовскомъ полѣ съ Мамаемъ.

Минуя всѣ указанные разсказы, мы должны сказать о борьбѣ Димитрія Донского съ могущественнымъ Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Будучи шуриномъ Михаила Александровича Тверского, этотъ воинственный князь предпринималъ три похода на Москву, но каждый разъ былъ отбиваемъ и долженъ былъ, „озираясь сѣмо и овамо", возвращаться въ свою землю.

Совершенно понятно, что при такомъ подъемѣ политическаго могущества Москвы, въ княженіе Димитрія Іоанновича, она, и какъ городъ, не могла уже остаться въ прежнихъ своихъ размѣрахъ и самомъ наружномъ видѣ. Число ея населенія умножилось; Кремль, взамѣнъ прежнихъ дубовыхъ стѣнъ Калиты, былъ окруженъ каменною крѣпостною стѣною, съ желѣзными воротами, бойницами и башнями; храмовая исторія Москвы, обогатившись новыми монастырями и храмами, раздвинулась; въ Москвѣ начинаютъ появляться новыя и развиваться старыя отрасли техники.

Подземныя изслѣдованія Кремля, съ его тайниками и палатами, быть-можетъ, дадутъ матеріалы для исторіи Кремля и при Димитріи Донскомъ. Вотъ что изъ лѣтописей извѣстно о построеніи каменныхъ стѣнъ Кремля.

Въ 1365 году Кремль, посадъ и зарѣчье были опустошены страшнымъ пожаромъ, извѣстнымъ подъ именемъ всесвятскаго, потому что онъ начался отъ церкви Всѣхъ Святыхъ (близъ нынѣшняго храма Христа Спасителя, разобранной при его постройкѣ). Предшествующая засуха и сильнѣйшій вѣтеръ въ день пожара способствовали его распространенію. Головни и даже цѣлыя бревна съ огнемъ перекидывало черезъ десять дворовъ. Въ одномъ мѣстѣ заливали огонь, а въ десяти загоралось снова. Въ какіе-нибудь два часа весь городъ сгорѣлъ, и никто изъ жителей не успѣлъ спасти своего имущества. По поводу этого пожара лѣтопись даетъ свидѣтельство о тогдашнемъ составѣ города, именно въ ней говорится: „загорѣся сверху (Москвы-рѣки), отъ Чертолья, и погорѣ *посадъ* весь, Кремль и Зарѣчье. Не смотря на то, что въ слѣдующемъ году въ Москвѣ былъ сильный моръ, 16-лѣтній Дмитрій и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ „замыслиша ставити городъ Москву каменъ". Въ 1367 году Кремль былъ уже обнесенъ каменными стѣнами съ башнями и воротами: Никольскими, Фроловскими (Спасскими), Константино-Еленинскими (пониже, теперь не существуютъ) и Алексѣевскими. Угольная башня противъ нынѣшняго Москворѣцкаго

моста была названа Свибловскою, по имени одного изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ бояръ Өеодора Свибла. Сказаніе того времени указываетъ

Димитрій Донской на Куликовскомъ полѣ.
(Рисунокъ В. В. Верещагина).

на части крѣпости: въ ней были забрала градныя, стѣны каменны, врата желѣзны, стрѣльницы, около рвы.

Каменный Кремль придалъ Москвѣ огромное значеніе. Уже съ самымъ планомъ такого ея укрѣпленія Никоновская лѣтопись (IV, 8, 15) связываетъ то, что великій князь съ того времени „началъ приводить въ свою волю всѣхъ князей русскихъ, а которые не повиновались его волѣ, и на тѣхъ нача посягати". Въ слѣдующемъ уже году всѣ ясно поняли важность новой каменной крѣпости для Москвы. Поднятый Михаиломъ Тверскимъ Ольгердъ Литовскій, обозначая свой путь огнемъ и мечомъ, подступилъ къ Москвѣ. Димитрій съ боярами засѣлъ въ Кремлѣ въ осадѣ. Три дня Литовскій князь простоялъ подъ Москвою, но города взять не могъ и, сожегши посадъ и окрестности, отправился во-свояси. И второе нападеніе его на Москву, послѣ восьмидневной стоянки у Кремля, тоже было безуспѣшнымъ.

Даже Тохтамышъ, побѣдитель Мамая, захватившій Москву врасплохъ, не могъ взять силою каменнаго Кремля. Великій князь потому, что среди другихъ князей оказалось „неодиначество и неимовѣрство", не могъ выйти на встрѣчу татарамъ и, не имѣя достаточно ратныхъ силъ, долженъ былъ ради ихъ собиранія уйти изъ Москвы въ Кострому. Въ Москвѣ же чернь, разграбившая боярскіе погреба со старыми медами, подняла бунтъ и едва успокоилась, когда въ Москву явился воевода Димитрій Остей. Татары три дня дѣлали приступы и по лѣстницамъ взбирались на стѣны. Но москвичи энергически отбивали эти приступы: они лили на татаръ кипятокъ, бросали на нихъ громадные камни и, что примѣчательно, впервые стрѣляли изъ ружей и пушекъ.

Существовало преданіе, будто нѣсколько сотъ крестьянокъ, спасаясь отъ татаръ, явились въ Москву и просились въ Кремль, но изъ опасенія голода не были туда пущены. Тогда онѣ, на правомъ берегу Москвы-рѣки, сдѣлали деревянный срубъ, окопали его рвомъ и здѣсь защищались отъ татаръ. Отъ этого будто эта мѣстность получила названіе „Бабьяго городка". Но это названіе могло произойти отъ того, что эта болотистая, топкая мѣстность была укрѣплена сваями, которыя забиваются бабами или копрами.

И Тохтамышъ, подобно Ольгерду, долженъ былъ бы уйти отъ новаго Кремля; но его коварство отдало ему въ руки эту новую русскую твердыню. На четвертый день Тохтамышъ послалъ сказать осажденнымъ, что онъ пришелъ не на нихъ, а на ихъ князя; онъ желаетъ только, чтобы граждане вышли къ нему навстрѣчу съ небольшими дарами; а ему хочется лишь посмотрѣть городъ; онъ дастъ москвичамъ миръ и любовь. Русскіе князья, захваченные и обманутые татарами, поклялись, что тѣ говорятъ правду. Но, когда москвичи съ крестами и хоругвями вышли изъ Кремля, татары вѣроломно бросились на нихъ, стали ихъ рубить саблями и ворвались въ самый Кремль. Начались страшныя сцены убійства, грабежа и поджоговъ; граждане, застигнутые врасплохъ, метались во всѣ стороны. Избіеніе прекратилось, когда „руки татаръ утомились, плечи измолкли и сабли ихъ притупились". Многіе искали спасенія въ храмахъ; но татары разбивали ихъ двери

и, посѣкши христіанъ, расхищали церковную утварь и обдирали дорогія украшенія съ иконъ.

Варвары разграбили богатства, многими годами накопленныя въ боярскихъ дворахъ, и склады товаровъ въ домахъ сурожскихъ купцовъ, суконниковъ и другихъ торговыхъ людей. Насытившись грабежомъ и убійствомъ и захвативъ огромный полонъ, состоявшій преимущественно изъ здоровыхъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, татары зажгли городъ и такимъ образомъ привели его въ окончательное раззореніе. При этомъ погибла огромная масса книгъ и хартій, снесенныхъ въ храмы, и наваленныхъ тамъ „до стропововъ" или сводовъ. „Дотолѣ, говоритъ лѣтописецъ, городъ Москва былъ великъ и люденъ: онъ кипѣлъ многолюдствомъ и богатствомъ; славою и честію превзошелъ всѣ грады Русской земли; въ немъ обитали князья и святители. А въ сіе время отошла слава его и вся честь въ единый часъ измѣнилась, когда онъ былъ взятъ и позженъ". Однако татары, узнавъ, что противъ нихъ уже собираются русскія рати, также воровски ушли, какъ и пришли.

Когда Димитрій съ братомъ своимъ Владиміромъ возвратился въ Москву, то проливалъ горькія слезы, смотря на разрушенную Москву. Вездѣ лежали кучи труповъ и стояли обгорѣлыя развалины церквей и домовъ. Онъ немедленно принялся созывать изъ лѣсовъ разбѣжавшихся жителей, возобновлять городъ и очищать его отъ труповъ; велѣлъ давать по рублю за восемьдесятъ тѣлъ людямъ, занимавшимся погребеніемъ ихъ. Роздано было 300 рублей; число погребеннныхъ простиралось до 24,000, да кромѣ того, много народу сгорѣло во время пожара или потонуло въ рѣкѣ. Если опредѣлить число уведенныхъ въ неволю москвичей, хотя въ 25,000, то Москва лишилась въ это нашествіе до 60 тысячъ своего населенія. Но органическая сила Москвы была уже такъ велика, что и эта глубокая рана зажила скоро.

Съ княженіемъ Димитрія Іоанновича связано было основаніе въ Москвѣ слѣдующихъ монастырей: Вознесенскаго, Рождественскаго, Симонова и церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ во дворцѣ.

Симоновъ монастырь былъ основанъ на мѣстѣ одного изъ селъ боярина Степана Кучка, племянникомъ преподобнаго Сергія Ѳеодоромъ. Первоначальный (Старый Симоновъ) монастырь имѣлъ храмъ Рождества Богородицы, близъ Медвѣжьяго, или Лосинаго (впослѣдствіи Лизинъ прудъ), озерка; а когда бояринъ Симонъ изъ рода Головиныхъ пожертвовалъ землю для монастыря, то онъ былъ перенесенъ на новое мѣсто, гдѣ построенъ былъ храмъ Успенія. Преподобный Сергій много разъ останавливался здѣсь и своими руками выкопалъ прудъ. Въ Старомъ Симоновѣ погребены павшіе на Дону иноки-витязи — Пересвѣтъ и Ослябя. Когда Ѳеодоръ былъ возведенъ въ архіепископы Ростова Великаго, настоятелемъ монастыря сдѣлался св. Кириллъ Бѣлозерскій.

Высоко-Петровскій монастырь основанъ въ 1380 году. Возвратившись послѣ Куликовской битвы, Димитрій Донской устроилъ этотъ монастырь при существовавшей, со временъ Калиты, въ селѣ Высоцкомъ

церкви Боголюбской Богоматери. Приписываютъ Димитрію Донскому основаніе и монастыря Николы Стараго, отъ чего идущая мимо него улица и соотвѣтствующія ей ворота въ Кремлѣ были названы Никольскими. Изъ приходскихъ церквей этому государю принадлежитъ построеніе церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ (болото), для поминовенія воиновъ, убитыхъ на Куликовскомъ полѣ.

Рождественскій монастырь на полугорѣ, подъ которой протекала рѣчка Неглинная, основанъ въ 1386 году супругой князя Андрея Серпуховского, княгиней Марьей Кейстутьевной, матерью Владиміра Храбраго. Она погребена была здѣсь. Невѣстка ея княгиня Елена, въ иночествѣ Евпраксія, дочь Ольгерда Литовскаго, завѣщала монастырю вотчины свои и въ ихъ числѣ озерное Косино.

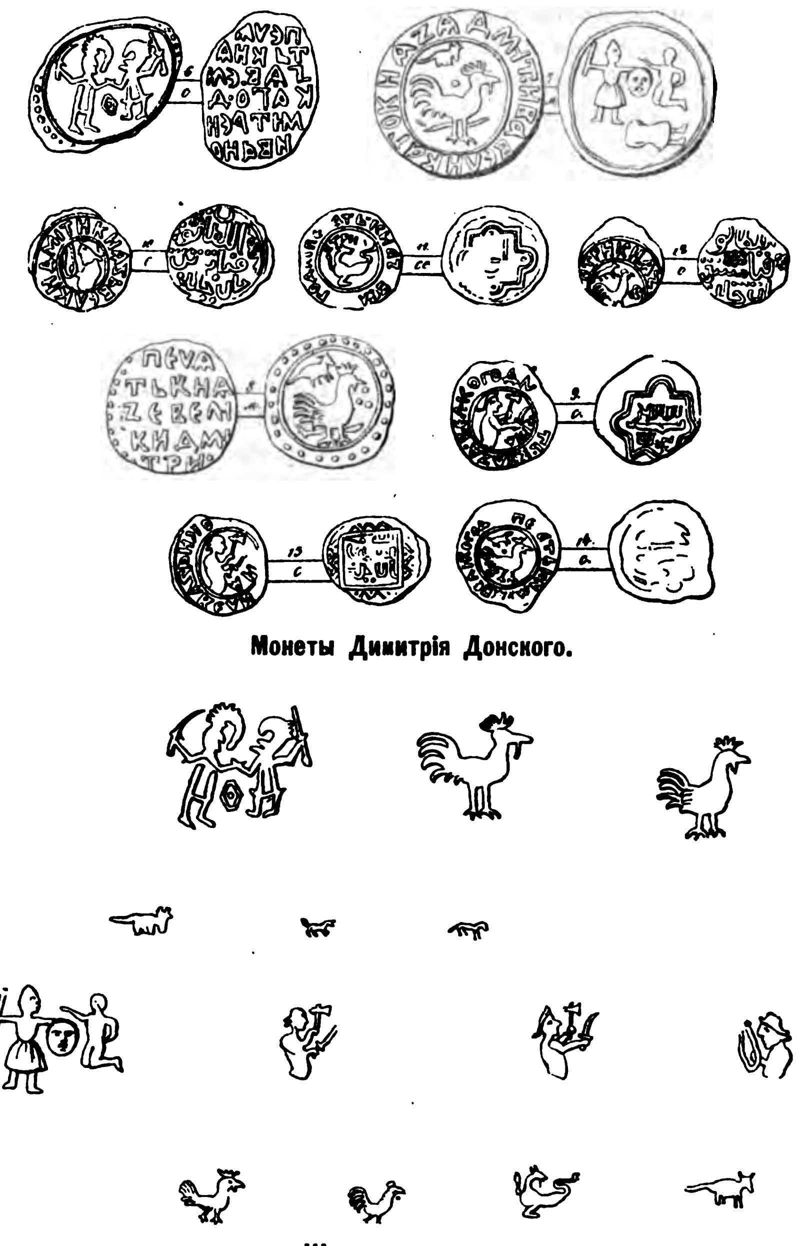
Находящаяся внутри кремлевскаго дворца церковь Рождества Богородицы построена великою княгинею Евдокіей, въ память Куликовской битвы, происходившей 8-го сентября, въ день этого праздника. Та же великая княгиня, принявшая иночество подъ именемъ Евфросиніи, основала и Вознесенскій монастырь. Возникшій уже послѣ смерти Димитрія Донского, въ 1407 году, онъ былъ построенъ на мѣстѣ княжаго терема, откуда, глядя на Замоскворѣчье, великая княгиня глазами, полными слезъ, съ прощальными причитаньями, провожала своего супруга и русскую рать на Донъ. Вознесенскій монастырь, вмѣсто Спаса на Бору, сдѣлался усыпальницей для великихъ княгинь, княженъ, царицъ и царевенъ, отъ времени Евдокіи до XVIII столѣтія. Таковыхъ гробницъ здѣсь 35. При Димитріи умеръ и погребенъ у Спаса на Бору св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ.

Вознесенскій монастырь.

Правленіе Димитрія важно для Москвы въ дѣлѣ насажденія и развитія различнаго рода отраслей техники. Въ это время введено было у насъ огнестрѣльное оружіе и заведенъ былъ „свой зелейный“, или пороховой, заводъ. Примѣчательно, что наша столица довольствовалась своими русскими строителями, иконописцами и литейщиками. Чеканка монеты сдѣлала еще шагъ впередъ. Отъ времени Донского до насъ дошелъ цѣлый рядъ монетъ серебряныхъ (денегъ) и мѣдныхъ (пулъ) съ очень разнообразными штемпелями, кои свидѣтельствуютъ, что въ это время только еще искали эмблемы для московскаго герба. Здѣсь мы видимъ двухъ миѳологическихъ животныхъ, поднявшихъ другъ на друга оружіе, и изображеніе казни (вѣроятно, вышеупомянутаго Вельяминова) и даже разныхъ птицъ и животныхъ. Сперва приводимъ снимки съ монетъ, а затѣмъ всѣ штемпеля Дмитріевыхъ монетъ; надписи на монетахъ то русскія, то арабскія.

Образованіе въ Москвѣ поддерживалъ митрополитъ св. Кипріанъ, человѣкъ „вельми книжный". Онъ привезъ къ намъ много сербскихъ рукописей, самъ переводилъ съ греческаго Служебникъ, Псалтырь, Лѣствицу Іоанна и творенія св Діонисія Ареопагита, составилъ 9 гра-

Монеты Димитрія Донского.

Штемпеля монетъ.

мотъ юридическаго содержанія и положилъ начало лѣтописному своду по княженіямъ, такъ называемой „Степенной книгѣ", написалъ житіе св. Петра митрополита и въ четырехъ посланіяхъ Сергію Радонежескому и Θеодору Симоновскому разсказывалъ обстоятельства своей жизни,

важныя для исторіи спора о Русской митрополіи. Этотъ святитель причтенъ былъ къ лику святыхъ и почиваетъ въ Успенскомъ соборѣ.

Недолго прожилъ этотъ великій государь: скончался онъ еще будучи въ цвѣтѣ (39) лѣтъ, хотя отъ природы отличался онъ сильнымъ тѣлосложеніемъ и цвѣтущимъ здоровьемъ. Лѣтописцы особенно хвалятъ его за умѣренность жизни и цѣломудріе.

Составитель житія Димитрія очень трогательно и поэтично описываетъ плачъ по немъ супруги его: „увидѣвши супруга своего мертвымъ, на одрѣ лежащимъ,—говоритъ біографъ Дмитрія,—великая княгиня начала плакать, ударяя руками въ грудь свою; огненныя слезы лились изъ очей... Зачѣмъ, —воскликнула она,—умеръ ты, дорогой мой, жизнь моя, зачѣмъ оставилъ меня одну вдовой?.. Куда зашелъ свѣтъ очей моихъ? Куда скрылось сокровище жизни моей? Цвѣтъ мой прекрасный, зачѣмъ такъ рано увялъ ты? Что же не смотришь на меня, не отвѣчаешь мнѣ? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный мѣсяцъ, рано идешь къ западу, звѣзда моя восточная! Гдѣ честь твоя, гдѣ власть твоя и слава? Былъ государемъ всей Русской земли, а нынѣ мертвъ и ничего не имѣешь въ своемъ владѣніи! Много примирилъ странъ, много одержалъ побѣдъ, а нынѣ побѣжденъ смертію!.. Юность еще не оставила насъ, еще старость не постигла насъ!.. Зачѣмъ оставилъ меня и дѣтей своихъ?.. Крѣпко уснулъ царь мой... не могу разбудить тебя!..“

Этотъ плачъ художественно рисуетъ задушевный характеръ этой святой и примѣчательнѣйшей женщины древней Руси. Дочь образованнаго суздальскаго князя, для котораго инокъ Лаврентій составилъ списокъ нашей начальной лѣтописи,

Се повѣсти времяньных лѣт· откуду є́сть пошла руская земля·

(Лѣтопись Нестора, по Лаврентьевскому списку).

она сама отличалась начитанностью и умомъ; иначе, умирая, великій князь не вручилъ бы ей такой большой власти надъ дѣтьми и государствомъ. Высоко-религіозная, она была еще до принятія монашества глубокою подвижницей; аскетизмъ свой скрывала подъ видомъ внѣшняго блеска: по свидѣтельству современника, она всюду являлась съ веселымъ лицомъ, одѣвалась въ великолѣпныя одежды и даже носила по нѣскольку платьевъ, чтобы казаться дородною. Когда это стало смущать другихъ и даже одного изъ сыновей ея, именно Юрія, тогда только она раскрыла дѣтямъ тайну своей жизни. Она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидѣли, что отъ чрезмѣрнаго воздержанія, отъ усиленныхъ подвиговъ, тѣло ея изсохло, почернѣло и прильнуло къ костямъ. Такими глубоко-симпатичными чертами рисуется намъ

личность этой святой княгини. Памятникомъ ея является образъ архангела Михаила, который былъ заказанъ ею одному иконописцу, по случаю явленія ей этого Архистратига, и былъ поставленъ ею въ храмѣ Рождества Богородицы на Государевомъ дворѣ, или Сѣняхъ. Мощи святой княгини, въ иночествѣ Евфросиніи, почиваютъ въ соборѣ Вознесенскаго монастыря.

Но обратимся къ кончинѣ великаго князя. Чрезвычайное напряженіе силъ, особенно на Куликовскомъ полѣ, замѣтно надломили его могучія силы и преждевременно свели въ могилу. Дмитрій Іоанновичъ, по словамъ современниковъ, былъ величавъ и красивъ; онъ имѣлъ замѣчательное дородство; волосы на головѣ были черные, густые, глаза свѣтлые, огненные..

По веснѣ 1389 года, Дмитрій Іоанновичъ тяжело занемогъ и первой его заботой было составить новое духовное завѣщаніе, въ замѣну перваго, написаннаго въ 1370 году. Свидѣтелями этой „душевной грамоты“ были преподобный Сергій, игуменъ Севастьянъ и десять знатнѣйшихъ бояръ: Боброкъ-Волынскій, Тимоѳей Вельяминовъ. Иванъ Родіоновичъ Квашня, Александръ Остей, Ѳедоръ Кошка, сынъ Андрея Кобылы и его внукъ Иванъ, Ѳедоръ Свиблъ и другіе. Приводимъ отрывокъ этой душевной грамоты въ уменьшенномъ видѣ и печать великаго князя.

+ во имя отця и сына и стго духа се азъ грѣшныи худыи рабъ бжии
дмитрии ивановичь пишю грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ
даю рядъ снмъ своимъ и своеи кнгинѣ приказываю дѣти свои сво
еи кнгинѣ а вы дѣти мои живите заодинъ а матери своее слушаите
во всемъ а приказываю отчину свою москву дѣтемъ своимъ кнзю василью
и кнзю юрью и кнзю аньдрѣю и кнзю петру а братъ мои кнзь во
лодимеръ вѣдаетъ свою треть у чемъ его блгвилъ отць его

Духовное завѣщаніе Димитрія Донского.

Земли Московскаго княжества, а также велико княжеская казна дѣлятся между пятью сыновьями (шестой родился уже послѣ составленія духовной, за нѣсколько дней до смерти отца). Прежде всего въ этомъ актѣ послѣдней воли умиравшаго государя обращаетъ на себя вниманіе неслыханное прежде распоряженіе: Димитрій благословляетъ старшаго сына великимъ княженьемъ Владимірскимъ, какъ *своей отчиной* и, устраняя отъ нея старшихъ своихъ родичей, закрѣпляетъ ее въ нисходящей линіи, а старшему, по сравненію съ младшими сыновьями, даетъ болѣе земель, доходовъ и имущества. Мелкіе Московскіе князья должны жить въ Москвѣ. Этимъ усиливается блескъ нашего двора и расширяется вліяніе великаго князя

Печать великаго князя.

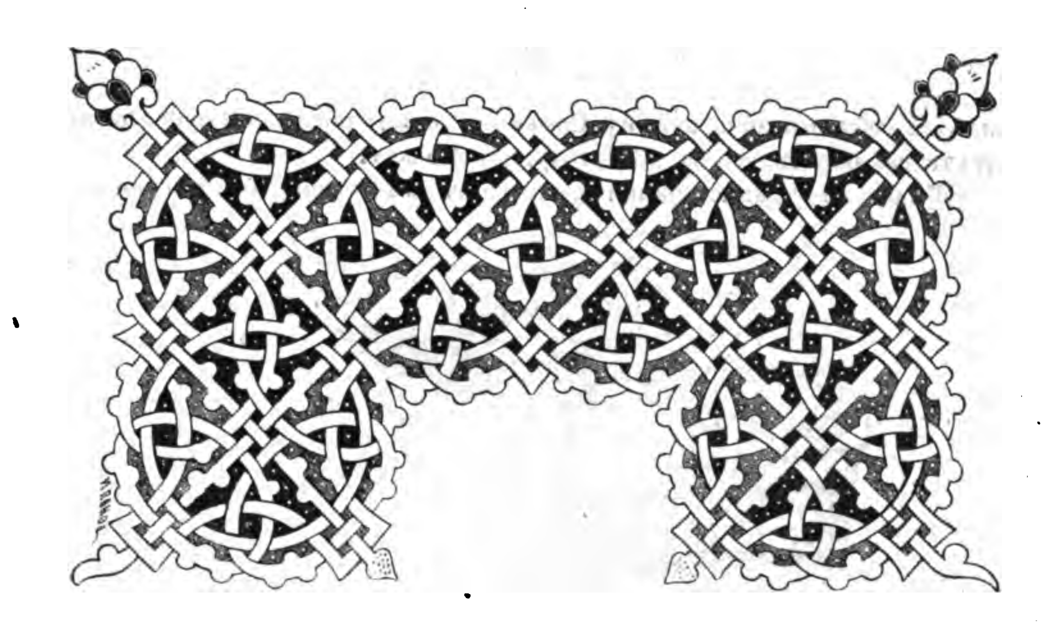
во владѣніяхъ другихъ князей, а народъ привыкаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на служилыхъ у Московскаго князя, каковыми они впослѣдствіи и стали дѣлаться... Важную власть надъ дѣтьми Дмитрій Іоаннович вручаетъ своей супругѣ. Боярамъ напоминаетъ ихъ вѣрную службу, а также, „какъ родился предъ ними, воевалъ враговъ, землю Русскую держалъ, любилъ ихъ самихъ и дѣтей ихъ, съ ними скорбѣлъ и веселился“. Вѣроятно, это завѣщаніе составлено подъ вліяніемъ преподобнаго Сергія, по крайней мѣрѣ, какъ сказано въ документѣ, оно было писано предъ лицомъ сего игумена.

Въ перечисленіи московскихъ селъ, урочищъ и угодій мы находимъ слѣдующія: Сокольничій путь, село Напрудское, Рогожъ, лугъ Ходынскій съ мельницею, Елохъ, Крутицу и другія. Въ ряду золотыхъ вещей упоминаются ювелирныя и басменныя вещи русскихъ и даже, можетъ-быть, московскихъ мастеровъ, какъ, напримѣръ, поясъ золотъ Макарова дѣла, также поясъ Шишкина дѣла. Въ Оружейной палатѣ хранится панцырь Димитрія Донского.

На другой день по кончинѣ, то-есть 20-го мая, Димитрій Іоанновичъ былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, вблизи отъ могилъ дѣда и отца своего. Печальный обрядъ, за отсутствіемъ митрополита Пимена въ Цареградъ, совершалъ гостившій въ Москвѣ греческій (трапезундскій) митрополитъ Θеогностъ, съ русскими епископами и игуменами. Въ числѣ совершавшихъ погребеніе былъ святой настоятель Троицкаго монастыря преподобный Сергій.

Надпись надъ надгробіемъ гласитъ: „Въ лѣто (отъ сотворенія міра) 6897 (отъ Р. Х. 1389), маія 19-го дня, преставися благовѣрный князь великій Димитрій Ивановичъ Донской“.

IV.

При Василіи Димитріевичѣ и Василіи Темномъ.

сторія Москвы, не только по отношенію къ ея государственнымъ силамъ, но и въ другихъ сторонахъ ея жизни, какъ-то: въ церковной, образовательной, промышленной, ремесленной и т. д., пошла уже легче послѣ тяжелой, но и важной эпохи Димитрія Донского. Послѣ этого уже скоро Іоаннъ III и его сынъ Василій III сдѣлали Москву единымъ и сильнымъ центромъ всей Сѣверо-восточной Руси не только въ политическомъ отношеніи, но и въ культурномъ отношеніи.

Правленіе Василія Димитріевича (1389—1425) немало подготовило для этого условій. Хотя этотъ великій князь остался, по смерти отца, шестнадцатилѣтнимъ юношей и находился еще подъ опекой своей матери, но онъ уже былъ умудренъ большимъ и разнообразнымъ опытомъ: еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ былъ посланъ Димитріемъ Іоанновичемъ въ орду, чтобы тамъ тягаться о великокняжескомъ столѣ съ Михаиломъ Тверскимъ. Ханъ оставилъ отрока-князя въ плѣну у себя, въ качествѣ заложника, за московскій долгъ въ 8,000 рублей. Но энергическій княжичъ, насмотрѣвшись на тамошнія смуты, „умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты“ и бѣжалъ въ Молдавію къ воеводѣ Петру, затѣмъ былъ въ Пруссіи, гдѣ видѣлся съ Витовтомъ и сгово-

рилъ за себя его дочь княжну Софью и только послѣ четырехлѣтняго отсутствія воротился, въ 1387 году, въ Москву.

Князь съ такимъ раннимъ опытомъ естественно быстро вошелъ

Великій князь Василій Димитріевичъ и его дядя Владиміръ. (Рис. В. В. Верещагина).

въ политику московскихъ князей-собирателей. По смерти отца, онъ былъ возведенъ на Владимірскій престолъ ханскимъ посломъ Шахматомъ. Семнадцати лѣтъ онъ женился на Софьѣ Витовтовнѣ и потомъ

принудилъ своего дядю Владиміра Андреевича, уходившаго даже въ Новгородскія земли, заключивъ съ нимъ договоръ, признать себя его братомъ и обязаться „всѣсти на конь“, когда придется садиться на коня великому князю; затѣмъ ѣздилъ въ орду, гдѣ „умздилъ“ Тохтамышевыхъ князей и получилъ ярлыкъ на Нижегородское княженіе и присоединилъ его къ Москвѣ съ помощью тамошнихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ Василій Румянецъ. Въ это время Москва лишилась своего великаго молитвенника и совѣтника—преподобнаго Сергія (25-го сентября 1392 года). Вольнолюбивыхъ новгородцевъ великій князь смирялъ силою оружія; а когда жители новгородскаго пригорода Торжка

Срѣтеніе иконы Владимірской.

убили московскаго доброхота, нѣкоего Максима, то великій князь, захвативъ 70 тамошнихъ жителей, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, приказалъ публично казнить ихъ въ Москвѣ: имъ рубили руки и ноги и при этомъ приговаривали: „такъ гибнутъ враги великаго князя“.

Съ твердостью духа великій князь относился и къ страшнымъ татарскимъ завоевателямъ: Тамерлану и Эдигею. Когда „желѣзный хромецъ“, покорившій Туркестанъ, Персію, Индію, Сирію и Малую Азію, побѣдивъ могущественнаго турецкаго султана Баязеда, направился, послѣ побѣды надъ Тохтамышемъ, къ московскимъ границамъ, молодой князь поспѣшилъ собрать сѣверное ополченіе и поручилъ свой стольный

городъ дядѣ своему князю Владиміру Андреевичу. Но спасеніе Москвы зависѣло не отъ оружія, а отъ Божіей помощи; и это было важнымъ моментомъ въ религіозной жизни Москвы.

Въ то время, какъ народъ со страхомъ ожидалъ къ себѣ завоевателя, который на пути своемъ оставлялъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ, великому князю и митрополиту Кипріану одновременно пришла мысль перенести изъ Владиміра въ Москву чудотворную икону Божіей Матери, которая была написана евангелистомъ Лукою и перенесена во Владиміръ изъ кіевскаго Вышгорода Андреемъ Боголюбскимъ. Вѣсть объ этомъ ободрила москвичей, и они огромными толпами, съ митрополитомъ во главѣ, великокняжеской семьей и княземъ Владиміромъ, вышли на встрѣчу Заступницѣ на край Москвы, на Кучково поле, и со слезами молились предъ иконой. Въ прошломъ 1895 году Москва торжественно отпраздновала пятисотлѣтіе этого достопамятнаго событія.

Въ это самое время, испуганный видѣніемъ Небесной Дѣвы, предшествуемой святителями и окруженной легіонами ангеловъ, Тамерланъ поворотилъ назадъ отъ Ельца въ степи. Потеря чудотворной иконы, которая и теперь находится въ нашемъ Успенскомъ соборѣ, еще болѣе ослабила авторитетъ стольнаго Владиміра. На мѣстѣ встрѣчи иконы построенъ былъ Срѣтенскій монастырь и установленъ былъ, совершаемый и теперь, 26-го августа, крестный ходъ. Дѣлалъ нашествіе на Москву и Эдигей, побѣдитель Витовта на Ворсклѣ, за то, что Василій Дмитріевичъ не хотѣлъ платить ему дань; подходилъ къ кремлевскимъ стѣнамъ, но, боясь огнестрѣльнаго оружія, не рѣшился на приступъ и расположился лагеремъ на зимовку въ селѣ Коломенскомъ. Но вѣсти изъ Сарая заставили этого хана возвратиться въ орду. Выше мы привели рисунокъ, изображающій послѣдовавшее за этимъ возвращеніе великаго князя въ Москву и его свиданіе съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Въ это княженіе Москва двукратно погорала: 22-го іюня 1390 года, на посадѣ (впослѣдствіи Китай-городъ) „нѣколико тысячъ дворовъ сгорѣ". Черезъ 5 лѣтъ въ томъ же посадѣ снова „сгорѣ нѣколико тысячъ дворовъ". Такъ велика уже была въ это время Москва и, благодаря обилію въ ней силъ, столь быстро возрождалась.

Вообще наши историки склонны уменьшать проявленія жизненныхъ и культурныхъ силъ Москвы въ эту эпоху. Между тѣмъ это не оправдывается фактами. Напротивъ того, изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ того времени ясно видно, какъ росла Москва не только въ числѣ своихъ жителей и военной силѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ.

Не смотря на то, что татары Тохтамыша пожгли массу рукописей и книгъ, кои съ разныхъ сторонъ „были спроважены въ Москву, сохраненія ради, и были наметаны въ церквахъ до тропа (стропа или свода)", русская письменность въ это княженіе поднялась опять, благодаря трудамъ митрополитовъ Кипріана, Фотія, а также Епифанія Пре-

Икона Божіей Матери Владимірскія.

мудраго, Кирилла Бѣлозерскаго и друг. Многія рукописи данной эпохи обильно украшены прекрасными миніатюрами, орнаментомъ, или узорочьемъ, заглавными буквами и заставками. Здѣсь искусные мастера рукописнаго дѣла проявляли немало самобытнаго русскаго творчества. Въ это время въ Москвѣ, кромѣ пергамента, продолжали писать на бумагѣ хлопчатой и тряпичной. Равнымъ образомъ русское зодчество и живопись въ Москвѣ успѣшно продолжали развиваться.

Храмовая исторія Москвы, кромѣ упомянутыхъ выше монастырей: Вознесенскаго, Рождественскаго и Срѣтенскаго, обогатилась еще новыми сооруженіями.

Благовѣщенскій соборъ.

Василій Дмитріевичъ построилъ на дворѣ своемъ церковь Благовѣщенія, которая стала великокняжескою. Въ ней совершались крещеніе членовъ государевой семьи и ихъ бракосочетанія (вѣнцы брачные хранятся теперь въ Успенскомъ соборѣ). Сюда великій князь перенесъ найденную задѣланной въ стѣнѣ Суздальскаго собора святыню: „Страсти Господни", именно — часть крови Спасителя, камень отъ гроба Его и терновый вѣнецъ.

За храмомъ Благовѣщенія, на башнѣ великокняжескаго дворца, въ 1404 году, Василій I устроилъ первые въ Москвѣ боевые часы, которые за 150 рублей (около 30 фунтовъ серебра) поставилъ пришедшій съ Аѳона сербинъ Лазарь. На часахъ была сдѣлана механическая фигура человѣка, выбивавшаго молотомъ каждый часъ. Народъ дивился этому, какъ чуду. Лѣтопись говоритъ объ этихъ часахъ: „сей же часникъ нарѣчеся часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣря и разсчитая часы нощные и денные: не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено..."

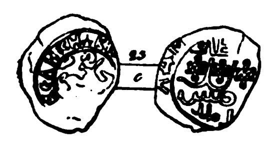
Заведенное въ Москвѣ собственною рукою св. Петра митрополита иконописное художество продолжало развиваться, и число „дружинъ русскихъ иконниковъ" въ Москвѣ умножалось. Въ средѣ ихъ продолжалъ работать знаменитый Андрей Рублевъ, писавшій для Троицкаго собора иконы. Его кисть цѣнилась такъ высоко, что писанныя имъ иконы болѣе 150 лѣтъ служили, какъ свидѣтельствуетъ Стоглавъ, образцами для русскихъ художниковъ - иконописцевъ и назывались „рублевыми". По лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ 1405 году, вмѣстѣ со старцемъ Прохоромъ изъ Городца, вѣроятно, Радонежскаго, и Ѳеофаномъ Гречинымъ Андрей Рублевъ расписывалъ придворный Благовѣщенскій соборъ. Можно думать, что древнія фрески, нынѣ открытыя въ каменномъ соборѣ, были копіями съ рублевскихъ. Тотъ же

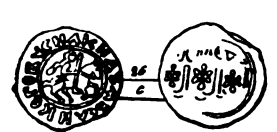
Ѳеофанъ и Симеонъ Черный со учениками расписывали и церковь Рождества Богородицы, что на Государевомъ дворѣ. Поступивши въ Андрониковъ монастырь, Андрей Рублевъ потрудился для иконописи этого монастыря и тамъ былъ погребенъ. Кромѣ него, иконописнымъ искусствомъ въ Москвѣ славились еще Игнатій, Даніилъ Черный и Кнашъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ стали теперь развиваться разныя ремесла, какъ, напримѣръ, литейное, чеканное и даже ювелирное. Относительно перваго любопытно слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи. Въ 1420 году псковичи наняли какого-то Ѳеодора съ дружиной покрыть Троицкій соборъ свой новыми свинцовыми досками за 44 рубля; но ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ не нашлось такого мастера, который бы умѣлъ отливать такія доски. Послали къ нѣмцамъ въ Юрьевъ, а тѣ мастера не дали. Тогда изъ Москвы, отъ митрополита Фотія, былъ присланъ искусный мастеръ; онъ научилъ псковскую дружину лить доски и уѣхалъ назадъ. Очевидно, Москва, рядомъ съ политическимъ своимъ совершенствованіемъ, шла впередъ и въ техникѣ разнаго рода. Такъ, здѣсь процвѣтало искусство дѣлать украшенія для иконъ изъ дорогихъ металловъ, камней, жемчуга и финифти; особенно славились издѣлія нѣкоего Парамши, золотыхъ дѣлъ мастера. Въ духовныхъ грамотахъ московскихъ великихъ князей (съ Іоанна II до самаго Василія I) не разъ упоминаются золотые иконные оклады и кресты работы этого ювелира, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ. Василій Дмитріевичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи упоминаетъ о поясѣ золотомъ съ каменьемъ, который сковалъ самъ („Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ", т. I, стр. 73).

Чеканка монеты при Василіи I тоже подвинулась впередъ. Мы имѣемъ 17 разныхъ чекановъ серебряной монеты этого времени. Надписи и штемпеля на нихъ

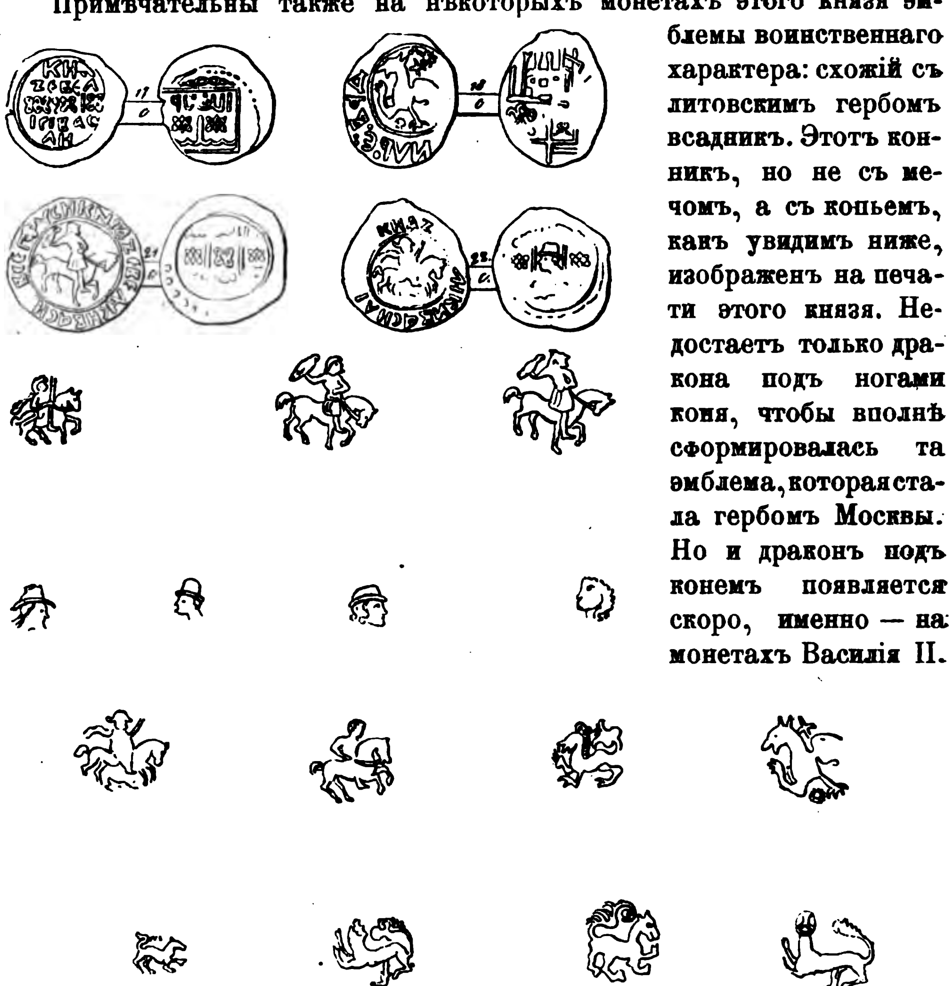

свидѣтельствуютъ уже о подъемѣ государственнаго сознанія. Такъ, кромѣ надписей: „князя великаго Василія", или—„Василія Дмитріевича", мы встрѣчаемъ здѣсь и слѣдующія слова: „Князя Василія всея Руси".

Хотя на монетахъ его въ арабскихъ легендахъ упоминается и имя хана Тохтамыша, но указанная надпись свидѣтельствуетъ, что годы нашей зависимости отъ Золотой орды уже были сочтены.

Примѣчательны также на нѣкоторыхъ монетахъ этого князя эмблемы воинственнаго характера: схожій съ литовскимъ гербомъ всадникъ. Этотъ конникъ, но не съ мечомъ, а съ копьемъ, какъ увидимъ ниже, изображенъ на печати этого князя. Недостаетъ только дракона подъ ногами коня, чтобы вполнѣ сформировалась та эмблема, которая стала гербомъ Москвы. Но и драконъ подъ конемъ появляется скоро, именно — на монетахъ Василія II.

На монетахъ же Василія преобладаетъ мирный конникъ, именно — сокольничій съ птицей на рукѣ. Всадникъ этого послѣдняго типа встрѣчается чаще перваго и не сходитъ съ монетъ и послѣдующихъ княженій, какъ бы конкурируя съ конникомъ военнаго типа и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы готовясь стать государственнымъ гербомъ Москвы. Заслуживаетъ вниманія нумизматовъ и вообще археологовъ то, что эта эмблема совпадаетъ съ русскимъ иконографическимъ изображеніемъ св. мученика Трифона, тоже съ соколомъ въ рукѣ. Въ честь его была построена церковь въ селѣ надъ Великимъ прудомъ, или, просто, въ Напрудскомъ, которое упоминается въ цѣломъ рядѣ духовныхъ завѣщаній, начиная съ Іоанна Калиты, и которое лежало „на Сокольничьемъ пути“, о коемъ тоже весьма заботливо говорятъ великокняжескія завѣщанія („Государственныя грамоты и договоры“.

Т. I). Позднѣйшія устныя сказанія, передающія поэтическое преданіе о построеніи здѣсь церкви царскимъ уже сокольничьимъ, пріурочиваютъ это къ царствованію Іоанна Грознаго и даже Алексѣя Михайловича. Но никакого нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь уже при Калитѣ существовалъ храмъ: это видно изъ того, что Напрудное называлось селомъ; а село отличается отъ деревни именно церковью. Искусственное гидравлическое сооруженіе здѣсь Великаго пруда указываетъ на то, что это урочище очень цѣнилось великими князьями. По преданію, именно здѣсь происходила охота государей съ соколами и кречетами „на мокрую", или водяную, птицу, тогда какъ „на верховую птицу" они охотились въ Сокольникахъ. Навѣрно, въ селѣ надъ Великимъ прудомъ издавна, еще до Василія I, жили великокняжескіе сокольники и другіе ловчіе. Вотъ почему знатокамъ русскихъ древностей слѣдуетъ обратить вниманіе на совпаденіе нумизматическаго и даже геральдическаго изображенія всадника съ соколомъ въ рукѣ съ иконографическимъ изображеніемъ его въ церкви бывшаго села Напруднаго. Это обѣщаетъ немало интересныхъ выводовъ. Приводимъ сперва двѣ монеты Василія I съ изображеніемъ коннаго сокольника и печать князя Патрикѣева, конца этого столѣтія, съ такимъ же гербомъ.

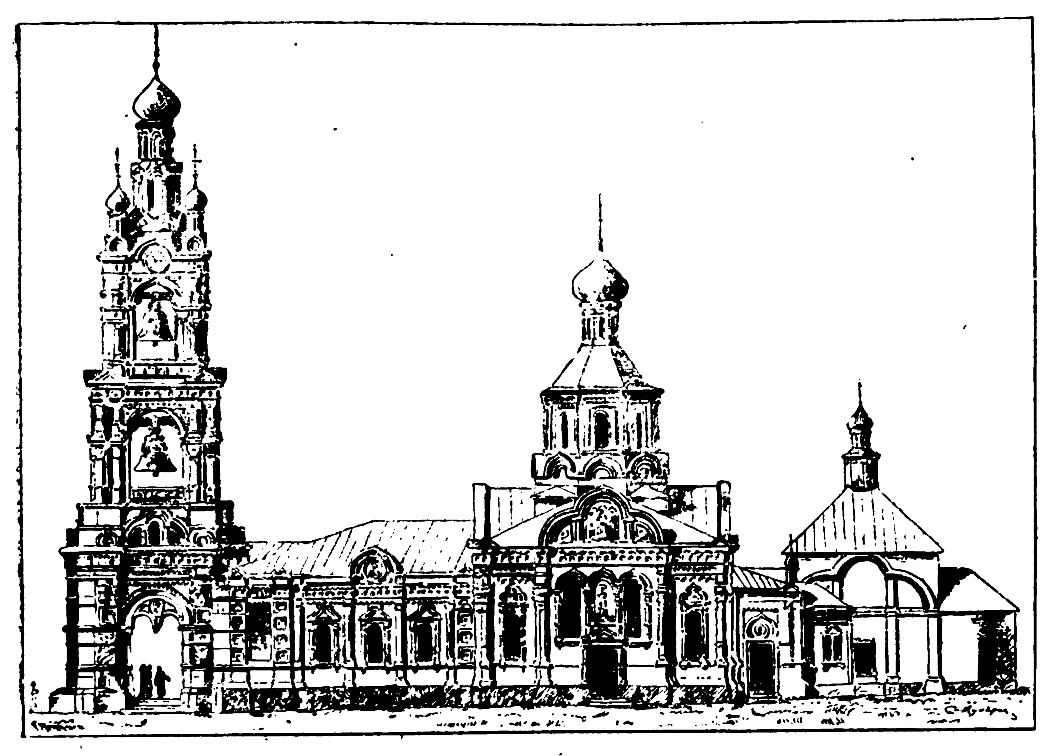
Воспроизводимъ также изображеніе Трифоновской, въ Напрудномъ, церкви, гдѣ сохранилась въ древнемъ видѣ маленькая церковь, новгородскаго стиля, въ коемъ строились въ Москвѣ храмы до прихода сюда итальянскихъ зодчихъ. Древняя церковь св. Трифона изображена на правой сторонѣ рисунка.

Подвигаясь въ развитіи различныхъ отраслей техники, Москва, при Василіи I, пыталась усилить себя и въ военномъ отношеніи еще новою крѣпостью. На ряду съ каменнымъ Кремлемъ, съ его „забралами градными, вратами желѣзными и стрѣльницами, замыслиша въ 1394 году укрѣпленіе посада", т. е. Китай-города. Изъ лѣтописи не видно, замышлено ли было поставить здѣсь каменныя стѣны или деревянныя и даже земляныя, но судя по тому, что не остановились предъ огромными даже убытками, крѣпостныя сооруженія должны были стать весьма серьезными. Вотъ что, по этому поводу, говоритъ лѣтопись: „замыслиша

ровъ копати и почаша съ Кучкова поля (отъ Срѣтенскаго монастыря), а конецъ въ Москву-рѣку, шириною въ сажень, а глубиною въ ростъ человѣка. *Много бысть убытка людемъ, потому что поперегъ дворовъ копаша и много хоромъ разметаша*". Но это, очевидно, очень большое предпріятіе, къ сожалѣнію, не имѣло успѣха; лѣтопись къ приведеннымъ словамъ прибавляетъ: „а не учиниша ничтоже и ничего не доспѣша". Такъ посаду и пришлось еще долгое время стоять безъ укрѣпленій; и при вражескихъ нашествіяхъ, изъ опасенія „примету (осады)" Кремля, посадскіе дома не разъ приходилось сжигать, а жителямъ, если не хватало мѣста за Кремлевскими стѣнами, прятаться въ лѣсахъ. Но Москва вошла уже въ такую силу, что и послѣ такихъ пожаровъ съ удивительною быстротою поднималась изъ пепла. Она въ это время уже имѣла значительное количество улицъ. Самая большая изъ нихъ называлась *Великою* и шла мимо Кремля, вдоль Москвы-рѣки, до мѣстности (Васильева луга), занимаемой теперь Воспитательнымъ домомъ. Странно, что наши историки вскользь говорятъ о всѣхъ указанныхъ нами проявленіяхъ культурнаго роста Москвы. Быстрота же его имѣетъ тѣмъ большую для насъ цѣну, что онъ шелъ и самобытно и среди очень неблагопріятныхъ условій. Москву все еще сильно тѣснили и орда, и Литва, и разные удѣльные князья; не смотря на это, она быстро преуспѣвала въ разныхъ отрасляхъ своей жизни.

Чрезвычайно интересно дошедшее до насъ современное портретное изображеніе великаго князя Василія Дмитріевича и его супруги. Оно находится на саккосѣ митрополита Фотія, хранящемся въ патріаршей ризницѣ. Это облаченіе покрыто съ обѣихъ сторонъ вышитыми по голубому атласу золотомъ, серебромъ и шелкомъ изображеніями святыхъ и праздниковъ; но, что особенно для насъ любопытно,—на передней сторонѣ саккоса, внизу его, изображены направо отъ зрителя: Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ и его супруга Софья Витовтовна, а налѣво—Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга императрица Анна, дочь Василія I и Софьи (раньше этого брака Василій I посылалъ его отцу, тѣснимому турками, большіе дары, состоявшіе изъ серебра); рядомъ съ Византійскимъ императоромъ изображенъ и самъ митрополитъ Фотій. Три послѣднія лица обозначены греческими надписями, а наши великіе князь и княгиня—славянскими. Василій I на этомъ портретѣ имѣетъ мужественное лицо, съ черными усами и умѣренною бородою, раздвоившеюся въ концѣ. На немъ низко-подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкія зеленыя шаровары, запрятанныя въ высокіе сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинутъ довольно короткій плащъ, или „приволока", зеленаго цвѣта, съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. На правой рукѣ видно золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ, съ крестами вверху и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи, съ красными клѣтками въ золотыхъ рамахъ; сарафанъ укра-

шенъ золотымъ ожерельемъ, съ такимъ же передникомъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка, или длинный плащъ, золотой, съ серебряными кругами и синими и красными крестами. На княгинѣ вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ. Это изображенiе весьма важно не только въ иконографическомъ отношенiи, но и для исторiи московскихъ одеждъ. Императоръ Iоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ византiйскомъ царскомъ облаченiи, съ нимбомъ, или вѣнцомъ святости, вокругъ головы. Митрополитъ Фотiй представленъ въ золотомъ саккосѣ, съ крестами въ красныхъ кругахъ; сверхъ саккоса омофоръ серебряный, съ золотыми крестами. Голова Фотiя не покрыта,

Храмъ св. Трифона, что въ Напрудной, въ Москвѣ.

видны густые черные волосы и окладистая борода; вокругъ головы такой же нимбъ, какъ и у другихъ изображенныхъ святителей.

Василiй Дмитрiевичъ отъ Софьи Витовтовны имѣлъ пятерыхъ сыновей и четырехъ дочерей, а именно: Юрiя, Ивана („зело превозделеннаго ему"), Василiя, Данiила и Симеона; дочерей: Марiю, бывшую за бояриномъ и воеводой княземъ Юрiемъ Патрикѣевичемъ (сыномъ Литовскаго князя Патрикiя Наримонтовича), Василису, бывшую въ первомъ бракѣ за Александромъ Брюхатымъ, а во второмъ за Александромъ Взметнемъ, князьями Суздальско-Нижегородскими, Анну, выданную за Iоанна Палеолога, и Анастасiю, бывшую за Кiевскимъ княземъ Александромъ (Олелькомъ) Владимiровичемъ, внукомъ Ольгерда.

Наслѣдникомъ, по второй духовной Василія I, за смертью всѣхъ другихъ сыновей, объявленъ былъ, подъ опекой его матери и дѣда Витовта, Василій Васильевичъ. Ему всего было десять лѣтъ, когда умиралъ его отецъ. Никоновская лѣтопись разсказываетъ о его рожденіи слѣдующее. Когда, во время родовъ, великая княгиня стала изнемогать и, казалось, умираетъ, великій князь послалъ въ монастырь Іоанна Предтечи, къ извѣстному ему святостью жизни старцу и просилъ помолиться о роженицѣ. Тотъ сказалъ, чтобы государь молился Богу, его Пречистой Матери и покровителю великокняжескаго рода — Логину-сотнику, а о княгинѣ бы не скорбѣлъ, потому что она выздоровѣетъ и въ этотъ же вечеръ родитъ ему сына. Когда это послѣднее сбылось, въ келью великокняжескаго духовника, у Спаса на Бору, кто-то стукнулъ и сказалъ: „иди, нарцы имя великому князю Василію". Духовникъ, взявши необходимое, вышелъ изъ кельи, но посланнаго не нашелъ. Идя въ великокняжескій дворецъ и встрѣтивъ на дорогѣ посланнаго, узналъ, что тотъ у него еще не былъ и лишь только первый идетъ къ нему, никого другого не посылали изъ дворца. „Мнѣ же,—говоритъ лѣтописецъ,—о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прорѣченіи старецъ Дементій печатникъ, а сему повѣда великая княгиня Марія (супруга Василія II)".

Великій князь Василій Дмитріевичъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, около южной стѣны. На надгробіи сдѣлана слѣдующая надпись: „Въ лѣто 6,933—1425 года, февраля въ 27 день, преставился благовѣрный князь великій Василій Дмитріевичъ".

Здѣсь мы приводимъ двѣ печати этого великаго князя: одну съ изображеніемъ его ангела Василія Великаго, другую — всадника съ копьемъ въ рукѣ.

Исторія княженія Василія Васильевича (1425—1462) ясно показываетъ намъ, что даже междоусобія уже не въ силахъ были сокрушить могущество Москвы, созданное ея великими князьями,—собирателями Руси. Изъ ряда потрясеній этого времени наша столица вышла едва ли не сильнѣе, чѣмъ какою перешла въ руки Василія Темнаго.

Мы не станемъ слѣдить за подробностями происшедшаго въ это время перваго и единственнаго, въ родѣ Іоанна Калиты, междоусобія. Несмотря на то, что митрополитъ всея Руси Фотій, съ духовенствомъ, московскіе бояре и самъ народъ твердо стояли за Василія II,

какъ наслѣдника великокняжескаго престола, по прямой нисходящей линіи, дядя его, Юрій Дмитріевичъ, со своими сыновьями поднялся противъ нашего князя, хотя самая Золотая орда, въ лицѣ своего хана Улу-махмета, приняла его сторону; и ханскій посолъ „садилъ Василія на великое княженіе у Пречистыя, у Золотыхъ дверей (Успенскаго собора)“, т. е. присутствовалъ при вѣнчаніи его великимъ княземъ (не во Владимірѣ, какъ бывало прежде, а въ первый разъ въ Москвѣ).

За Юріемъ Дмитріевичемъ, еще послѣ смерти Василія I, ходилъ въ Звенигородъ митрополитъ Фотій звать дядю въ Москву, присутствовать „при торжественномъ вокняженіи“ его десятилѣтняго племянника. Желая поразить владыку массой своего народа, этотъ князь собралъ городскую чернь и крестьянъ сосѣднихъ волостей и выставилъ эти толпы на горѣ, подлѣ города. Но хитрость эта была разгадана митрополитомъ, и онъ сказалъ Юрію: „сыне, никогда я не видалъ столько народа въ овечьей шерсти!“ давая понять, что отъ крестьянскихъ сермягъ до ратныхъ доспѣховъ еще далеко. Князь однако не пошелъ въ Москву на торжество „вокняженья“ племянника, хотя и заключилъ съ нимъ мирный договоръ.

Не смотря ни на что, Юрій Дмитріевичъ, подстрекаемый перешедшимъ къ нему изъ Москвы бояриномъ Всеволожскимъ, на дочери котораго обѣщалъ было жениться Василій II, и своими сыновьями Дмитріемъ Шемякой и Василіемъ Косымъ, съ котораго на великокняжеской свадьбѣ Софья Витовтовна велѣла сорвать поясъ Донского, силой овладѣлъ Москвою и великимъ княженіемъ. Нѣсколько разъ Василію Васильевичу приходилось то силой, то хитростью отнимать Москву сперва у Юрія, а потомъ у его сыновей.

Эта борьба отмѣчена и вѣроломствомъ, и кровопролитіемъ, и жестокостью, какъ, напримѣръ, ослѣпленіемъ Василія Косого и самого Василія II. Но, среди этихъ печальныхъ явленій, мы видимъ и отрадныя. Москва въ это время уже обнаруживаетъ свой ясный государственный смыслъ: она крѣпко стоитъ за враждебный удѣльной системѣ принципъ наслѣдованія престола по прямой нисходящей линіи и энергически поддерживаетъ своего государя - князя. Такъ, когда Юрій сѣлъ на Московскомъ великомъ княженіи, а Василій получилъ въ удѣлъ себѣ Коломну, наши бояре, дворяне и народъ стали покидать торжествующую сторону, отказываясь служить новому князю, и стали массами уходить въ Коломну, къ Василію Васильевичу; тамъ стало тѣсно отъ переполнявшаго городъ народа. Юрій, покинутый всѣми, долженъ былъ уйти изъ Москвы. Впослѣдствіи, когда ослѣпленный Василій уже былъ заточенъ въ Угличѣ, опять въ Москвѣ поднялась народная волна въ пользу законнаго государя. Стрига Оболенскій, Ряполовскій, Ѳеодоръ Басенокъ и другіе служилые люди, уйдя изъ Москвы на западную границу, рѣшились освободить Василія Васильевича изъ Углича и стали собирать войска противъ Димитрія Шемяки.

Особенно велика была поддержка принципу единодержавія со стороны Церкви и ея первостоятеля—святителя Іоны. Онъ былъ инокомъ въ Симоновомъ монастырѣ и несъ послушаніе „въ пекальницѣ", или хлѣбной. Этотъ достойнѣйшій преемникъ святыхъ Петра и Алексія энергически стоялъ за законнаго государя Василія Васильевича. Когда восторжествовалъ надъ нимъ Шемяка, Іона, бывшій въ то время еще только Рязанскимъ владыкой, печаловался о своемъ заточенномъ великомъ князѣ и его сыновьяхъ, находившихся въ Муромѣ, подъ защитой князей Ряполовскихъ.

Получивъ отъ узурпатора обѣщаніе, что Василій Васильевичъ будетъ освобожденъ и княжичамъ его не будетъ худа, святитель отправился въ Муромъ и тамъ въ соборѣ „изъ пелены у Пречистыя взялъ на патрахѣль свою" княжичей-сыновей своего государя. Когда Шемяка не сдержалъ своего слова, не отпустилъ углицкаго заточника, то св. Іона обличалъ его за то, что онъ сдѣлалъ святителя орудіемъ своего обмана. „Что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпецъ?—говорилъ іерархъ.—Дѣти его еще малы; укрѣпи его крестнымъ цѣлованіемъ и нашею братіей—владыками". Когда Василій II, получивъ свободу, пришелъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, куда собрались къ нему многіе бояре и дѣти боярскія, игуменъ этого монастыря Трифонъ разрѣшилъ князя-слѣпца отъ „проклятыхъ (т. е. клятвенныхъ)" грамотъ, которыя тотъ далъ Шемякѣ. Василій, снова утвердившись въ Москвѣ, когда узналъ, что Шемяка, вопреки договору своему, сталъ мутить москвичей, чрезъ своихъ тіуновъ, отдалъ это дѣло на судъ собору епископовъ. Тогда св. Іона отъ лица русскихъ святителей писалъ Шемякѣ укорительное посланіе, скрѣпленное подписью пяти владыкъ. Посланіе напоминаетъ Шемякѣ грѣхъ отца его Юрія, сравниваетъ его съ братоубійцей Каиномъ и Святополкомъ, ослѣпившимъ Василька Ростиславича; упрекаетъ его въ клятвопреступленіи и въ измѣнѣ, разбойничьемъ нападеніи на великаго князя и ослѣпленіи послѣдняго, и, въ случаѣ новаго междоусобія, грозитъ Шемякѣ отлученіемъ отъ Церкви. Посланіе это увѣщеваетъ всѣхъ быть вѣрными и послушными своему „государю"—великому князю, и грозитъ тоже отлученіемъ тѣмъ, „кто не добьетъ челомъ своему господарю".

Москва при Василіи II видѣла важныя церковныя событія: это изгнаніе изъ Успенскаго собора митрополита—паписта, подписавшаго Флорентійскую унію, и поставленіе, вмѣсто Цареграда, въ Москвѣ, русскими святителями, въ митрополиты всероссійскіе русскаго іерарха святого Іоны.

Послѣ смерти грека — митрополита Фотія, Константинопольскій патріархъ и императоръ, замыслившіе подчинить Греческую Церковь власти Римскаго папы, поспѣшили поставить на первосвятительскую каѳедру грека Исидора. Новый митрополитъ былъ орудіемъ предстоявшей уніи между Церквами. Едва явился онъ въ Россію, какъ уже сталъ собираться на мнимый восьмой вселенскій соборъ во Флоренціи. Великій князь долго не пускалъ его и дозволилъ ему отправиться въ

Италію, давъ строгій наказъ не приносить оттуда ничего новаго. Но на Флорентійскомъ соборѣ митрополитъ явился ревностнымъ сторонникомъ папы и уніи и сдѣланъ былъ легатомъ отъ ребра (a latere) апостольскаго въ земляхъ Лифляндскихъ, Литовскихъ и Русскихъ. На возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить въ православные и латинскіе храмы и пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. По возвращеніи въ Москву, онъ началъ именоваться папскимъ легатомъ, велѣлъ носить предъ собою латинскій четырехконечный крестъ (крыжъ) и три палицы серебряныя, а въ молитвѣ поминать папу прежде вселенскихъ патріарховъ. Въ Успенскомъ соборѣ онъ приказалъ торжественно прочесть грамоту о соединеніи Церквей, въ которой говорилось, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, что опрѣсноки могутъ претворяться въ тѣло Христово, что усопшихъ ожидаетъ чистилище и проч. Всѣ эти новшества, составлявшія, по русскимъ убѣжденіямъ, главныя заблужденія *латинской ереси,* какъ измѣна православію, произвели соблазнъ въ духовенствѣ и народѣ. Великій князь тутъ же, въ самомъ Успенскомъ соборѣ, назвалъ Исидора не пастыремъ и учителемъ, а „папскимъ прелестникомъ и волкомъ", и велѣлъ заключить его подъ стражу въ Чудовомъ монастырѣ. Въ 1441 году онъ былъ осужденъ соборомъ Русскихъ епископовъ, но бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ, гдѣ получилъ красную кардинальскую шапку отъ папы. Это былъ послѣдній на Руси митрополитъ изъ грековъ.

Когда Василій окончательно утвердился на великокняжескомъ престолѣ, онъ рѣшился возвести св. Іону въ митрополиты. Такъ какъ въ Цареградѣ продолжали уніата Исидора признавать митрополитомъ, то великій князь, безъ участія Константинопольскаго патріарха, приступилъ къ этому дѣлу и для этого созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ. Сюда прибыли владыки Сѣверо-восточной Руси: Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій и Пермскій; а владыки Новгородскій и Тверской прислали свои грамоты съ изъявленіемъ согласія на поставленіе Іоны. Соборныя совѣщанія епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства происходили въ Архангельскомъ соборѣ. Вспомнивъ, кромѣ каноническихъ правилъ, русскіе примѣры избранія въ митрополиты Иларіона и Климента, остановили свой выборъ на св. Іонѣ и, наконецъ, 5 декабря 1448 г., во время торжественной литургіи, возложили на Іону митрополичій омофоръ и дали ему въ руки великій посохъ первосвятителя Петра, находящійся нынѣ въ Успенскомъ соборѣ. Новый митрополитъ разослалъ по всей Руси окружное посланіе о своемъ поставленіи. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ высказывались противъ такого избранія. Такъ, игуменъ Пафнутій Боровскій не велѣлъ въ своей обители называть св. Іону митрополитомъ. Новый владыка вызвалъ его въ Москву, наказалъ его своимъ жезломъ и заключилъ въ оковы. Пафнутій смирился и былъ отпущенъ въ свой монастырь. Воспроизводимъ печать св. Іоны. Мощи этого святителя почиваютъ въ

Успенскомъ соборѣ, и онъ почитается особымъ и преимущественнымъ молитвенникомъ о нашихъ государяхъ.

Вышеприведенныя печальныя событія не помѣшали однако развиваться Москвѣ, какъ городу. Храмовая ея стихія все росла. Василій II, вмѣсто пришедшей въ ветхость церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ, гдѣ жилъ первоначально св. Петръ митрополитъ, построилъ новую каменную. Митрополитъ Іона выстроилъ на своемъ митрополичьемъ дворѣ новую каменную палату и храмъ Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы. Эта небольшая церковь была построена въ новгородско-псковскомъ стилѣ. Поводомъ къ этому были слѣдующія обстоятельства: послѣ бѣгства Шемяки въ Новгородъ казанскіе татары подступили къ Москвѣ, а великій князь, оставивъ городъ св. Іонѣ и матери своей Софьѣ Витовтовнѣ, уѣхалъ на Волгу собирать войско. Враги выжгли посады. Передъ приступомъ былъ совершенъ крестный ходъ вдоль кремлевскихъ стѣнъ. Татары стали осыпать осажденныхъ стрѣлами. Св. Іона обратился къ иноку Чудова монастыря Антонію Клозынѣ, прося и его помолиться; онъ отвѣчалъ: „ты великій архіерей, твои молитвы не презритъ Богородица, городъ будетъ спасенъ, а я одинъ буду убитъ". Антоній тутъ же упалъ, на смерть пораженный стрѣлой, а татары, услыхавъ какой-то шумъ вдали и думая, что идетъ великій князь, ушли изъ Москвы. Это совершилось въ 1451 году, 2-го іюля, въ праздникъ Положенія Ризы. Спустя четыре года, въ память побѣды надъ татарами на Окѣ, митрополитъ въ Успенскомъ соборѣ устроилъ придѣлъ Похвалы Богородицы, перенесенный при Іоаннѣ III въ юго-восточную главу собора, гдѣ онъ находится и теперь и куда ведетъ каменная лѣстница изъ придѣла Димитрія Селунскаго. Самъ великій князь при церкви Іоанна Предтечи, близъ Боровицкихъ воротъ, построилъ тайникъ, гдѣ впослѣдствіи хранилась погибшая однако во время пожара казна Софьи Ѳоминишны Палеологъ.

Печать св. Іоны митрополита.

Въ это же княженіе основанъ Крестовоздвиженскій монастырь въ Бѣломъ городѣ, между Кремлемъ и Арбатскими воротами, отъ чего улица стала называться Воздвиженкой. На мѣстѣ этого монастыря находился окруженный большими садами домъ боярина Владиміра Григорьевича Ховрина, любимца и казначея великокняжескаго. По ослѣпленіи Василія II, онъ на мѣстѣ приходской церкви основалъ монастырь, въ коемъ самъ принялъ иноческій постригъ. Во время одного нашествія татаръ онъ со своими монахами вооружился и соединился съ войскомъ воеводы князя Юрія Патрикѣевича и способствовалъ побѣдѣ надъ непріятелемъ.

Въ 1456 году Василій Васильевичъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Михаила, возвратилъ въ Смоленскъ икону Божіей Матери, привезенную оттуда Софьей Витовтовной и находившуюся въ придворномъ Благовѣщенскомъ соборѣ. Икону проводили, 28-го іюля, торжественнымъ крестнымъ ходомъ, въ коемъ участвовалъ великій князь съ своимъ семействомъ, митрополитъ Іона и множество народа, до церкви Саввы Освященнаго, на Дѣвичьемъ полѣ.

Въ это время Кремль былъ уже значительно застроенъ княжескими, боярскими и владычними дворами. Тамъ находились слѣдующія архіерейскія и монастырскія подворья: Симоновское,—у Никольскихъ воротъ, Кирилловское,—у Фроловскихъ воротъ, и рядомъ съ нимъ Крутицкое,—противъ Вознесенскаго монастыря, Троицкое,—у Троицкихъ воротъ, Угрѣшское,—у церкви св. Петра чудотворца на городѣ, и Коломенское,—на Подолѣ. При подворьяхъ были деревянныя и каменныя церкви.

Москва и при Василіи II подвергалась опустошительнымъ пожарамъ. Когда она плакала о плѣненіи его Улу-Махметомъ, ханомъ Казанскимъ, въ Кремлѣ сдѣлался такой сильный пожаръ, что не только деревянныя зданія, въ томъ числѣ и дворецъ великокняжескій, но даже и каменныя церкви и стѣны мѣстами рушились и народу погибло 3000 человѣкъ.

Семейству великаго князя негдѣ было жить, и оно должно было удалиться въ Ростовъ. Когда Василій II былъ отпущенъ изъ плѣна за большой выкупъ (по одному свидѣтельству въ 200 тысячъ), въ Москвѣ произошло землетрясеніе. Оно было непродолжительно; однако колебаніе почвы было очень замѣтно и навело страхъ на жителей. Впрочемъ, стольный городъ встрѣтилъ великаго князя съ большимъ торжествомъ. Но нерадостенъ былъ его въѣздъ въ столицу, которая еще не успѣла оправиться отъ недавняго пожара. Великій князь принужденъ былъ остановиться за городомъ, на Ваганьковѣ (гдѣ теперь Румянцевскій музей), въ домѣ своей матери, а потомъ занялъ въ Кремлѣ дворъ князя Юрія Патрикѣевича; великій князь, утѣшая москвичей, говорилъ: „не унывайте, пусть каждый ставитъ хоромы на своемъ мѣстѣ, а я радъ васъ жаловать и дать вамъ льготы“.

Не смотря на всѣ эти бѣды, въ Москвѣ продолжали развиваться разныя отрасли техники, въ особенности чеканка монеты. Деньги этого княженія превосходятъ предшествующія и своею выработкою и разнообразіемъ штемпелей и подписей. До насъ дошло 87 разныхъ монетныхъ чекановъ Василія Темнаго. По части надписей укажемъ на то, что этотъ великій князь первый сталъ выбивать на монетахъ титулъ: „господарь всея Руси“. Изъ всей массы штемпелей мы отмѣтимъ только то, что здѣсь повторяются появившіеся въ предшествующее княженіе всадники и съ соколомъ и съ копьемъ въ рукѣ. Но копейный всадникъ на монетахъ Василія II уже, чего прежде не было, поражаетъ дракона; эта эмблема при Іоаннѣ III окончательно дѣлается государственнымъ гербомъ Москвы и, при религіозномъ характерѣ нашей геральдики, отожествляется съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Кромѣ всадниковъ этого

типа, встрѣчается въ это время еще и всадникъ-мечникъ, съ поднятымъ надъ головой мечомъ, похожій на литовскій гербъ. Оставляя въ сторонѣ изображенія миѳологическихъ животныхъ, людскихъ головъ и фигуръ и проч., мы должны еще упомянуть о нумизматическомъ изображеніи

князя на престолѣ не съ крестомъ, какъ на кіевскихъ монетахъ, въ рукѣ, а съ мечомъ. Все это свидѣтельствуетъ о ростѣ государственнаго сознанія въ Москвѣ и о развитіи монетнаго дѣла. Воспроизводимъ монеты Василія II съ изображеніемъ всадника, поражающаго дракона, и всадника-мечника.

Монеты Василія Темнаго.

Въ 1445 году великій князь съ ратью пошелъ на встрѣчу татарамъ къ Суздалю. Онъ расположился здѣсь станомъ и, 6-го іюля, весело поужиналъ въ своей палаткѣ съ князьями и боярами и пировалъ съ ними до утра. Вставши отъ сна, когда уже взошло солнце, онъ велѣлъ служить заутреню и послѣ нея хотѣлъ опять лечь поопочить. Вдругъ пришла вѣсть, что татары уже переходятъ черезъ рѣчку Нерль. Василій облекся въ доспѣхи и, распустивъ знамена, двинулся съ князьями въ поле.

Великій князь, напоминавшій храбростью дѣда своего Димитрія Донского, стремительно ударилъ на татаръ, которые были вдвое многочисленнѣе русскихъ, и разбилъ ихъ. Но наши оплошали и разбрелись за добычей. Тогда татары, оправившись, ударили на нихъ. Василій мужественно отбивался, но получилъ многія раны и ушибы; только благодаря крѣпкому панцырю и шлему, они оказались не опасными. Но наши были побиты, и самъ Василій Васильевичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татары сняли съ него даже крестъ-тѣльникъ и отослали его въ Москву къ великимъ княгинямъ — женѣ и матери. Впослѣдствіи онъ былъ отпущенъ изъ плѣна. Но послѣ своего ослѣпленія великій князь

Великіе князья Василій Темный и сынъ его Іоаннъ.

уже утратилъ охоту къ боямъ и весь былъ поглощенъ дѣлами государственнаго управленія.

Въ 1450 году слѣпецъ-князь сдѣлалъ соправителемъ своего сына Іоанна, и грамоты стали исходить отъ имени двухъ великихъ князей.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, укрѣпляя за нимъ великокняжеское достоинство, Василій надѣляетъ этого сына своего огромными, по сравненію съ другими сыновьями, землями и тѣмъ упрочиваетъ въ Московскомъ государствѣ единодержавіе. По этой духовной лучшая и большая часть недвижимой собственности передается великому князю.

Въ 1462 году Василій Васильевичъ разболѣлся *сухотною болѣзнію* и приказалъ на разныхъ мѣстахъ тѣла жечь трутъ—обычное въ то время средство противъ названной болѣзни, какъ видно изъ тогдашнихъ лѣ-

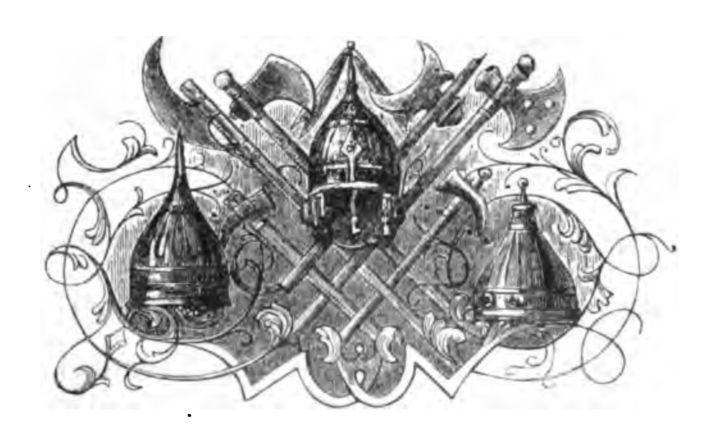
чебниковъ, такъ называемыхъ „Добропрохладныхъ вертоградовъ". На тѣлѣ открылись раны, которыя начали гнить. Предвидя скорый конецъ жизни, великій князь хотѣлъ принять иноческій чинъ и схиму, но его отъ того удержали.

Василій II погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, возлѣ иконостаса, близъ южныхъ дверей. Надгробная надпись гласитъ: „Въ лѣто 6970—1462 марта въ 28 день преставися благовѣрный и христолюбивый князь великій Василій Васильевичъ Темный".

Воспроизводимыя, въ качествѣ памятниковъ того времени, двѣ печати, принадлежатъ одна великому князю Василію II, а другая его сопернику Димитрію Шемякѣ. На первой изображено—голова въ коронѣ, на другой—витязь въ шлемѣ.

V.

При Іоаннѣ III.

При Іоаннѣ III, послѣ двухсотлѣтняго существованія, Москва вступаетъ въ новый періодъ своего историческаго бытія. Становясь изъ великокняжеской столицы —царскою, хотя этотъ государь и не принялъ еще царскаго титула, она, въ соотвѣтствіе своему внутреннему могуществу и всероссійскому значенію, измѣнила многое въ своей внѣшности: новыя величавыя стѣны и бойницы Кремля, новый первопрестольный соборъ Успенія, вновь выстроенная усыпальница государей—храмъ архангела Михаила, невиданная каменная Грановитая палата и другія палаты государя, множество новыхъ церквей и домовъ бѣлокаменныхъ, новый государственный гербъ на печатяхъ и монетахъ и проч.,—все это возвѣщало новую историческую эпоху. Но эти новизны не рѣзали глазъ своими отличіями отъ великокняжеской старины: онѣ не знаменовали какого-нибудь крутого внутренняго переворота въ духѣ и сердцѣ Россіи, въ родѣ реформы Петра I, а просто накопленіе внутреннихъ силъ Москвы органически, въ прежнемъ историческомъ національномъ духѣ, переродило ея внѣшность. Старая скорлупа, старая кожа ея сошла и органически выросла, соотвѣтственно размѣрамъ и силамъ выросшаго организма, новая оболочка, новые покровы того же тѣла.

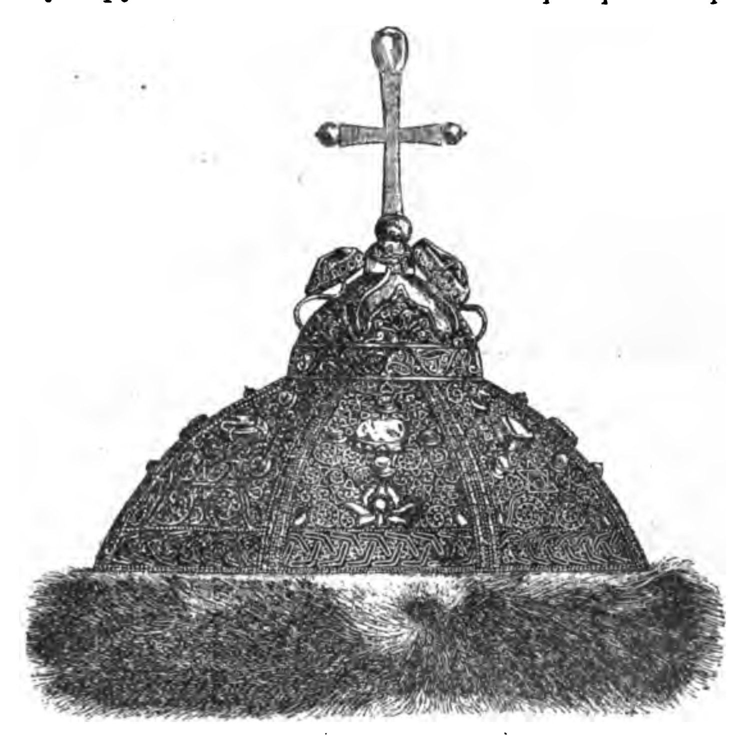
Самъ Іоаннъ III, какъ ни обильно его знаменитое правленіе событіями, не предпринималъ ничего въ сущности новаго, а только про-

должалъ дѣло своихъ предшественниковъ Московскихъ князей,—собирателей Руси. Заканчивая установленіе на Руси единства, присоединяя къ Москвѣ Новгородъ, обратившійся почти въ независимое, полуреспубликанское государство, Тверь, нѣкоторые Рязанскіе удѣлы, пріобрѣтая Русскія земли за рубежомъ Сѣверо-восточной Руси, въ предѣлахъ Литвы, онъ ничего не дѣлалъ такого, чего не было на умѣ Іоанна Калиты. Вѣдь, сынъ его, владѣя небольшою лишь частью удѣльныхъ земель, уже сталъ называть себя великимъ княземъ всея Руси. Растоптавъ ханскую басму и прогнавъ сарайскихъ пословъ, что знаменовало возстановленіе независимости Руси и конецъ монгольскаго ига, Іоаннъ III осуществилъ только то, что было на умѣ не одного Дмитрія Донского, поднявшаго мечъ противъ орды, а и на умѣ Юрія Московскаго, еще низко кланявшагося ордынцамъ.

Іоаннъ III не хотѣлъ, чтобы Русь напоминала удѣльное время, съ его вѣчами и дружинами, а являлъ себя на Руси первымъ единодержцемъ, самодержцемъ и царемъ, по образу Византійскихъ императоровъ. Но то, что онъ заставилъ привезенный въ Москву вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода сзывать съ кремлевской колокольни народъ не на своевольныя вѣча, а на церковныя службы, что онъ грозно заставлялъ молчать предъ собою большихъ княжихъ думцевъ, — не было въ Москвѣ новшествомъ. Вѣдь, недаромъ Московскіе князья, уже въ лицѣ Василія II наименовавшіе себя господарями, еще до него такъ заботливо передавали шапку и бармы Мономаха изъ рода въ родъ, и еще сынъ Калиты Симеонъ Гордый въ духовномъ завѣщаніи своемъ заповѣдалъ своему преемнику заботиться о томъ, чтобы „свѣща не погасла". Эта свѣща зажжена была еще на горахъ кіевскихъ Владиміромъ Святымъ; она горѣла при Ярославлѣ Мудромъ, который, устраивая въ матери градовъ русскихъ, по подобію Византіи, Святую Софію и Золотыя ворота, придавалъ ему видъ новаго Цареграда; свѣтъ этой свѣщи отражался и на Мономаховой шапкѣ на головѣ Владиміра Всеволодовича...

Московскіе же князья, среди усобицъ и подъ грозой Золотой орды, должны были таить подъ спудомъ этотъ свѣтъ, дабы бури его не угасили. Но не противъ ихъ мыслей и преданій было то, что хранитель и исполнитель ихъ завѣтовъ Іоаннъ III, вмѣсто упавшаго Кіева и при отцѣ его завоеванной турками Византіи, сталъ дѣлать изъ Москвы для Руси мать ея градовъ, а для всего восточнаго міра новый Цареградъ. Женившись на царевнѣ греческой, Софіи Палеологъ, онъ сталъ считать себя наслѣдникомъ не только преданій, но и самыхъ земель ея, и принялъ гербъ Греческой имперіи—двоеглаваго орла, который очень дружно сжился съ Московскимъ гербомъ – Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змія. Такъ и на Западѣ стали смотрѣть на Іоанна III и на Россію: начали возлагать на насъ миссію изгнанія изъ Европы турокъ, которое было было не по плечу Германо-Римской имперіи, именуемой Священной и принявшей такой же орлиный гербъ. Въ это время стало слагаться вѣрованіе, что Русь водворится въ седмихолмномъ Цареградѣ и сниметъ магометанскій полумѣсяцъ со св. Софіи.

Не противорѣчили завѣтамъ Московскихъ князей и стремленія Іоанна III завести сношенія съ западными государствами. Сознавая величіе и могущество своего государства, желая занять для нея подобающее мѣсто въ системѣ государствъ Европы, онъ съ многоразличными цѣлями велъ эти сношенія, пользуясь для этого и иностранцами, и своими русскими дипломатами, каковыми у него, кромѣ грековъ и нѣмцевъ, были Григорій Истома, Θедоръ Курицынъ, Алексѣй Голохвастовъ, Михайла Плещеевъ, Михайла Еропкинъ, Власій Герасимовъ, Семенъ Толбузинъ и другіе. Москва въ это время видѣла много чужестранныхъ посольствъ, и сама отправляла въ чужія страны свои дипломатическія миссіи. У насъ въ эту пору завязались сношенія съ императоромъ Германскимъ,

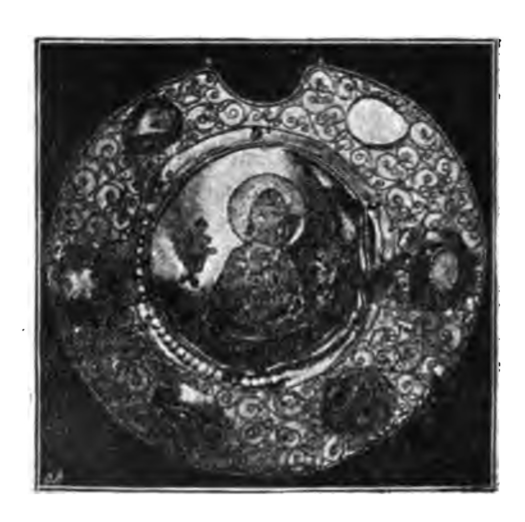

Вѣнецъ Владиміра Мономаха.

папою Римскимъ, королемъ Датскимъ и Венгерскимъ, Венеціанскимъ дожемъ, султаномъ Турецкимъ, шахомъ Персидскимъ и другими. Примѣчателенъ духъ и тонъ этихъ сношеній; сообразжаясь съ нимъ, иностранные послы уже величаютъ Іоанна царемъ и цезаремъ. Государь всея Руси давалъ иностраннымъ посламъ довольно рѣзко чувствовать свое недовольство, если они допускали что-либо, хоть сколько-нибудь невмѣстное съ достоинствомъ Россіи. Когда германскій посолъ Поппель предложилъ Московскому государю выхлопотать у императора королевскій титулъ, Іоаннъ сказалъ: „Мы, Божіею милостію, государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, и поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; и просимъ Бога, чтобы и впредь далъ Богъ и намъ и нашимъ дѣтямъ до

вѣка такъ быть, какъ мы теперь есть государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ". Въ переговорахъ съ Θеодоромъ Курицынымъ Поппель заговорилъ, чтобы государь отдалъ свою дочь или за маркграфа баденскаго—или за курфюрста саксонскаго.

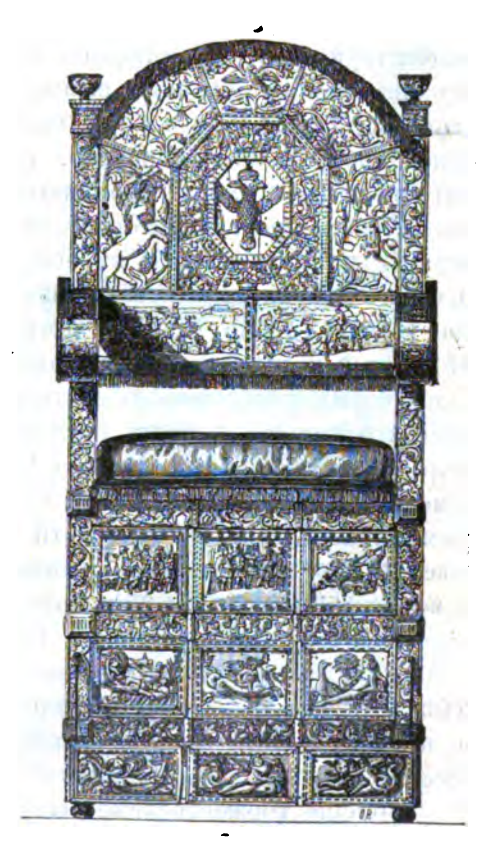

Древнія бармы (изъ Рязанскаго клада).

Отправляя свое отвѣтное посольство къ Германскому императору (грека Трахоніата и при немъ двоихъ русскихъ), съ подарками (собольи и горностаевыя шубы), государь по поводу сватовства велѣлъ сказать, что Московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь марк-

графа непригоже, потому что отъ давнихъ лѣтъ прародители Московскаго государя были въ пріятельствѣ и любви съ знатнѣйшими Римскими царями, которые Римъ отдали папамъ, а сами царствовали въ Византіи; но, если бы захотѣлъ посватать дочь государя сынъ цезаря (впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ I), то нашъ посолъ долженъ былъ изъявить надежду, что государь захочетъ вступить въ такое дѣло съ цезаремъ. Бракъ этотъ не состоялся; но Максимиліанъ отправилъ въ Москву посольство и просилъ здѣсь бѣлыхъ соколовъ и кречетовъ, которыхъ и получилъ. Не имѣя другого подходящаго жениха, Іоаннъ выдалъ дочь за своего подданнаго, князя Василія Холмскаго, сына побѣдителя новгородцевъ на Шелони, а сына своего Василія женилъ на Софьѣ Юрьевнѣ Сабуровой, которая была вызвана въ Москву на смотрины въ числѣ 1500 лучшихъ дѣвицъ всего государства. Другая дочь его выдана была за великаго князя литовскаго; но отецъ выговорилъ, чтобъ она отнюдь не мѣняла своей православной вѣры на папизмъ, не была принуждаема ходить въ костелъ, была вѣнчана, по православному обряду, носила бы и въ Литвѣ русскую одежду и имѣла русскихъ слугъ *). Сына своего Іоанна онъ женилъ на дочери Волошскаго господаря Еленѣ. Вообще Іоаннъ III высоко держалъ себя передъ иностранными государями. Мелкіе изъ нихъ писали ему очень почтительныя грамоты. Такъ князь Иверской земли (Грузіи) Александръ называлъ Іоанна „звѣздой христіанскаго міра, всесвѣтлымъ и грознымъ государемъ, справедливой управой всѣмъ князьямъ“ и проч.

Тронъ изъ слоновой кости Іоанна III.

Съ иностранцами въ Москвѣ обращались строго, а иногда съ достойною порицанія безпощадною жестокостью; такъ доктора Леона, родомъ жидовина, не вылѣчившаго князя Іоанна Молодого, казнили, а другого врача Антона, не вылѣчившаго одного татарскаго царевича, выдали его родственникамъ; а тѣ ножомъ зарѣзали несчастнаго на Москвѣ рѣкѣ, по выраженію того времени, „какъ овцу“. Напуганный этимъ, знаменитый итальянскій зодчій Аристотель Фіоравенти хотѣлъ уѣхать изъ Москвы, но его здѣсь удержали насильно.

*) Княжна Елена вѣнчана была въ Вильнѣ священникомъ Ѳомою въ русской одеждѣ. Предъ вѣнчаніемъ были соблюдены всѣ русскіе обычаи: расплетеніе косы, осыпаніе хмелемъ и проч.

Мы не имѣемъ въ виду излагать внѣшніе факты правленія Іоанна III и, какъ ни интересны перипетіи паденія вѣчевого Новгорода, сверженія татарскаго ига, борьбы съ Литвою и проч.,—обратимся къ бытовымъ сценамъ этого примѣчательнаго времени и къ тому, что составляетъ исторію Москвы, какъ города.

Наша столица въ эту пору впервые видѣла особаго рода болѣе торжественное, чѣмъ прежде, поставленіе первосвятителя—митрополита всея Руси, затѣмъ, подобное царскому посажденіе государя на престолъ и вѣнчаніе шапкою Мономаха внука государева и, наконецъ, казни еретиковъ.

Когда сочувствовавшій занесенной къ намъ изъ Новгорода ереси жидовствующихъ митрополитъ Зосима принужденъ былъ отказаться отъ митрополіи, при чемъ всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, великій князь созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ, и они, вѣроятно, не безъ вліянія Іоанна, избрали въ митрополиты игумена Троицкаго монастыря Симона (1496 г.). Иванъ Васильевичъ предъ хиротоніей въ Успенскомъ соборѣ лично и торжественно принялъ участіе въ его нареченіи. При этомъ государь обратился къ избранному съ слѣдующею рѣчью: „Всемогущая и животворящая Святая Троица, дающая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій святый великій престолъ архіерейства, митрополію всея Руси, рукоположеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства и жезлъ пастырства. Отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства, во имя Господа Іисуса и Его пречистыя Матери, взыди и моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Богъ здравіе и долголѣтство“. Поставляемый въ митрополиты отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: „Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ Богомъ поставленное твое царство, Самодержавный Государь и Владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ и съ христолюбивыми воинствами, да пребываетъ въ вѣкъ вѣка: во вся дни живота здравъ, здравъ, здравъ буди, добро творя, животоносенъ, Владыка,—Самодержецъ, многолѣтенъ“.

Но еще торжественнѣе было посажденіе на престолъ или вѣнчаніе короною Мономаха въ Успенскомъ соборѣ внука Іоанна, Дмитрія, который ставился въ соправители своего дѣда. Памятники того времени сохранили намъ любопытныя подробности этого торжественнаго священнодѣйствія, которыя въ основныхъ чертахъ сдѣлались какъ бы обязательными для послѣдующихъ русскихъ коронацій. Торжество происходило 4 февраля 1498 года. Посреди Успенскаго собора, на особомъ возвышеніи, на такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ, поставили три сѣдалища, для государя, митрополита Симона и Димитрія. Первые двое сѣли на свои мѣста, а Димитрій сталъ предъ ними у верхней ступени помоста. Великій князь обратился къ первосвятителю съ слѣдующими словами: „Отче митрополитъ! Божіимъ повелѣніемъ — отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша; оттоль и до

сихъ мѣстъ отцы — великіе князи сынамъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася: сына моего въ животѣ не стало, и у него остался сынъ первой — Димитрій, и язъ нынѣ его благословляю при себѣ и послѣ себѣ великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ. И ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ". При этомъ Дмитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ положилъ руку на его голову и произнесъ благословенную молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха. Тогда архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе великому князю Дмитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники, князья, бояре и прочіе дворскіе люди. Въ заключеніе митрополитъ и государь сказали Дмитрію свои поученія, потомъ началась литургія, послѣ коей Дмитрій вышелъ изъ собора въ коронѣ и бармахъ. Въ дверяхъ Успенскаго собора дядя его князь Юрій Ивановичъ трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; тоже самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ. Вообще Іоаннъ III окружалъ себя царскою пышностью. Онъ слѣдовалъ въ обрядахъ своего двора примѣрамъ Византіи, отъ коей принялъ гербъ — двоеглаваго орла, который былъ соединенъ съ Московскимъ гербомъ — Георгіемъ Побѣдоносцемъ, скачущимъ на конѣ и поражающимъ копьемъ дракона.

Тронъ великаго князя (съ боку).

Московскій гербъ окончательно сложился, какъ геральдическое изображеніе, лишь въ правленіе Іоанна III. Всаднику, поражающему змія, предшествовали приведенныя прежде слѣдующія изображенія на монетахъ и печатяхъ: пѣшій витязь, поражающій дракона (на монетахъ Іоанна II) и всадники: конный ловчій съ соколомъ въ рукѣ, всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, но безъ дракона (на монетахъ и печатяхъ Василія I), и всадникъ-мечникъ съ поднятою надъ головою саблей и, наконецъ, уже всадникъ, поражающій дракона. (На монетахъ Василія II). Іоаннъ III первый перенесъ это послѣднее изображеніе на государственную печать. Приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она была

приложена къ грамотѣ этого великаго князя въ Ревель (по-русски — Колывань).

На двойной кормчей печáти, привѣшенной къ договорной грамотѣ (1504 г.) сыновей этого государя Василія и Юрія Ивановичей, на одной сторонѣ изображенъ Московскій гербъ, а на другой — Византійскій. На этой печати титулъ написанъ такъ: „Іоаннъ Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій“. Воспроизводимъ эту печать.

Гербовая печать Москвы.

Чрезвычайно любопытно, какое значеніе имѣлъ этотъ гербовый всадникъ?—По древне-русскимъ понятіямъ, его знаменованіе двойное: по

Кормчая печать.

однимъ—всадникъ этотъ изображаетъ государя на конѣ. Такъ лѣтопись говоритъ, что при Іоаннѣ IV (въ 1536 г.) учинено было знамя на деньгахъ: „великій князь на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копѣйныя“.

Но эмблема государя, торжествующаго надъ противогосударственнымъ зломъ, которое изображалось въ зміи или драконѣ, уже съ древнихъ временъ, при глубокой религіозности нашихъ предковъ, стала сливаться въ Москвѣ съ иконографическимъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, который пользовался, какъ олицетвореніе священной храбрости и побѣды, глубокимъ почитаніемъ въ Россіи. Рѣдкій изъ древнѣйшихъ храмовъ у насъ не имѣлъ изображеній святого Георгія, поражающаго змія. Въ Староладожской, такъ называемой Рюриковой крѣпости, въ храмѣ, современномъ основанію Москвы, мы находимъ изображеніе Георгія Побѣдоносца.

Подобныхъ изображеній какъ рѣзныхъ, такъ и иконописныхъ, было много и въ другихъ храмахъ, что указываетъ на силу и распро-

страненность почитанія на Руси этого святого. Подъ вліяніемъ столь сильнаго и столь распространеннаго его культа, въ княжескихъ семьяхъ имя Георгія стало излюбленнымъ. Владиміръ Равноапостольный нарекаетъ имя Георгія сыну своему Ярославу; Владиміръ Мономахъ даетъ тоже имя тому сыну, который, подъ именемъ Юрія Долгорукаго, основалъ Москву; Іоаннъ Даниловичъ Калита далъ своему сыну опять тоже имя, и одинъ изъ сыновей Димитрія Донского отданъ подъ покровительство этого же святого. Наконецъ и самъ Іоаннъ III выбираетъ въ патроны одному изъ своихъ сыновей того же Георгія Побѣдоносца. Примѣчательно, что въ это правленіе въ Москвѣ появляются два иконографическихъ изображенія Георгія. Одно поставлено было въ Успенскомъ

Св. Георгій Побѣдоносецъ въ Рюриковой крѣпости въ Ладогѣ.

соборѣ надъ гробницею митрополита Өеогноста; изъ латинской надписи на немъ видно, что оно прежде было на тріумфальныхъ воротахъ, построенныхъ сенатомъ и народомъ римскимъ. Изваяно оно изъ бѣлаго камня и представляетъ всадника, поражающаго копьемъ змія. Другое подобное изваяніе Іоаннъ III приказалъ поставить на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Здѣсь Василій III построилъ уже церковь въ честь этого патрона Москвы и ея государства, и гербовое изваяніе было поверстано, въ качествѣ храмовой иконы, въ иконостасѣ. По упраздненіи этой церкви, изображеніе было перенесено въ Вознесенскій монастырь, въ трапезу построенной Михаиломъ Өеодоровичемъ церкви Михаила Малеина. Указанныя иконографическія изоб-

раженія имѣютъ большое значеніе въ геральдической исторіи нашего герба.

При всей религіозности великаго князя Іоанна Васильевича, при всей его преданности восточному православію, которую онъ выразилъ, не допустивъ введенія въ Россіи уніи, для чего папа и сосваталъ Софію Палеологъ за нашего государя, при немъ, не безъ успѣха однако, пропагандировалась въ Москвѣ ересь жидовствующихъ. Она была занесена изъ Кіева ученымъ евреемъ Схаріей. Сей очень начитанный, особенно въ астрологіи и каббалистикѣ, еретикъ распространилъ въ Новгородѣ свое лжеученіе, отвергавшее Пресвятую Троицу, Божество Христа Спасителя, таинства, мощи, иконы и монашество и отдавалъ предпочтеніе Ветхому Завѣту предъ Новымъ.—Главными послѣдователями ереси были священники Діонисій и Алексѣй. Въ бытность Іоанна III въ Новгородѣ, они понравились ему и были взяты въ Москву. Первый былъ сдѣланъ протопопомъ въ Архангельскомъ соборѣ, второй—въ Успенскомъ. Ересь стала распространяться и въ Москвѣ. Между ея послѣдователями были симоновскій архимандритъ Зосима и лица, принадлежавшія къ господствовавшей тогда придворной партіи: ученый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, братъ его Иванъ Волкъ и невѣстка великаго князя супруга Іоанна Молодого Елена, мать объявленнаго наслѣдника престола. Ересь сталъ обличать архіепископъ Новгородскій Геннадій, но ему сперва не внимали въ Москвѣ и даже возвели на митрополичью каѳедру сочувствовавшаго ереси архимандрита Зосиму. Только посланіями ко всѣмъ епископамъ и самому государю Геннадій довелъ дѣло до созванія въ Москвѣ собора, который и осудилъ ересь. Но она подверглась преслѣдованію пока только на Волховѣ, гдѣ еретиковъ возили на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ и соломенныхъ вѣнкахъ, съ надписями: „се есть сатанино воинство“.

Вскорѣ ересь нашла поводъ къ торжеству. Прошелъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ, отъ сотворенія міра, и который, подъ вліяніемъ очень распространеннаго убѣжденія, народъ православный проводилъ въ страшной тревогѣ, въ ожиданіи кончины міра и второго пришествія Христова. Даже церковная пасхалія не составлялась на восьмое тысячелѣтіе. Но, когда миновалъ роковой семитысячный годъ, еретики стали глумиться надъ православными. Тогда къ обличителю ереси архіепископу Геннадію присоединился съ своими проповѣдями Іосифъ Волоколамскій. Зосима былъ низложенъ съ митрополіи и замѣненъ, какъ говорено выше, Симономъ. Обличители стали опираться на Софію Палеологъ и ея сына Василія. Елена, ея сынъ и вся ихъ партія подверглись опалѣ. Въ 1504 г. созванъ былъ новый соборъ противъ жидовствующихъ, и Москва видѣла подобныя испанскому ауто-да-фе казни еретиковъ: въ клѣткахъ сожгли дьяка Волка Курицына, Митяя Коноплева и Ивашку Максимова; другіе еретики были отправлены въ заточеніе. Елена же скончалась въ заключеніи.

Іоаннъ III является примѣчательнымъ организаторомъ нашего государственнаго быта въ духѣ сложившихся или еще слагавшихся русскихъ обычаевъ. Окружая себя царственною обстановкою, онъ организуетъ служилое сословіе. При немъ, кромѣ бояръ, достоинство коихъ теперь жалуется государемъ, являются уже и окольничіе; появляются и придворные чины постельничаго, конюшаго, ясельничаго, оружничаго, ловчаго и др. Ясно выступаетъ система помѣстная, обращавшая на началахъ государева жалованья низшіе классы служилыхъ людей въ помѣщиковъ, рядомъ съ вотчинниками. Развиваются приказы съ ихъ дьяками. Впервые появляется „разрядъ", наблюдавшій надъ порядкомъ государевой службы; былъ и посольскій приказъ, что можно заключать изъ того, что теперь существовалъ посольскій дьякъ. Земли дѣлятся уже всюду на сохи и обжи и облагаются налогомъ, который опредѣляется писцовыми книгами. Переходы крестьянъ съ одной земли на другую разрѣшаются въ теченіе двухъ недѣль, послѣ Юрьева (осенняго) дня. Для организаціи суда Іоаннъ издаетъ Судебникъ, который въ нашемъ законодательствѣ составляетъ шагъ впередъ, по сравненію съ Русской Правдой, которая допускала и кровавую месть и дозволяла деньгами отдѣлываться за убійство даже знатныхъ людей (80 гривенъ за голову). Судебникъ же устанавливаетъ государственныя наказанія за всѣ уголовныя преступленія: казнь смертную или торговую, т. е. тѣлесное наказаніе. Приводимъ, какъ палеографическій образчикъ того времени, отрывокъ изъ Судебника Іоанна.

Изъ Судебника Іоанна III.

Соотвѣтственно съ выросшимъ могуществомъ Москвы, этотъ государь произвелъ въ столицѣ всея Руси громадныя перестройки. Можно сказать, онъ разобралъ весь Кремль и перестроилъ его заново, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Но государь историческихъ народныхъ преданій, онъ далъ всѣмъ своимъ постройкамъ привычный русскому глазу типъ. Это примѣчательно особенно потому, что всѣ почти его архитекторы, какъ Аристотель Фіоравенти, Алевизъ, Маркъ Руфъ, Петръ-Антоній Фрязинъ, были иностранцы. Государь однако не позволялъ имъ строить на Москвѣ зданія въ западныхъ стиляхъ: ни въ готическомъ, ни въ стилѣ возрожденія. Они должны были возводить строенія въ русскомъ стилѣ, примѣняясь къ древне-русскимъ деревяннымъ постройкамъ и ихъ орнаментаціи, или въ византійскомъ, для чего ихъ посылали изучать каменные храмы Владиміра и другихъ городовъ.

Просуществовавшій сто лѣтъ каменный Кремль Дмитрія Донского, обветшавшій и уже тѣсный, былъ теперь срытъ, и заложены были новыя стѣны „не по старой основѣ, а града прибавиша". Чтобы обезопа-

сить его отъ пожаровъ велѣно было вокругъ Кремля снести церкви и дворы, чтобы между его стѣнами и посадскими постройками оставалось полое мѣсто, застѣнье въ 110 саженей „Противъ такой не-чести великой, что церкви старыя извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены, и кости мертвыхъ выношены въ Дорогомилово“, возставалъ архіепископъ Геннадій, указывая на то, что даже въ Кіевѣ шелъ слухъ, будто „князь великій на Москвѣ церкви всѣ выметалъ“.

Петръ-Антонъ Фрязинъ выстроилъ слѣдующія кремлевскія стрѣльницы, или башни: Свибловскую (подъ нею тайникъ), Фроловскую (Спасскія ворота), Никольскую, Боровицкую и Константино-Еленинскую, Троицкую, Маркъ Фрязинъ построилъ стрѣльницу Беклемишевскую; всего числомъ восемнадцать. Эти башни въ своемъ стилѣ и украшеніяхъ подражали древне-русскимъ деревяннымъ крѣпостнымъ башнямъ. На Спасской башнѣ сохранилась слѣдующая латинская надпись: „Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію, великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Россіи государь, въ лѣто тринадцатое государствованія своего, велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее Петръ-Антоній Селярій Медіоланскій, въ лѣто воплощенія Господня 1491“.

Троицкая башня, при Іоаннѣ III, не имѣла такого высокаго верха, какой мы видимъ на этомъ рисункѣ и который былъ надстроенъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Башня Кутафья имѣла тогда крытый верхъ.

Громадныя постройки и внутри самаго Кремля предприняты были Іоанномъ III. Такъ здѣсь вновь были выстроены три главныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій.

За ветхостью и тѣснотою Успенскій соборъ былъ разобранъ, въ 1472 году, до самаго основанія, при чемъ были обрѣтены мощи св. Петра митрополита. Но построенный псковскими мастерами Кривцовымъ и Мышкинымъ соборъ, возведенный до сводовъ, рухнулъ. Нанятый въ Италіи, съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ, Аристотель Фіоравенти получилъ порученіе выстроить его снова. Но заграничный мастеръ долженъ былъ строить, не по своему плану, а по образцу Успенскаго собора во Владимірѣ, куда онъ былъ отправленъ. Итальянецъ разобралъ всю стройку, при чемъ употреблялъ невиданные въ Москвѣ тараны и блоки, устроилъ кирпичный заводъ у Андроньева монастыря и, употребляя особую клеевитую известь, чрезъ четыре года выстроилъ новый храмъ. Въ 1479 году митрополитъ Геронтій совершилъ его освященіе. Великій князь при этомъ раздалъ бѣднымъ богатую милостыню и устроилъ большой пиръ для духовенства. Мощи, находившіяся во время стройки въ церкви „св. Ивана подъ колоколы“, перенесены были въ соборъ.

Іоаннъ III, въ память покоренія Новгорода, какъ священный трофей этого, поставилъ въ иконостасѣ Успенскаго собора принесенную оттуда икону Всемилостиваго Спаса, находившуюся въ Софійскомъ соборѣ и писанную греческимъ императоромъ Мануиломъ. Въ ризницу

собора въ тоже время поступили и драгоцѣнные Новгородскіе сосуды св. Антонія римлянина. Одинъ сосудъ сдѣланъ изъ яшмы, другой изъ оникса и оба украшены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. „Бысть же та церковь, говоритъ лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ, чудна весьма величествомъ, высотою, свѣтлостью и пространствомъ.

Въ послѣдній годъ правленія Іоанна былъ разобранъ и Архангельскій соборъ и въ болѣе обширномъ объемѣ построенъ былъ Алевизомъ; гробы государей, числомъ 24, стояли на время въ храмѣ „св.

Троицкія ворота и башня Кутафья.

Ивана, что подъ колоколы". Благовѣщенскій соборъ, построенный Василіемъ I, былъ вновь перестроенъ. Онъ былъ украшенъ 9-ю главами и соединенъ сѣнями съ набережными государевыми палатами, и на мѣстѣ ханскаго подворья построена была вновь церковь Николы Льняного. Софья Ѳоминишна выпросила это мѣсто у ханши, жены Ахмата. Эту деревянную обыденную, изъ еловаго лѣса, церковь замѣнить каменною. Василій III и перенесъ сюда изъ села Гостуни чудотворный образъ Николая Чудотворца. На постройку женщины жертвовали ленъ и полотна.

Въ Чудовомъ монастырѣ, по повелѣнію Іоанна III, была разобрана церковь Михаила Архангела, и на ея мѣстѣ была выстроена новая, которая была освящена въ 1504 году.

Сгорѣвшая въ 1470 году кремлевская церковь свв. Константина и Елены была выстроена вновь.

Храмъ чуда архистратига Михаила.

Русскіе мастера, выписанные изъ Пскова для постройки Успенскаго собора, не остались безъ дѣла: они построили храмы—въ Златоустовскомъ (въ честь ангела великаго князя и дня его рожденія во имя апостола Тимоѳея) и Срѣтенскомъ монастыряхъ, Богоявленія Господня, на Троицкомъ подворьѣ, въ Кремлѣ, Косьмы и Даміана (противъ Чудова монастыря).

Монастырь у Спаса на Бору былъ перенесенъ за Таганку, въ основанный въ 1491 году Новоспасскій монастырь, съ соборомъ Пре-

ображенія Господня. Здѣсь на иконѣ изображенъ Іоаннъ III со своимъ сыномъ. На Красномъ холму, въ Чигасахъ, въ 1483 году построена была церковь Происхожденія Честныхъ Древъ и при ней монастырь.

Гребенская, или Грибневской Божіей Матери церковь, при входѣ на Мясницкую улицу, на Лубянской площади, построена въ 1478 году, въ память покоренія Новгорода. Прежде церковь носила названіе Успенія на Бору. Названіе Гребневской получила отъ иконы, поднесенной Димитрію Донскому жителями города Гребня и прежде стоявшей въ Успенскомъ соборѣ. Іоаннъ III, бравшій эту икону съ собою въ походы, перенесъ ее въ эту церковь.

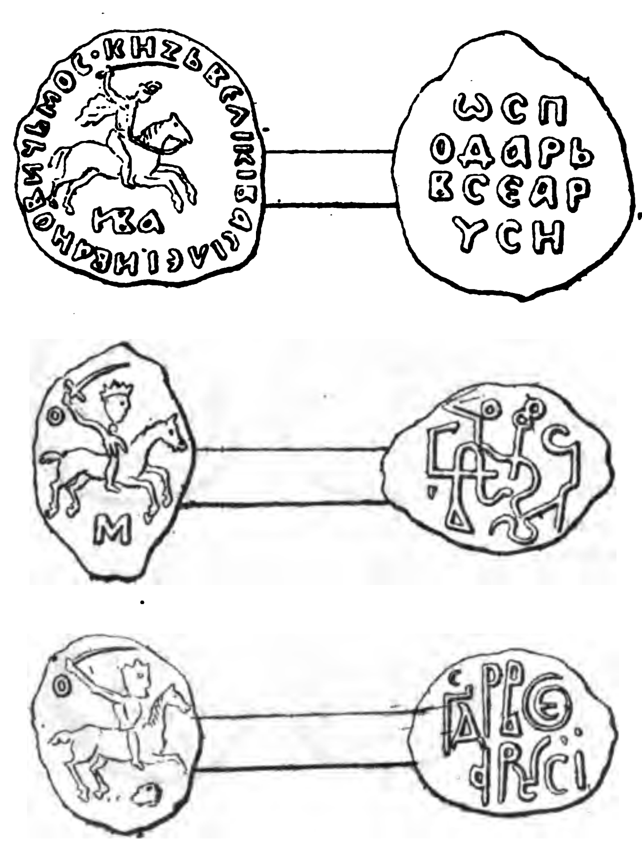
Новгородскіе переселенцы въ 1480 году построили церковь св. Софіи въ память о родномъ своемъ соборѣ. Мѣстность, гдѣ построена эта церковь, называлась Лубянкой, потому что здѣсь торговали лубяными санями и телѣгами. Воспроизводимъ здѣсь печати Великаго Новгорода, его посадника и тысяцкаго.

Въ память уничтоженія татарскаго ига основанъ былъ у воротъ, прежде называвшихся Смоленскими, Ѳедоровскій женскій монастырь, на мѣстѣ существовавшей здѣсь часовни Ѳеодора Студита. На Дмитровкѣ была построена церковь св. Георгія Побѣдоносца, впослѣдствіи обратившаяся въ монастырь.

Іоаннъ III предпринялъ постройку новаго каменнаго дворца, при чемъ, какъ сказано, была разобрана до основанія церковь Благовѣщенія на Сѣняхъ. Она была поставлена на подклѣтѣ, который былъ окруженъ палатами, для храненія государевой казны. Между этой церковью и Архангельскимъ соборомъ построена была кирпичная палата, также съ казнами и большимъ бѣлокаменнымъ погребомъ, называвшаяся впослѣдствіи Казеннымъ дворомъ.

Въ 1487 году, съ западной стороны Благовѣщенскаго собора, на великокняжескомъ дворѣ, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ набережный златоверхій теремъ при Димитріи Донскомъ, Фрязинъ Маркъ Руфъ заложилъ каменную палату. Въ 1491 году тотъ же Руфъ съ Петромъ-Антоніемъ выстроили на соборной площади большую палату, извѣстную подъ именемъ Грановитой (стѣны ея граненыя). Въ 1492 году Іоаннъ

переѣхалъ со своимъ семействомъ изъ своего стараго двора въ новыя хоромы Ивана Юрьевича Патрикѣева, у церкви Іоанна Предтечи подъ Боромъ, повелѣлъ „старый деревянный дворъ разобрать и нача ставити каменный", и еще за Архангельскимъ соборомъ временный деревянный. Но, 28-го іюня 1493 года, начался страшный пожаръ. Загорѣлось за Москвой-рѣкой и, при ужасной бурѣ, въ одно мгновеніе „нечисленно загорѣлось во мнозѣхъ мѣстахъ". Въ Кремлѣ, у Боровицкихъ воротъ, загорѣлся дворъ (Патрикѣевскій), гдѣ жилъ великій князь, занялись житницы подъ горою на подолѣ Кремля, сгорѣла церковь Іоанна Предтечи, подъ коей хранилась казна Софьи Ѳоминишны. Запылалъ и новый дворъ Іоанна за Архангельскимъ соборомъ. „По лѣтописцамъ, и старые люди сказываютъ, какъ стала Москва, таковъ пожаръ не бывалъ", говоритъ лѣтопись.

Великій князь съ своимъ сыномъ много помогалъ тушить пожаръ и разламывать горѣвшія зданія. Внѣ Кремля выгорѣли многія улицы: Арбатъ, Неглинная, Срѣтенка, Петрова слобода, улица отъ Боровицкихъ воротъ до церкви Зачатія, на востромъ концѣ (Стоженка), за Москвой-рѣкой — все пространство, отъ церкви Софіи, до церкви Іоакима и Анны. Погибло при этомъ 200 человѣкъ, а также безчисленное множество лошадей и домашняго скота.

Великій князь выѣхалъ за Яузу, къ Николѣ Подкопаеву и поселился „на крестьянскихъ дворахъ" и стоялъ тамъ до ноября, пока на пожарищѣ не приготовили новыхъ деревянныхъ хоромъ. Пожаръ и заботы о градѣ затормозили дворцовыя стройки. Въ этомъ году велѣно было очистить отъ строеній и церквей Занеглименье. Несмотря на жалобы, всѣ хоромы и церкви были отнесены здѣсь отъ кремлевской стѣны на 100 саженъ. Послѣ пожара за Москвой-рѣкой очищена была отъ строеній часть Замоскворѣчья противъ Кремля. и тамъ былъ разведенъ садъ, называвшійся государевымъ Краснымъ садомъ. Къ сооруженію каменнаго дворца приступили только черезъ шесть лѣтъ;

именно въ 1499 году Іоаннъ снова „заложилъ дворъ свой каменъ, полаты каменныя и кирпичныя, съ ними погребы и ледники, да и стѣну каменную отъ двора до Боровицкихъ воротъ". Постройку велъ италіанскій зодчій Алевизъ Фрязинъ. Великій князь, не дождавшись окончанія постройки, умеръ.

Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома, какъ, напримѣръ, бояринъ Василій Образецъ, купецъ Тараканъ и другіе.

Іоаннъ III не мало заботился и о развитіи промышленности. При немъ мы начали разрабатывать за Ураломъ, въ Сибири, и въ Печерскомъ краѣ, серебро и стали чеканить монету изъ своего русскаго ме-

Іоаннъ III.

талла. Процвѣтала въ Москвѣ выдѣлка изъ золота и серебра сосудовъ, чаръ, братинъ и т. п. Особенно былъ искусенъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, по имени Трифонъ. Работы этого рода славились на всемъ Востокѣ. Продолжала также развиваться и чеканка монеты. Приводимъ выше три снимка съ монетъ этого времени.

При Іоаннѣ III много иностранцевъ—посланниковъ и техниковъ разнаго рода, пріѣзжало въ Москву; и въ свою очередь и русскіе отправлялись въ чужія земли, какъ на Западъ, такъ и на Востокъ. Въ это время русскій купецъ Аѳанасій Никитинъ проникъ въ Индію ранѣе, чѣмъ открылъ ее Васко де-Гама, и мы имѣли описаніе этой страны ранѣе, чѣмъ народы Запада.

Іоаннъ III былъ высокаго роста и худощавъ; онъ имѣлъ особенно, когда „воспалялся гнѣвомъ", грозный взглядъ. Женщины при видѣ великаго князя нерѣдко падали въ обморокъ. Воспроизводимъ портретъ этого великаго князя со старинной гравюры, находящейся среди „Портретовъ Русскихъ государей" Ровинскаго.

Въ послѣдніе годы Иванъ Васильевичъ „сталъ приходить въ изнеможеніе" и скончался, 26-го октября 1505 года, 66 лѣтъ отроду. Передъ смертью онъ собралъ дѣтей своихъ и бояръ и приказалъ громко читать свое духовное завѣщаніе; принявъ таинство причащенія и соборованіе, онъ, однако, отказался отъ обычнаго тогда иноческаго постриженія и пожелалъ умереть государемъ, а не монахомъ. Его погребли въ только-что строившемся Архангельскомъ соборѣ. Надгробная надпись гласитъ: „въ лѣто 7013—1505, преставися благовѣрный и христолюбивый князь великій Иванъ III Васильевичъ всея Россіи". Исторія усвояетъ Іоанну наименованіе—Великаго, а Карамзинъ въ своей „Запискѣ о Древней и Новой Россіи" отдаетъ ему предпочтеніе передъ Петромъ I за то, что онъ, возвысивши могущество Россіи и заводя сношенія съ Западомъ, не нарушалъ ея историческаго народнаго строя.

VI.

При великомъ князѣ Василіи III.

Исторія Москвы, при Василіи III (1505—1533), составляетъ послѣдовательное продолженіе совершавшагося въ княженіе его отца Іоанна III и прямой переходъ къ царскому періоду нашей столицы. Сынъ царевны Софіи Палеологъ, онъ былъ не только послѣднимъ собирателемъ удѣловъ Сѣверо-восточной Руси (вѣчевого Пскова, Рязани и Новгорода-Сѣверскаго) и борцомъ за возсоединеніе Западно-русскихъ княжествъ (Смоленска и другихъ), но и, будучи единодержцемъ,—во всемъ и въ отношеніяхъ къ боярамъ, духовенству — и въ самой придворной обстановкѣ, является болѣе царемъ, чѣмъ его отецъ. Его чаще называютъ царемъ, и онъ самъ именуетъ себя уже Самодержцемъ. Царское титло его уже выбивается на монетахъ, рядомъ съ наименованіемъ господаря всея Руси. Иностранные послы удивляются величію и власти Русскаго государя и силѣ Россіи. Соотвѣтственно этому, растетъ у насъ чувство собственнаго достоинства, и занимается заря сознанія того, что нашему отечеству предлежитъ важное всемірно-историческое призваніе. Русскіе люди съ особымъ сочувствіемъ читали въ это время въ повѣсти о взятіи Цареграда: „свершится пророчество, свершатся предзнаменованія: Русскій родъ, предызбранный отъ Бога, возьметъ седмихолмный Цареградъ и воцарится въ немъ". „Солнце евангель-

ское,—пишетъ Іосифъ Волоцкой въ своемъ „Просвѣтителѣ“,—освѣщаетъ нашу землю, громъ апостольскій оглашаетъ насъ. Устроились божественныя церкви, составились честные монастыри, святители и преподобные чудотворцы наши взлетѣли какъ бы на золотыхъ крыльяхъ на небеса“. Власть государя въ глазахъ народа все болѣе получаетъ священное значеніе, и русскіе люди говорятъ уже: „такъ угодно Богу и государю“ Когда нѣмецъ-посолъ императора Священной Римской имперіи, непонимавшій духа нашего народа и смотрѣвшій на Россію западными глазами, позволилъ себѣ высказать одному старику, служилому человѣку, что его усердіе къ службѣ государевой — раболѣпно, этотъ москвичъ сказалъ Герберштейну: „нѣтъ, господинъ баронъ, не по-вашему мы служимъ своимъ государямъ“.

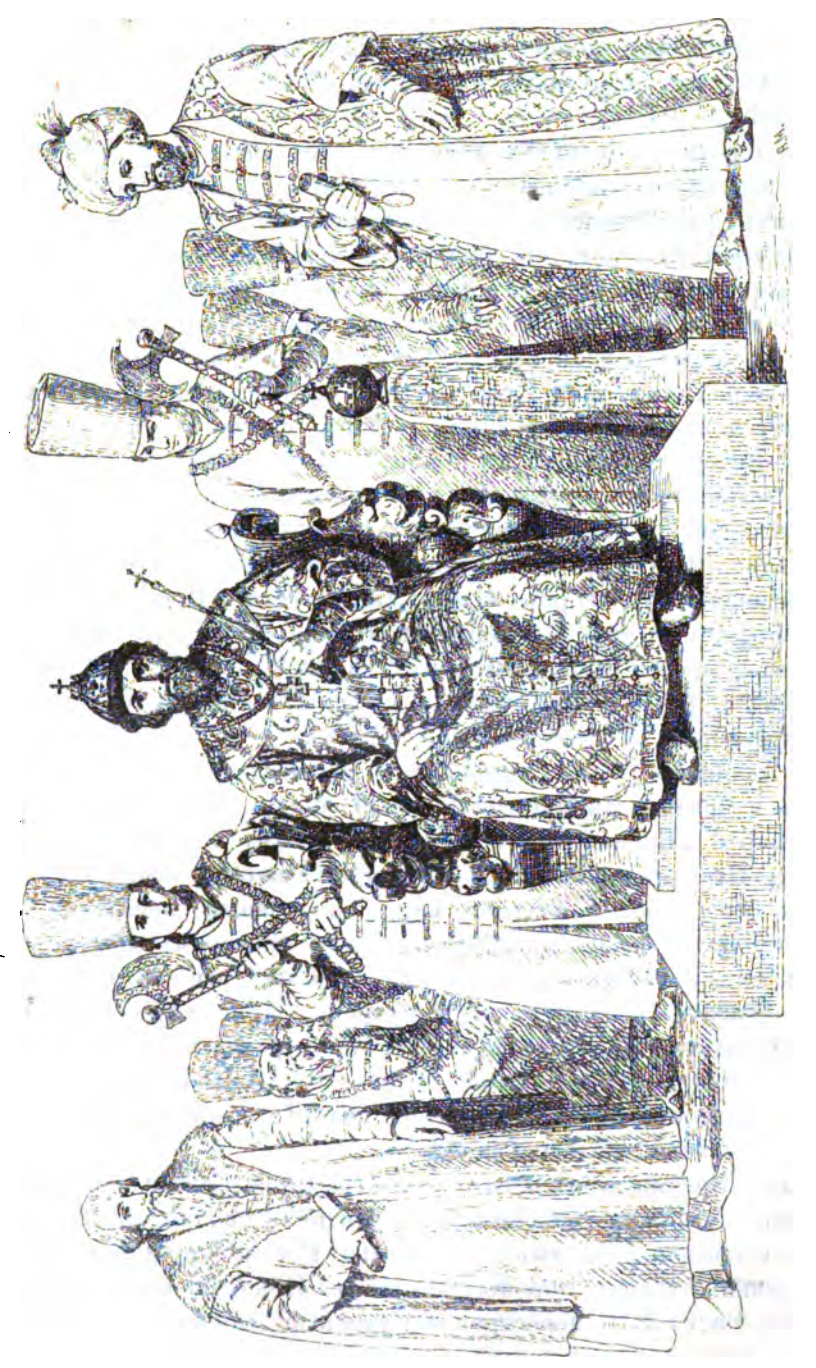
Идея святой и царской Руси продолжала воплощаться въ самой внѣшности Москвы, окончательно преобразовывая ее изъ княжескаго стольнаго города въ царствующій православный градъ всея Россіи и всего православнаго Востока.

Покойный государь императоръ Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, сказалъ, что наша первопрестольная столица—„это храмъ всея Руси, а Кремль - алтарь этого храма“. Но такое обращеніе срединнаго града нашего въ величавый домъ Божій совершилось не вдругъ, а вѣками. И храмовая исторія правленія Василія Ивановича много способствовала умноженію въ ней числа церквей, дошедшаго впослѣдствіи до сорока сороковъ и сдѣлавшаго ее столицей восточнаго православія.

При Василіи III кипѣла работа въ кремлевскихъ соборахъ, и строились храмы внѣ Кремля. Въ годъ своей смерти Іоаннъ III, посѣтивъ усыпальницу своихъ предковъ—Архангельскій соборъ, гдѣ стояло 24 гроба нашихъ государей, нашелъ его слишкомъ тѣснымъ и приказалъ разобрать его до основанія, державные гробы перенести въ церковь Іоанна, „что подъ колоколы“, и заложить новый, болѣе обширный соборъ. Два года строилъ его Алевизъ Фрязинъ. Въ 1507 году онъ былъ оконченъ и росписанъ русскими живописцами. Освященіе происходило 8 мая 1509 года. Священнодѣйствіе совершалъ митрополитъ Даніилъ, въ присутствіи великаго князя, его семьи и двора. Не съ этого ли времени начали ставить въ Архангельскомъ соборѣ портретныя изображенія похороненныхъ здѣсь государей? Между ними находился и портретъ самого Василія III, въ иноческомъ одѣяніи, которое онъ принялъ предъ смертью, подъ именемъ Варлаама. Въ большомъ Успенскомъ соборѣ происходило, какъ говорятъ лѣтописи, „велелѣпное украшеніе“ фресковою живописью, оконченное въ 1514 году, и первопрестольный соборъ Россіи принялъ тотъ видъ, который онъ, при всѣхъ перестройкахъ, сохраняетъ и донынѣ.

Тогдашнее „величество“ Успенскаго собора соотвѣтствовало его новому значенію. Онъ уже былъ въ то время не только церковной каѳедрой и усыпальницей первосвятителей всея Руси, но и храмомъ „посажденія на престолъ и вѣнчанія государей“ и вмѣстѣ символомъ

единства Россіи, единодержавства Москвы и церковною лѣтописью ея политической исторіи. Въ знакъ того, что сюда, въ Московскій Кремль, тянули всѣ области Руси, наши государи, по мѣрѣ присоединенія къ

Великій князь Василій III.

обще-русскому средоточію удѣльныхъ княжествъ, переносили изъ нихъ главныя святыни и помѣщали ихъ въ соборѣ всея Руси, въ храмѣ Пречистыя. Тутъ собраны были наиболѣе чтимыя иконы удѣльныхъ кня-

женій—Владиміра Залѣсскаго, Новгорода Великаго, Пскова, Смоленска и другихъ Каждый государь, жертвуя сюда икону, изображавшую его ангела, какъ бы записывалъ свое правленіе на эту церковную крижаль нашей исторической жизни. Каждое важное событіе увѣковѣчилось здѣсь или новою иконою, или церковными сосудами, или евангеліемъ, или хоругвью, или дорогимъ облаченіемъ для священнослужителей.

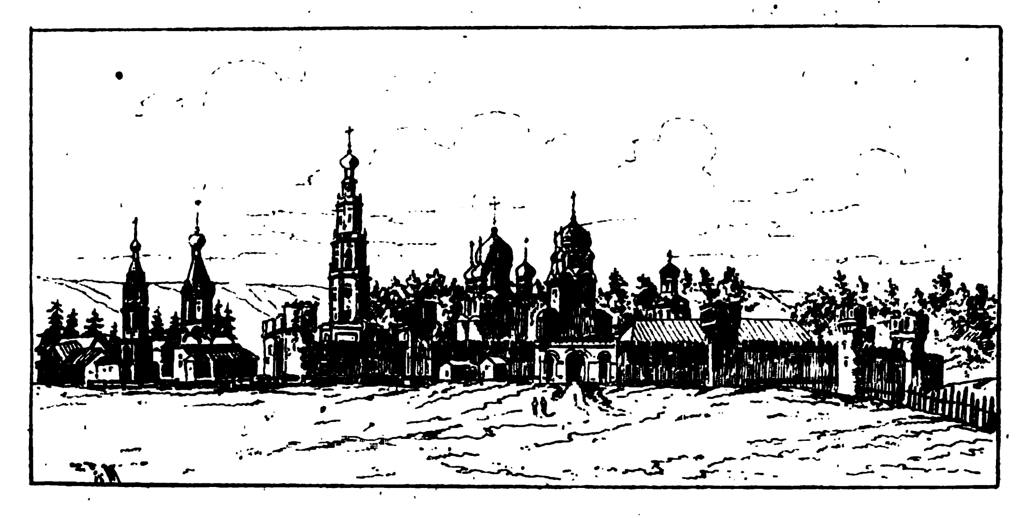
Митрополитъ Филаретъ говоритъ: „глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ: жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго собора!" Что этотъ первопрестольный храмъ всея Руси служилъ залогомъ ея единодержавія,—свидѣтельствовалъ и слѣдующій обычай, существовавшій у насъ до Петра I. Вечеромъ, часовъ въ 8 или 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы перекликались между собою. Близъ Успенскаго собора часовой начиналъ громко и протяжно, нараспѣвъ, возглашать: „Пресвятая Богородица, спаси насъ". Другой продолжалъ: „Св. Московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ". Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, другіе часовые перекликаются слѣдующимъ характернымъ образомъ: „Славенъ городъ Москва"; другой отвѣчалъ: „Славенъ городъ Кіевъ"; третій — Владиміръ и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства.

Не обойденъ былъ державнымъ храмоздателемъ и благоукрасителемъ и придворный Благовѣщенскій соборъ, вновь перестроенный въ это время. „Василій Ивановичъ, по словамъ лѣтописца, повелѣлъ подписать Благовѣщеніе на своемъ дворѣ златомъ, иконы всѣ велѣлъ обложить серебромъ и златомъ верхъ церковный позлатити". Повелѣніе государево было исполнено русскимъ мастеромъ Ѳедоромъ Еникѣевымъ съ братіей. Примѣчательно, что на паперти вмѣстѣ со святыми были изображены древне-греческіе мудрецы: Аристотель, Зенонъ, Плутархъ, Ѳукидидъ, Менандръ и другіе. Мастеръ Бонъ Фрязинъ окончилъ церковь Іоанна „подъ колоколы", а мастеръ Николай слилъ колоколъ „большой благовѣстникъ" въ тысячу пудовъ; помѣщенъ онъ былъ на особой „деревянной колокольницѣ".

И внѣ Кремля храмоздательство государя оставило не мало памятниковъ. Самолично завоевавъ Смоленскъ у поляковъ, Василій III, въ память возвращенія этого „ожерелья Россіи", воздвигъ на берегу Москвы-рѣки, въ виду Воробьевыхъ горъ, Новодѣвичій монастырь, въ 1525 году. Василій III перестроилъ Петровскій монастырь въ Высоцкой слободѣ.

Лѣтопись говоритъ, что онъ „повелѣ заложити и дѣлати церкви каменныя и кирпичныя на Москвѣ, на большомъ посадѣ за торгомъ (внѣ Китая города): Введеніе Святѣй Богородицы, Владиміръ Святый

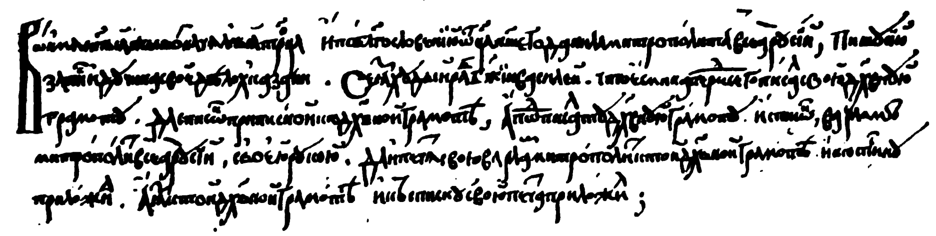
въ Садѣхъ, Благовѣщеніе Св. Богородицѣ въ Воронцовѣ (нынѣ Ильи пророка), да въ городѣ на своемъ дворѣ церковь Святыя Богородицы рождество, у нея же предѣлъ святый Лазарь,—за Неглинною Леонтій чудотворецъ Ростовскій (не существуетъ съ 1812 года), на Ваганьковѣ св. Богородицы Благовѣщеніе, за Черторьей (Пречистенкой) въ Дѣвичьемъ монастырѣ Алексѣй—человѣкъ Божій, за Неглинкой св. Петръ, митрополитъ всея Руси, на Устренской улицѣ Введеніе Богородицы. Да Варвару св. поставилъ Василій Бобръ, съ братьею съ Вепремъ да Юшкомъ, да Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ поставилъ Юрій Григорьевъ, сынъ Бобынинъ, у Фроловскихъ воротъ. Обыденкой, на Старомъ Ваганьковѣ, въ память рожденія Іоанна IV, построенъ былъ деревянный храмъ Іоанна Предтечи, при чемъ въ работѣ участвовалъ самъ великій князь".

Новодѣвичій монастырь (съ старинной гравюры).

Какую важность придавалъ обѣтному дѣлу — построенія Новодѣвичьяго монастыря государь, видно изъ того, что, отправляясь въ походъ на Казань, онъ далъ, въ дополненіе къ духовному своему завѣщанію, особую запись, въ коей говорилось: „да коли есми язъ Божіею волею досталъ своей отчины города Смоленска и земли Смоленскіе, и язъ тогда обѣщалъ поставити на Москвѣ, на посадѣ, Дѣвичъ монастырь, а въ немъ храмы во имя Пречистыя, да происхожденія Честнаго Креста и иные храмы; а которые храмы въ томъ монастырѣ поставити, и язъ тому велѣлъ написати запись діаку своему Труфону Ильину, да дати печатнику Ивану Третьякову. А дати есми обѣщалъ въ тотъ монастырь изъ своихъ селъ дворцовыхъ село или два, а пашни въ тѣхъ селѣхъ, въ одномъ полѣ тысяча четвертей, а въ дву поляхъ потому-жъ; да на строеніе тому монастырю три тысячи рублевъ денегъ. И нынѣ того монастыря состроити не успѣлъ". На тотъ случай, если станется воля Божія, и онъ умретъ, государь приказываетъ исполнить свою волю. Подписалъ эту грамоту митропо-

литъ Даніилъ. Свидѣтелями записи были старецъ Вассіанъ—князь Ивановъ (Патрикѣевъ), да отецъ духовный государя, благовѣщенскій протопопъ Василій. Грамоту же писалъ дьякъ Меншикъ Путятинъ. Воспро-

Грамота Василія III.

изводимъ палеографическій снимокъ съ этой записи и привѣшенныя къ ней на шнуркахъ печати митрополита и самого великаго князя.

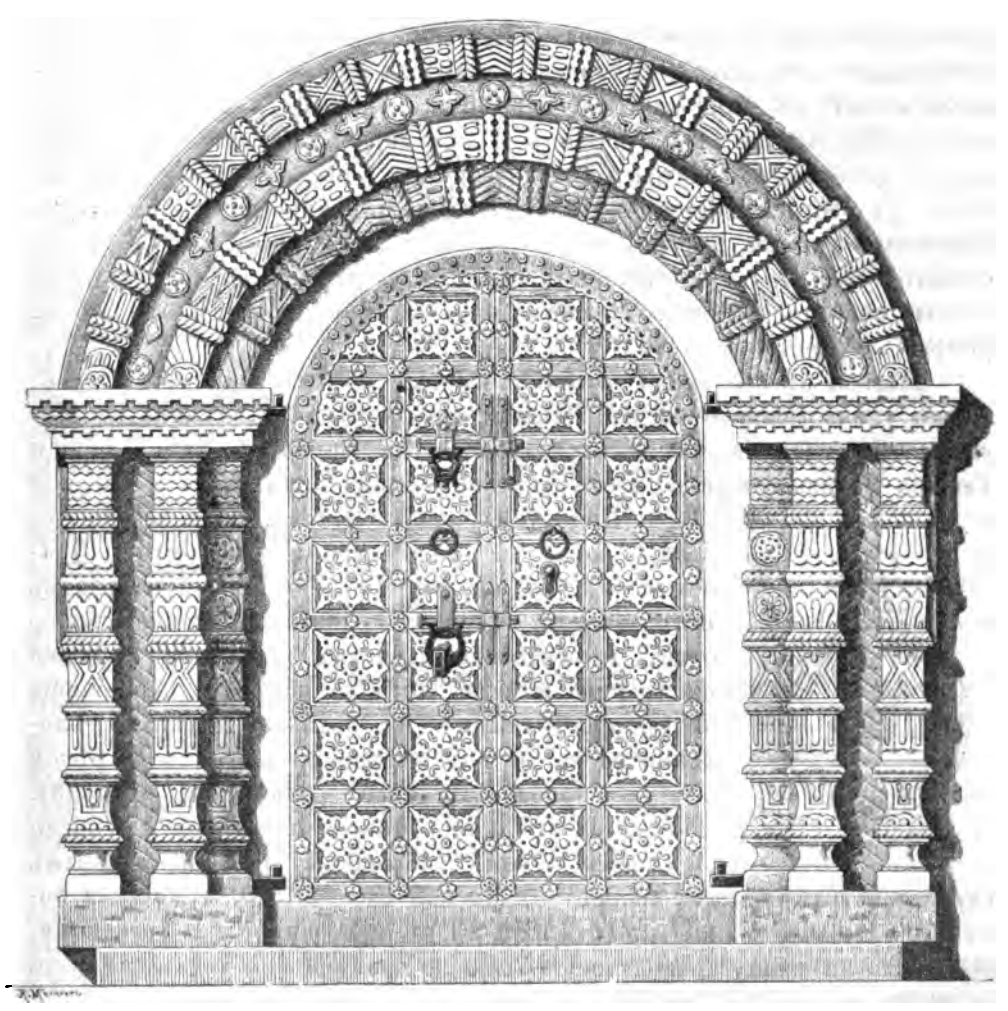

Однако Василій III не умеръ на походѣ и, одержавъ побѣду надъ казанцами на Свіягѣ, построилъ, по выраженію Степенной книги, преименитую вобчую (общежительную) обитель; собралъ туда множество инокинь дѣвическаго чину; начальницей надъ ними поставилъ благовѣрную и благочинную инокиню Елену Дѣвочкину, изъ Суздальскаго Покровскаго монастыря, которая, окончивъ жизнь схимонахиней, была погребена въ новомъ монастырѣ и записывалась въ старинныхъ святцахъ на ряду съ московскими святыми. Въ 1525 году, 28 іюля, торжественно перенесенъ былъ въ крестномъ ходу изъ Благовѣщенскаго собора въ Новодѣвичій монастырь списокъ съ чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери—Одигитріи.

Очень любопытенъ относительно зодчества своего построенный въ 1515 году Алевизомъ Фрязинымъ храмъ благовѣрнаго князя Владиміра, что въ Старыхъ Садѣхъ. Въ этой мѣстности долгое время находились большіе фруктовые великокняжескіе сады, простиравшіеся отъ Ивановскаго монастыря до Васильева луга, т. е. до нынѣшняго Воспитательнаго дома. Особенно интересны здѣсь входныя западныя ворота, очень искусной работы. Даемъ снимокъ съ этого образчика старомосковской техники.

Великій князь достроилъ заложенный при Іоаннѣ III дворецъ, украсилъ его и поселился въ немъ, 7 мая 1508 года. По объясненію И. Е.

Забѣлина, между Грановитой палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ находилась средняя палата, къ коей примыкало Красное крыльцо. Далѣе шла столовая палата, съ особою лѣстницей на Спасовъ дворъ. Постельныя или жилыя хоромы и княгинина половина примыкали къ церкви Рождества Богородицы и были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь теремной дворецъ. Ровъ, шедшій вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, государь приказалъ Алевизу Фрязину обложить камнемъ и кирпичомъ и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими

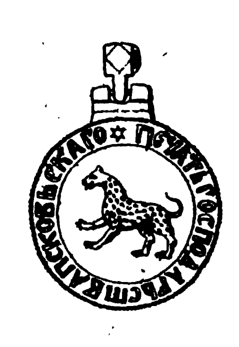

воротами, прудъ, названный Лебединымъ, потому что на немъ плавали лебеди. Здѣсь была построена каменная мельница, и вода изъ пруда проводилась во рвы. У каждыхъ воротъ перекинуты были мосты, носившіе имена соотвѣтствующихъ башенъ. Вообще Кремль, со всѣхъ сторонъ опоясанный водой, въ то время выглядѣлъ красивѣе, чѣмъ теперь.

Съ этого княженія начинается особое почитаніе Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Это было въ нашествіе на Москву татаръ въ 1521

году. По свидѣтельству стольника Лызлова, занесенному въ Минею, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря имѣла во время этого нашествія видѣніе: при колокольномъ звонѣ, изъ Кремля, чрезъ Фроловскія ворота вышли почивающіе въ соборахъ святители, неся икону Владимірской Божіей Матери. На встрѣчу имъ (изъ Китай-города) вышли Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій и спросили святителей, куда они идутъ? Тѣ отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйти изъ града сего, потому что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ вознерадѣли, за это Онъ предастъ Русскую землю иноплеменникамъ. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощеніи грѣшныхъ москвичей. Святители вняли ихъ просьбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и потомъ воротились назадъ въ Кремль въ свои гробницы. Въ предвратной иконѣ Фроловскихъ воротъ изображены святые въ молитвенномъ положеніи у ногъ Спасителя. Съ этого времени, какъ полагаютъ, и начинается то почитаніе Спасскихъ воротъ, въ силу коего всѣ проходящіе чрезъ нихъ обязаны снимать свои шапки. Василій II мыслилъ ставить градъ (крѣпостныя стѣны) вокругъ большого посада (впослѣдствіи Китая-города), но не успѣлъ осуществить этого.

Москва въ это время росла въ своемъ объемѣ и числѣ жителей. Послѣ уничтоженія вѣча въ Псковѣ, оттуда было переселено въ Москву 300 семействъ, кои были водворены на Варваркѣ, близъ церкви Георгія Великомученика, и эта мѣстность стала называться Псковской горой. Приводимъ печать Пскова. Возникла въ Москвѣ и новая за рѣкой слобода „Наливки“. Происхожденіе ея баронъ Герберштейнъ объясняетъ такъ: Василій III подтвердилъ запрещеніе своего отца, относительно пьянства и вольной продажи вина, пива и меда; но такъ какъ это запрещеніе не распространялось на великокняжескихъ тѣлохранителей, то онъ выстроилъ для нихъ за рѣкой особую слободу „Наливки“ (отъ слова наливай). Вообще за это время Москва значительно выросла въ своемъ объемѣ и населеніи. По современнымъ свидѣтельствамъ, всѣхъ дворовъ въ Москвѣ было 41,500, а жителей болѣе 100 тысячъ. Улицы при Василіи III на ночь запирались рогатками. Выходить на улицу дозволялось только по крайней необходимости и то съ фонаремъ.

Москва, въ это правленіе, продолжала развиваться, и въ другихъ различныхъ отношеніяхъ: и въ сферѣ техники, и въ сферѣ образованія, и въ самомъ быту своемъ. Особенно процвѣтала живопись, находившаяся въ рукахъ чисто русскихъ мастеровъ, тогда какъ зодчествомъ владѣли иностранцы. Объ успѣхахъ живописнаго искусства въ Москвѣ свидѣтельствуютъ недавно очищенныя отъ позднѣйшихъ наслоеній примѣчательныя фрески Благовѣщенскаго собора. Въ это время впервые упоминается производившаяся въ Москвѣ реставрація древнѣйшихъ

иконъ, коей занимался митрополитъ Варлаамъ, самъ не чуждый иконописанія. Такъ въ Успенскомъ соборѣ реставрированъ былъ знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери, писанный евангелистомъ Лукою, и на него, по повелѣнію великаго князя, сдѣланъ былъ новый кіотъ, украшенный московскими ювелирами. Даже древнія, но обветшавшія иконы Владиміра Залѣсскаго поновлялись въ Москвѣ, при чемъ названный митрополитъ принималъ въ этомъ участіе собственноручною работою. Какъ мы сказали, въ это время архитектура находилась въ рукахъ иностранцевъ, но они должны были строить въ русскомъ и византійскомъ стиляхъ, а совсѣмъ не въ западныхъ. Чеканка монеты, какъ и серебряное дѣло, продолжали развиваться; пушечное, литейное и пороховое дѣло велось попрежнему; но съ порохомъ вышла бѣда: на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ, гдѣ приготовляли зелье (порохъ) въ 1531 году произошелъ взрывъ и пожаръ, отъ чего погибло 200 рабочихъ.

Образованность въ Москвѣ развивалась въ прежнемъ церковномъ направленіи. Въ это время продолжали писать Іосифъ Волоцкой, Вассіанъ Патрикѣевъ и попрежнему велись лѣтописи. Искусство письма и украшенія его орнаментами и миніатюрами дѣлало новые успѣхи. Но въ это время не мало появляется русскихъ, особенно служившихъ въ посольскомъ приказѣ, знающихъ латинскій и другіе иностранные языки. Кромѣ того, въ Москву вызывается ученый аѳонскій инокъ Максимъ-грекъ, учившійся въ Италіи и Франціи и стоявшій на высотѣ образованія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Онъ писалъ противъ жидовствующихъ, противъ папизма или собственно противъ нѣмчина Николая, который былъ придворнымъ врачомъ и дѣлалъ попытки латинской пропаганды, противъ ереси лютеровой и армянскаго зловѣрья и проч.

Успѣхи въ культурѣ Москвы замѣтны и въ развитіи ея торговли. Иностранцы вывозили отсюда дорогіе мѣха, кожи, воскъ, лѣсъ и другіе продукты. Количество денегъ въ Москвѣ увеличилось. Московскіе купцы въ это время стали ѣздить, вмѣсто Казанской ярмарки, на Макарьевскую, возникшую, по распоряженію Василія III, въ Нижегородской области, близъ монастыря св. Макарія.

Самый бытъ московскій совершенствовался, въ особенности въ придворной жизни. Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр., при выходахъ въ соборы, при пріемахъ пословъ, государь являлся во всемъ блескѣ царской обстановки, окруженный большой свитой. Около него находились рынды, красивые молодые бояре въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, опушенныхъ дорогимъ соболемъ.

Иностраннымъ посламъ импозировали величіемъ государя и Россіи. Какъ видно изъ описанія Москвы германскаго посла барона Герберштейна, наши служилые люди не хотѣли прежде него снять шапку или сойти съ коня, чтобы не сдѣлать и этимъ порухи для чести государевой. На тѣ улицы, по коимъ проѣзжалъ посолъ, а особенно въ Кремль, склинался народъ, чтобы иностранецъ могъ видѣть, какъ мно-

голюдна наша столица. Посла окружали приставники такъ, чтобы онъ самъ ничего не могъ вызнать и высмотрѣть.

Аудіенціи послу въ Грановитой палатѣ происходили, при самой внушительной и роскошной обстановкѣ. Послѣ одного такого пріема, германское посольство получило приглашеніе къ обѣду. Когда иностранцевъ ввели въ обѣденную залу, государь и бояре, въ богатыхъ золотыхъ одѣяніяхъ, уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находилась горка, обремененная золотыми и серебряными чашами и кубками искусной работы. Великій князь сидѣлъ за особымъ столомъ; ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другіе придворные, по степени своей знатности и милости государевой. Предъ началомъ обѣда, государь, если хотѣлъ кому оказать почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще почетнѣй была посылка отъ него соли. Посылались также блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было вставать и кланяться государю и на всѣ стороны. Первымъ блюдомъ подавались жареные лебеди и журавли; приправою служили сметана, моченыя груши и соленые огурцы. Вначалѣ подавали водку, а потомъ мальвазію, греческое вино и меды. Слуги, разносившіе кушанья и напитки, были одѣты въ изящные терлики, украшенные жемчугомъ и дорогими каменьями, чего не бывало въ прежнія княженія. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Таково было русское хлѣбосольство въ Москвѣ.

Василій III много заботился и о войскѣ. При немъ оно простиралось до 150,000. Каждые два года производилась перепись ратныхъ людей. Онъ первый завелъ у себя конную артиллерію. Отъ его времени осталось въ Кремлѣ нѣсколько конныхъ пушекъ, вылитыхъ италіанскими мастерами.

Великій князь любилъ тѣшиться охотою на мокрую, или водяную, и верховую птицу съ соколами и кречетами, и псовую—на зайцевъ и другую дичь. Въ „Царственной книгѣ“ находится миніатюра, изображающая поѣздку Василія III на охоту. Нѣмецкіе послы были приглашены на заячью охоту, которая происходила близъ Москвы, на одной покрытой кустарникомъ, заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Сюда, кромѣ того, приносили еще зайцевъ и во время охоты выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Великій князь сидѣлъ на богато убранномъ аргамакѣ; голова Василія III была покрыта шапкой, съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки на подобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ висѣли кинжалъ и два ножа, а сзади изукрашенная золотомъ палица, въ родѣ кистеня. Справа ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а съ боку два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру съ рукоятью изъ слоновой кости, а другой—булаву или шестоперъ. Всадниковъ было до трехъ-сотъ. Сперва спустилъ свою собаку Шигъ-Алей, а затѣмъ и другіе охотники и межъ нихъ великій князь. Зайцевъ было затравлено до 300. По окончаніи охоты всѣ отправились въ шатры, раскинутые около какой-то деревянной башни. Князь угощалъ охотни-

ковъ вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сластями и напитками...

Государь, хотя и былъ ласковъ, не терпѣлъ противорѣчій,—„встрѣчи", рѣдко собиралъ боярскую думу, и самъ рѣшалъ дѣла, при чемъ присутствовали двое дьяковъ—Шигона Поджогинъ и Меньшой Путятинъ.

Семейная жизнь Василія III сложилась несчастливо и нечужда была трагическихъ подробностей. Супруга его Соломонія, изъ рода Сабуровыхъ, въ двадцатилѣтнее свое замужество, была безчадна. Великій князь печалился объ этомъ, въ сознаніи государственной важности прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, и по естественному желанію имѣть дѣтей. Это отражалось на великой княгинѣ. Она прибѣгала къ знахаркамъ: призывала къ себѣ женку Стефаниду, прозваніемъ рязанку, и какую-то черницу безносую; первая наговаривала воду, которою велѣла великой княгинѣ смачивать себя и бѣлье государя; вторая наговаривала масло и медъ для натиранья. Но это не помогало, и великій князь все скорбѣлъ. Во время объѣзда своихъ областей, однажды увидалъ государь на деревѣ птичье гнѣздо и сказалъ: „горе мнѣ! Кому уподобляюсь? Ни птицамъ небеснымъ, ни звѣремъ земнымъ, ни рыбамъ: всѣ они плодовиты... И землѣ сей не уподобился я, ибо земля во всякое время приноситъ плоды свои". Въ Москвѣ государь говорилъ боярамъ со слезами: „кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ? Братьямъ ли? Но они и своихъ удѣловъ устроить не умѣютъ". Нѣкоторые бояре сказали на это: „Великій государь! Неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограднника". Но разводъ не былъ одобренъ ни митрополитомъ Варлаамомъ, ни восточными патріархами и встрѣтилъ осужденіе въ Максимѣ—грекѣ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ и многихъ другихъ. Митрополитъ былъ низложенъ. Максимъ—

Охота Василія III.

грекъ и Вассіанъ, обвиненные, что хулили русскихъ чудотворцевъ, называя ихъ „смутотворцами" за то, что имѣли села и крестьянъ, а также и за то, что будто испортили своимъ исправленіемъ церковныя книги,—поплатились заточеніемъ. На многихъ бояръ легла опала. Соломонія, въ ноябрѣ 1525 года, была силою приведена въ нашъ Рождественскій монастырь; самъ митрополитъ обрѣзалъ ей волосы; надѣли на нее монашескую мантію и нарекли ей имя Софіи, а потомъ она была отправлена въ Суздальскій Покровскій женскій монастырь. Герберштейнъ, повторяя разсказы враговъ этого развода, говоритъ, что Соломонія сопротивлялась постригу; дворецкій Иванъ Юрьевичъ Шигона будто при этомъ ударилъ ее; а насильственно постригаемая сказала: „Богъ отмститъ моему гонителю". Мало того, враждебная сторона утверждала, что Соломонія родила въ монастырѣ сына Юрія и, съ затаенною местью, въ духѣ ея, воспитала его.

Василій III съ портрета Герберштейна.

Въ „свадебницы (такъ называлось время отъ святокъ до масляницы)", въ январѣ 1526 года, государь женился на племянницѣ извѣстнаго Литовско-Русскаго выходца Михаила Глинскаго, Еленѣ. Свадьба была справлена съ особою пышностью и со всѣми древне-русскими обрядами. Вѣнчалъ самъ митрополитъ. Согласно народнымъ обычаямъ, тутъ былъ тысяцкій (братъ государевъ князь Андрей), были дружки, свахи, опахиваніе жениха и невѣсты соболями, осыпаніе хмелемъ изъ золотой мисы, иконы съ тафтянными убрусами, которые по концамъ „были сажены жемчугомъ", бархатные и атласные платки, ширинки, камки, подножныя, золотыя и серебряныя деньги, калачи, перепечи и сыры, караваи и свѣчи, поставленныя въ кади съ пшеницей, кормленіе молодыхъ жаренымъ пѣтухомъ и кашей; конюшій государевъ - князь Ѳедоръ Васильевичъ Телепневъ всю ночь разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ вокругъ подклѣти, или спальни. Роли дружковъ съ обѣихъ сторонъ исполняли знатнѣйшіе бояре, а обязанности свахъ—знатныя боярыни.

Василій III выказывалъ большую любовь къ своей молодой супругѣ, вѣроятно, кромѣ миловидности, владѣвшей болѣе утонченными манерами, чѣмъ московскія женщины того времени. Желая нравиться ей, великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою

бороду вопреки господствовавшему у насъ обычаю. Но, къ огорченію Василія, первые годы его второго супружества оставались бездѣтны; великій князь съ супругою началъ усердно ѣздить по монастырямъ, раздавалъ щедрую милостыню и молилъ Бога о чадородіи. Вь 1529 году государь построилъ церковь въ селѣ Дьяковѣ, близъ Коломенскаго, гдѣ молился о дарованіи ему сына Одинъ изъ придѣловъ этого примѣчательнаго, по своему самобытно-русскому стилю, храма посвященъ зачатію св. Анны, а другой — зачатію Іоанна Предтечи. Говорятъ, будто юродивый Дементій предсказалъ беременной Еленѣ, что отъ нея „родится Титъ — широкій умъ“. Ростовская лѣтопись говоритъ, что въ ту минуту, когда, 25 августа 1330 года, родился Іоаннъ, воздухъ былъ потрясенъ неслыханными ударами грома, слѣдовавшими одинъ за другимъ, при ослѣпительной молніи. Обрадованный отецъ повезъ младенца въ Троицкую лавру, и тамъ окрестили его у гроба св. Сергія; воспріемниками отъ купели были два извѣстныхъ подвижника: столѣтній старецъ Касьянъ Босой и игуменъ Даніилъ Переяславскій. Новорожденный былъ положенъ въ раку преподобнаго. По этому случаю, для мощей святителей Петра и Алексія были отчеканены новыя великолѣпныя раки — для перваго золотая, для второго — серебряная. Въ слѣдующемъ году, великая княгиня родила второго сына Георгія. Тогда Василій III, обезпеченный въ престолонаслѣдіи собственнымъ потомствомъ, разрѣшилъ младшему брату своему вступить въ бракъ и женилъ его на княжнѣ Хованской. Отъ этого времени до насъ дошли письма государя къ своей супругѣ: въ нихъ обнаруживается его заботливость о дѣтяхъ и женѣ. Князь Василій, напримѣръ, встревожился и засыпалъ жену вопросами о вередѣ на шеѣ, появившемся у сына Ивана; онъ поручаетъ Еленѣ посовѣтоваться объ этомъ предметѣ съ опытными боярынями.

Любопытны въ бытовомъ отношеніи подробности сказанія о кончинѣ государя. Ихъ интересъ возвышается современными иллюстраціями, которыя находимъ въ лицевой „Царственной книгѣ“. Лѣтомъ великій князь, проводившій время въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы: Коломенское, Воробьево, Воронцово, Островъ, Озерецкое, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ и на охоту псовую или соколивую. Въ сентябрѣ 1533 года, великій князь, побывавъ у Троицы, поѣхалъ со своей семьей въ Волоколамскъ, чтобы тамъ „тѣшиться осеннею охотой“. На дорогѣ, на лѣвомъ стегнѣ у государя появился небольшой, но злокачественный нарывъ. Несмотря на это, послѣ Покрова великій князь былъ въ Волоколамскѣ на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпѣвъ, поѣхалъ съ собаками и ловчими въ поле Но съ охоты его принесли дѣти боярскія, на носилкахъ, въ Волоколамскъ. Вызванные изъ Москвы придворные врачи: нѣмецъ Николай Булевъ и Ѳеофилъ прикладывали къ нарыву пшеничную муку съ медомъ и лукомъ и какую-то мазь, отъ которой пошелъ гной. Больному становилось хуже, и онъ дѣлалъ предсмертныя распоряженія. Дьякъ Меньшой Путятинъ со стряпчимъ Мансуровымъ привезли прежнюю духовную государя, кото-

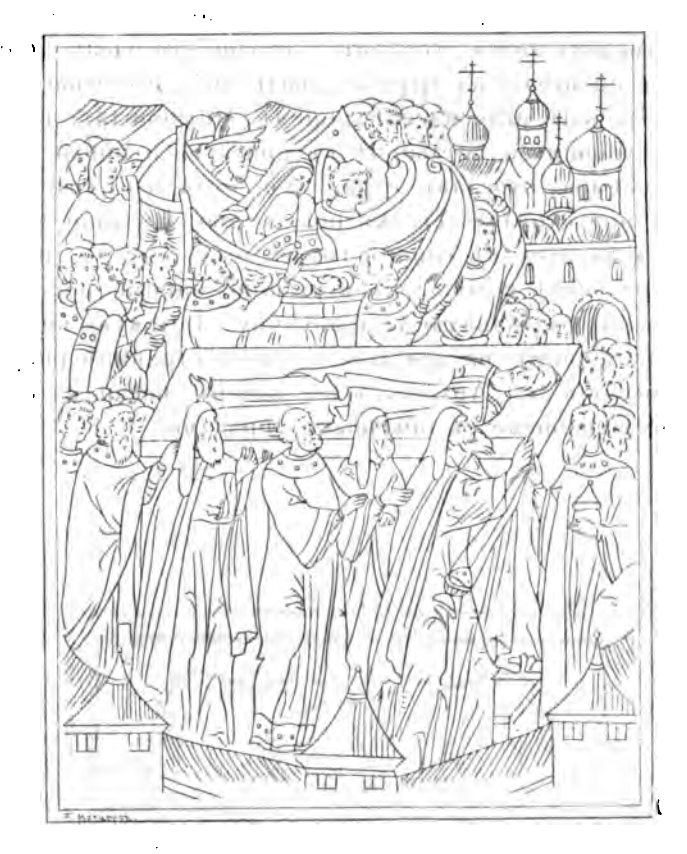
рая, по его распоряженію, была сожжена. Все это было сдѣлано тайкомъ отъ братьевъ государевыхъ и бояръ. Начали составлять новую духовную. Посовѣтовавшись со своими любимцами, Василій III призвалъ въ послухи, или свидѣтели, находившихся при немъ князей: Бѣльскаго, Шуйскаго, Глинскаго, Кубенскаго и Шигону; изъ Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина. Государь хотѣлъ умереть въ Москвѣ, но заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, гдѣ, лежа на одрѣ, слушалъ литургію; подлѣ него стояла великая княгиня съ дѣтьми, проливая слезы. Въ Москву везли больного уже недвижимаго въ каптанѣ, или возкѣ, и въ немъ переворачивали его князья Палецкой и Шкур-

Постриженіе въ иноки Василія III.

лятевъ. Въ селѣ Воробьевѣ, куда явились митрополитъ и бояре, была двухдневная остановка. Противъ Новодѣвичьяго монастыря навели чрезъ рѣку мостъ. Но четверка лошадей, везшая возокъ, провалилась; дѣти боярскія подхватили возокъ и обрѣзали гужи у оглобель. Государь покручинился на городничихъ (Волынскаго и Хохрикова), переправился подъ Дорогомиловымъ на паромѣ и въѣхалъ въ Кремль рано утромъ, чтобы не оглашалось его безнадежное состояніе. Окончивъ духовное завѣщаніе, государь, открывъ митрополиту и своему духовнику о желаніи постричься въ монахи и посхимиться, обратился съ слѣдующими словами къ боярамъ: „вѣдаете сами, отъ великаго князя

Владиміра Кіевскаго ведется наше государство Владимірское, Новгородское и Московское. И вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ; была бы въ землѣ правда, и въ васъ бы розни не было никоторыя. Да приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго, онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій, но вы не называйте его пріѣзжимъ, а держите за здѣшняго урожденца, зане онъ мнѣ прямой слуга; и были бы вы всѣ сообща земское дѣло и дѣла сына моего зѣло берегли и дѣлали за одинъ. А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену

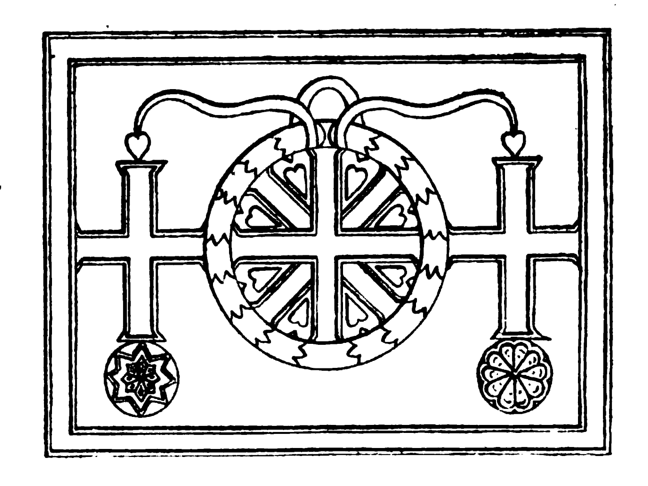

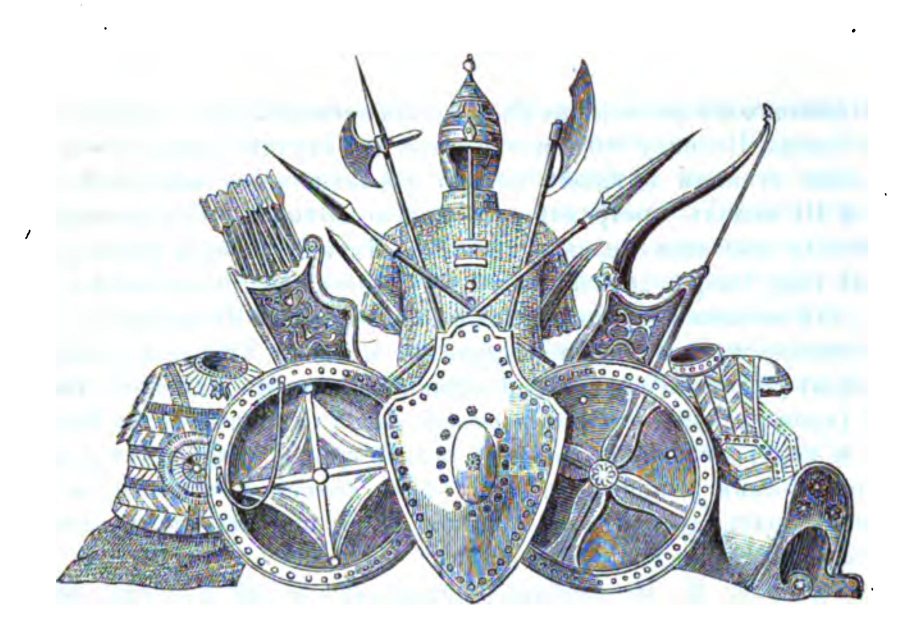
Выносъ тѣла Василія III.

и за моего сына князя Юрія кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ".

3-го декабря умиравшій государь вторично причастился святыхъ таинъ и назначилъ правительницей государства Елену. Лѣтописецъ изображаетъ трогательное прощаніе государя съ трехлѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, а она вопила и билась. Ивана онъ благословилъ крестомъ Петра чудотворца, коимъ благословленъ былъ Іоаннъ Калита. Отпуская сына, государь сказалъ его нянѣ, боярынѣ Челядниной: „смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступи ни пяди".

Затѣмъ Василій благословилъ и однолѣтняго сына Юрія. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь приказалъ митрополиту начать постригъ и посхимленіе. Но тутъ вдругъ выступилъ братъ его Андрей, Михайло Воронцовъ и самъ Шигона съ возраженіями, что Владиміръ Кіевскій не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ также, какъ и другіе князья. Поднялся споръ; но умирающій, лишившійся уже языка и рукъ, взоромъ просилъ пострига. Митрополитъ, какъ видно на приведенномъ иконописнаго характера рисункѣ, совершивъ постриженіе, возложилъ на него парамонатку, рясу, мантію, наконецъ, схиму и евангеліе на грудь, нарекъ его иноческимъ именемъ Варлаама. „Царственная книга" говоритъ: „стоящи же близъ него Шигона, какъ положили евангеліе на грудѣхъ, видѣ духъ его отшедшій, аки дымецъ малъ". Дворецъ огласился рыданіемъ. Митрополитъ тотчасъ сталъ приводить находившихся во дворцѣ къ присягѣ, а иноки Троицкаго и Іосифова монастыря, отославъ стряпчихъ, овладѣли тѣломъ великаго князя и стали приготовлять его къ погребенію. Настало утро 5-го декабря. Въ Архангельскомъ соборѣ готова была могила, и тѣло великаго князя, при звонѣ колоколовъ и рыданіи народа, перенесено было изъ дворца въ эту державную усыпальницу. Великую княгиню, какъ видно на приведенномъ на предшествующей страницѣ рисункѣ, изображающемъ выносъ въ Архангельскій соборъ, несли на саняхъ. Погребеніе было совершено съ обычными обрядами.

VII.

При царѣ Іоаннѣ IV.

Въ царствованіе Іоанна IV, мы не станемъ много останавливаться на личности и казняхъ его. Объ этомъ слишкомъ ужъ много было писано у насъ. Да и западные историки, имѣя дѣло съ не менѣе жестокими, чѣмъ онъ, современными ему правителями, каковыми были Филиппъ II Испанскій, Генрихъ VIII и Марія Тюдоръ въ Англіи, совершавшіе свои кровавыя казни, при свѣтѣ возрожденія наукъ, при наличіи парламентскаго режима, не такъ уже, какъ у насъ, копаются въ жестокостяхъ. И самъ Іоаннъ IV получилъ за нихъ тяжкія воздаянія отъ нашихъ историковъ. Нашъ же народъ, терпѣливо перенесшій всю тяжесть второй половины его правленія, назвалъ его только Грознымъ. Въ этомъ онъ проявилъ совсѣмъ иное отношеніе къ своему царю, чѣмъ англичане, которые свою королеву, современницу Іоанна IV, назвали „кровавой“ Маріей. И въ памяти народной тѣнь Іоанна живетъ болѣе въ образѣ славнаго покорителя Казани, Астрахани и Сибири, чѣмъ въ видѣ облитаго кровью, тирана.

Тринадцать лѣтъ (съ 1533 года) шло регентство сперва матери государя, великой княгини Елены, а затѣмъ боярской думы, пока наконецъ юный Іоаннъ не принялъ въ свои руки бразды правленія. Мы не станемъ описывать отрицательныя явленія этой поры, а лучше обратимся къ исторіи Москвы, какъ города, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ ея быта.

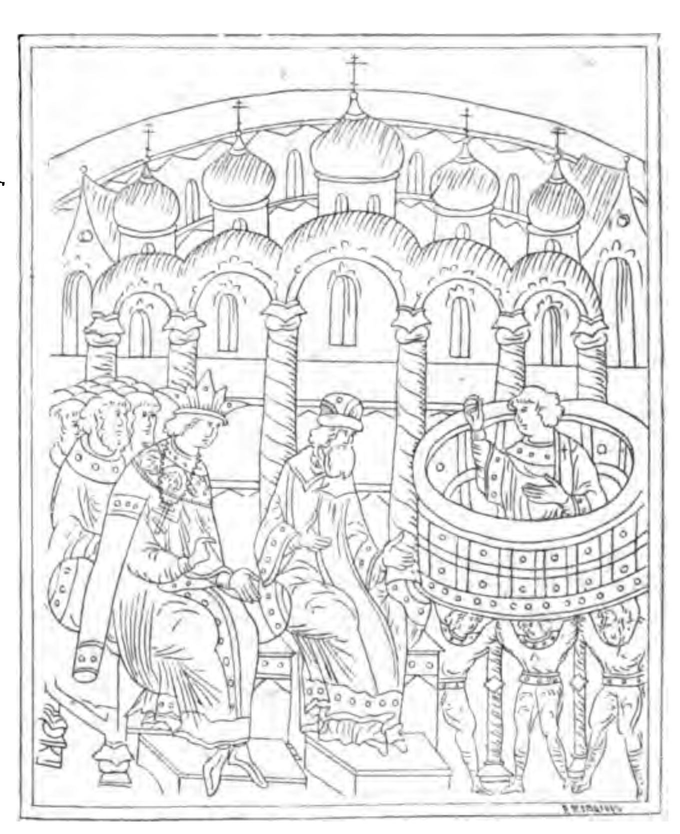
Памятникомъ регентства Елены была постройка крѣпостныхъ стѣнъ Китай-города. Въ виду того, что Кремль, въ случаѣ осады, не могъ уже за своими стѣнами вмѣщать сильно увеличившееся народонаселеніе, Василій III желалъ построить еще новую крѣпость. Осуществленіемъ этой мысли занялась великая княгиня. Именно работы были начаты въ 1534 году. Сперва „сдѣланъ бысть въ Москвѣ градъ земляной по тому мѣсту, гдѣ мыслилъ ставить великій князь Василій Ивановичъ“. „Градъ былъ сдѣланъ на большее пространство Москвы. Хитрецы (розмыслы-инженеры) устроиша его вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (кремлевской), *исплетаху тонкій лѣсъ* (хворостъ) около бóльшого древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утверждаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ и на версѣ устроиша градъ древянъ, по обычаю (т. е. помостъ съ кровлею, для защиты). Нарекоша граду имя Китай“.

По мнѣнію И. Е. Забѣлина, прозваніе Китай значитъ, по всей вѣроятности, плетеничный: ибо Китай—веревка, сплетенная или свитая изъ травы, соломы или прутьевъ, коими вяжутъ одонья. То обстоятельство, что для постройки земляныхъ стѣнъ *исплетаху тонкій лѣсъ*, подтверждаетъ такое предположеніе. Но правительница не удовольствовалась этими деревянно-земляными стѣнами и повелѣла „на бóльшее утвержденіе, градъ каменъ ставити, подлѣ земляной городъ“. Въ 1535 году, вдоль этого рва, по совершеніи митрополитомъ Даніиломъ крестнаго хода, заложена была каменная стѣна, съ башнями и воротами (Срѣтенскія, Ильинскія или Троицкія, Варварскія и Козьмодемьянскія, выходившія на Большую улицу къ Москвѣ-рѣкѣ). Издержки на это сооруженіе были возложены на бояръ, духовенство и торговыхъ людей. Населеніе привлекалось даже къ самой стройкѣ стѣнъ. Строилъ Петръ Фрязинъ, подошву градную основавъ. Новыя стѣны охватили часть Большого посада, гдѣ производилась торговля. Приступлено было и къ постройкѣ каменныхъ лавокъ, число которыхъ къ началу XVII столѣтія уже было весьма значительно; въ нихъ производилась торговля европейскими и азіатскими товарами, что видно изъ названій: Фряжскихъ погребовъ, Суровскаго и Панскаго рядовъ и проч. Другимъ памятникомъ правленія Елены было построеніе церкви Іоанна Предтечи, близъ Солянки, и основаніе при ней Ивановскаго женскаго монастыря, въ который впослѣдствіи были заключаемы знатныя затворницы.

Немаловажную реформу произвела Елена въ чеканкѣ монеты. Въ предшествующее время распространились обрѣзываніе монеты и даже ея поддѣлка, хотя фальшивыхъ монетчиковъ жестоко казнили, заливая имъ горло растопленнымъ металломъ. Правительница велѣла отбирать всю старую испорченную монету и чеканить новую. Изъ фунта серебра, или гривны, теперь вычеканивалось три рубля, или 300 денегъ. Три деньги составляли алтынъ, пятьдесятъ денегъ полтину. Окончательно былъ установленъ штемпель Московской монеты. Мы знаемъ, что на ней съ давняго времени стали господствовать всадники: то ловчій съ соколомъ въ рукѣ, то всадникъ съ копьемъ, то всадникъ-мечникъ. Въ это время

возстановленъ былъ появившійся при Василіи Темномъ конный копейщикъ. Объ этомъ лѣтописецъ говоритъ: „великій князь Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копейныя". Такимъ образомъ, установившійся съ Іоанна III, только на государственныхъ печатяхъ, гербъ сдѣлался окончательно монетнымъ штемпелемъ, пока не былъ замѣненъ двуглавымъ орломъ. Денежный дворъ находился на Яузѣ, въ Денежной слободѣ, гдѣ теперь церковь Троицы въ Серебреникахъ.

Въ 1540 году принесена была изъ Ржева чудотворная икона и встрѣчена была великимъ княземъ и митрополитомъ, близъ Новинскаго монастыря (который былъ основанъ еще митрополитомъ Фотіемъ, при Василіи Темномъ) и здѣсь была устроена придѣльная церковь, въ память этого событія. Названіе мѣстности Новинское происходитъ отъ села Новинки, упоминаемаго при Василіи III, а другіе производятъ отъ существовавшаго будто здѣсь храма Іисуса Навина.

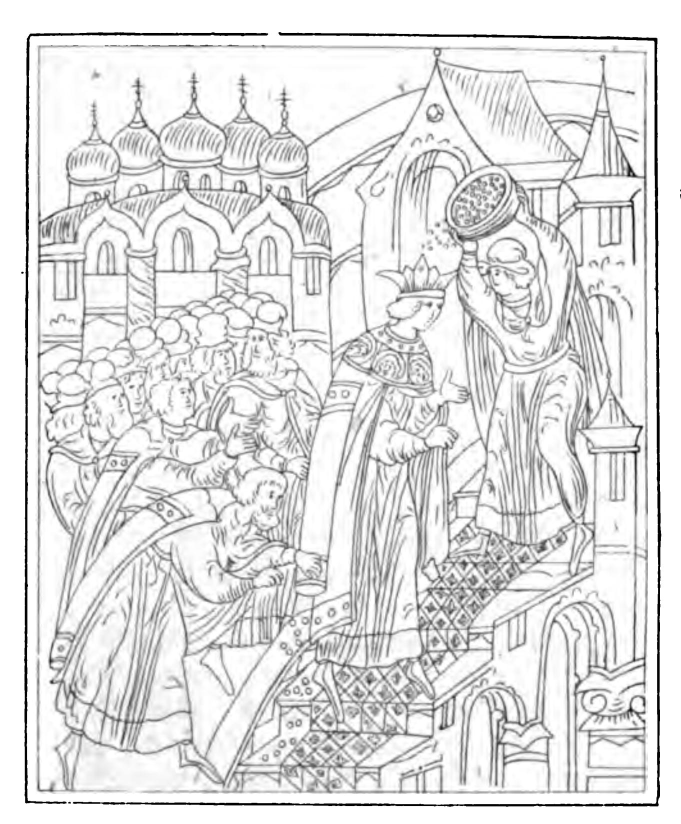

Вѣнчаніе на царство Іоанна IV.

Минуемъ, какъ слишкомъ извѣстныя, дѣтство и отрочество Іоанна и времена боярскаго управленія и обращаемся къ первымъ проявленіямъ самостоятельной дѣятельности Іоанна, имѣвшимъ важное значеніе въ исторіи Москвы: вѣнчанію его на царство и женитьбѣ.

Въ 1547 году, когда Іоанну было 17 лѣтъ, онъ объявилъ митрополиту Макарію о намѣреніи своемъ жениться. По этому случаю былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этого молодой государь, созвавъ своихъ бояръ, объявилъ и имъ о своемъ намѣреніи, при чемъ сказалъ, что хотѣлъ искать невѣсту въ иномъ царствѣ, но оставилъ эту мысль и хочетъ жениться въ своемъ государствѣ. При этомъ государь объявилъ боярамъ и другое важное рѣ-

щеніе—вѣнчаться на царство, по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ Владиміра Мономаха. Это священное коронованіе было совершено, 16 января, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Макаріемъ, по тому же чину и почти съ такими же обрядами, какъ уже извѣстное читателямъ вѣнчаніе внука Іоанна III—Дмитрія. Важнымъ же отличіемъ этого священнодѣйствія было то, что теперь къ прежнему титулу великаго князя государь присоединилъ новый, высшій прежняго, титулъ царя. Такимъ образомъ Московское государство всея Руси стало царствомъ. Царскій титулъ прилагался иногда къ дѣду Іоанна IV; отецъ его Василій III уже чаще именовался царемъ. Но съ коронаціи Іоанна Васильевича употребленіе царскаго титула сдѣлалось постояннымъ, и государь именовался царемъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Русскіе люди того времени придавали важное значеніе этой перемѣнѣ. По понятіямъ книжныхъ людей, Русскій царь является прямымъ преемникомъ православныхъ царей Греческихъ, отъ которыхъ онъ происходилъ и по бабкѣ своей Софьѣ Ѳоминишнѣ и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Равноапостольнаго Владиміра. Русскіе современники писали, что теперь царство Россійское есть третій Римъ, оно является преемникомъ двухъ прежнихъ: „два убо Рима падоша, третій стоитъ, а четвертому не быть". Единственнымъ авторитетомъ, къ которому Іоаннъ обратился за подтвержденіемъ новаго титула, или его благословеніемъ, былъ Цареградскій патріархъ. Отъ него была получена подтвердительная грамота.

Обрядъ осыпанія золотыми монетами царя, послѣ вѣнчанія на царство.

Въ „Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ" приведенъ самый чинъ этого вѣнчанія на царство, съ его обрядами и молитвами. Послѣ пѣнія „трисвятаго" на государя возложенъ былъ сперва животворящій крестъ, затѣмъ бармы и вѣнецъ Мономаха. И царь

возсѣлъ затѣмъ на тронъ, поставленный на амвонѣ, рядомъ со святительскимъ сѣдалищемъ.

Воспроизведенныя изъ „Царственной книги“ двѣ миніатюры относятся къ этому. Первая изъ нихъ представляетъ намъ слѣдующій моментъ: „и по молитвѣ сѣлъ царь на своемъ столѣ, а митрополитъ на своемъ, и вшедъ на амвонъ архидіаконъ, глаголя велегласно многолѣтіе царю Ивану Васильевичу Русскому, и весь освященный соборъ Русскія митрополіи“. Амвонъ устроенъ здѣсь по-новгородски: „человѣчки деревянные на главахъ держатъ его“. Второй рисунокъ относится къ слѣдующему тексту „Царственной книги“: „како сшелъ великій царь съ мѣста своего (послѣ коронованія), и во дверехъ церковныхъ осыпалъ его деньгами златыми братъ его князь Юрій Васильевичъ“. Очень хорошо бы сдѣлали наши художники, посвящающіе себя исторической живописи, если бы, какъ эти такъ и другія историческія миніатюры подвергли художественной транскрипціи, придавъ имъ перспективу и фигурамъ живость и естественность и т. д.

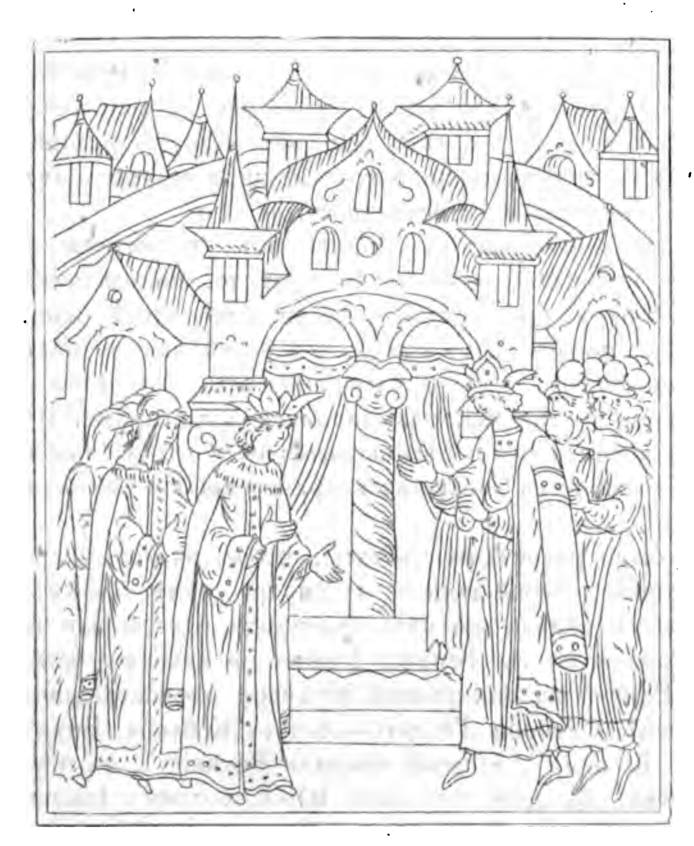
Іоаннъ IV въ 1551 г., когда онъ хлопоталъ объ утвержденіи за собою царскаго титула, соорудилъ себѣ царское мѣсто, находящееся теперь въ Успенскомъ соборѣ. Оно устроено въ видѣ шатровой сѣни, на четырехъ столбахъ, на подобіе тѣхъ сѣней, кои устраиваются надъ престолами. Сѣнь поддерживаютъ четыре символическихъ животныхъ: левъ, или скиментъ, гіенна и еще два, называвшіяся острогаными. На самомъ тронѣ сдѣланы надписи и вырѣзаны изображенія изъ жизни Владиміра Мономаха и среди нихъ касающіяся принесенія изъ Византіи царскихъ регалій.

Послѣ коронаціи были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своихъ дочерей-дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ; послѣдніе дѣлали наборъ: отдѣляли изъ нихъ красивыхъ и отсылали въ Москву для избранія царю невѣсты. Выборъ Іоанна Васильевича остановился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Юрьевой, происходившей отъ рода боярина временъ Симеона Гордаго—Андрея Кобылы. Внукъ его Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ, ближній бояринъ Василія I, въ числѣ другихъ сыновей имѣлъ Захарію; его сынъ Юрій, бояринъ Іоанна III, былъ родоначальникомъ линіи Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Изъ нихъ Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя вдову Юліанію Ѳедоровну съ сыновьями Даніиломъ и Никитою и дочерьми Анной, вышедшей за князя Сицкаго, и Анастасіей Романовной, ставшей царской невѣстой. Она воспитывалась въ домѣ дѣда, подъ руководствомъ тетки своей Ѳеодосіи Юрьевны, въ приходѣ Георгія на Дмитровкѣ, за Житной площадкой, гдѣ построена была церковь Юріемъ Захарьинымъ. Впослѣдствіи Ѳеодосія Юрьевна родительскій домъ обратила въ Георгіевскій монастырь.

Свадьба царя и Анастасіи Романовны была совершена митрополитомъ Макаріемъ, 3 февраля, въ Успенскомъ соборѣ. При этомъ первосвятитель произнесъ рѣчь новобрачнымъ, увѣщевая ихъ прилежать церкви, творить милостыню, заступаться за вдовъ и сиротъ, не слу-

шаться злыхъ навѣтовъ и льстецовъ, бояръ и боярскихъ дѣтей жаловать и т. д.

Свадьба была справлена со всѣми народными обычаями; посаженой матерью была княгиня Евфросинія Старицкая, а тысяцкимъ—ея сынъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Родной братъ царя Юрій, въ первый день сидѣлъ за столомъ „въ большомъ мѣстѣ", конюшій Михайло Глинскій ѣздилъ во всю ночь около подклѣти. Юрій Глинскій „слалъ постели и водилъ новобрачнаго въ мыльню". Чрезъ двѣ недѣли, послѣ свадьбы, новобрачные отправились къ Троицѣ на богомолье, при чемъ царь, несмотря на зиму, шелъ пѣшкомъ.

Выборъ невѣсты царемъ Іоанномъ IV.

Воспроизводимый рисунокъ иллюстрируетъ слѣдующее лѣтописное сказаніе „Царственной книги": „тоя же зимы, благовѣрный царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи смыслилъ женитися и выбралъ себѣ невѣсту, дщерь окольничаго своего Романа Юрьевича Анастасію".

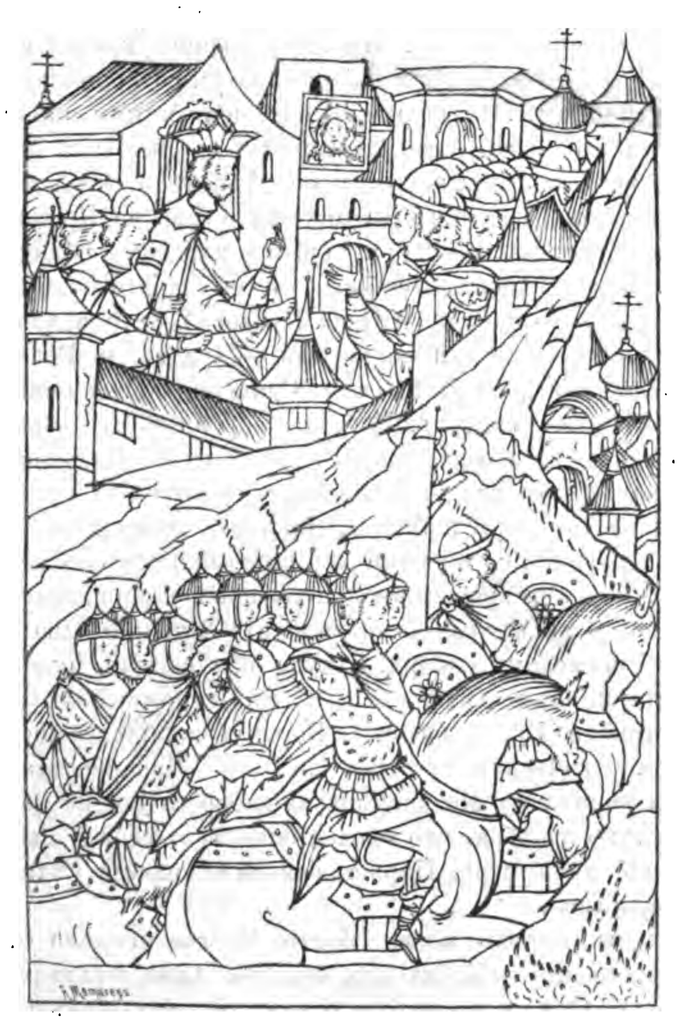
Кромѣ этихъ двухъ событій: царскаго вѣнчанія и свадьбы государя, въ этомъ году въ исторіи Москвы пріобрѣли особое, чрезвычайное значеніе пожары. Огонь ихъ поставилъ Іоанна въ путь иной, сдвинувъ съ того, который предопредѣляло для него его печальное дѣтство и который отмѣченъ казнями, во вторую половину его царствованія, послѣ смерти царицы Анастасіи.

Весною, 12 апрѣля, выгорѣла часть Китай-города, примыкавшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ нѣкоторыми церквами, гостинымъ дворомъ и другими лавками. Одна крѣпостная башня, служившая пороховымъ складомъ, взлетѣла на воздухъ съ частью китайской стѣны. Затѣмъ, 20 апрѣля, выгорѣла часть посада, около устья Яузы, на Болвановкѣ, гдѣ жили кожевники и гончары. Но вотъ, 3 іюня, въ Кремлѣ, съ деревян-

ной звоницы, упалъ большой колоколъ „Благовѣстникъ“ („напрасно отпаде“), когда начали звонить въ него къ вечерни. При паденіи у этого колокола отбились уши. Всѣ встревожились этимъ, какъ недобрымъ предзнаменованіемъ. Даже Іоаннъ, жестоко расправлявшійся съ псковскими „жалобными людьми“ въ Коломнѣ, получивъ это тревожное извѣстіе, бросилъ все, прискакалъ въ Москву и приказалъ, какъ можно скорѣе, придѣлать къ колоколу уши. Какъ близко принимали это въ то время къ сердцу, видно изъ того, что „Царственная книга“ посвящаетъ особый рисунокъ этому исправленію колокола, совершенному въ присутствіи царя и царицы... Предзнаменованіе, повидимому, оправдалось. 21 іюня вспыхнулъ новый, еще невиданный съ изначала Москвы пожаръ. Онъ пошелъ отъ Воздвиженья на Арбатѣ и сжегъ все Занеглименье. Поднявшаяся буря погнала отсюда огонь на Кремль: тамъ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, крыша царскихъ палатъ, дворъ царской казны, Благовѣщенскій соборъ съ его драгоцѣнными иконами греческаго и русскаго письма (Андрея Рублева), митрополичій дворъ и царская конюшня. Погорѣли монастыри — Чудовъ и Вознесенскій и погибли всѣ боярскіе дома въ Кремлѣ. Одна пороховая башня съ частью стѣны взлетѣла на воздухъ. Пожаръ перешелъ въ Китай-городъ и истребилъ оставшееся отъ перваго пожара. На Большомъ посадѣ сгорѣли: Тверская, Дмитровка до Николо-Грачевскаго монастыря, Рождественка, Мясницкая до Флора и Лавра, Покровка до несуществующей теперь церкви св. Василія, со многими храмами, при чемъ погибла масса древнихъ книгъ, иконъ и драгоцѣнной церковной утвари. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло живьемъ, митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму въ Успенскомъ соборѣ, откуда онъ своими руками вынесъ образъ Богоматери, написанный святителемъ Петромъ. Владыка, въ сопровожденіи протопопа Гурія, несшаго Кормчую книгу, взошелъ на Тайницкую башню, охваченную густымъ дымомъ. Макарія стали спускать съ башни на канатѣ на Москворѣцкую набережную, но тотъ оборвался, и владыка такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей и боярами уѣхалъ за городъ, въ село Воробьево.

Интрига пустила въ народъ молву, будто Москва сгорѣла отъ Глинскихъ, родственниковъ царя. Бабка его, княгиня Анна, будто разрывала могилы и изъ покойниковъ сердца вынимала, высушивъ ихъ толкла, порошокъ сыпала въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, улицы кропила, отъ того-де Москва и сгорѣла. Громадный пожаръ 1547 года имѣлъ чрезвычайную важность, не только потому, что потребовалъ отъ Іоанна IV большой строительной дѣятельности, по возстановленію Москвы, но и потому, что произвелъ благодѣтельный переворотъ въ душѣ царя, сблизилъ его съ протопопомъ Сильвестромъ, авторомъ знаменитаго „Домостроя“, Алексѣемъ Адашевымъ и другими благомыслящими людьми, побудилъ Іоанна къ личной работѣ, по управленію государствомъ. Съ этой катастрофы начинается блестящій 13 лѣтній періодъ царствованія Іоанна, прославленный

завоеваніемъ огромнаго Поволжскаго пространства, отъ Казани до Астрахани, счастливой войной съ Ливоніей, изданіемъ Судебника и цѣлымъ рядомъ правительственныхъ преобразованій. Москва въ это время видѣла впервые земскій соборъ, слушала рѣчь государя къ народу съ Лобнаго мѣста*), была свидѣтельницей чрезвычайно важнаго церковнаго собора, такъ называемаго Стоглаваго. Но все это, равно какъ и страшный новый переломъ въ характерѣ Іоанна, завоеваніе Сибири и прочія политическія событія, болѣе относится къ обще-государственной нашей исторіи, чѣмъ къ исторіи Москвы, какъ города, и по своей общеизвѣстности уже давно стало общимъ мѣстомъ. Для насъ представляетъ поэтому болѣе интереса то, что касается памятниковъ Москвы за это время, ея быта, ея тогдашней культуры. По приказанію царя, были отстроены пострадавшіе отъ пожара Успенскій и Благовѣщенскій соборы, Грановитая палата и дворецъ. Верхъ Успенскаго собора покрытъ былъ вызолоченными мѣдными листами.

Отправленіе царскихъ войскъ въ Казань.

Самое покореніе Казани отразилось въ Москвѣ особыми памятниками. Приводимый рисунокъ изображаетъ отправленіе войскъ изъ Москвы подъ Казань. Съ великимъ торжествомъ послѣ взятіи Казани государь возвратился въ Москву. Народъ встрѣтилъ его на Яузѣ, въ Ростокинѣ. Митрополитъ Макарій —

*) При этомъ случаѣ въ первый разъ упоминается Лобное мѣсто, названное такъ по тому взлобью, или возвышенности, на коей находится, или въ память Лобнаго мѣста въ Іерусалимѣ. Отсюда объявлялись царскіе указы, митрополиты и патріархи, во время крестныхъ ходовъ, благословляли народъ и служили здѣсь молебны.

у Срѣтенскаго монастыря и сказалъ царю рѣчь, на которую отвѣчалъ и Іоаннъ. Здѣсь онъ облачился въ царскія одежды и въ шапку Мономаха и пѣшкомъ съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Кремль. Прежде всего покореніе Казани дало Москвѣ соборъ Покрова Богородицы, или храмъ Василія Блаженнаго, построенный молодымъ царемъ, въ память присоединенія къ Россіи царства Казанскаго. „Извѣстный всему свѣту этотъ памятникъ, — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, — по своей оригинальности занялъ свое мѣсто и въ общей исторіи зодчества и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ какъ бы типической чертой самой Москвы, особенной чертой самобытности и своеобразія, какими Москва, какъ старый русскій городъ, вообще отличается отъ городовъ Западной Европы. Въ своемъ родѣ это—такое же, если еще не большее московское, притомъ народное диво, какъ Иванъ Великій, царь-колоколъ, царь-пушка. Западные путешественники и ученые изслѣдователи исторіи зодчества, очень чуткіе относительно всякой самобытности и оригинальности, давно уже оцѣнили по достоинству этотъ замѣчательный памятникъ русскаго художества“. („Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ“).

Покровскій соборъ.

Люди, во что бы то ни стало старающіеся отвергнуть всякую самобытность и оригинальность въ русскомъ народѣ, пытались доказать, что храмъ Василія Блаженнаго построенъ или въ индійскомъ или въ арабскомъ и мавританскомъ стилѣ. Но теперь уже доказано, что всѣ его элементы самобытно-русскаго характера, проявлявшагося въ русскомъ теремномъ, церковномъ и крѣпостномъ (башенномъ) творчествѣ. („Образцы древне-русскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ“ Н. Султанова. „Памятники древней письменности“).

Ходъ постройки Покровскаго собора представляется такимъ. Въ память завоеванія Казани, а затѣмъ Астрахани, начата была эта многосложная работа съ 1553 года деревянною стройкою храма св. Троицы, что *на рву* (крѣпостномъ), къ которому потомъ прибавлена церковь Покрова съ придѣлами. Въ 1555 году былъ заложенъ каменный Покровъ о девяти верхахъ, оконченный уже въ 1559 году, хотя и не совсѣмъ. Лѣтописецъ записалъ слѣдующее: „въ лѣто 7068 октября, совершена бысть на Москвѣ церковь Покровъ Богородицы, что у Троицы на рву, и послѣ того сотворена бысть тое церковь тутъ же у св. Троицы *размичными образцы и многими переводы,* на одномъ основаніи девять престоловъ совершено.

Священникъ І. І. Кузнецовъ нашелъ въ Румянцевскомъ музеѣ рукопись: „Лѣтописецъ № 611“, въ коемъ оказалась вставка изъ другой рукописи, повѣствующая о закладкѣ собора царемъ Іоанномъ IV, вмѣстѣ

съ митрополитомъ Макаріемъ. Здѣсь названъ и зодчій, коему было поручено сооруженіе собора. Это—нѣкій „Барма съ товарищи".

Другимъ памятникомъ въ Москвѣ покоренія Казани является хранящееся у насъ въ Оружейной палатѣ знамя, подъ которымъ стоялъ молодой царь во время штурма города. Воспроизводимъ ниже этотъ примѣчательный стягъ. На немъ мы видимъ Нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ образа вышитъ тропарь: „Пречистому Твоему образу покланяемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеніямъ нашимъ, Христе Боже..."

Кромѣ этого, мы имѣемъ еще рядъ современныхъ иллюстрацій къ войнѣ казанской, сдѣланныхъ московскими миніатюристами къ „Царственной книгѣ", хранящейся въ патріаршей библіотекѣ и въ Лѣтописцѣ той же библіотеки. Приведенная выше и изображающая отправленіе войска въ Казань миніатюра даетъ намъ нѣкоторое понятіе о военномъ бытѣ времени Іоанна Грознаго.

До послѣдняго подъема русскаго сознанія у насъ господствовали тенденціи, что вся московская до-петровская Русь—это сплошной и безразсвѣтный мракъ невѣжества. Теперь, когда мы освободили свои глаза отъ чужихъ очковъ, историческое зрѣніе лучше видитъ проблески русской образованности и культуры даже въ такое время, какимъ является эпоха Грознаго царя. Не воспользовавшись еще возрожденіемъ наукъ и искусствъ, изобрѣтеніями и открытіями, мы въ эту пору, конечно, отстали отъ Запада; но было бы въ высшей степени неосновательно думать, что мы стояли тогда на уровнѣ азіатскихъ народовъ. У насъ была своя образованность. Представителями были ученый Максимъ—грекъ, митрополитъ Макарій, составитель громаднаго свода житій святыхъ, извѣстнаго подъ именемъ „Великихъ Четьихъ-Миней", и лѣтописнаго свода —„Степенной книги", протопопъ Сильвестръ, авторъ „Домостроя", князь Курбскій, наконецъ, самъ Іоаннъ IV и др. Громадная библіотека Грознаго, которую теперь отыскиваютъ въ подземныхъ тайникахъ Кремля, представляла богатѣйшій фондъ для русскаго образованія.

Разсмотрѣвши это драгоцѣнное собраніе книгъ—на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ языкахъ, замурованное въ сводчатыхъ подвалахъ, нѣмецъ Веттерманъ пришелъ въ неизъяснимый восторгъ: онъ увидалъ здѣсь много такихъ сочиненій, кои совсѣмъ были неизвѣстны западной учености.

Къ царствованію Іоанна IV относится и введеніе въ Москвѣ книгопечатанія. Юный царь еще въ 1548 году велѣлъ Іоанну Шлитте привезти въ Москву изъ-за границы, вмѣстѣ съ другими техниками, типографщиковъ. Но нѣмцы, завистливо опасаясь подъема образованности въ Россіи, не пропустили ихъ къ намъ. Только съ помощью датчанъ, въ 1553 году, устроена была у насъ типографія. Царь далъ изъ собственной казны средства на устройство книгопечатной палаты. Немедленно нашлись русскіе люди, способные къ типографскому искусству, и стали нашими первопечатниками. То были дьяконъ отъ церкви Николы Гостунскаго Иванъ Ѳедоровъ, товарищъ его Петръ Тимоѳеевъ

Мстиславецъ и Маруша Нефедьевъ. Спустя 10 лѣтъ, въ 1664 году, въ Москвѣ появилась первая печатная книга „Апостолъ“, довольно кра-

Знамя Грознаго.

сивая, по своей бумагѣ и печати, а въ слѣдующемъ году „Часословъ“. Но многочисленный классъ переписчиковъ, видя со стороны типографіи подрывъ своему ремеслу, началъ смущать чернь, обвиняя книгопечат-

никовъ въ ереси. Чернь подожгла ночью печатный дворъ, и первопечатники спаслись изъ Москвы бѣгствомъ. Однако начатое ими дѣло не погибло: царь велѣлъ возобновить типографію, и печатаніе книгъ продолжалъ ихъ ученикъ Андроникъ Невѣжа.

Искусство письма къ этому времени достигло высокой степени процвѣтанія. Рукописи этого времени, какъ напримѣръ, „Царственная книга“ и такъ называемый „Синодальный Лѣтописецъ“, а равно множество другихъ украшены миніатюрами, а другія великолѣпнымъ въ краскахъ и золотѣ орнаментомъ, заставками и причудливыми заглавными буквами.

Живопись также продолжала развиваться. Въ эту эпоху появляются у насъ лицевые подлинники, составлявшіе руководства для нашихъ иконописцевъ. Во время большого пожара 1547 года погибли, между прочимъ, и произведенія кисти знаменитаго Андрея Рублева, и пришлось много работать, по возстановленію живописи въ кремлевскихъ соборахъ. Стоглавый соборъ старался упорядочить нашу иконографію; онъ опредѣлилъ поставить надъ иконниками четырехъ старостъ—смотрѣть, чтобы иконы писались вѣрно съ установленныхъ образцовъ, чтобы неискусные въ этомъ дѣлѣ перестали имъ заниматься и чтобы молодые ученики были отдаваемы къ добрымъ мастерамъ. Но московская школа живописи была не въ силахъ одна справиться съ этой задачей. Митрополитъ Макарій, самъ искусный въ иконописаніи, и протопопъ Сильвестръ, будучи новгородцами, посовѣтовали царю на подмогу призвать иконописцевъ изъ Новгорода и Пскова. На время работъ привезли въ кремлевскіе соборы иконы изъ другихъ городовъ: Звенигорода, Смоленска, Новгорода и другихъ. Выписанные иконники рисовали по образцамъ монастырей Троицкаго и Симонова, славившихся произведеніями старой московской школы. Изъ псковскихъ мастеровъ извѣстны Останя, Яковъ, Семенъ, Глаголь. Одновременно съ писаніемъ новыхъ иконъ новгородско-псковскіе мастера расписывали своды и стѣны царскихъ палатъ священными изображеніями, бытейскимъ письмомъ, какъ, напримѣръ, Христа и святыхъ или символическихъ фигуръ: мужества, разума, чистоты, правды и проч. Въ это время выступилъ дьякъ Висковатый съ заявленіемъ, что новые образа написаны несогласно съ церковными преданіями. „Въ палатѣ царской притчи,—говорилъ онъ,—писано не по подобію: написанъ образъ Спасовъ, да ту-то же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ; а подписано подъ нею: „блуженіе, а иное — ревность и иныя глумленія“. Созванный въ это время стоглавый соборъ обсудилъ это, и митрополитъ объяснилъ Висковатому, что въ палатѣ было написано *приточно*—Спасово человѣколюбіе, еже о насъ, ради покаянія.

Стоглавый соборъ, учинивъ по этому поводу розыскъ, оправдалъ живописцевъ и осудилъ обвинителя. Митрополитъ Макарій объявилъ Висковатому, что онъ „мудрствуетъ объ иконахъ негораздо“. „Зналъ бы ты,—говорилъ владыка,—свои дѣла, которыя на тебя положены,—не разроняй списковъ разрядныхъ“.

Изъ описанія, составленнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1572 году, видно, что на сводахъ и стѣнахъ грановитой палаты, были слѣдующія изображенія: Господь Саваоѳъ, твореніе ангеловъ и человѣка и разныя событія Ветхозавѣтной исторіи,—какъ-то, раздѣленіе вселенной между тремя сыновьями Ноя и Руси между тремя сыновьями Владиміра Равноапостальнаго. Русскіе князья Ярославъ, Всеволодъ и Владиміръ Мономахъ были изображены въ вѣнцахъ или митрахъ, въ камчатныхъ одеждахъ съ бармами и золотыми поясами, вообще въ видѣ Византійскихъ царей. Затѣмъ слѣдовали основатель Москвы Юрій Долгорукій и родоначальникъ Московскихъ князей Александръ Невскій и другіе наши государи.

Большая государственная печать Іоанна IV.

Разбираясь въ памятникахъ при Грозномъ, мы должны обратить вниманіе на тѣ измѣненія, кои при немъ потерпѣлъ нашъ государственный гербъ. Измѣненія эти представляютъ намъ его новую геральдическую фазу и заключаются въ слѣдующемъ: на большой государственной печати „Царства Всероссійскаго“ „Московскій всадникъ, поражающій дракона“ помѣщается на груди императорскаго орла. Вокругъ него, послѣ осьмиконечнаго креста съ надписью: „древо даруетъ древнее до-

стояніе", размѣщаются гербы объединенныхъ подъ властью Москвы княжествъ и царствъ. Выбитый круговою надписью титулъ своими размѣрами уже превосходитъ титулъ отца и дѣда государя. Онъ начинается словами: „Бога въ Троицѣ славимаго милостію, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, и Владимірскій, и Московскій государь и великій князь Новаго-города, Низовскія земли и проч." Обратную сторону этой печати воспроизводимъ въ уменьшенномъ видѣ.

Дѣлала при Іоаннѣ Васильевичѣ успѣхи и пышность придворной обстановки. Особенно любилъ царь удивлять этимъ иностранныхъ пословъ Такъ въ 1576 году, при пріемѣ польскаго посла, присланнаго Стефаномъ Баторіемъ, не только дворецъ переполненъ былъ боярами въ блестящихъ одеждахъ, но на крыльцѣ и въ переходахъ до Набережной палаты, у перилъ до Благовѣщенскаго собора, размѣщены были во множествѣ гости, купцы и приказные, всѣ въ золотыхъ одеждахъ; на площади разставлено было возникшее при Іоаннѣ новое войско—стрѣльцы съ ружьями. На придворные обѣды при Іоаннѣ IV приглашались уже громадныя массы служилыхъ людей, по 600 и 700 человѣкъ. Однажды, во время войны съ ливонскими нѣмцами, устроенъ былъ придворный обѣдъ на 2,000 человѣкъ. Царь дивилъ иностранцевъ обиліемъ во дворцѣ своемъ золота, самоцвѣтныхъ камней, жемчуга и прочихъ драгоцѣнностей.

Но, при всѣхъ этихъ успѣхахъ, Москва при Іоаннѣ IV мало обстраивалась новыми постройками. Кромѣ упомянутаго выше Покровскаго собора, при немъ, въ 1543 году, говоритъ лѣтопись, додѣлали церковь Воскресенія на площади, возлѣ Ивана „святый подъ колоколы", (начатую Петромъ Фрязинымъ при Василіи III); а лѣстницу и двери придѣлали въ 1552 году мастера московскіе; въ 1555 году царь и митрополитъ въ ту церковь „принесли Рождество Христово отъ Мстиславскаго двора и соборъ уставили". Въ 1547 году близъ Тайницкихъ воротъ былъ построенъ соборъ Черниговскихъ Чудотворцевъ, гдѣ были положены принесенныя тогда въ Москву мощи св. князя Михаила и его боярина Ѳеодора. Въ память побѣды надъ крымцами, въ 1573 году, была построена церковь Рождества Христова въ Палашахъ, близъ Тверской улицы, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери „Взысканіе погибшихъ". Въ 1582 году, на мѣстѣ приходской церкви св. Никиты, бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ царицы Анастасіи и отецъ патріарха Филарета, построилъ Никитскій женскій монастырь. Въ 1583 году у Іоанна отъ седьмой его жены Маріи Нагой ро-

дился сынъ Димитрій — Уаръ (Угличской). Въ память этого былъ построенъ придѣлъ мученика Уара, при церкви Іоанна Предтечи, у Боровицкихъ воротъ. Здѣсь была поставлена икона этого святого въ мѣру роста царевича. Предъ иконой лежалъ камень, служившій ступенью

Портретъ царя Іоанна IV.
(Изъ Титулярника XVII вѣка).

для прикладывавшихся. Сюда, когда Димитрій царевичъ былъ причтенъ къ святымъ, матери клали грудныхъ болящихъ дѣтей. Позади большой Набережной царской палаты въ 1560 году былъ вновь перестроенъ Срѣтенскій соборъ, основанный Василіемъ I. Устное преданіе приписы-

ваетъ этому времени постройку церкви Чудотворца Трифона надъ Великимъ прудомъ, на рѣчкѣ „Рыбной“. Но село Напрудское съ церковью, какъ сказано выше, существовало еще при Іоаннѣ Калитѣ, и въ Москвѣ уже и тогда была соколиная охота; конный же сокольникъ съ соколомъ въ рукѣ, подобный св. Трифону, еще задолго до Іоанна IV изображался въ видѣ герба на монетахъ Московскихъ великихъ князей.

Изъ дворцовыхъ построекъ этого времени извѣстны слѣдующія: въ 1560 году, около упомянутаго Срѣтенскаго собора, царь „повелѣлъ дѣлати дворъ особный дѣтемъ своимъ“. При учрежденіи опричнины, въ которую были отобраны улицы: Чертолье (Пречистенка), Арбатская съ Сивцевымъ врагомъ, Сенчинское (Остоженка) и половина Никитской, съ разными слободами до всполья Дорогомиловскаго, царь велѣлъ выстроить для себя новый дворецъ за Неглинной (на нынѣшней Воздвиженкѣ, гдѣ былъ старый циркъ) и обнести его высокою стѣной.

Столь небольшая сравнительно строительная дѣятельность Грознаго нѣкоторыми историками объясняется тѣмъ, что онъ будто былъ поглощенъ казнями. Но это невѣрно. Москва въ его время двукратно была опустошена громаднѣйшими пожарами, въ 1547 и 1571 годахъ: Іоанну было слишкомъ много дѣла по одному только возстановленію сгорѣвшихъ зданій.

Въ послѣдній изъ указанныхъ годовъ, 24 мая, крымскіе татары подступили къ Москвѣ и зажгли ея посады. При сильномъ вѣтрѣ, пожаръ распространился быстро и поглотилъ собою всѣ деревянныя зданія Китая-города и посадовъ. Много народу погибло при этомъ. Главный воевода И. Д. Бѣльскій задохся у себя на дворѣ въ каменномъ погребѣ; таже участь постигла и многихъ изъ знати. Москва-рѣка была запружена трупами искавшихъ въ ней спасенія, такъ что надобно было поставить людей съ баграми, чтобы сплавлять трупы внизъ по теченію. Въ Кремлѣ выгорѣлъ дворъ государевъ. По свидѣтельству лѣтописи, въ „Грановитой, Проходной, Набережной и иныхъ палатахъ, прутье желѣзное, толстое, что кладено крѣпости для, на связки, перегорѣло и переломалось отъ жару“. Дворъ государя, уже по смерти его, былъ возобновленъ Өеодоромъ Іоанновичемъ и Борисомъ Годуновымъ. Іоанномъ IV былъ выстроенъ загородный дворецъ въ селѣ Воробьевѣ.

Около вышеупомянутаго времени въ Москвѣ былъ сильный голодъ. Четверть ржи стоила 60 алтынъ, по тому времени цѣна неслыханная; затѣмъ открылся сильный моръ, продолжавшійся до 1572 года. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ бѣдствій, населеніе Москвы сильно уменьшилось въ своемъ числѣ. Если должно съ большой осторожностью принимать свидѣтельство Антонія Поссевина, потерпѣвшаго неудачу по части пропаганды у насъ папизма и уніи и не получившаго отъ царя даже позволенія построить въ Москвѣ костелъ католическій, будто въ Москвѣ въ 1581 году насчитывалось жителей не болѣе 30,000, то, несомнѣнно, отъ упомянутыхъ катастрофъ, отъ казней и перенесенія царской резиденціи въ Александровскую слободу, Москва сильно сократилась въ своихъ размѣрахъ и самомъ числѣ жителей.

Разсказы современниковъ о наружности Іоанна IV отличаются разнообразіемъ и даже противорѣчіями, потому что относятся къ разнымъ періодамъ его жизни. Англичанинъ Горсей говоритъ, что онъ былъ красивой и величественной наружности, съ пригожими чертами лица, съ высокимъ челомъ. Другой иностранецъ, Даніилъ изъ Бухова, передаетъ, что онъ былъ очень высокаго роста, тѣло имѣлъ полное, глаза, большіе, постоянно бѣгающіе, все высматривающіе. Но, когда Іоаннъ въ первый разъ пріѣхалъ изъ Александровской слободы, москвичи были поражены, что у него на головѣ и въ бородѣ волоса почти всѣ вылѣзли, и онъ сильно похудѣлъ и постарѣлъ. Хронографъ XVII вѣка, извѣстный подъ именемъ Кубасовскаго, говоритъ, что „царь имѣлъ очи сѣры, носъ протягновенъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плеща высоки, груди широки, мышцы толстыя".

Невоздержанный образъ жизни и постоянное тревожное состояніе духа тяжело отразились на Грозномъ. Въ 50 лѣтъ онъ совершенно разстроилъ свое здоровье и прежде времени состарился. Зимою 1584 года у него открылась тяжкая болѣзнь: его внутренности стали гнить, и все тѣло пухнуть. По монастырямъ разослали грамоты съ просьбой молиться объ исцѣленіи болящаго царя. Во время облегченія отъ болѣзни, Іоаннъ развлекался разсматриваніемъ своихъ драгоцѣнностей или игрою въ шахматы и разговорами съ знахарями и шутами, или же слушалъ былины и сказки. 18 марта, послѣ трехчасовой теплой ванны, онъ потребовалъ шахматы и хотѣлъ играть съ бояриномъ Бѣльскимъ, но вдругъ упалъ. Пока иностранные врачи хлопотали, митрополитъ Діонисій совершилъ надъ нимъ обрядъ постриженія и нарекъ его Іоной. Новый царственный инокъ былъ погребенъ въ діаконникѣ Архангельскаго собора. Надъ гробницей сдѣлана надпись: „Въ лѣто 7002—1584, марта въ 19 день, на память свв. мученика Хрисанѳа и Даріи, преставися благовѣрный государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, а въ иноцѣхъ Іона". Вблизи этой гробницы находится прахъ его сына, царевича Ивана Ивановича.

VIII.

При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

Москва, по смерти Грознаго, присягнула сыну его Ѳеодору Іоанновичу, который совершенно не походилъ на своего отца и на старшаго брата Ивана: онъ былъ слабъ тѣлесными и душевными силами, малъ ростомъ, блѣденъ лицомъ, съ котораго почти никогда не сходила простодушная улыбка; ходилъ онъ тихими неровными шагами; былъ очень набоженъ и походилъ скорѣе на инока, чѣмъ на царя; нравомъ былъ чрезвычайно добродушенъ, привѣтливъ и кротокъ.

Воспроизводимъ иконописный портретъ его, перенесенный теперь изъ Архангельскаго собора въ Историческій музей. Лицо у царя продолговатое, худощавое, изжелта-смуглое, носъ длинный, загнутый, волосы темнорусые, курчавые; лобъ высокій, брови тонкія, глаза большіе, на выкатѣ. Одежда царя состоитъ изъ станового кафтана, украшеннаго дорогими камнями, со стоячимъ пристяжнымъ ожерельемъ. Ѳеодоръ на портретѣ былъ изображенъ безъ царской короны, но съ вѣнцомъ святыхъ, такъ какъ, хотя и не былъ причисленъ къ лику святыхъ, признанъ былъ таковымъ патріархомъ Іовомъ, который составилъ его житіе. Въ рукописныхъ святцахъ XVII столѣтія, онъ, въ ряду святыхъ, упоминается, какъ „святый благовѣрный царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ", а въ рукописныхъ подлинникахъ этого времени именуется „новымъ всея Россіи чудотворцемъ".

Уже въ ночь, послѣ смерти Грознаго, сторонники Ѳеодора Іоанновича распорядились отправить маленькаго его брата Димитрія, съ его

матерью и родственниками Нагими, въ Угличъ, данный ему отцомъ. Скоро затѣмъ поднялся въ Москвѣ мятежъ; въ народѣ распространили слухъ, будто бояринъ Богданъ Бѣльскій, сторонникъ Нагихъ, отравилъ покойнаго царя и хочетъ извести и самого Өеодора. Тысячныя толпы бросились къ Кремлю, овладѣли въ Китай-городѣ пушкою и направили ее на Спасскія ворота. Царь Өеодоръ выслалъ къ мятежникамъ бояръ Мстиславскаго и Романова и приказалъ объявить, что Бѣльскій будетъ немедленно высланъ изъ Москвы. Мятежъ прекратился.

Черезъ шесть недѣль по смерти Грознаго, 31 мая 1584 года, происходило царское вѣнчаніе Өеодора. Второе коронованіе, если не считать коронованія князя Димитрія, при Іоаннѣ III, отличалось большею торжественностью, чѣмъ то, какое видѣла Москва въ 1547 году, какъ это явствуетъ изъ подробнаго описанія этого торжества въ особомъ чинѣ, напечатанномъ въ „Собраніи грамотъ и договоровъ. Т. II“.

Царь Өеодоръ Іоанновичъ.

Царскій выходъ изъ дворца въ Успенскій соборъ отличался выдающимся многолюдствомъ и блескомъ. Во время шествія, шуринъ царскій Борисъ Годуновъ несъ скипетръ государевъ. Въ соборѣ устроено было высокое чертожное мѣсто. Всероссійскій митрополитъ Діонисій возложилъ на царя нынѣ хранящійся въ Благовѣщенскомъ соборѣ животворящій крестъ и вѣнецъ Мономаха и надѣлъ святыя бармы. Послѣ вѣнчанія на царство, государь слушалъ литургію въ коронѣ и со скиптромъ: „хоругвями правленія“, какъ сказано въ коронаціонномъ чинѣ. Въ концѣ литургіи митрополитъ совершилъ надъ государемъ священное мѵропомазаніе изъ особаго сосуда или крабицы, которая принадлежала Августу и была принесена Владиміру Мономаху изъ Византіи, вмѣстѣ съ царскими регаліями, и причастилъ его святыхъ таинъ; во время этого Борисъ держалъ скипетръ, а Дмитрій Годуновъ и бояринъ Юрьевъ держали вѣнецъ царскій на золотомъ блюдѣ. Въ коронаціонномъ чинѣ приведены произнесенныя царемъ и митрополитомъ рѣчи. Изъ Успенскаго собора Өеодоръ ходилъ въ Архангельскій, для поклоненія гробницамъ предковъ, и Благовѣщенскій соборъ, а потомъ чрезъ Красное крыльцо возвратился во дворецъ, гдѣ бояре и другіе служилые люди цѣловали вѣнчанному и мѵропомазанному царю руку.

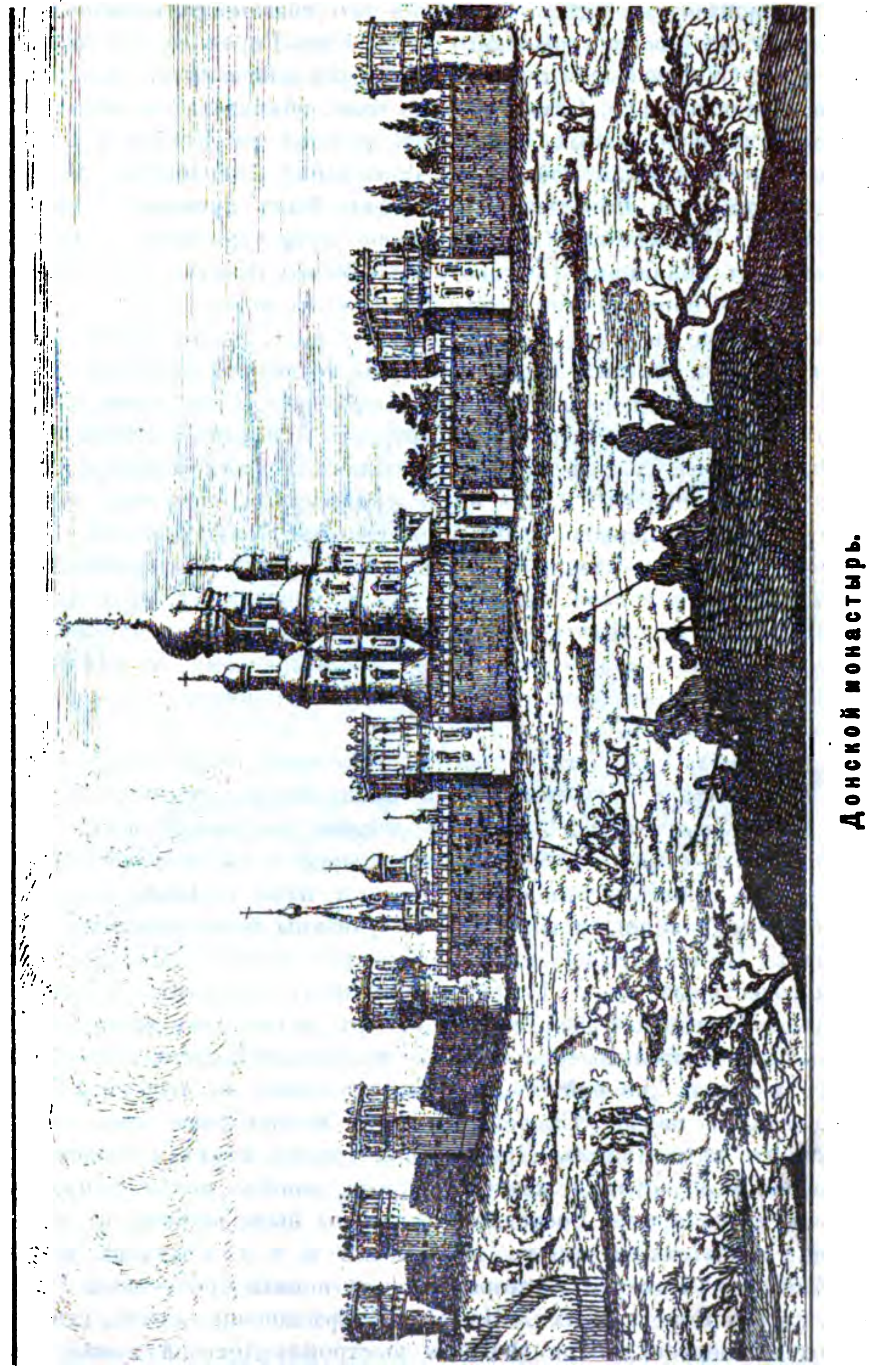
Къ обѣденному столу приглашенъ былъ весь дворъ и освященный соборъ съ митрополитомъ во главѣ. Пиры во дворцѣ и народныя гулянья, по случаю коронаціи, продолжались цѣлую недѣлю и закончились военнымъ праздникомъ за городомъ.

Во время коронаціонныхъ пировъ посыпались милости царя: онъ въ самомъ дворцѣ надѣлилъ богатыми подарками митрополита, святителей и другихъ лицъ, и самъ въ свою очередь принялъ дары отъ бояръ, купцовъ и гостей, русскихъ и иностранныхъ; выпустилъ на свободу многихъ заключенныхъ, освободилъ военноплѣнныхъ; уменьшены были налоги; нѣсколько заслуженныхъ сановниковъ возведены въ боярскій санъ. Ивану Петровичу Шуйскому пожалованы были всѣ доходы отъ Пскова. Но никто не былъ осыпанъ такими милостями, какъ Борисъ Годуновъ: онъ получилъ не только высокій санъ конюшаго, но и титулъ ближняго великаго боярина, намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго; ему даны были громадныя помѣстья, всѣ луга на берегу Москвы-рѣки, сборы съ цѣлыхъ областей, доходы съ нѣкоторыхъ промысловъ и проч. Доходы его достигали 100 тысячъ, и онъ могъ на свой счетъ снарядить изъ своихъ крестьянъ сто-тысячную рать. Правительственное значеніе его такъ было велико, что королева Англіи Елизавета называла его въ грамотахъ своихъ „любительнымъ братомъ" и „лордомъ-протекторомъ".

Быстро Москва стала обстраиваться, послѣ раззореній и невзгодъ во времена Грознаго. Сгорѣвшій при немъ дворецъ въ царствованіе Θеодора, судя по отзывамъ иностранцевъ, опять былъ приведенъ въ цвѣтущее состояніе. Всѣ пріемныя палаты въ это время были великолѣпно украшены стѣнописью, подобно той, какая была здѣсь въ царствованіе Алексѣя Михайловича и была возстановлена при покойномъ Императорѣ Александрѣ III. Въ это, вѣроятно, время была построена и пріемная Золотая палата для супруги Θеодора, столь любимой царицы Ирины. При Покровскомъ соборѣ царь построилъ особый придѣлъ въ честь св. Василія Блаженнаго, мощи котораго были обрѣтены въ 1588 году; для него была устроена новая гробница, и надъ нею повѣшены его тяжелыя желѣзныя вериги.

Въ Москвѣ въ это царствованіе были выстроены каменныя стѣны вокругъ Бѣлаго или Царева города, начиная отъ Тверскихъ воротъ, а выходившіе за Бѣлый городъ посады — деревянными. Они составили такъ называемый „Скородомъ". Работой въ Бѣломъ городѣ завѣдывалъ русскій зодчій Θеодоръ Конь. Здѣсь въ это время были слѣдующія улицы: Арбатъ, Смоленская, Покровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Чертольская (Пречистенка), Рождественка. Работы начались въ 1587 году и кончены съ небольшимъ въ два года. Стѣна и валъ начаты отъ нынѣшняго Яузскаго моста, неправильною дугою, чрезъ Покровку, Мясницкую, Срѣтенку, Петровку, Тверскую, Никитскую, Арбатъ и Пречистенку, гдѣ у нынѣшняго храма Спасителя упирались въ Москву-рѣку. Стѣна Бѣлаго города имѣла 28 башенъ и 9 воротъ, сходныхъ съ воротами Китай-города. У воротъ стояли воротники и запи-

рали ихъ на ночь. Обветшавшія стѣны Бѣлаго-города были разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, а при Екатеринѣ II замѣнены

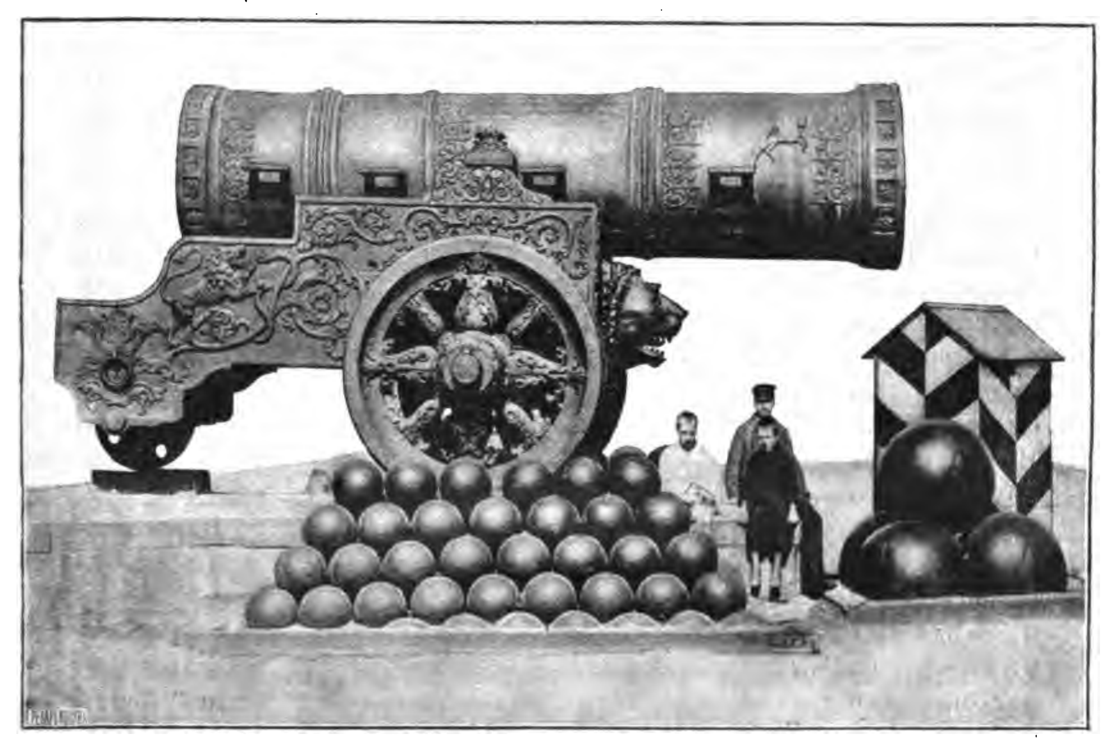
Донской монастырь.

бульварами. Послѣдній остатокъ Бѣлаго-города, башня у Арбатскихъ воротъ, была разобрана въ 1792 году.

Өеодоръ Іоанновичъ, внѣ стѣнъ Скородома, построилъ имѣющій важное значеніе Донской монастырь, видъ коего со старинной гравюры мы воспроизводимъ здѣсь. Основаніе его связано съ нападеніемъ въ 1691 году на Москву крымскаго хана Казы-Гирея со 150-тысячнымъ войскомъ. Съ Оки были отозваны къ Москвѣ войска подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Самая столица была объявлена въ осадномъ положеніи; защита разныхъ частей ея, начиная съ Кремля и Китай-города, поручена была воеводамъ. Монастыри: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ и Новодѣвичій снабжены были пушками и военными снарядами. Предмѣстья Москвы наскоро были укрѣплены деревянными стѣнами съ бойницами („Скородома"). Между Калужской и Тульскою дорогами, на пространствѣ между Даниловымъ монастыремъ и Воробьевыми горами, въ двухъ верстахъ отъ города, расположилось войско. Какъ средства защиты, были построены подвижной городокъ на колесахъ и походная церковь преподобнаго Сергія. Сюда была принесена икона Богоматери, бывшая съ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовскомъ полѣ. Епископъ Суздальскій Іовъ крестнымъ ходомъ обнесъ чудотворную икону, вдоль воинскаго стана и городскихъ стѣнъ, и затѣмъ поставилъ ее въ походную церковь. Самъ царь Өеодоръ Іоанновичъ съ большою свитою, въ сопровожденіи назначеннаго главнымъ начальникомъ Годунова, объѣхалъ войска, ободрялъ ихъ и, повидимому, не испытывалъ никакого страха предъ врагомъ, возлагая всю надежду на Бога. Годуновъ уступилъ главное начальство Мстиславскому, а самъ занялъ второе мѣсто въ большомъ полку. Государь съ царицей и духовенствомъ началъ молиться во дворцѣ.

4-го іюля, непріятель достигъ Поклонной горы за Серпуховской заставой. Татары устремились на наши войска отъ села Котловъ и отъ Воробьевыхъ горъ. Съ нашей стороны загремѣли орудія съ бойницъ новыхъ стѣнъ, съ башенъ монастырей и съ кремлевской крѣпости. Битва закипѣла отчаянная. Ядра и пули осыпали непріятелей. Колокольни, башни, крыши домовъ унизаны были народомъ, слѣдившимъ за битвой. Въ церквахъ совершались моленія. Молился усердно и благочестивый царь. Гирей разсчитывалъ захватить Москву врасплохъ, но встрѣтилъ энергическій отпоръ и потерялъ массу убитыми. Царь былъ настолько спокоенъ, что заснулъ въ полдень и предъ этимъ будто сказалъ: „не бойтесь, завтра поганыхъ не будетъ". И ночью продолжалась пальба. Съ разсвѣтомъ въ Москвѣ разнеслась радостная вѣсть, что ханъ бѣжалъ. При красномъ звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ и радостныхъ кликахъ народа, конные полки кинулись въ погоню за татарами. Воеводы награждены были шубами съ царскаго плеча, золотыми медалями, помѣстьями и т. д. Годуновъ получилъ особый титулъ „слуги", который до него носили трое—князь Ряполовскій да два Воротынскихъ. На мѣстѣ укрѣпленнаго стана, гдѣ стояла походная церковь, царь Өеодоръ выстроилъ Донской монастырь, въ честь той иконы, которая была на Куликовскомъ полѣ и теперь явилась спасительницей Москвы.

Несмотря на то, что незадолго предъ этимъ былъ большой пожаръ, опустошившій Арбатъ, Никитскую, Тверскую, даже Китай-городъ, Москва опять выглядѣла огромнымъ городомъ. Флетчеръ говоритъ, что она въ это время была больше Лондона. Немного позднѣе французъ Маржеретъ писалъ: „Москва—городъ обширный; среди него течетъ рѣка, которая шире нашей Сены; весь городъ обнесенъ деревянной оградой, въ окружности, какъ я думаю, болѣе парижской; внутри его другая стѣна (Бѣлаго города) на половину меньше первой". Всего болѣе Москва богата была церквами, коихъ во всемъ городѣ было уже болѣе 400 съ 5000 колоколовъ на колокольняхъ.

Царь-пушка.

Военное искусство въ это царствованіе совершенствовалось; особенно умножалась артиллерія. Въ это время была отлита въ Москвѣ Царь-пушка, или дробовикъ. Вѣсъ ея 2,400 пудовъ; каждое ядро для заряда вѣситъ 120 пудовъ, а зарядъ пороху 30 пудовъ. Она отлита русскимъ мастеромъ; ее дѣлалъ, какъ гласитъ надпись, пушечный литецъ Андрей Чоховъ. Далѣе воспроизводимъ съ этой пушки и изображеніе Θеодора Іоанновича.

Различныя стороны быта Москвы продолжали развиваться и укрѣпились до такой степени, что послѣдовавшая за тѣмъ смута и польское владычество нисколько его не поколебали, и онъ самъ собою органически возстановился, при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ.

Бытъ государя представляется въ такомъ видѣ. Царь Θеодоръ вставалъ очень рано, около четырехъ часовъ утра. Къ нему являлся

его духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора, съ крестомъ, и вносилась икона святого, который праздновался въ тотъ день. Предъ нею и домашними богато украшенными иконами затепливались свѣчи. Царь молился съ четверть часа, прикладывался ко кресту и иконамъ, и духовникъ окроплялъ его святою водою, которую въ серебряной чашѣ ежедневно приносили свѣжую и даже присылали изъ далекихъ монастырей. Затѣмъ государь шелъ къ царицѣ здороваться и съ нею шелъ въ домовую церковь къ заутренѣ. По возвращеніи оттуда, царь садился въ большомъ покоѣ, куда къ нему приходили на поклонъ бояре. Около девяти часовъ, государь шелъ въ другую домовую церковь или въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Возвратившись, бесѣдовалъ съ боярами и другими сановниками и, послѣ отдыха, въ полдень обѣдалъ. Каждое кушанье предварительно отвѣдывали разные придворные и подавалъ кравчій. Число блюдъ,—печеній, жареныхъ и похлебокъ—доходило до семидесяти. Невдалекѣ отъ обѣденнаго мѣста находился столъ съ дорогой посудой и мѣднымъ чаномъ со льдомъ, гдѣ стояли разные напитки. Послѣ обѣда царь почивалъ около трехъ часовъ, меньше — въ томъ только случаѣ, когда ходилъ въ баню, или отправлялся на какую-либо потѣху, въ родѣ боя съ медвѣдями, кулачнаго боя и т. п. Царь каждый день бывалъ на вечернѣ и послѣ нея оставался во внутреннихъ покояхъ и развлекался чѣмъ-нибудь: напримѣръ, разсматривалъ издѣлія своихъ мастеровъ, золотыя и серебряныя вещи; тѣшился шутами, карликами; слушалъ сказателей былей или чтеніе книгъ и т. д.

Изображеніе царя Ѳеодора Іоанновича на московской Царь-пушкѣ.

Московскій бытъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича ярко и блистательно проявлялся въ торжественныхъ пріемахъ чужестранныхъ пословъ. Одинъ изъ спутниковъ посла Священной Римской имперіи Марка Варкоча, пріѣзжавшаго въ Москву въ 1593 году, оставилъ описаніе сдѣланнаго посольству пріема.

Описавъ Москву, какъ городъ величавый и красивый, по своему виду, иностранецъ такъ описываетъ въѣздъ посольства въ Кремль: „посолъ со своей свитой въѣхалъ туда верхомъ на 18 лошадяхъ изъ царской конюшни. Его сопровождали бояре на 30 лошадяхъ. Впереди

посла несли покрытые синей тафтой подарки Германскаго императора, а дворецкій несъ императорскую вѣрительную грамоту, обернутую въ желтую тафту. Въ Кремлѣ стояли тысячныя толпы народа и двѣ шпалеры стрѣльцовъ съ ружьями, въ числѣ 4000. Во всѣхъ церквахъ звонили въ большіе колокола".

На дворцовомъ крыльцѣ посольство было встрѣчено боярами, одѣтыми въ золотую парчу. Императорскіе подарки были положены на подушки, чтобы нести ихъ къ государю. Послѣ этого посольство повели чрезъ покой, гдѣ сидѣли бояре, одѣтые въ прекрасныя изъ золотой парчи платья. Другой покой, куда ввели иностранцевъ, была дворцовая палата, въ которой государь принималъ поздравленія; въ ней полъ и столы были покрыты богатыми коврами и столешниками, а кругомъ сидѣли знатные бояре въ золотыхъ одеждахъ.

На престолѣ, возвышенномъ на три ступени и украшенномъ съ верху до низу золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, сидѣлъ государь въ царскомъ убранствѣ; на головѣ онъ имѣлъ золотой вѣнецъ, выложенный алмазами, притомъ очень большими; въ рукѣ держалъ скипетръ, тоже украшенный драгоцѣнными камнями; кафтанъ на немъ былъ красный бархатный, сплошь шитый крупнымъ жемчугомъ; на шеѣ висѣло нѣсколько дорогихъ камней, оправленныхъ въ золото и расположенныхъ въ видѣ цѣпи или ожерелья (бармы). На двухъ пальцахъ лѣвой руки было по большому золотому перстню со смарагдомъ. Впереди его, съ обѣихъ сторонъ, стояли двое благородныхъ юношей съ московскими сѣкирами, въ бѣлыхъ атласныхъ платьяхъ, на которыхъ крестъ на крестъ висѣли золотыя цѣпочки.

Послѣ представленія и передачи грамоты и подарковъ, послы были отпущены въ посольскій домъ (у Троицы на Ильинкѣ), куда имъ былъ присланъ съ царскаго стола обѣдъ въ 150 кушаньевъ на серебряныхъ блюдахъ, закрытыхъ серебряными крышками.

Замѣтно, что на посольство произвели сильное впечатлѣніе московская роскошь и хлѣбосольство. Это видно изъ описанія царскаго обѣда, къ которому было приглашено посольство чрезъ нѣсколько недѣль.

По врученіи царемъ нѣмецкому послу отвѣтной грамоты къ императору, посольство было приглашено къ царскому обѣду. Во дворцѣ иностранцевъ проводили въ залу совѣта (думы), гдѣ они оставались съ своими приставами и толмачами добрыхъ полчаса. Потомъ ихъ перевели въ другую палату, гдѣ кругомъ по стѣнамъ стояли длинные поставцы, съ тремя высокими ступенями: всѣ они были, по словамъ нѣмцевъ, „такъ уставлены безчисленными серебряными и золотыми кубками, что и представить себѣ трудно, а въ Германіи, пожалуй, что и не повѣрили бы такому богатству. На нижнихъ ступеняхъ поставлено множество большихъ блюдъ и стопъ изъ хорошаго золота, серебряный левъ, въ его природную величину, нѣсколько серебряныхъ братинъ и чашъ, настолько большихъ, что одному человѣку невозможно было поднять ихъ, не то, что употреблять въ качествѣ посуды для питья; все это было выставлено, чтобы показать намъ, нѣмцамъ, великія со-

кровища и богатства казны". Обѣденная зала, куда введены были послы, четвероугольная, въ 70 саженей въ объемѣ, вверху и по стѣнамъ росписана картинами и много украшена серебромъ и золотомъ; полъ вымощенъ бѣлымъ камнемъ, очень искусными узорами. Посрединѣ залы толстый каменный столбъ, или колонна, на коей лежалъ весь сводъ. Кругомъ столба поставцы съ драгоцѣнной посудой. Въ залѣ четыре большихъ окна. На высокомъ сѣдалищѣ, сплошь вызолоченномъ, за столомъ, который стоялъ на ступень выше другихъ, сидѣлъ царь, одѣтый въ кафтанъ изъ серебряной парчи; голову его покрывала золотая московская шапочка, унизанная драгоцѣнными каменьями и крупнымъ жемчугомъ; на шеѣ богатое ожерелье. Другіе столы занимали князья и бояре, одѣтые въ бѣлыя одежды, отороченныя бобромъ, въ высокихъ чернобурыхъ шапкахъ; стольники въ золотыхъ кафтанахъ подавали кушанья на золотыхъ блюдахъ. Въ продолженіе пира наступилъ вечеръ, и понадобилось зажечь свѣчи въ четырехъ люстрахъ. На посольскій столъ поставлены были восковыя свѣчи въ яшмовыхъ и хрустальныхъ подсвѣчникахъ, въ серебряной оправѣ. Государь подзывалъ къ себѣ посла и въ знакъ своей милости изъ своихъ рукъ далъ ему маленькую золотую чару, осыпанную дорогими каменьями, съ превосходнымъ виномъ. На посольскій столъ поданы три большія круговыя братины: онѣ были такъ велики, что едва было подъ силу подносить ихъ ко рту. Во время стола звонили во всѣ колокола кремлевскихъ церквей. Возвратный путь пословъ былъ освѣщенъ плошками и смоляными бочками. Впереди посольства несли фонари и факелы. Обѣдавшихъ во дворцѣ было 1000 человѣкъ.

Церковный бытъ Москвы завершился въ царствованіе Θеодора Іоанновича учрежденіемъ патріаршества. Могущественное царство Русское имѣло цвѣтущую церковь, коей невмѣстно было составлять часть Константинопольскаго патріархата, находившагося въ упадкѣ подъ властью турокъ и еще недавно показывавшаго въ дѣлѣ уніи уступчивость папизму.

Прибывшему въ это время въ Москву за милостыней Цареградскому патріарху Іереміи было предложено царемъ стать Всероссійскимъ патріархомъ. Ему была устроена въ Кремлѣ торжественная встрѣча. Первосвятитель Греческой церкви въѣхалъ въ городъ на осляти, а за нимъ ѣхали на лошадяхъ митрополитъ Мальвазійскій Іероѳей и архіепископъ Элласонскій Арсеній. Царь принялъ патріарха въ Золотой палатѣ и посадилъ его по правую руку отъ своего трона. При этомъ Іеремія поднесъ Θеодору Іоанновичу хранимыя теперь въ Успенскомъ соборѣ частицы животворящаго креста, крови и ризы Христовой и части отъ терноваго вѣнца Спасителя, частицы мощей Константина Равноапостольнаго и св. Іакова, а царицѣ Иринѣ—золотую панагію съ мощами Іоанна Златоуста.

Какъ извѣстно, Іеремія посвятилъ въ патріархи Всероссійскіе митрополита Іова. Это священнодѣйствіе совершено было съ особенною торжественностью, хотя обряды и совпадали съ поставленіемъ на-

шихъ митрополитовъ. Патріархъ Іовъ, послѣ своего поставленія, совершилъ въ нашемъ первопрестольномъ соборѣ литургію, вмѣстѣ съ Цареградскимъ патріархомъ. По окончаніи обѣдни, царь возложилъ на святѣйшаго патріарха Іова драгоцѣнный крестъ съ животворящимъ древомъ, зеленую бархатную мантію съ „источниками", низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ крестомъ. Затѣмъ онъ подалъ ему жезлъ св. Петра митрополита и поздравилъ его „отцемъ отцевъ и патріархомъ всѣхъ сѣверныхъ земель".

Печать патріарха Іова.

Патріаршая процессія въ Вербное воскресенье.

Послѣ этого, было пропѣто многолѣтіе царю и патріархамъ, Цареградскому и Московскому. Оба они въ это время сидѣли на каѳедрѣ рядомъ

съ трономъ царя. Послѣ этого Іовъ объѣхалъ на осляти вокругъ Кремля, окропляя его стѣны. Выше мы воспроизвели позднѣйшій, впрочемъ, рисунокъ Олеарія, изображающій патріаршую процессію въ Вербное воскресенье въ Іерусалимъ, или храмъ Василія Блаженнаго. Патріархи въ этотъ день обѣдали у государя.

Патріархъ Іеремія прожилъ въ Москвѣ, до мая 1587 года, и уѣхалъ въ Царь-городъ, щедро награжденный драгоцѣнными кубками, ковшами, жемчугомъ, шелковыми тканями, соболями и деньгами. Θеодоръ написалъ грамоту султану, убѣждая его не тѣснить православныхъ и далъ 1,000 руб. и 2,000 венгерскихъ золотыхъ на построеніе новаго патріаршаго храма въ Константинополѣ. Восточные патріархи особой грамотой подтвердили учрежденіе патріаршества въ Москвѣ, значеніе коей еще болѣе поднялось въ Россіи и на всемъ востокѣ, гдѣ православіе находилось въ упадкѣ.

Мы минуемъ другія событія этого царствованія, даже отмѣну Юрьева дня, или прикрѣпленіе крестьянъ, потому, что они не скоро еще оказали воздѣйствіе свое на бытъ Москвы.

Для нея, какъ источникъ потрясеній и всего смутнаго времени, имѣло большое значеніе убіеніе царевича Димитрія въ Угличѣ и смерть самого Θеодора Іоанновича, прекратившая ту династію, которая правила Россіей болѣе семи вѣковъ.

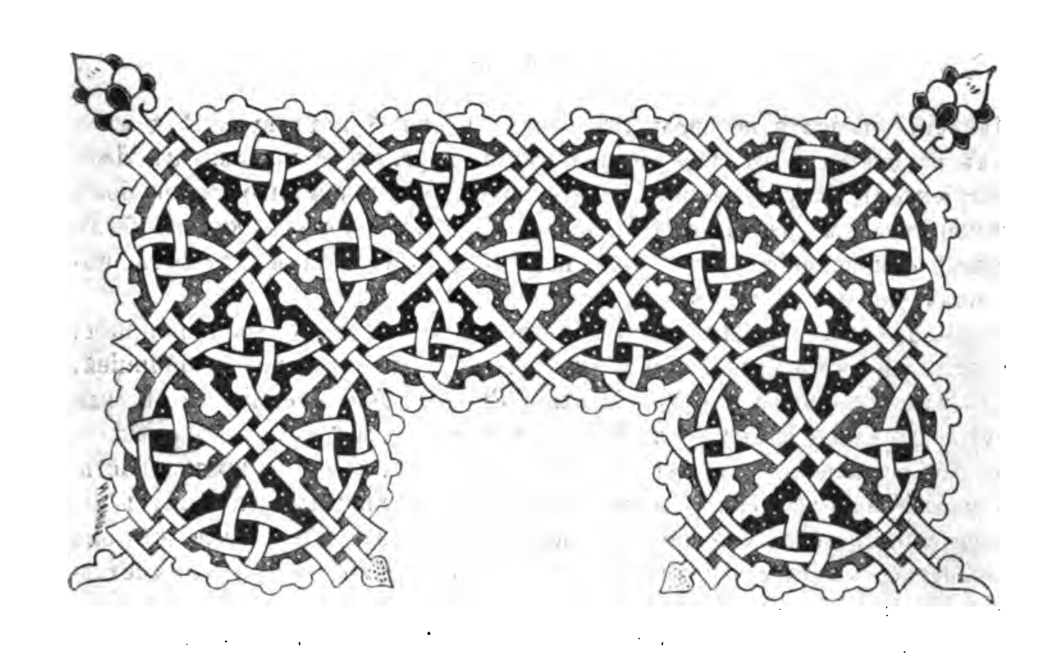
Тяжкій вопросъ созданія достойной Русскаго царства новой династіи едва не погубилъ великое, создавшееся съ такимъ громаднымъ трудомъ и кровавымъ потомъ государство и его столицу Москву.

Печать царя Θеодора Іоанновича.

Воспроизводимъ печать послѣдняго царя изъ дома св. Владиміра. Это золотая булла, привѣшенная къ грамотѣ 1584 года.

Θедоръ Іоанновичъ долго былъ бездѣтенъ. У царицы Ирины родилась дочь Θеодосія, но она скончалась десяти мѣсяцевъ. Чрезъ пять лѣтъ, послѣ этого, въ 1597 году, царь Θеодоръ заболѣлъ, а въ Крещенье 1598 года стало ясно, что болѣзнь его смертельна. Патріархъ Іовъ подошелъ тогда къ умирающему и спросилъ его: „Государь, кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?“ Θеодоръ отвѣчалъ: „во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей воленъ Богъ; какъ ей жить, а объ этомъ у насъ улажено“.

На другой день, 7-го января, царь скончался. Народъ глубоко горевалъ о его смерти, любя его за доброту и благочестіе и приписывая миръ и тишину при немъ Божьему благоволенію. Тѣло Θедора Іоанновича было положено въ гробъ и вынесено въ Архангельскій соборъ. Вдовствующая царица своей неутѣшной скорбью вызывала общее сочувствіе. На другой день, 8-го января, было совершено погребеніе. Всѣ присутствовавшіе громко рыдали, и духовенство нѣсколько разъ прерывало службу; Θедора положили рядомъ съ его Грознымъ отцемъ.

IX.

При Борисѣ Өеодоровичѣ Годуновѣ.

По смерти Өедора Іоанновича, послѣдняго представителя царствовавшей династіи св. Владиміра, для Москвы и для всей Россіи начинается смутное время, длившееся до избранія въ 1613 году на царство Михаила Өедоровича Романова.

Эти пятнадцать лѣтъ, особенно тяжкія въ періодъ междуцарствія, въ пору нашего лихолѣтья, едва не погубили всего того, что создала для себя Россія и Москва въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ своей страдной работы, и едва не обратили нашу столицу въ тотъ незначительный городъ Суздальской области, какимъ она вышла изъ рукъ своего основателя, великаго князя Юрія Долгорукаго.

Какъ ни важна въ политическомъ и національномъ отношеніи эта эпоха, какъ ни обильна она глубоко-драматичными моментами, въ исторіи Москвы она имѣетъ скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе.

Сущность и происхожденіе смуты заключались въ томъ, что Россія пыталась на мѣсто угасшей династіи св. Владиміра создать новую; въ качествѣ основателей новаго царствующаго дома выступили Годуновъ и Шуйскій. Когда для перваго шапка и бармы Мономаховы оказались непосильно тяжелыми, явился мнимый, самозванный возстановитель старой династіи—Лжедмитрій I, который сталъ орудіемъ порабощенія Россіи польщизной и папизмомъ. Но и второй династъ, т. е. князь

Шуйскій, оказался не сильнымъ основать новый царствующій домъ и былъ поколебленъ въ своемъ положеніи другимъ самозванцемъ Лжедмитріемъ II. Смута расшатала все до такой степени, что ея орудіемъ становится даже не даровитый и энергическій человѣкъ, какимъ былъ первый самозванецъ, но темная во всѣхъ отношеніяхъ личность, названная народомъ „воромъ тушинскимъ".

Низложеніе же Шуйскаго поставило Россію подъ тяжкій вопросъ: стать ли ей изъ Русскаго царства польской или шведской провинціей, подъ властью ли Сигизмунда III, или Густава Адольфа? Но то ли, или другое западное владычество было для насъ страшнѣе ига монгольскаго: ибо это оставляло нетронутыми ни вѣру нашу, ни государственность, ни національность. Подъ тяжкой же пятой надменныхъ западныхъ сосѣдей своихъ тогда еще не окрѣпшая Россія потеряла бы все, что она самобытнымъ органическимъ творчествомъ создала себѣ, и что составляетъ ея всемірно-историческую личность.

Слѣдя за исторіей собственно Москвы въ это тяжелое время, мы не станемъ говорить подробно о смутѣ, разыскивать, какіе общественные элементы болѣе виновны въ ней; многія проявленія ея мы оставимъ въ сторонѣ, частію какъ общеизвѣстныя, частію какъ имѣющія общеисторическое значеніе

Воля Божія, коей поручалъ Россію царь Өеодоръ, не благоизволила найти для себя орудіе промышленія о ней въ Борисѣ Годуновѣ, хотя онъ обладалъ и умомъ, и богатствомъ, и опытностью въ государственномъ управленіи, пріобрѣтенной при Грозномъ и особенно при Өеодорѣ. Не помогли Годунову ни патріархъ Іовъ, ни избраніе земскимъ соборомъ, ни щедрая благотворительность, по отношенію къ народу, удержаться на престолѣ: тяжелы были для Бориса шапка и бармы Мономаха потому, что ножемъ убійцы проложилъ онъ себѣ кровавый путь къ престолу.

Мы не станемъ описывать, какъ отрекался Борисъ отъ избранія своего на престолъ предъ патріархомъ и народомъ московскимъ, а потомъ и земскимъ соборомъ. Въ этихъ выборныхъ махинаціяхъ и ихъ сценичной обстановкѣ видна была тенденція получше обставить себя въ незаконно пріобрѣтенномъ положеніи. Неправедность способа въ достиженіи верховной власти слышалась и при коронованіи Годунова, который, при требующемъ безмолвнаго сознанія великомъ актѣ, изливался, если не въ искреннихъ, то, во всякомъ случаѣ, въ нервозныхъ обѣщаніяхъ, что при немъ не будетъ нищихъ и убогихъ и т. д. При этомъ Годуновъ брался за воротъ своей рубашки. Коронованіе Бориса было совершено патріархомъ въ новый годъ, 1 сентября 1598 г. Въ память своего восшествія на престолъ Борисъ построилъ церковь Симеона Столпника за Яузой.

Въ это время Годунову было сорокъ-семь лѣтъ, и онъ былъ полонъ жизни и силъ: высокій ростомъ, плотный, плечистый, круглолицый, съ черными волосами и бородой, онъ имѣлъ внушительный видъ и величавую осанку; глаза его внушали страхъ и повиновеніе.

До насъ дошло нѣсколько его портретовъ, сдѣланныхъ, впрочемъ, иностранцами за-границей. Сомнѣнія нѣтъ, что въ нихъ не мало фантастическаго, ибо сниманіе портретовъ съ нынѣшними сеансами было, конечно, не въ ходу на тогдашней Руси. Но все-же иностранцы, коими всегда любилъ окружать себя Годуновъ, должны были хорошо знать его лицо. Воспроизводимъ изъ „Русской Иконографіи“ Ровинскаго портретъ Бориса, сдѣланный, замѣтно, въ ту пору, когда онъ былъ еще только бояриномъ. Отъ воспроизводимаго здѣсь портрета, при всѣхъ возможныхъ его неточностяхъ, до нѣкоторой степени вѣетъ правдою. Онъ былъ напечатанъ за границей въ книгѣ Кевенгюллера.

Борисъ умно и дѣятельно правилъ государствомъ: довершилъ покореніе Сибири, основалъ въ ней города: Томскъ, Туринскъ, Верхотурье и друг.; строилъ новые города въ Россіи; заботился о народной нравственности, преслѣдуя пьянство и кабаки, коихъ немало, подъ именемъ кружалъ, было и въ Москвѣ; вызывалъ изъ-за границы разныхъ техниковъ, въ особенности лѣкарей и аптекарей; задумалъ вызвать въ Россію изъ Франціи, Англіи и Германіи образованныхъ людей для заведенія у насъ школъ съ иностранными языками. Но, когда этому воспротивилось духовенство, онъ отправилъ для этой цѣли 18 дворянъ за границу. Но тѣ, прижившись тамъ, не возвратились на родину. Онъ далъ прекрасное образованіе своему сыну Ѳеодору и дочери Ксеніи. Въ Москвѣ продолжали развиваться разныя мастерства; серебряное, напримѣръ, дѣло велось очень успѣшно; у Бориса была громадная масса серебряной посуды русскаго, а не иностраннаго дѣла *).

Онъ обстраивалъ Москву новыми зданіями. Такъ для того, чтобы дать народу въ голодные годы заработки, выстроилъ для себя большія каменныя палаты, гдѣ предъ этими были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до начала нынѣшняго столѣтія и стояли противъ Чудова монастыря, гдѣ теперь Кремлевскія казармы.

*) По словамъ Маржерета, во время похода Бориса противъ Крымскихъ татаръ къ Серпухову, въ станѣ новаго царя угощали подъ шатрами ежедневно, въ теченіе шести недѣль 10,000 служилыхъ людей на массивной серебряной посудѣ русской работы. Тутъ были громадныя яндовы изъ серебра, кои ставили на столы четверо прислужниковъ, серебряные бочонки по нѣскольку ведеръ вмѣстимостью и проч.

Но главнымъ памятникомъ Борисова зодчества въ Москвѣ былъ Иванъ Великій, превысившій всѣ зданія Россіи и долго соперничавшій съ самыми высокими зданіями за границей. Эта грандіозная колокольня строилась для того, чтобы дать въ голодное время населенію заработокъ и упрочить въ далекихъ поколѣніяхъ славу Бориса и Годуновской династіи. Надпись подъ золоченой главой Ивана Великаго гласитъ: „изволеніемъ св. Троицы, повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и сына его, благовѣрнаго великаго государя царевича великаго князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 108 (1600) года". Въ высоту колокольня съ крестомъ имѣетъ 46½ саженей. Царь приказалъ отлить громадный колоколъ въ 10,000 пудовъ, который былъ перелитъ впослѣдствіи въ царь-колоколъ. Въ настоящее время весь звонъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ состоитъ изъ 34 колоколовъ и вѣситъ 16,000 пудовъ.

Но ничто не могло упрочить на царствѣ Бориса и его родъ. Москву и Россію начали посѣщать бѣдствія: въ 1601 году начался страшный трехлѣтній голодъ. По словамъ Маржерета, мѣра хлѣба съ 15 копеекъ повысилась въ цѣнѣ до 3 рублей.

Чѣмъ больше Борисъ помогалъ народу раздачей денегъ и хлѣба, тѣмъ больше приходило съ разныхъ сторонъ въ Москву голодающихъ. Здѣсь начались грабежи и убійства изъ-за куска хлѣба; люди стали питаться нечистыми животными, даже падалью и человѣческимъ тѣломъ. Начался моръ, уносившій десятками тысячъ людей. За это время въ Москвѣ умерло, по однимъ сказаніямъ, 120,000 народу, а по другимъ— до полумилліона. „У народа, говоритъ Авраамій Палицынъ, явилась мысль, что беззаконія Бориса навлекаютъ бѣдствія на его народъ". Смутно стало на душѣ царя и народа...

Въ самой природѣ замѣчались какія-то зловѣщія явленія, наводившія на всѣхъ страхъ. Иностранецъ Беръ говоритъ, что по ночамъ на небѣ видны были огненные столбы, которые, сталкиваясь между собою, какъ будто вели битвы. Иногда всходили двѣ или три луны сразу. Бури низвергали колокольни и ворота; рождалось множество уродовъ; появилась масса волковъ; въ самую Москву стали, чего не было прежде, забѣгать чернобурыя лисицы. Подъ Москвой поймали большого орла. Наконецъ, появилась комета съ большимъ хвостомъ. Напуганный Борисъ призвалъ къ себѣ одного старика-иностранца и спрашивалъ, что она вѣщаетъ; тотъ сказалъ: „тебѣ грозитъ великая опасность".

Разсказываютъ, что смущенный Борисъ сталъ ходить къ колдуньѣ, извѣстной подъ именемъ Елены юродивой, жившей въ землянкѣ. Однажды она принесла въ свою пещеру бревно и позвала священника служить надъ нимъ панихиду, предвѣщая этимъ Борису кончину.

Борисъ омрачился и ожесточился. Всюду стали ему чудиться измѣна и крамола. Вездѣ распространились доносчики и шпіоны. Пошли опалы, заточенія и даже тайныя казни. Подъ вліяніемъ подозрительности, Борисъ велѣлъ нѣмцу-хирургу выщипать Бѣльскому, прежнему

своему другу, бороду по волоску, а затѣмъ сослалъ его въ заточеніе въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ. Скоро открылись, къ великому огорченію народному, гоненія на бояръ Романовыхъ, стоявшихъ чрезъ царицу Анастасію въ родствѣ съ угасшимъ царскимъ родомъ. Они были отправлены въ заточеніе въ разные отдаленные города.

Колокольня Иванъ Великій.

Особенно тяжкимъ сдѣлано было положеніе наиболѣе царственнаго изъ Романовыхъ Ѳеодора Никитича, котораго, какъ говорили, хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Онъ отличался царственной красотой, умомъ и высокимъ благородствомъ своего характера Всѣ чувствовали на себѣ его обаяніе и особенно любовались имъ, когда онъ ѣздилъ верхомъ. Этого-то боярина и его супругу Бо-

рисъ велѣлъ постричь въ монашество и отправилъ въ заточеніе на сѣверъ, но ничто не помогало.

Самъ царь и народъ въ тяжкомъ предчувствіи ждали страшной грозы, и она скоро воплотилась въ самозванцѣ, въ коемъ возникло орудіе кары убійцѣ царевича-отрока и средоточіе всего недовольства противъ похитителя престола. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лжедмитрій сталъ орудіемъ польщизны и іезуитскаго папизма для порабощенія русскаго православнаго царства.

Мы не станемъ пересказывать извѣстные факты о появленіи и успѣхахъ самозванца, о житьѣ его въ Чудовомъ монастырѣ. Его сила заключалась не въ немъ самомъ и даже не въ польской поддержкѣ, а слабости Бориса въ той смутѣ, которая крылась въ его душѣ, запятнанной неповинной царственной кровью. Эта смута охватила и весь народъ русскій. „Шатость" въ умахъ, сомнѣніе, не поднять бы рукъ противъ законнаго и прирожденнаго своего царя, въ защиту похитителя вѣнца Мономахова, лишала всѣхъ рукъ для борьбы съ дерзкимъ пройдохой. Эти „шатость и колебанія" причиняли Борису глубочайшія волненія и дѣлали неизбѣжною его трагическую гибель.

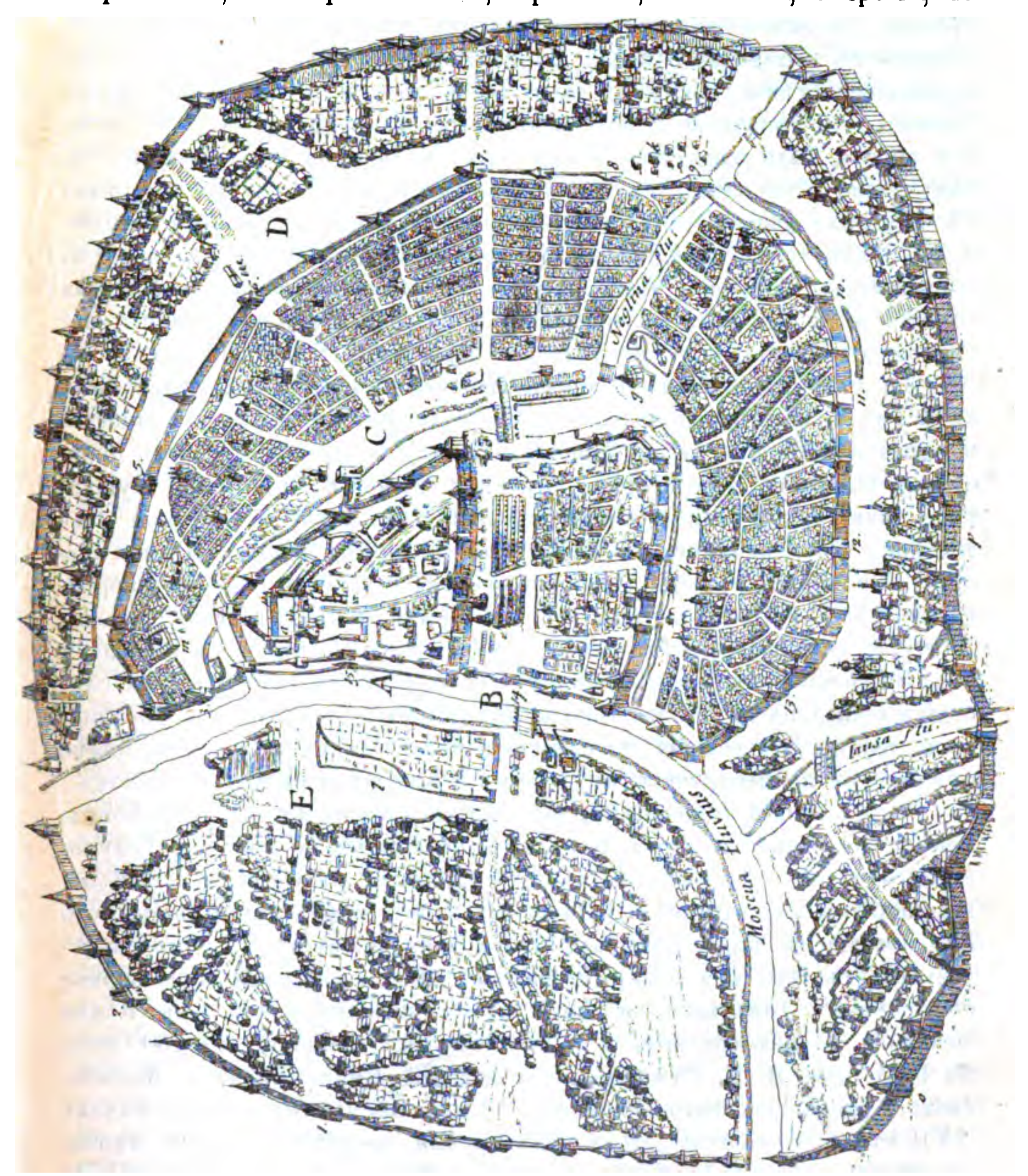
Царствованіе Бориса Годунова важно для насъ и потому, что отъ него дошли до насъ важные для изученія топографіи Москвы два плана, кои свидѣтельствовали, что основной типъ ея уже сложился и въ послѣдующее время испытывалъ только второстепенныя измѣненія.

Первый изъ этихъ плановъ начерченъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ и воспроизводился въ XVII столѣтіи въ амстердамскихъ изданіяхъ иностранныхъ сочиненій о Россіи; онъ представляетъ намъ Москву въ чертѣ Земляного города, или вала, который совпадаетъ съ нынѣшней Садовой улицей. Правда, этотъ планъ далеко несовершенъ и сдѣланъ безъ соблюденія масштаба, но очевидно онъ снятъ съ натуры и опредѣляетъ положеніе всѣхъ стѣнъ, окружавшихъ Кремль, Китай, Бѣлый и Земляной городъ, а также взаимное отношеніе нѣкоторыхъ улицъ. Основной недостатокъ этого плана заключается въ расширеніи Кремля и Китай-города въ ущербъ остальному и въ приданіи земляному валу овальной формы вмѣсто круглой. Здѣсь буквой А обозначенъ Кремль, В—Китай-городъ, С—Бѣлый-городъ, D—Земляной городъ, Е—Замоскворѣчье. На планѣ показаны: Москва-рѣка, Неглинная и Яуза. Составленіе этого плана относится ко времени до 1605 года, когда былъ убитъ Ѳеодоръ Борисовичъ.

На этомъ планѣ не трудно уже разсмотрѣть нѣкоторыя главнѣйшія подробности топографіи Москвы. Въ Китай-городѣ уже намѣчаются три главныхъ улицы: Никольская, шедшая до такъ называемыхъ Срѣтенскихъ (теперь Никольскихъ) воротъ, Троицкая, со временъ Алексѣя Михайловича—Ильинка, Варварка, шедшая до Всѣсвятскихъ воротъ, названныхъ такъ, по церкви Всѣхъ Святыхъ (на Солянкѣ). Косьмодаміановскія ворота вели къ Москвѣ-рѣкѣ на такъ называемую Великую улицу, шедшую вдоль Москвы-рѣки. Стѣны Китай-города были красныя кирпичныя и такими оставались до правленія царевны Софьи,

которая велѣла ихъ выбѣлить. На Никольской улицѣ еще при Іоаннѣ IV была типографія, на Варваркѣ, домъ бояръ Романовыхъ и Англійское подворье.

Стѣна Бѣлаго, или Царь-города, имѣла 28 башенъ и 9 воротъ: Чертольскія, или Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Пе-

тровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, Покровскія и Яузскія. Къ этимъ воротамъ вели соотвѣтствующихъ названій улицы. Ворота и стѣны Бѣлаго города, по ветхости были разобраны при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Екатерина II приказала заровнять и шедшій вокругъ стѣнъ ровъ и на его мѣстѣ устроить бульвары. При постройкѣ стѣнъ въ

Бѣломъ городѣ было не мало свободныхъ мѣстъ, кои образовали площади, какъ, напримѣръ, Житную (въ Охотномъ ряду), гдѣ былъ Моисеевскій монастырь, Коневскую, между Варваркой и Ильинкой.

Скородомъ (отъ легкихъ, скорыхъ построекъ), или Земляной городъ, представлялъ кругъ неправильной формы, охватывавшій самую Москву, за исключеніемъ подмосковныхъ слободъ и селъ. Одинъ изъ спутниковъ германскаго посла Марка Воркочи (1593 г.) говоритъ, что деревянныя стѣны Скородома были очень толсты и имѣли множество башенъ, что придавало городу величавый и красивый видъ. Въ немъ всѣ ворота были одинаковой постройки, большія и красивыя, и всѣ, какъ видно и на планѣ, съ трехконечными башнями; всѣхъ ихъ было 34; изъ нихъ двое—Серпуховскія и Калужскія, были каменныя. Окружность этихъ стѣнъ представлялась французу Маржерету, во времена Лжедимитрія, большей, чѣмъ окружность стѣнъ Парижа. Нѣкоторыя ворота, къ коимъ вели продолжавшіяся изъ Бѣлаго города улицы, носили ихъ названія, какъ Чертольскія, Арбатскія, Никитскія и т. п.

Въ стѣнахъ Земляного города, включая въ него и Зарѣчье, за Москвой рѣкой, находились разныя слободы, давшія имена ихъ урочищамъ и опредѣлявшія ихъ бытъ. Таковы: Могильцы (близъ Мертваго переулка), Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи, Воротники, Пушкари, Грачи (куски свинца, коими стрѣляли), Мясники, Огородники, Садовники, Каташи (ткачи) Толмачи (переводчики) Яндовы (мѣдная посуда), Бронники, Бараши (шатерники). Были здѣсь и слободы инородческія, населенныя преимущественно татарами, какъ Татарская слобода, Балчугъ, Таганка, Ордынка, въ Наливкахъ жили выходцы съ запада, и т. д. За Землянымъ городомъ шли уже села, скоро обратившіяся въ слободы и вошедшія въ составъ города, какъ Напрудское, Елохово, Образцово и другія. Эти селенія впослѣдствіи были замкнуты новымъ, болѣе обширнымъ концентрическимъ кругомъ,—Камеръ-коллежскимъ валомъ.

Этотъ общій топографическій обзоръ Москвы можетъ быть пополненъ подробнымъ планомъ Кремля, относящимся ко времени Годуновыхъ. Онъ напечатанъ былъ въ XVII столѣтіи въ Geographie Blaviane, изданной въ Амстердамѣ. Надпись на этомъ планѣ показываетъ, что онъ посвященъ царю Алексѣю Михайловичу, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ составленъ „подъ державой царя Бориса Ѳедоровича". Такъ какъ на планѣ этомъ имѣется колокольня Ивана Великаго, то онъ составленъ въ промежутокъ времени отъ 1600 года по 1605 годъ. В. Е. Румянцевъ, въ изданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: „Видъ Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка", говоритъ: „этотъ видъ Кремля, древнѣйшій, послѣ фантастическаго вида Герберштейна, превосходитъ другіе, позднѣйшіе, и своимъ размѣромъ и болѣе подробнымъ указателемъ мѣстъ и строеній и тщательной вырисовкой предметовъ, которая даетъ понятіе о самой фигурѣ зданій съ мелкими подробностями ихъ архитектурной отдѣлки.

Подъ цифрами: 1) поставлены Фроловскія, впослѣдствіи Спасскія ворота, 2) Вознесенскій монастырь, 3) дворъ Ѳ. И. Шереметева, 4)

Кирилло-Бѣлозерское подворье (съ церковію Аѳанасія и Кирилла), 5) Крутицкое подворье, 6) Ховринъ дворъ (каменныя палаты построены въ 1485 г.), 7) Разбойный приказъ. Цифра на планѣ, къ сожалѣнію, пропущена; 8) дворъ князя Сицкаго съ палатами и какой-то церковью, 9) дворъ князя Ѳ. И. Мстиславскаго съ одноглавой церковью, выходящей на Ивановскую площадь, 10) приказы—двухъ-ярусное строеніе въ видѣ буквы П; отъ нихъ идетъ къ дворцу зубчатая стѣна, 11) Посольскій приказъ, 12) Архангельскій соборъ, 13) Тайницкія ворота, 14) Казнохранилище царя, 15) Благовѣщенскій соборъ, 16) Царскій дворъ.

Зданія на самомъ царскомъ дворѣ изображены здѣсь въ слѣдующемъ видѣ. Между Благовѣщенскимъ соборомъ и Грановитою палатой, къ западу отъ нихъ, показана чертами Средняя, или Большая Золотая, палата, построенная въ началѣ XVI вѣка. Передъ нею выступъ, или Красное крыльцо, на которое ведутъ съ соборной площади три лѣстницы: одна къ сѣверной паперти Благовѣщенскаго собора, другая, средняя, передъ входомъ въ сѣни Золотой палаты, и третья у южной стѣны Грановитой палаты (см. ниже картину изъ книги: „Избраніе и вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича“). За Среднею палатою, внутри двора, противъ алтарей Спасо-Преображенскаго собора, находится столовая изба, подъ двумя четырехскатными крышами, построенная на кружалахъ, или аркахъ, опирающихся на столбахъ. Грановитая палата, сооруженная фряжскими архитекторами Маркомъ и Петромъ Антоніемъ въ 1491 году, выдвигается во всю длину на соборную площадь. Подлѣ нея, къ сѣверу, показана контуромъ Золотая палата, меньшая, подъ двухскатною крышею, перестроенная или вновь выстроенная, вѣроятно, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ для его супруги—Ирины. У сѣвернаго угла этой палаты стоитъ двухглавая церковь, съ закомарами на крышѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ въ нынѣшнемъ дворцѣ находится церковь великомученицы Екатерины. Позади меньшей Золотой палаты простирается къ западу продолговатое четыреугольное зданіе, на которомъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1635 и 1636 годахъ, надстроенъ нынѣшній теремъ. Оно примыкаетъ къ пятиглавой церкви Рождества Богородицы, съ придѣломъ св. Лазаря, сооруженной фрязиномъ Алевизомъ, въ 1514 году. У сѣверной стѣны этого зданія находятся: крыльцо съ лѣстницею, спускающеюся подлѣ стѣны на западъ, къ церкви Рождества Богородицы, и небольшія пристройки, соединенныя съ длиннымъ одноэтажнымъ строеніемъ, идущимъ на сѣверозападъ. За церковью Рождества Богородицы, далѣе на западъ, показаны продольными линіями какія-то постройки, простирающіяся до внутренняго угла большого строенія съ тремя надстройками, подъ двухскатными крышами, которое протягивается отсюда по направленію къ Троицкимъ воротамъ, но, не доходя до нихъ, поворачиваетъ на юговостокъ подлѣ Троицкаго подворья. Затѣмъ царскій дворъ граничитъ съ Царе-Борисовскимъ дворомъ и съ дворомъ патріаршимъ.

По другую сторону западныхъ дверей Благовѣщенскаго собора, на югъ, къ Москвѣ рѣкѣ, выступаетъ двухъярусная палата, подъ двухскатною крышей, обращенная своею длинною лицевою стороною на востокъ, а за нею простирается на западъ палата большаго размѣра, также подъ двухскатною крышей (см. Избр. и вѣнч. на царство Михаила Ѳеодоровича). Это—двѣ Набережныя палаты: одна малая, а другая большая, вѣроятно, та самая, которую, по повелѣнью великаго князя Ивана Васильевича, основалъ Марко Руфъ фрязинъ, въ 1487 году („на великаго князя дворѣ, гдѣ теремъ стоялъ"). Позади Набережной палаты находится Срѣтенскій пятиглавый соборъ, построенный второй разъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, на взрубѣ, въ 1560 году; подъ нимъ видны, съ обѣихъ боковыхъ сторонъ, кружала или арки на столбахъ. За Срѣтенскимъ соборомъ, далѣе на западъ, означены чертами строенія, составляющія продолговатый четыреугольникъ, отъ которыхъ идетъ зубчатая стѣна, примыкающая къ кремлевской близъ Боровицкихъ воротъ; эта стѣна построена Алевизомъ въ 1499 году. Отъ тѣхъ же строеній простирается другая зубчатая стѣна на сѣверъ, съ воротами и калиткою посрединѣ ея, ограждающая царскій дворъ съ запада, и примыкаетъ къ большому строенію, съ тремя верхними надстройками, подъ двухскатными крышами, о которомъ упомянуто выше. Посреди этого двора стоитъ Спасо-Преображенскій соборъ, называвшійся въ XVII столѣтіи Спасъ на дворцѣ, т. е. на дворикѣ царскаго двора; это—Спасъ-на-Бору.

Подъ лит. а) показаны новыя постройки на царскомъ дворѣ. Онѣ занимаютъ четыреугольное пространство на южномъ выступѣ кремлевской горы, противъ конца Большой Набережной палаты, Срѣтенскаго собора и находящихся отъ него на западъ строеній. Здѣсь царь Иванъ Васильевичъ, еще въ 1560 году, „дѣтемъ своимъ повелѣ дѣлати дворъ особный на взрубѣ, позади Набережной большой палаты, и на дворѣ у нихъ храмъ большой Стрѣтеніе". Царь Борисъ Ѳедоровичъ въ 1601 и 1602 гг., во время голода, „повелѣ дѣлати каменное дѣло многое, чтобы людемъ питатися, и сдѣлаша каменныя полаты большія на взрубѣ, гдѣ были царя Ивана хоромы". Вѣроятно, двѣ большія каменныя палаты Борисовы и изображены тутъ на окраинахъ южнаго выступа кремлевской горы, съ особымъ дворомъ, съ котораго лѣстница о двухъ всходахъ ведетъ вверхъ, по направленію къ западнымъ дверямъ Срѣтенскаго собора. Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ былъ набережный Красный садъ. Обращаемся къ дальнѣйшему обозрѣнію плана Кремля; на немъ обозначены подъ цифрами:

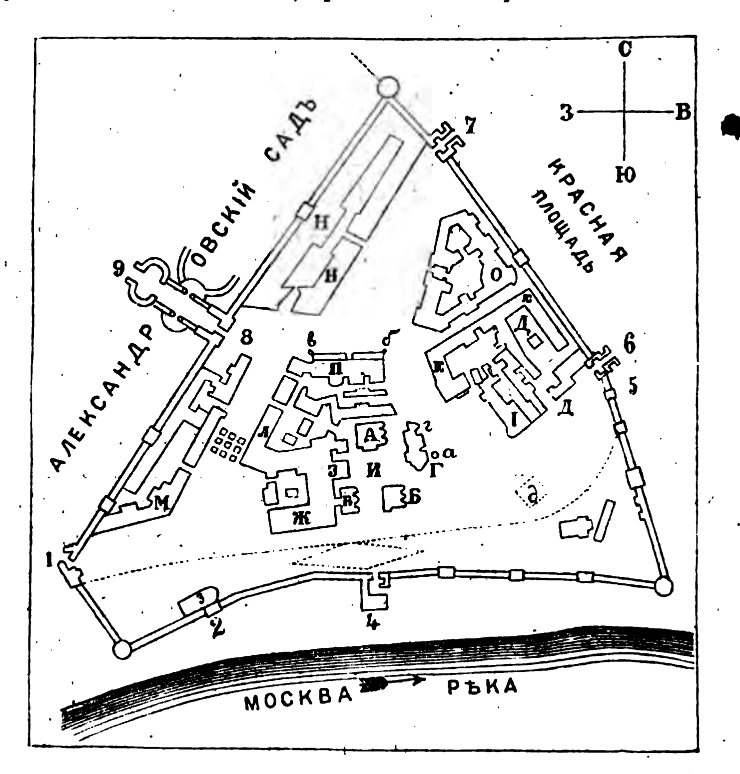
17) Боровицкія ворота. Здѣсь, кромѣ двухъ зданій, ближе къ дворцу намѣчена двуглавая церковь Іоанна Предтечи, древнѣйшая въ Москвѣ. Она вначалѣ, по словамъ лѣтописи, „бѣ древянная", каковой оставалась до Василія Темнаго, который построилъ здѣсь каменную церковь. 18) Каменный мостъ чрезъ Неглинную съ воротами, кои прежде назывались Богоявленскими (по храму), потомъ Куретными, а при Алексѣѣ Михайловичѣ—Троицкими, по Троицкому подворью. Предъ мо-

стомъ башня—безъ готическаго верха, за мостомъ башня кутафья, покрытая шатровымъ верхомъ. 19) Дворъ патріарха, огибающій своею оградой съ воротами Успенскій соборъ съ сѣверо-западной стороны, по направленію къ церкви Положенія ризы Богоматери. Съ сѣверной стороны патріаршихъ палатъ видна одноглавая церковь. На востокѣ зданіе замыкается одноглавою церковью, обращенной алтаремъ на площадь, 20) Успенскій соборъ, 21) боярскій дворъ Бориса Годунова, 22) Троицкое подворье, мѣсто коего было подарено Дмитріемъ Донскимъ преподобному Сергію. Здѣсь показаны двѣ церкви—Богоявленія и преподобнаго Сергія, 23) Храмъ Рождества Христова, рядомъ съ колокольней, 24) Иванъ Великій, 25) Большой колоколъ на шатровой колокольницѣ, 26) Чудовъ монастырь, 27) дворъ Богдана Бѣльскаго, 28) дворъ Клешнинъ, 29) дворъ Семена Годунова, 30) дворъ Димитрія Годунова, 31) дворъ Григорія Годунона, 32) Никольскія ворота.

Чрезвычайно интересно пристальнѣе всмотрѣться въ этотъ планъ и произвести его транскрипцію въ большихъ размѣрахъ. Кремль представляется здѣсь въ видѣ неправильнаго треугольника; онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ не только стѣнами, но и водою: Москвы, Неглинной и осóбаго водяного рва. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ идетъ не одна стѣна а двѣ и даже три. Большая стѣна покрыта двухскатной, не существующей теперь кровлей. Башни имѣютъ форму и высоту иныя, чѣмъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ и послѣ него. У воротъ видны мосты. Нѣкоторые храмы, какъ напр., пятиглавый Чудовскій соборъ, имѣютъ иной видъ, чѣмъ въ послѣдующее время. Въ Кремлѣ были деревянныя мостовыя.

Очень любопытно изображеніе на планѣ передъ Кремлемъ части Китай-города, именно—Красной площади съ находящимися на ней строеніями. Справа, на сѣверной сторонѣ, въ стѣнѣ Китая-города возвышаются покрытыя двухскатной кровлей ворота Неглиненскія, нынѣ Воскресенскія; за ними виденъ чрезъ Неглинную мостъ; передъ мостомъ, со стороны Тверской улицы, по обѣимъ сторонамъ—торговыя лавки. Отъ Неглиненскихъ воротъ стѣна Китай-города, переходя черезъ ровъ, смыкается съ кремлевскою стѣною, у ея наугольной Неглиненской башни. Здѣсь, внутри Китай-города, видно двойное строеніе, подъ двумя двухскатными крышами: здѣсь находится Старый земскій дворъ. Тутъ же, у Никольскихъ воротъ, стоитъ на колесахъ пушка большого размѣра. Далѣе, къ югу, „на рву", между Никольскими и Спасскими воротами, пять малыхъ церквей. Противъ нихъ, на противоположной сторонѣ Красной площади, съ востока, выдвигается передняя сторона каменныхъ торговыхъ рядовъ, построенныхъ въ 1596 году. За рядами, противъ Спасскихъ воротъ, видно Лобное мѣсто, обнесенное круглой оградой. Близъ него, „на рву" знаменитый Покровскій соборъ о девяти верхахъ. Соборъ изображенъ съ открытыми лѣстницами въ верхній ярусъ и съ главками вокругъ средняго шатроваго верха, какъ на рисункахъ Олеарія и Мейерберга, нынѣ уже не существующими. Подлѣ него трехъярусная колокольница, покрытая тремя шатровыми верхами, въ которыхъ видны колокола. Далѣе, къ Москворѣцкимъ воротамъ,—четыре

ряда торговыхъ лавокъ, въ которыхъ продавались сапоги. За этими лавками—двѣ небольшія церкви, вѣроятно, Николы Москворѣцкаго и Спаса Смоленскаго. Наконецъ, у Москвы-рѣки, въ стѣнѣ Китая намѣчены Москворѣцкія ворота также, какъ и Неглиненскія, подъ двухскатною крышей. Отъ нихъ стѣна идетъ черезъ ровъ и примыкаетъ къ Кремлю у Беклемишевской угловой башни. Въ интересѣ сравненія Кремля Бориса Годунова съ нынѣшнимъ, приводимъ современный планъ Кремля.

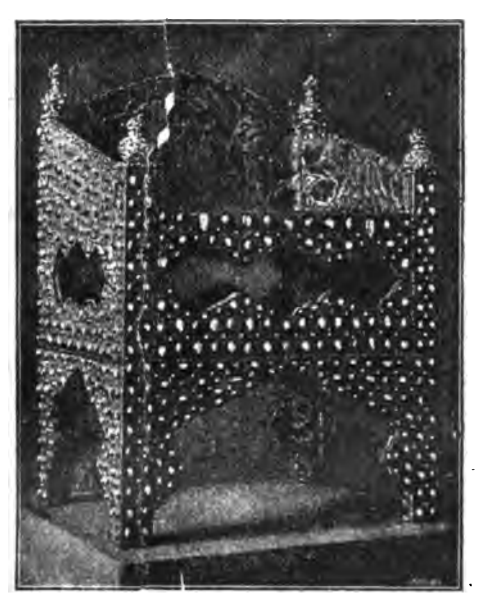
Планъ московскаго Кремля.

1. Боровицкія ворота.
2. Благовѣщенская башня.
3. Ц. Благовѣщ. на Житн. дворѣ.
4. Тайницкія ворота.
5. Набатная башня.
6. Спасскія ворота.
7. Никольскія ворота.
8. Троицкія ворота.
9. Башня Кутафья
А. Успенскій соборъ.
Б. Архангельскій соборъ.
В. Благовѣщенскій соборъ.
Г. Иванъ Великій.
Д. Вознесенскій монастырь.
Е. Чудовъ монастырь.
Ж. Николаевскій кремлевскій дворецъ.
З. Грановитая палата.
И Ивановская площадь.
I. Малый Николаевскій дворецъ.
К. Синодальный домъ.
Л. Кавалерскій корпусъ.
М, Оружейная палата.
Н. Арсеналъ.
О. Судебныя учрежденія (прежній сенатъ)
П. Кремлевскія казармы.
а. Царь-колоколъ.
б. Царь-пушка.
в. Единорогъ-пушка.
г. Филаретовская пристройка при Иванѣ Великомъ.
д. Мѣсто для памятника Императору Александру II-му.
е. Соборъ Спаса на Бору.

Возвращаемся затѣмъ къ концу царствованія Годунова.

13 апрѣля 1505 года Борисъ Ѳедоровичъ всталъ съ постели, повидимому, здоровымъ и казался бодрымъ и за обѣдомъ ѣлъ охотно и много. Послѣ обѣда онъ взошелъ на вышку, съ которой часто любовался Москвою; но вдругъ спустился оттуда и сказалъ, что ему дурно, что у него сильное колотье внутри. Бросились за врачомъ. Видно

было, что приходилъ смертный часъ. У царя хлынула кровь изъ носа и ушей, и онъ упалъ безъ чувствъ. Прибѣжали патріархъ и духовенство, едва успѣли пріобщить умиравшаго; наскоро совершили надъ полумертвымъ обрядъ иноческаго постриженія и нарекли его Боголѣпомъ. На другой день его, безъ всякой пышности, похоронили въ Архангельскомъ соборѣ; но здѣсь недолго оставался въ покоѣ злосчастный царь. Лжедимитрій I приказалъ вытащить его тѣло изъ собора (чрезъ пробитую нарочито стѣну) и похоронить, вмѣстѣ съ сыномъ и женой, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, что на Убогихъ домахъ. Но и здѣсь не оставили въ покоѣ несчастнаго праха Бориса: отсюда онъ былъ переправленъ къ Троицѣ, гдѣ, разлученный отъ другихъ царей, пребываетъ и доселѣ. Но ему и не подобаетъ лежать подъ сводами того собора, гдѣ почіетъ св. Димитрій царевичъ.

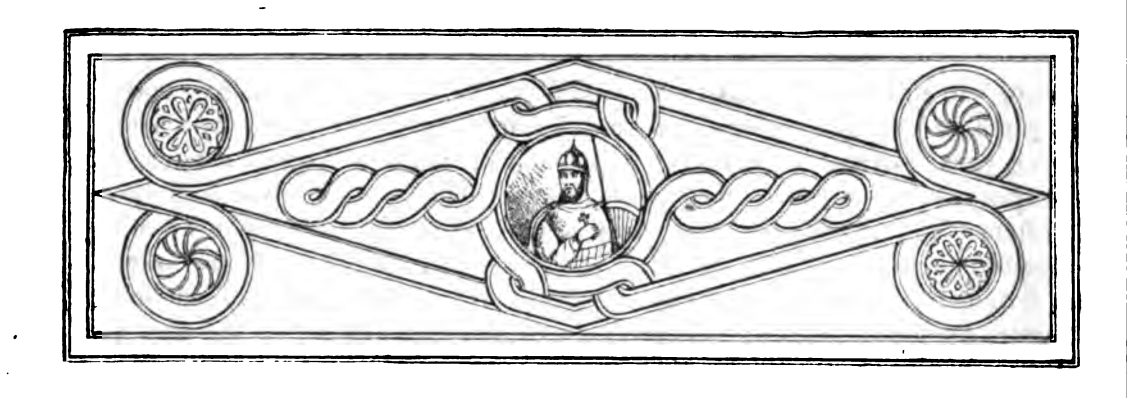
Борисъ умеръ 55 лѣтъ. Предъ смертью отъ всѣхъ несчастій онъ сильно посѣдѣлъ.

Даемъ снимокъ съ трона Бориса Θеодоровича, присланнаго ему въ даръ Шахъ-Аббасомъ, въ 1604 году; онъ обложенъ золотою басмою и украшенъ драгоцѣнными камнями: яхонтами, лалами, гіацинтами, жемчугомъ и бирюзой и въ настоящее время находится въ Оружейной палатѣ.

Приводимъ также снимокъ съ золотой печати (буллы) царя Бориса, привѣшенной къ договору между Россіей и Даніей (1602 года). Примѣчательно, что въ титулѣ, выбитомъ на этой печати, Борисъ именуетъ себя самодержцемъ. Затѣмъ слѣдуетъ печать его сына Θеодора Борисовича, приложенная къ грамотѣ, хранящейся въ Вѣнѣ, въ королевскомъ архивѣ (1604 года).

X.

Москва въ смутное время: при самозванцахъ, Василіи Шуйскомъ и въ междуцарствіе.

Смута, въ видѣ самозванщины, междуцарствія и польскаго владычества, имѣла значеніе въ нашей исторіи истребительнаго пожара, — испытанія русскаго народа и его созданій огнемъ. Этотъ пожаръ своимъ всепоражающимъ огнемъ истребилъ, казалось, все — не только нечистое, но и чистое — и оставилъ изъ многовѣковой Россіи и Москвы только однѣ развалины, изъ коихъ готовились строить новое, уже не русское зданіе поляки. Но подъ углемъ и пепломъ разрушенія таились живыя и зиждительныя силы, кои поднялись на пожарищѣ, чтобы изгнать изъ Русской земли ея новыхъ хозяевъ-властителей, чтобы возстановить Русское государство, ея столицу, весь нашъ бытъ. Нужно ли говорить, что эти силы заключались въ русской народности и въ нашей вѣрѣ православной?

Исторія Москвы въ эпоху нашего лихолѣтья была лѣтописью ея быстраго и прогрессивнаго разрушенія.

Низверженіе Годуновыхъ, со скоропостижною смертью Бориса и убіеніемъ Ѳеодора Борисовича, произошло не въ видѣ революціи, передающей верховную власть какому-либо изъ ея вождей, а въ видѣ возвращенія престола будто спасшемуся отъ смерти, его законному наслѣднику, царевичу Димитрію. Чрезвычайно характерно, что даже противъ неправедно захватившаго власть Годунова можно было возмутить народъ только именемъ законнаго государя. И тѣ, кто подготовилъ самозванца, дѣйствовали съ тонкимъ разумѣніемъ государственнаго духа русскаго народа, чуждаго всему революціонному и анархическому.

Послѣ убіенія Ѳеодора и супруги Бориса Маріи и низверженія патріарха Іова, 20 іюня, въ чудный лѣтній день, 1605 года, вступилъ самозванецъ въ присягнувшую ему Москву. Народъ, вѣрившій, что это приходитъ истинный царь Димитрій, громадными толпами наполнилъ улицы и площади и покрылъ крыши домовъ и колокольни и радостно привѣтствовалъ новаго властителя, не подозрѣвая въ немъ похитителя престола. Вступленіе его въ Москву было необычайнымъ: впереди ѣхали польскіе латники, въ ихъ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, польскіе паны въ кунтушахъ и конфедераткахъ; вокругъ самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ; сзади же его шли русскіе бояре и русскіе полки. Лжедимитрій ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, въ блестящемъ ожерельѣ цѣною во 150,000 червонныхъ. Звонъ колоколовъ сливался съ привѣтственными кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванецъ выѣзжалъ изъ Москворѣцкихъ воротъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усидѣли на лошадяхъ; колокола сами собою зазвонили у св. Софіи, что на набережной; покрытое тучами пыли шествіе остановилось. Народъ увидѣлъ въ этомъ недоброе предзнаменованіе. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ, что въ ту минуту, когда Димитрій, встрѣченный духовенствомъ, прикладывался къ образамъ на Лобномъ мѣстѣ, на Красной площади гремѣла музыка: трубы и литавры заглушали церковное пѣніе. Въ то время, какъ самозванецъ проявлялъ притворное волненіе предъ гробомъ Грознаго въ Архангельскомъ соборѣ, князь Василій Шуйскій уже говорилъ народу, что это—не истинный Димитрій, а самозванецъ, за что едва не поплатился головою, помилованный самозванцемъ уже на самой плахѣ.

Трудно было держаться на престолѣ Лжедимитрію, хотя на его сторонѣ было расположеніе народа, въ своемъ большинствѣ простодушно вѣрившаго, что онъ—подлинный Дмитрій Іоанновичъ, и хотя онъ обладалъ умомъ и энергіей. Если кровь Димитрія царевича погубила Годунова съ его родомъ, то тѣмъ паче измѣна русскому духу Лжедимитрія, сѣвшаго на престолъ, правда, не насиліемъ, а только обманомъ, должна была погубить новаго похитителя шапки Мономаха. Самозванецъ купилъ поддержку Польши, въ лицѣ ея короля, духовенства и пановъ, цѣной тайнаго принятія папизма и обязательства ввести его въ Россію. Кромѣ того, онъ вводилъ въ православный Кремль, въ качествѣ Русской царицы, католичку, польскую панну Марину Мнишекъ. Нѣкоторые историки сильно налегаютъ на то, что Лжедимитрій легкомысленно относился къ русскимъ обычаямъ, давая этимъ понять, будто онъ удержался бы на престолѣ, если бы освободился отъ своего безпечнаго легкомыслія. Но притворное уваженіе къ русскимъ обычаямъ не могло бы надолго укрыть въ самозванцѣ болѣе существеннаго, именно того, что онъ идетъ противъ самой коренной основы нашей жизни,—противъ православія, что онъ не—„царь православный". Не одѣвайся онъ въ польскій костюмъ, ходи въ баню, не ѣшь телятины въ постные дни, не дѣлай и другихъ нарушеній нашего быта, — народъ своимъ вѣщимъ

чутьемъ разгадалъ бы, кто—онъ и что—онъ, и убѣдился бы, что онъ ошибся, признавъ въ немъ истиннаго сына царя Іоанна IV.

На мѣсто сверженнаго патріарха Іова былъ возведенъ самозванцемъ грекъ Игнатій, бывшій архіепископомъ въ Рязани. Онъ первый изъ архіереевъ призналъ Лжедимитрія царемъ. Вслѣдъ за тѣмъ новый придворный сановникъ — великій мечникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, привезъ изъ Выксинскаго монастыря (въ 500 верстахъ отъ Москвы) царицу-инокиню Марѳу. Несчастная вдова Грознаго должна была, послѣ свиданія съ мнимымъ сыномъ въ шатрѣ близъ села Тайнинскаго, признать самозванца своимъ порожденіемъ. Вдовствующая царица была поселена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Подпись патріарха Игнатія.

30-го іюля, Лжедимитрій, по установленному чину, вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ. Но къ древне-русскому священнодѣйствію примѣшалось нѣчто чуждое, непріятно поражавшее народъ. Въ храмѣ Пречистыя польскій іезуитъ Николай Черниковскій привѣтствовалъ рѣчью новаго царя. По случаю коронаціи, послѣдовали царскія милости: пожалованъ былъ, какъ мнимый дядя государя, Михаилъ Нагой саномъ великаго конюшаго; Романовы были возвращены изъ заточенія, Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ митрополиты Ростовскіе, а Иванъ Никитичъ Романовъ получилъ санъ боярина.

Но Москва уже стала замѣчать въ новомъ властителѣ, въ его дѣйствіяхъ и самой его обстановкѣ, нѣчто фальшивое, нѣчто не-русское. Кромѣ упомянутаго нарушенія русскихъ обычаевъ, всѣхъ поражала невиданная расточительность Лжедимитрія, въ пользу чужихъ, дававшаго иноземнымъ музыкантамъ такое жалованье, какого не получали и первые сановники государства. Называя себя „непобѣдимымъ императоромъ“, самозванецъ сдѣлалъ себѣ изъ чистаго золота богатѣйшій тронъ со львами и большимъ орломъ и увѣшалъ его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одѣтый въ польскій костюмъ, онъ бѣшено ѣздилъ верхомъ по Москвѣ и даже къ Успенскому собору, чего не бывало прежде, подъѣзжалъ на сѣдлѣ. Устраивая травли медвѣдей и волковъ, съ невиданнымъ въ Москвѣ задоромъ участвовалъ въ нихъ самъ. Не ложась спать послѣ обѣда, онъ ходилъ пѣшкомъ къ полякамъ и нѣмцамъ; и боярамъ, недосмотрѣвшимъ выхода его изъ дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки пировали въ Москвѣ, высокомѣрно обращались съ русскими и обижали ихъ. Воспроизводимъ изъ „Матеріаловъ для Русской иконографіи“ Д. А. Ровинскаго портретъ Лжедимитрія, выгравированный Лукой Киліаномъ, въ Аугсбургѣ, въ 1606 году.

По свидѣтельству современниковъ, первый самозванецъ былъ сильный и широкоплечій человѣкъ, мрачный и задумчивый, безъ бороды и усовъ. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинныя, волосы русые, рыжеватые; глаза темноголубые, большой ротъ, толстыя губы и крупный носъ; на лицѣ онъ имѣлъ двѣ бородавки: одну на

носу, на правой сторонѣ, а другую—на лѣвой сторонѣ на лбу, да, кромѣ того, родимое пятно у праваго плеча. Одна рука у него была длиннѣе другой; въ рукахъ была сила необыкновенная. Нѣкоторыми изъ указанныхъ примѣтъ онъ походилъ на Димитрія царевича.

Русскій современникъ самозванца Кубасовъ пишетъ: „Разстрига возрастомъ малъ; груди широки имѣя, мышцы толсты, лицо же имѣя не царскаго достоинства; препростое обличіе имѣя, чело же его весьма помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и вспыльчивъ, весьма конское ристаніе любляше, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ, имяше храбрость и силу велію, воинство же зѣло любляше“. Таковъ былъ разстрига.

Въ Ивановской колокольнѣ ксендзы стали совершать католическія мессы. Появился въ Кремлѣ папскій легатъ. Пасторы протестантовъ — наемныхъ нѣмцевъ, стали открыто совершать свои службы. Въ Москвѣ пошли приготовленія къ пріѣзду царской невѣсты Маріи Мнишекъ.

Димитрій самозванецъ.

3-го мая, она прибыла въ Москву; на ея пути сдѣланы были большія приготовленія. За Дорогомиловской заставой, у Москвы-рѣки, былъ раскинутъ великолѣпный шатеръ, гдѣ Мстиславскій, съ другими боярами, привѣтствовалъ Марину. Здѣсь пересѣла она въ великолѣпную колесницу, украшенную серебряными орлами и запряженную двѣнадцатью бѣлыми конями съ черными пятнами. Внутри колесницы лежали подушки, унизанныя жемчугомъ; колеса ея были вызолочены. Впереди шли 300 гайдуковъ и 300 музыкантовъ. За колесницей ѣхали 13 каретъ, въ коихъ сидѣла польская свита. Москва огласилась колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. Путь лежалъ, по нынѣшнему Арбату, Тверскому бульвару, по Тверской, чрезъ Воскресенскія ворота на Красную площадь. У Спасскихъ воротъ не было духовенства, такъ какъ Марина была иновѣрка; зато музыка гремѣла здѣсь польскія національныя пѣсни. Марина была одѣта въ бѣлое атласное платье французскаго покроя, въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. У Вознесенскаго монастыря она была встрѣчена женихомъ и царицей-инокиней и поселилась въ ея кельяхъ.

Первый день, по своемъ пріѣздѣ панна Мнишекъ ничего не ѣла, потому что русскія, да притомъ монастырскія, кушанья были ей не по

вкусу. Узнавъ объ этомъ, Лжедимитрій прислалъ ей въ Вознесенскій монастырь польскихъ поваровъ и приказалъ увеселять ее музыкой и пляской. 7-го мая, вечеромъ, при свѣтѣ 200 факеловъ, Марина переѣхала изъ монастыря во дворецъ. На другой день утромъ совершено было ея обрученіе въ Столовой палатѣ, куда невѣста введена была княгиней Мстиславской и воеводой Сендомирскимъ. При обрученіи присутствовали только тысяцкій Василій Шуйскій, дружки и сваха и еще немногіе. Марина была въ русскомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и въ золотомъ вѣнцѣ. Затѣмъ женихъ и невѣста перешли въ Грановитую палату, гдѣ ждали ихъ русскій дворъ, польская свита и послы короля Сигизмунда III, Гонсѣвскій и Олѣсницкій. Здѣсь поставлены были два трона; Михайла Нагой держалъ корону и бармы Мономаха, къ которымъ Марина приложилась. Потомъ царскій духовникъ повелъ жениха и невѣсту въ Успенскій соборъ, гдѣ прежде всего Марина была вѣнчана на царство. Лжепатріархъ Игнатій, несмотря на то, что она не была присоединена къ православію, возложилъ на нее животворящій крестъ, бармы и царскую корону. Для нея былъ поставленъ тронъ рядомъ съ трономъ царя и сѣдалищемъ патріарха. За литургіей Игнатій помазалъ ее елеемъ и причастилъ. По окончаніи литургіи духовенство и бояре цѣловали у нея руку и присягали на вѣрность. Затѣмъ только немногіе оставлены были въ соборѣ, остальные же всѣ были высланы, а благовѣщенскій протоіерей совершилъ бракосочетаніе. Церемонія окончилась передъ вечеромъ, и новобрачные вышли изъ собора, при звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣлахъ и звукахъ трубъ и литавръ. Въ дверяхъ собора Мстиславскій осыпалъ ихъ золотыми монетами изъ богатой чаши, а всѣ остальные червонцы и медали бросилъ въ толпу.

Казанскій митрополитъ Гермогенъ (будущій патріархъ) и Іосифъ, архіепископъ коломенскій предупреждали Лжедимитрія, что бракъ его съ Мариной будетъ незаконнымъ, если она не отречется отъ латинства и не присоединится къ православію. Но самозванецъ пренебрегъ предостереженіемъ, какъ и русскими обычаями, не разрѣшающими свадебъ подъ пятницу, въ которую въ томъ году праздновалась память св. Николая Чудотворца.

Начались праздники и пиры въ Кремлевскомъ дворцѣ, выражавшіе въ похитителѣ власти настроеніе, несвойственное сыну Грознаго и вообще русскому человѣку. На обѣдахъ самозванецъ садился лицомъ къ польскимъ панамъ и спиной къ русскимъ боярамъ. По вечерамъ, въ польскомъ костюмѣ, танцовалъ мазурку и даже надѣвалъ на лицо маску. Но все это только больше и больше разоблачало въ глазахъ русскихъ, что онъ—подложный царь, и надвигало на него роковую грозу.

Быстрое приближеніе ея, да и самый духъ и характеръ самозванца не давали ему возможности оставить по себѣ прочные памятники въ Москвѣ. Извѣстно, что онъ выстроилъ для себя новыя хоромы въ польскомъ вкусѣ; онѣ находились возлѣ Срѣтенскаго собора и лицомъ были обращены къ Москвѣ-рѣкѣ. О постройкѣ этихъ хоромъ со-

временникъ и очевидецъ ихъ Исаакъ Масса разсказываетъ слѣдующее: „надъ большой Кремлевскою стѣною Лжедимитрій велѣлъ выстроить великолѣпное зданіе, откуда была видна вся Москва. Оно находилось на высокой горѣ, подъ которой протекаетъ Москва-рѣка, и состояло изъ двухъ строеній, расположенныхъ одно подлѣ другого и сходившихся подъ угломъ".

Одно предназначалось для Марины, а другое — для лже-царя. Въ этомъ дворцѣ Димитрій велѣлъ устроить очень дорогіе балдахины, стѣны обить дорогою парчею и рытымъ бархатомъ; всѣ гвозди, крюки, цѣпи и петли дверныя покрыть очень толстымъ слоемъ позолоты; внутри сдѣлать превосходныя печи и украсить ихъ разнообразными произведеніями искусства (по дневнику Марины, печи были зеленыя и нѣкоторыя обведены серебряными рѣшотками); занавѣски у оконъ сдѣланы изъ плотной матеріи алаго цвѣта. Онъ приказалъ также выстроить роскошныя бани, красивыя башни и конюшню рядомъ съ своимъ дворцомъ. Во дворцѣ царь велѣлъ устроить множество потайныхъ дверей и ходовъ. Изъ этого дворца самозванецъ любовался не только видами Москвы, но и разными потѣхами, которыя зимой устраивалъ на льду Москвы-рѣки.

Тотъ же Масса говорилъ, что Лжедимитрій, любя воинскія упражненія, приказывалъ строить крѣпости и обстрѣливать ихъ пушками и однажды велѣлъ сдѣлать для образца крѣпость, двигавшуюся на колесахъ (турусы на колесахъ, или гуляй-городъ), съ нѣсколькими небольшими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами. Онъ хотѣлъ употребить эту подвижную крѣпость противъ татаръ и этимъ напугать ихъ и ихъ лошадей. Рота польскихъ всадниковъ осаждала для пробы эту крѣпость на льду рѣки. На это зрѣлище царь смотрѣлъ сверху изъ своего дворца, и ему казалось, что крѣпость вполнѣ удовлетворяетъ его желанію. Она была вся раскрашена: на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ — входъ въ адъ, извергавшій пламя; въ нижней части, на небольшихъ окнахъ, имѣвшихъ видъ чортовыхъ головъ, были поставлены маленькія орудія. Наивный Масса вѣрилъ, что отъ такого остроумно придуманнаго изобрѣтенія татары тотчасъ придутъ въ замѣшательство и обратятся въ бѣгство. „Москвичи, говоритъ онъ, назвали эту крѣпость адскимъ чудовищемъ и, послѣ смерти Димитрія, котораго они называли чародѣемъ, говорили, что онъ заперъ тамъ чорта, впослѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ этою крѣпостью".

Это описаніе дополняется современнымъ русскимъ разсказомъ объ этомъ адѣ: „и сотвори себѣ (самозванецъ) въ маловременной сей жизни потѣху, а въ будущей—знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же нѣсть въ Россійскомъ государствѣ, ни во иныхъ, кромѣ подземнаго; иного же на всей земли, не бѣ,—адъ превеликъ зѣло, имѣюще у себя три главы; и содѣла обоюду челюсти его для бряцановенія. Егда же разверзаетъ челюсти (при помощи особаго механизма), извну его яко пламя предстоящимъ ту является и веліе бряцаніе исходитъ изъ гортани его; зубы же имѣюще осклаблени и когти его, яко готови на ухапленіе;

и изъ ушію, яко-жь пламенію распалившуся. И постави его проклятый прямо себѣ, на Москвѣ-рѣцѣ, себѣ во обличеніе, даже изъ превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нань и готову быти, въ нескончаемый вѣкъ, въ онь на вселеніе и съ прочими единомышленниками своими".

Приводимъ чеканенную, очевидно, поляками медаль въ честь Лжедимитрія, съ надписью, наполненною ошибками: „Дмитре Ивановичъ Бжю млотью чрь и велики князь русис и всѣ тиски коронестъ ины многи господистъ".

Большую рѣдкость составляетъ печать Лжедимитрія I, на коей онъ названъ: „Божіею милостью, царевичъ Московскій Дмитръ Ивановичъ". Печать эта приложена къ записи его (1604 г.), данной Сендомірскому воеводѣ Юрію Мнишку о выдачѣ ему, по вступленіи самозванца на Россійскій престолъ, милліона злотыхъ польскихъ, о бракосочетаніи съ дочерью его Мариной и о предоставленіи ей въ вѣчное владѣніе земель Новгородской и Псковской, съ дозволеніемъ тамъ богослуженія католическаго.

Воспроизводимъ также снимокъ съ его почерка. Онъ любилъ подписываться по-латыни: „Inperator Demetrius".

Но воспроизводимая нами малая государственная печать Лжедимитрія, очевидно, русской работы, не представляетъ ошибокъ.

Самозванцу изъ медоваго мѣсяца пришлось прожить только одну недѣлю и слишкомъ скоро оставить Марину вдовою. Его полякующій образъ дѣйствія, антирусское его настроеніе готовили

ему гибель, разоблачая всѣмъ, что онъ обманщикъ. Князю Василію Ивановичу Шуйскому не трудно было подготовить гибель самозванца, привлекши къ этому дѣлу громадныя массы войска и народа.

Лжедимитрій не придавалъ значенія слухамъ, доходившимъ до него чрезъ поляковъ и нѣмцевъ, что въ Москвѣ неспокойно. Онъ приказалъ устроить за Срѣтенскими воротами деревянную крѣпость и вооружилъ ее пушками. 18 мая, предполагалось устроить здѣсь примѣрное сраженіе, со штурмомъ крѣпости, а затѣмъ народный праздникъ и маскарадъ у Марины. Между тѣмъ, Шуйскій дѣятельно подготовлялъ нападеніе на Самозванца, привлекши на свою сторону бояръ, торговыхъ людей и 18 тысячъ войска, стоявшаго подъ Москвою и предназначеннаго для похода въ Крымъ. Распущены были слухи, что Лжедимитрій, 18 мая, начнетъ истребленіе русскихъ бояръ, подѣлитъ московскія области полякамъ и станетъ вводить латынскую вѣру. Въ ночь, съ 16-го на 17 мая, заговорщики ввели войско въ городъ и заняли имъ Кремлевскія ворота. Дворецъ въ это время охранялся только 30 нѣмецкими алебардщиками, потому что остальныхъ бояре, именемъ Лжедимитрія, отпустили по домамъ. Въ 4 часа утра, ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, а затѣмъ загудѣлъ набатъ по всей Москвѣ. Толпы народа устремились на Красную площадь. Шуйскій верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія ворота и, приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ образу Владимірской Богоматери, закричалъ народу, чтобы всѣ во имя Божіе шли на еретика. Шумъ и набатъ разбудили самозванца и приближенныхъ его. Имъ сначала сказали, что это—пожаръ. Басмановъ велѣлъ запереть двери и отрубилъ голову одному изъ пробравшихся заговорщиковъ. Самъ Лжедимитрій, выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, выскочилъ къ толпѣ и закричалъ: „я вамъ не—Годуновъ".

Но въ него стали стрѣлять. Онъ бросился предупредить Марину и хотѣлъ по лѣстницѣ у Воскресенія Славущаго бѣжать внизъ, но путь былъ занятъ врагами. Тогда онъ выскочилъ изъ окна на деревянныя подмостки и хотѣлъ перешагнуть на другія, но оступился и упалъ съ высоты 15 аршинъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь. Стрѣльцы привели его въ чувство, перенесли сперва къ дому Годунова, а затѣмъ во дворецъ и стали было выстрѣлами защищать его отъ народа. Но когда имъ объявили, что пожгутъ ихъ домы и побьютъ ихъ семьи, и что царица-инокиня говоритъ, что это—обманщикъ, а ея сынъ убитъ въ Угличѣ, то защитники покинули самозванца, и толпа съ криками: „бей, руби его", бросилась на него. Сынъ боярскій Григорій Валуевъ выстрѣлилъ въ Лжедимитрія, другіе добили его и бросили трупъ съ крыльца на тѣло убитаго Басманова. Оттуда чернь поволокла оба трупа на Лобное мѣсто, гдѣ самозванецъ былъ положенъ на столѣ съ маской, дудкой и волынкой, а Басмановъ—у ногъ его на скамейкѣ. Чрезъ три дня Басмановъ былъ похороненъ у Николы Мокраго, а трупъ Самозванца на навозной телѣгѣ свезли за Таганскія

ворота и бросили въ общій ямникъ убогаго дома, гдѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ построенъ Покровскій монастырь.

По словамъ современнаго писателя Геркмана, монахи Андроньева монастыря говорили, что въ теченіе 7 дней, какъ трупъ разстриги находился въ ямникѣ, надъ нимъ появлялись огни и такое множество чертей, что боялись идти къ заутрени. Другой писатель Масса говоритъ, что въ эти дни былъ такой сильный морозъ, что на пространствѣ 20 миль кругомъ Москвы засохли вершины всѣхъ растеній, какъ овощей, такъ и деревьевъ, какъ будто они были сожжены. Даже вершины сосенъ, покрытыхъ зеленью круглый годъ, высохли такъ, что жалко было на нихъ смотрѣть. Сочли за лучшее сжечь тѣло чернокнижника. Когда трупъ его вынули изъ ямника и повезли къ воротамъ города, поднялся такой вихрь, что съ деревянныхъ стѣнъ, находившихся по обѣимъ сторонамъ воротъ, снесло крышу. Трупъ былъ сожженъ, по одному свидѣтельству у деревни Котловъ (за Серпуховской заставой), по другому сказанію—хронографа, „разстригино тѣло, въ содѣланномъ его адѣ, за Москвою рѣкою, въ Верхнихъ Садовникахъ, сожгоша и пріятелей его поляковъ поставиша около ада смотрѣти, дабы въ Польшѣ было сказано, яко разстрига царствуетъ во адѣ“. Пепелъ смѣшали съ порохомъ и выстрѣлили имъ изъ пушки въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

Такимъ образомъ кончился второй актъ смуты, если за первый считать гибель Годуновыхъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій, провозглашенный въ Москвѣ царемъ, не обладалъ силами, необходимыми для подавленія смуты. Престарѣлый, вдовый, бездѣтный, обладавшій умомъ, годнымъ для царедворца, или министра, онъ совсѣмъ лишенъ былъ тѣхъ качествъ, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династіи, въ такое тяжелое время. Напротивъ того, въ немъ было немало такого, что дѣлало его положеніе на престолѣ шаткимъ, колеблющимся. Избранный только Москвою, а не всею Русью, онъ въ глазахъ народныхъ былъ запятнанъ ложью, что царевичъ Димитрій самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Но лишенный нравственнаго довѣрія, онъ не обладалъ всей силой и полнотой власти, къ коей привыкъ народъ и которую онъ ставилъ выше всего. Онъ не былъ самодержецъ, а былъ только, по выраженію современниковъ, полу-царь, потому что далъ боярамъ обязательство и клятву въ Успенскомъ соборѣ—не рѣшать ничего важнаго, безъ ихъ согласія. Каждое дѣйствіе Василія, хотя бы оно и было вполнѣ самостоятельнымъ, представлялось народу внушеннымъ Шуйскому не его царскою совѣстью и чувствомъ долга предъ Богомъ и государствомъ, а дѣломъ невольнаго соглашенія съ думой боярской.

Совершенно естественно, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Лжедимитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василія Ивановича, и въ его личности, и въ самой его умаленной власти.

1 іюня 1606 года, Василій Іоанновичъ вѣнчался на царство, а 3 іюня, ради предотвращенія самозванства, были принесены въ Москву мощи св. царевича Димитрія. Царь, инокиня-царица Мараа, духовенство, бояре и народъ встрѣтили ихъ за городомъ, при чемъ удостовѣрились въ нетлѣніи мощей. Самъ царь несъ раку царевича, прославляя его святость и, въ обличеніе себя самого, свидѣтельствуя, что царственный отрокъ убитъ былъ, по приказанію Бориса Годунова.

Въ грамотѣ царя Василія говорится объ обрѣтеніи мощей слѣдующее: „послали мы по мощи царевича Дмитрія Ивановича митрополита Ростовскаго Филарета, и Астраханскаго епископа Ѳеодосія, и Спасскаго архимандрита Сергія, и Андроньевскаго архимандрита Авраамія, и бояръ: князя Ивана Михайловича Воротынскаго, и Петра Никитича Шереметева, и Григорія и Андрея Ѳеодоровича Нагого; писали изъ Углича богомольцы и наши бояре, что они мощи благовѣрнаго князя Дмитрія Ивановича обрѣли; мощи его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немножко тѣло вредилось; и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпки; и ожерелье жемчужное съ пуговицами все цѣло; въ рукѣ лѣвой полотенце тафтяное, шитое золотомъ и серебромъ, цѣлое; кафтанъ на плечахъ и сапожки на немъ цѣлы, только подошвы на ногахъ попоролись; и на персѣхъ орѣшки положенные—горсть. Сказываютъ, что коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и ѣлъ; и въ ту пору его убили, и орѣхи кровью омочились; и того дня тые орѣхи ему въ горсть положили и тые орѣхи цѣлы. И которые были разслабленные различными болѣзнями уздоровилися отъ раки его, царевича...“ Сперва мощи были поставлены въ храмѣ св. Уара, у Боровицкихъ воротъ, а потомъ въ Архангельскомъ соборѣ. Серебряную раку для нихъ соорудилъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Напрасно Шуйскій усиливался предотвратить самозванщину: это не успокоило смуты. Сперва зашевелились области, не участвовавшія въ избраніи его и подвергшіяся интригѣ бояръ: князь Шаховской возмутилъ противъ Шуйскаго Сѣверскую Украйну, а Ляпуновъ и Сумбуловъ—Рязанскую область. Но наиболѣе смуты производили народные подонки, выразителемъ коихъ явился бѣглый холопъ князя Телятевскаго Иванъ Болотниковъ. Однако эта смута и слякоть не вдругъ могла выставить изъ своей среды самозванца, хотя дѣятельно повсюду распускались слухи, что Дмитрій Ивановичъ не былъ убитъ въ Москвѣ, какъ раньше и въ Угличѣ, а что вмѣсто него убили другого и, чтобы обмануть де народъ, лицо убитаго покрыли маскою.

Первая волна смуты, подъ водительствомъ Ивана Болотникова, Шаховскаго и Ляпунова, докатилась до Москвы, и войскамъ Шуйскаго приходилось биться съ мятежниками, и подъ самой Москвой, и у рѣчки Пахры, въ селѣ Троицкомъ, и близъ деревни Котлы. Однако положеніе Василія Шуйскаго еще не расшаталось, и смутчики—одни принесли, какъ Ляпуновъ, повинную царю, другіе отброшены были отъ Москвы и, послѣ осады въ Тулѣ, должны были сдаться Шуйскому.

Но за первой волною смуты катился второй валъ ея: въ Стародубѣ объявился Лжедимитрій II, котораго одни называли поповичемъ отъ Знаменья на Арбатѣ, другіе—сыномъ Курбскаго, а нѣкоторые—даже жидовиномъ. Между тѣмъ, Шуйскій не проявлялъ и въ самой Москвѣ царственной силы. Москвичи въ это время видѣли, какъ выкопали изъ земли тѣло первыхъ жертвъ самозванства—Годуновыхъ и какъ повезли ихъ для новыхъ похоронъ у Троицы; неутѣшный плачъ дочери Годуновыхъ Ксеніи, теперь инокини Ольги, глубоко трогалъ народъ. Вызванъ былъ въ Москву низложенный самозванцемъ патріархъ Іовъ и, вмѣстѣ съ новымъ патріархомъ Гермогеномъ, далъ въ Успенскомъ соборѣ разрѣшеніе народу отъ клятвопреступленія при первомъ самозванцѣ Ѳедору Борисовичу. По этому поводу, обнародована была отъ имени двухъ патріарховъ грамота съ изложеніемъ событій, отъ смерти Грознаго, до воцаренія Шуйскаго включительно. Но все же власть не обнаруживала энергіи, не смотря на то, что Москва была встревожена видѣніемъ одного старца, коему во снѣ явился Христосъ и въ Успенскомъ соборѣ грозилъ московскому народу страшною казнью за всѣ его неправды. Патріархъ приказалъ объявить народу объ этомъ видѣніи и назначилъ, по этому поводу, постъ отъ 14 до 19 октября. Между тѣмъ, зимою ничего не предпринималось противъ самозванца; пользуясь бездѣйственнымъ затишьемъ, Василій Ивановичъ отпраздновалъ свою свадьбу съ княжною Буйносовой-Ростовскою.

Лжедимитрій II.

Между тѣмъ, второй самозванецъ окрѣпъ: къ нему пристали польскіе отряды, подъ начальствомъ пановъ Мѣховецкаго и Рожинскаго, донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и немало русскихъ

людей, успѣвшихъ порядочно испортиться или, какъ говорили тогда, „измалодушествоваться“ отъ смуты. Пропущенъ былъ моментъ нападенія, и пришлось защищаться. Города стали сдаваться самозванцу, и войска измѣняли Шуйскому... И вотъ самозванецъ, далеко уступавшій первому Лжедимитрію и называемый народомъ просто воромъ, подошелъ къ Москвѣ и расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ. Сюда

Патріархъ Гермогенъ.

привезена была перехваченная по дорогѣ въ Польшу панна Марина, и эта авантюристка не посовѣстилась признать своимъ мужемъ самозванца, нисколько не походившаго на перваго Лжедимитрія. Хотя тушинцы не чувствовали силы осадить Москву, но и полу-царь не имѣлъ энергіи ударить на Тушинскій станъ. Происходившія, между рѣчками Ходынкой, Всходней и Химкой, битвы не приводили ни къ чему; поляки подъ начальствомъ пановъ Лисовскаго и Сапѣги осадили

Троицкую Лавру. Но ея иноки геройски защищали обитель преподобнаго Сергія. Великая Лавра показывала, что Богъ, по молитвамъ преподобнаго, не отступился отъ царя. Но все же, поддерживаемая слабостью въ нёмъ власти, смута все росла и росла. Въ самой Москвѣ было ненадежно: въ ней плодились такъ называемые перелеты; характернымъ проявленіемъ смуты было появленіе людей, кои стали торговать своею вѣрностью, измѣняя то Шуйскому, то самозванцу. Торговый человѣкъ, желая стать дворяниномъ, дворянинъ — получить помѣстье, или боярство, бѣжали изъ Москвы въ Тушинскій станъ и здѣсь присягали Лжедимитрію, а, получивъ отъ него жалованье, возвращались въ Москву и здѣсь притворнымъ покаяніемъ вымогали себѣ новыя награды. Но это не все: Москва видѣла не одну бунтовскую вспышку противъ Шуйскаго.

17 февраля 1609 года, Сумбуловъ, Гагаринъ и Грязный, составивъ заговоръ, потребовали отъ бояръ, чтобы они низложили царя, а когда тѣ, выжидая, что будетъ дальше, разошлись по домамъ, бунтовщики грубо и насильственно вывели патріарха Гермогена изъ Успенскаго собора на Лобное мѣсто и стали кричать, что Шуйскій незаконно избранъ одной Москвой и притомъ своими потаковниками. Патріархъ сказалъ, что до сего времени ни Тверь, ни Псковъ, ни Новгородъ, ни другіе города Москвѣ не указывали, а имъ всѣмъ Москва указывала, и, напомнивъ имъ о присягѣ на вѣрность царю, удалился съ Красной площади въ Кремль. Заговорщики бросились за нимъ. Народъ не удерживалъ ихъ, но и не помогалъ имъ. Василій Ивановичъ на этотъ разъ показалъ себя и твердымъ и мужественнымъ, хотя и не схватилъ бунтовщиковъ. Онъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они, клятвопреступники, дерзко врываются во дворецъ. Если они хотятъ убить его, то онъ не боится смерти; но низложить его безъ большихъ бояръ не могутъ. Заговорщики оторопѣли и убѣжали въ Тушино.

Второй заговоръ былъ составленъ Крюкомъ-Колычевымъ, замыслившимъ убить Шуйскаго на Вербное воскресенье. Но заговоръ былъ открытъ, его глава былъ казненъ, а сообщники поплатились заточеніемъ. Началось волненіе въ народѣ отъ страшной дароговизны хлѣба, происшедшей отъ того, что тушинцы, осадивъ Коломну, пріостановили подвозъ хлѣба въ Москву. Цѣна на него поднялась до 7 руб. (нынѣшнихъ $23^1/_3$ руб.) за четверть. Но, по просьбѣ царя, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ пустилъ въ продажу монастырскій хлѣбъ, по 2 руб. за четверть.

Скоро однако сквозь тучи смуты проглянуло было на Шуйскаго солнце: его молодой племянникъ, доблестный князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, собралъ ополченіе сѣверо-восточныхъ городовъ, получилъ отъ шведовъ вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди и, двинувшись къ Москвѣ, разбилъ по дорогѣ поляковъ и подходилъ къ первопрестольной столицѣ, когда Лисовскій и Сапѣга уже сняли осаду Троицкой лавры, а самозванецъ бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря въ Калугу, и самое это гнѣздо распалось. Король польскій Сигизмундъ III, подступивъ къ Смоленску, потребовалъ къ себѣ изъ

Тушина поляковъ. Лжедимитрій, оскорбляемый своими приверженцами, не чувствовалъ себя безъ поляковъ безопаснымъ въ Тушинѣ и бѣжалъ, а его станъ самъ собою распался.

Народныя надежды въ это время покоились на Михаилѣ Скопинѣ, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть наслѣдника несчастливаго и бездѣтнаго его дяди. Народъ приписывалъ ему освобожденіе Троицкой Лавры и распаденіе Тушинскаго лагеря. Прокопій Ляпуновъ на возвратномъ пути Скопина чрезъ своихъ посланныхъ предложилъ ему престолъ, но тотъ съ благороднымъ гнѣвомъ разорвалъ присланную ему грамоту.

Однако, среди общаго расположенія народа, царственнаго юношу стерегли въ Москвѣ зависть и ненависть. Братъ Василія Дмитрій Шуйскій, питавшій надежду, послѣ его смерти, наслѣдовать престолъ, не могъ не видѣть въ Скопинѣ-Шуйскомъ помѣху своимъ планамъ.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

12 марта, князь Михаилъ Васильевичъ торжественно, вмѣстѣ съ Делагарди, вступилъ въ Москву. Народъ тысячными толпами вышелъ встрѣтить молодого героя, въ коемъ видѣли всѣ спасителя государства. У воротъ „Скородома", по приказанію царя Василья, князю Скопину была поднесена хлѣбъ-соль. Народныя толпы на пути его въ Кремль земно кланялись ему и со слезами благодарили его за освобожденіе отъ враговъ. Зная о затаенной враждѣ къ князю Михаилу, Делагарди торопилъ его идти на поляковъ подъ Смоленскъ, и тотъ сталъ готовиться къ походу. Но смерть неожиданно прервала жизнь народнаго любимца. 23 апрѣля, на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго, хлынула у него кровь носомъ, и чрезъ двѣ недѣли онъ умеръ. Народъ съ ужасомъ встрѣтилъ эту вѣсть и заговорилъ, что онъ отравленъ. Пошли толки, что жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты-Скуратова, поднесла ему ядъ въ чашѣ съ виномъ. Народъ внесъ это въ свою пѣсню. Вотъ что князь Михаилъ говоритъ въ ней „своей матушкѣ" „о стопѣ зелья лютаго".

Охъ ты, гой еси, матушка родимая,
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таково еще пьянъ не бывалъ;
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты-Скурлатова!

Объ этомъ тяжкомъ для народа времени псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ Архангельскомъ соборѣ слышны были шумъ, гласы и плачъ, предвѣщавшіе раззореніе царства Московскаго. Князь Скопинъ-Шуйскій былъ, — при общемъ плачѣ, подобномъ тому, который былъ по царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ,—погребенъ въ царской усыпальницѣ. Воспроизводимъ выше его иконописный портретъ, стоявшій въ Архангельскомъ соборѣ надъ гробомъ царственнаго юноши.

Со смертью его порвалась послѣдняя связь народная съ несчастнымъ Василіемъ Ивановичемъ; нуженъ былъ только поводъ, чтобы совершилось его паденіе, и онъ не замедлилъ. Бездарный, но честолюбивый Дмитрій Шуйскій, почти съ пятидесятитысячнымъ войскомъ, былъ разбитъ паномъ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ: чаша несчастій полу-царя переполнилась. Захаръ Ляпуновъ поднялъ противъ Шуйскаго толпы народа, пошелъ во дворецъ и сталъ требовать отъ Василія, чтобы онъ отрекся отъ престола. Тотъ схватилъ ножъ и замахнулся имъ на Ляпунова, который хотѣлъ отвѣчать тѣмъ же; но товарищи увели его изъ дворца. Они пошли на Лобное мѣсто, куда двинулись народныя массы и пріѣхалъ патріархъ Гермогенъ. Толпы не умѣщались на Красной площади, и Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ закричали народу, чтобы всѣ шли къ Серпуховскимъ воротамъ, гдѣ больше мѣста. Здѣсь рѣшились просить Шуйскаго сойти съ престола, такъ какъ и родъ его несчастенъ, и изъ-за него понапрасну льется кровь. Патріархъ Гермогенъ противился этому, но совѣта святѣйшаго на этотъ разъ не послушали и послали въ Кремль свояка Васильева, князя Воротынскаго, сказать обо всемъ Шуйскому. Тотъ, не видя нигдѣ опоры, согласился и переѣхалъ съ женою въ свой боярскій домъ на Арбатъ. Чтобы сдѣлать невозможнымъ для него возвратъ на царство, Ляпуновъ съ князьями Засѣкинымъ, Волконскимъ и Тюфякинымъ потребовалъ, чтобы Шуйскій постригся. Когда онъ не захотѣлъ сдѣлать это, его насильно свезли въ Чудовъ монастырь и тамъ его постригли въ иноки. Съ паденіемъ этого государя, хотя онъ былъ только полу-царемъ, стало Москвѣ еще смутнѣе, и наступалъ послѣдній, самый тяжкій актъ смуты—междуцарствіе.

Василій Ивановичъ не могъ оставить по себѣ много памятниковъ въ Москвѣ. Впрочемъ, при немъ переведенъ былъ съ иностраннаго уставъ ратныхъ дѣлъ, сдѣланный Михаиломъ Юрьевымъ, построенъ былъ новый домъ для типографіи на Никольской улицѣ, и въ годъ низложенія (1610), близъ Патріаршихъ прудовъ, на Козьемъ болотѣ, была выстроена церковь священномученика Ермолая.

Роковое, по всей видимости, безысходное время наступаетъ для Москвы и всей Россіи въ 1610 году, когда палъ Василій Шуйскій. Безгосударье было неизмѣримо тяжелѣе правленія полу-царя, теперь развѣнчаннаго и постриженнаго въ иноки. При немъ все же былъ, хотя и въ колеблющемся престолѣ, государственный центръ, все же еще горѣлъ, хотя и мерцая, огонь народнаго единенія.

Передача регентства боярской думѣ, впредь до избранія царя, бы-

ла скачкомъ въ неизвѣстность. Ежели было немыслимо, чтобы бояре рѣшились изъ Руси надѣлать вѣчевыя народоправства, или даже воскресить удѣльную систему, съ ея небольшими княжествами и князьями, то все же предъ расшатанными смутой Москвой и Россіей зіяли двѣ пропасти: или разбойническое владычество сидѣвшаго въ Калугѣ самозванца, съ его приспѣшниками, или польское владычество, надвигавшееся на Москву, съ войскомъ пана Жолкѣвскаго, дошедшаго уже до Можайска.

Печать и подпись Лжедимитрія II.

То и другое грозило конечнымъ разрушеніемъ всего того, надъ чѣмъ болѣе семи вѣковъ работалъ народъ, и для чего особенно потрудилась Москва.

Семибоярщина правительствующей думы, дабы предотвратить обращеніе Россіи въ провинцію Рѣчи Посполитой, придумала избрать въ цари польскаго королевича Владислава. Возсталъ противъ этого доблестный патріархъ Гермогенъ, требовавшій, чтобы царь былъ избранъ изъ русскихъ бояръ. Но его успокоили тѣмъ, что избираемый инородецъ приметъ православную вѣру и ограничитъ власть свою въ томъ отношеніи, что не приведетъ на Москву поляковъ и не будетъ ничего рѣшать, безъ согласія боярской думы. Не могъ быть по душѣ русскимъ людямъ новый полу-царь, да притомъ польской крови. Но страхъ предъ тушинскимъ воромъ и обращеніемъ Руси въ польскую провинцію заставилъ умолкнуть недовольство. Жолкѣвскій стоялъ уже на Поклонной горѣ за Дорогомиловымъ...

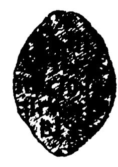

Медаль Владислава.

27 августа, Москва присягала королевичу Владиславу, какъ Русскому царю, и сердце Москвы—Кремль былъ сданъ полякамъ. Хитрый

и ловкій полякъ Жолкѣвскій извивался змѣей предъ москвичами и сумѣлъ ослабить нерасположеніе къ ляхамъ даже патріарха Гермогена. Но, дабы удалить изъ Москвы людей, опасныхъ для кандидатуры королевича Владислава, онъ выбралъ въ члены великаго посольства къ королю князя Голицына и митрополита Филарета Никитича Романова, какъ представителей тѣхъ родовъ, кои ближе другихъ были къ престолу и могли быть въ рукахъ поляковъ заложниками за Русь, въ пользу Владислава. Когда уполномоченные прибыли подъ Смоленскъ, фанатичный ученикъ іезуитовъ Сигизмундъ III сразу проявилъ намѣреніе поработить Россію: требовалъ, чтобы послы заставили смольнянъ сдаться ему и вмѣсто сына признали его самого царемъ Россіи. Тѣ, видя въ этомъ гибель самостоятельности Россіи, ея независимости, стойко воспротивились этому. Узнавъ о всемъ этомъ, Жолкѣвскій уѣхалъ изъ Москвы, оставивъ ее во власти Гонсѣвскаго. Сердце восточной Россіи сразу стало испытывать на себѣ тотъ польскій гнетъ, который въ это время такъ давилъ Кіевъ и всю юго-западную Русь. Поляки въ Москвѣ стали теперь обращаться съ русскимъ народомъ, какъ съ „быдломъ", какъ съ рабами Рѣчи Посполитой, заносчиво, дерзко и жестоко. Москва и Россія начинаютъ судорожныя движенія, чтобы освободиться отъ польскихъ сѣтей...

Монеты Владислава.

Смерть самозванца, убитаго крещенымъ татариномъ Урусомъ, развязала русскимъ людямъ руки въ Москвѣ и другихъ городахъ. Патріархъ Гермогенъ убѣдился, что поляки не отпустятъ Владислава и, поработивъ Россію, погубятъ въ ней и государство, и народность, и самую вѣру православную. Гонсѣвскій, засѣвшій на Кремлѣ, въ домѣ Годунова, сталъ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Ѳедоромъ Андроновымъ отсылать къ Сигизмунду русскія царскія сокровища: короны, сосуды, драгоцѣнныя одежды и проч. Сколько въ это время погибло вѣковыхъ сокровищъ Москвы! Къ счастію, стольникъ Трахоніатовъ успѣлъ часть сокровищъ скрыть въ подземномъ тайникѣ Кремля.

Когда Жолкѣевскій, захвативъ съ собою постриженнаго въ иноки Василія Шуйскаго, уѣхалъ изъ Москвы, а поляки, хозяйничавшіе въ Кремлѣ, снявъ съ себя маску, стали тѣснить москвичей,—поднимаетъ голосъ противъ иноплеменниковъ патріархъ Гермогенъ. Онъ началъ открыто говорить, что Владислава нельзя признать Русскимъ царемъ, потому что онъ не приметъ православія; а польскіе люди именемъ своего королевича заполнили все московское государство, и въ самомъ Кремлѣ уже раздается папское латинское пѣніе. Патріархъ далъ православнымъ людямъ разрѣшеніе отъ данной королевичу присяги и благословлялъ ихъ подняться на иноземныхъ, иноплеменныхъ и иновѣрныхъ пришельцевъ. Слово Гермогена развязывало русскимъ людямъ руки. Къ этому присоединились еще грамоты отъ осажденныхъ смольнянъ, которые призывали всѣхъ на защиту вѣры православной, поруганной поляками. Москвичи, съ благословенья Гермогена, присоединили къ этой

грамотѣ свою, призывавшую къ освобожденію самой Москвы и ея святынь отъ иноплеменниковъ.

„Здѣсь,—говорилось въ грамотѣ о Кремлѣ, — образъ Божіей Матери, заступницы христіанской, который евангелистъ Лука написалъ, здѣсь великіе святители и хранители — Петръ, Алексій и Іона чудотворцы“. Грамоты вызвали патріотическое движеніе народа, и Сѣверо-восточные города стали ополчать ратниковъ. Во главѣ ихъ сталъ даровитый Прокопій Ляпуновъ. Но русскіе люди еще не освободились отъ смуты очистительнымъ огнемъ страданій. Народное ополченіе смѣшалось съ отрядами прежнихъ тушинцевъ, находившихся подъ начальствомъ Заруцкаго, Просовецкаго и Трубецкого, и даже съ шайками Сапѣги.

Подпись патріарха Гермогена.

Измѣнники стали требовать отъ патріарха, чтобы онъ вернулъ назадъ уже двинувшееся къ Москвѣ ополченіе, но онъ мужественно сказалъ: „если всѣ измѣнники и королевскіе люди выйдутъ изъ Москвы вонъ, то я отпишу ратнымъ людямъ, чтобы они вернулись назадъ“. Семидесятилѣтній старецъ не устрашился и ножа, которымъ замахнулся на него Салтыковъ. Когда же патріархъ въ Успенскомъ соборѣ, послѣ одной литургіи, сказалъ народу проповѣдь, полную призывовъ на защиту вѣры и отечества, поляки стали держать его подъ стражей. Въ Вербное воскресенье его освободили, ради шествія на осляти, но потомъ низложили его съ патріаршаго престола, на который былъ возведенъ лжепатріархъ Игнатій.

Народъ отсутствовалъ на помянутомъ торжествѣ и, очевидно, настороживался,—былъ въ ожиданіи событій. Поляки начали готовиться къ встрѣчѣ подходившаго народнаго ополченія. Они стали втаскивать пушки на башни и крѣпостныя стѣны и послали на рынокъ звать къ себѣ на помощь русскихъ извозчиковъ. Тѣ не послушались, завязался споръ, поднялся шумъ и сбѣжался густыми толпами народъ. Нѣмцамъ, находившимся на службѣ у поляковъ, показалось, что это—народное возстаніе, котораго уже всѣ ждали со дня на день. Они, вмѣстѣ съ поляками, бросились съ оружіемъ на народъ безоружный. 7,000 человѣкъ москвичей пало подъ ударами иноземцевъ. Но народъ въ Бѣломъ городѣ сталъ готовиться къ энергической защитѣ: улицы были перегорожены бревнами, столами и чѣмъ попало. Къ горожанамъ выходили ратные люди въ вооруженіи. На улицахъ закипѣли битвы. Особенно горячъ былъ бой на Срѣтенкѣ и Лубянкѣ. Имъ распоряжался князь Д. М. Пожарскій; онъ отбилъ здѣсь поляковъ и заставилъ ихъ уйти въ Китай-городъ. У Введенія на Лубянкѣ, во Псковичахъ, или въ Опасовичахъ, онъ поставилъ, вблизи своего дома (на мѣстѣ нынѣшней 3-й гимназіи) и богадѣльни, построенной имъ, при существовавшей здѣсь церкви св. Ѳеодосія, укрѣпленіе. Бутурлинъ бился съ поляками у Яузскихъ воротъ, Колтовской--въ Замоскворѣчьи. Общими силами

русскихъ поляки были вогнаны въ Китай-городъ и Кремль. Тогда они рѣшили сжечь Москву и подожгли сперва Бѣлый городъ. Вѣтеръ благопріятствовалъ пожару. Проникли поляки, не смотря на сопротивленіе москвичей, и въ Замоскворѣчье, подожгли и его въ нѣсколькихъ концахъ. Польскій отрядъ, среди пылавшихъ улицъ, обошелъ князя Пожарскаго и ударилъ ему въ тылъ. Этотъ защитникъ Москвы цѣлый день геройски отбивался отъ поляковъ, но былъ раненъ и отвезенъ въ Троицкую Лавру. Москва горѣла до четверга Страстной недѣли. Одновременно съ этимъ, она подвергалась страшному разграбленію отъ поляковъ и нѣмцевъ. „Имъ, — говоритъ въ своей Московской лѣтописи Беръ, — не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали однѣ богатыя одежды, бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, дорогіе камни; снимали съ образовъ драгоцѣнныя ризы; иному нѣмцу, или поляку доставалось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ

Печать князя Пожарскаго.

Подпись князя Пожарскаго.

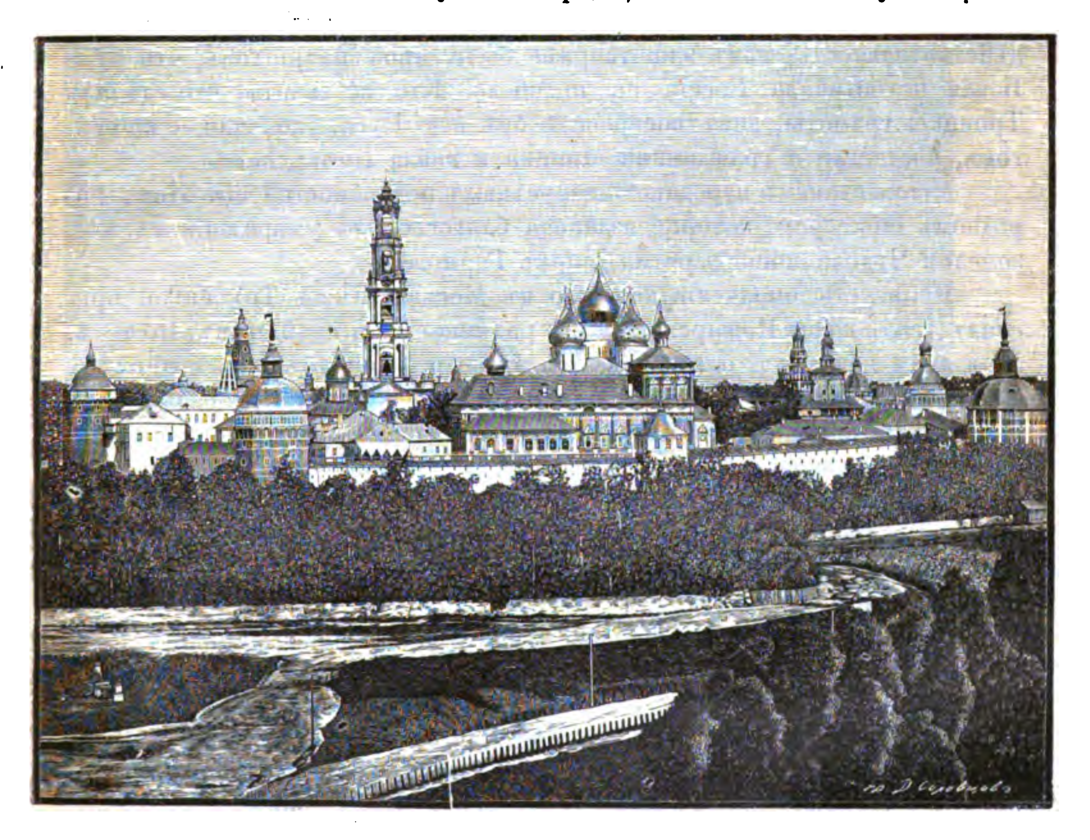
богатѣйшую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли: пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали боярскіе погреба, — рейнское, венгерское, мальвазію. Поляки стрѣляли въ русскихъ жемчужинами, величиною съ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и именитыхъ купцовъ...“ Въ нѣсколько дней большая часть Москвы выгорѣла. Лишь обгорѣлые остовы церквей да трубы торчали среди углей и пепла, на коихъ лежали массы мертвыхъ тѣлъ. Мрачно смотрѣли поляки со стѣнъ Кремля и Китай-города на пепелище Москвы, поджидая народныхъ ополченій и слушая по ночамъ вой собакъ, глодавшихъ человѣческія кости.

На третій день Святой, въ сожженную Москву вступили ратники подъ начальствомъ Ляпунова. На слѣдующій день привелъ сюда Заруцкій казаковъ, а Трубецкой—калужанъ. Но тѣ русскіе, кои занявъ Бѣлый городъ, окружили поляковъ, не были готовы на совершеніе великаго и святого дѣла. Среди нихъ кипѣли раздоры, а казаки по-разбойнически относились къ родной землѣ и ея народу. Этимъ воспользовался коварный Гонсѣвскій и подбросилъ въ казачій станъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова, требовавшую, чтобы русскіе люди избивали казаковъ, какъ собакъ. Казаки призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями. Ополченіе городовъ, лишившееся авторитетнаго

предводителя, разошлось по домамъ, и подъ Москвой остались казаки да бывшіе тушинцы.

Между тѣмъ, и патріархъ Гермогенъ былъ заключенъ поляками въ подземелье Чудова монастыря, гдѣ этого святого мученика за Русь святую, православную, мучили голодомъ и терзали нравственно. Его призывный голосъ уже не былъ слышенъ изъ-подъ сводовъ подземелья. Даже въ Успенскомъ соборѣ не совершалась уже служба. Наступалъ самый ужасный моментъ въ нашей исторіи. Раззоренной Москвѣ и Россіи, казалось, уже неоткуда было ждать спасенія.

Но живъ еще былъ Русскій народъ, жива была его душа право-

Троицкая лавра.

славная. Ея свѣтлое, ея святое, все объединяющее проявленіе мы видимъ въ обители преподобнаго Сергія, въ его ученикахъ и преемникахъ.

Изъ Москвы и изъ другихъ центровъ разоренной и умиравшей Руси потянулся въ 1612 году страшный, можно сказать, Голгоѳскій крестный ходъ: подъ сѣнь Троицкой Лавры шли орошенные кровавымъ потомъ русскіе люди, ограбленные, голодные, страшно изувѣченные (у иныхъ были ремни на спинахъ выкроены). Они шли подъ кровъ святой обители уже безъ всякой мысли о земной жизни, съ однимъ желаніемъ помолиться и по-христіански встрѣтить здѣсь свой смертный часъ.

Въ толпѣ двигавшихся сюда людей видѣлась вся ужасающая картина погибавшей Москвы и всея Руси, но и все величіе и зиждительная сила ея историческаго духа, заключавшаяся въ неизмѣнной до смерти вѣрности своему отечеству, его православію, его народности, его царству. Духъ этотъ воспрянулъ во весь ростъ свой въ игуменѣ Троицкой лавры—архимандритѣ Діонисіи и келарѣ Авраамін Палицынѣ. Они поняли, что ихъ задачи не въ благотворительности только измученнымъ Русскимъ людямъ, не въ напутствіи только ихъ въ иную жизнь, но въ призывѣ всѣхъ русскихъ людей, кто въ силахъ, еще разъ подняться, съ мечомъ въ рукахъ, на спасеніе отечества.

Чѣмъ менѣе земныхъ надеждъ на это представляла окружающая дѣйствительность, тѣмъ животворнѣе была вѣра патріотовъ, что рука Божія не оставила Россіи на погибель. Кто не знаетъ, что сдѣлали Троицкія грамоты, какъ воскресили онѣ всю Русь, ополчили ее на враговъ, воздвигли и гражданина Минина и князя Пожарскаго.

Мы не станемъ передавать извѣстныхъ подробностей объ этомъ народномъ ополченіи, которое издалеча благословилъ умиравшій въ подземельѣ Чудова монастыря патріархъ Гермогенъ.

18 августа, ополченіе подошло къ Москвѣ. Князь Трубецкой прислалъ звать князя Пожарскаго и его ратниковъ въ свой станъ. Но тотъ, зная духъ казаковъ, отказался отъ этого и расположился станомъ у Арбатскихъ воротъ. Въ это время подошли къ Москвѣ и поляки, подъ начальствомъ пана Ходкѣвича, и остановились на Поклонной горѣ. Пожарскій, по лѣвому берегу Москвы рѣки, двинулъ свое ополченіе къ Новодѣвичьему монастырю, а Трубецкой со своими казаками сталъ на правомъ берегу у Крымскаго брода (гдѣ теперь Крымскій мостъ), чтобы не пропускать Ходкѣвича къ Кремлю на соединеніе съ польскимъ гарнизономъ.

22 августа, переправившись чрезъ рѣку, поляки напали на Пожарскаго. Хотя русскіе храбро отбивались, но едва не были подавлены. Казаки злонамѣренно бездѣйствовали, не подавая помощи своимъ. Но, въ самое критическое мгновеніе, посланные Пожарскимъ на помощь казакамъ, по просьбѣ Трубецкого, нѣсколько сотъ ополченцевъ, несмотря на запретъ, вырвались отъ казаковъ и поспѣшили на выручку товарищей; къ нимъ присоединились нѣкоторые казаки. Прибывшее подкрѣпленіе дало перевѣсъ русскимъ, и побитые поляки отступили на Поклонную гору. Въ то же время были отбиты и поляки, сдѣлавшіе вылазку изъ Кремля; при этомъ у нихъ отняты были знамена и много провіанта, доставленнаго имъ.

23 августа, поляки сдѣлали вылазку изъ Кремля и въ этотъ разъ захватили укрѣпленіе у церкви Георгія въ Яндовѣ, за Москвой-рѣкой, а Ходкѣвичъ съ Поклонной горы перешелъ къ Донскому монастырю. Теперь противъ него были только казаки; но князь Пожарскій, не помня зла, перешелъ къ нимъ съ большею частью своего войска. 24 августа, съ разсвѣтомъ, поляки ударили на нашихъ съ такою силою, что ихъ смяли; Пожарскій перешелъ назадъ чрезъ рѣку, а казаки ушли въ

свои таборы. Но келарь Авраамій Палицынъ уговорилъ казаковъ не покидать общерусскаго дѣла. Общими силами отнято было занятое поляками укрѣпленіе у церкви Климента на Пятницкой, и затѣмъ пѣхота залегла по ямамъ, чтобы не пропускать непріятеля въ Кремль.

Въ это время Мининъ съ тремястами охотниковъ изъ дворянъ и ротмистромъ Хмелевымъ перешелъ чрезъ Москву-рѣку и ударилъ на

Стягъ князя Д. М. Пожарскаго.

стоявшія тамъ у Крымскаго двора двѣ польскихъ роты. Тѣ были смяты и побѣжали. Тогда залегшіе въ ямахъ ратники, вмѣстѣ съ конницей, бросились на поляковъ. Эти, потерявъ 500 человѣкъ убитыми, направились къ Воробьевымъ горамъ и на разсвѣтѣ ушли отъ Москвы, по Можайской дорогѣ. Воспроизводимъ здѣсь то знамя, подъ коимъ Рус-

ское ополченіе сражалось за Русь святую и за освобожденіе Москвы. Внизу этого достопамятнаго и драгоцѣннаго стяга изображены сабли Пожарскаго и Минина.

Такимъ образомъ, панъ Ходкѣвичъ былъ прогнанъ отъ Москвы; но нужно было очистить сердце ея—Кремль отъ поляковъ, сидѣвшихъ здѣсь съ полковникомъ Струсемъ. Но въ это время открывается рознь между ополченіемъ и казаками, кои хотѣли опять уйти изъ-подъ Москвы. Архимандритъ Троицкой Лавры св. Діонисій прислалъ казакамъ монастырскія ризы, епитрахили и стихари. Но тѣ устыдились и, возвративъ къ Троицѣ присланное, обѣщали не покидать общаго дѣла. Разногласіе воеводъ, составившихъ правительство, было устранено; они рѣшили съѣзжаться на Неглинной (гдѣ теперь Труба) для совѣщаній.

Стали дружно готовиться къ осадѣ Китай-города и Кремля. Поставили туры: одинъ на Софійкѣ, у Пушечнаго двора, другой—у Георгіевскаго монастыря, сзади нынѣшняго Дворянскаго собранія, третій—у Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Окопали рвомъ Замоскворѣцкій полуостровъ и загородили его плетнемъ. Осажденные терпѣли голодъ, питались трупами, но не сдавались. 22 октября, казаки приступомъ взяли Китай-городъ, но поляки держались еще въ Кремлѣ, выпустивъ оттуда боярскихъ женъ. Наконецъ, томимые голодомъ, осажденные начали переговоры о сдачѣ и, когда имъ обѣщано было сохраненіе жизни, прежде всего выпустили изъ Кремля бояръ, въ числѣ коихъ были Иванъ Никитичъ Романовъ и его племянникъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, съ матерью инокиней Марѳой, вынесшіе много ужасовъ отъ поляковъ и отъ самой осады. На слѣдующій день сдались и поляки съ паномъ Николаемъ Струсемъ во главѣ.

27 ноября 1612 года, на Красную площадь двинулось ополченіе князя Пожарскаго, отъ церкви Іоанна Милостиваго (на Кисловкѣ, существовала до 1812 года), а казаки князя Трубецкого—отъ церкви Казанской за Покровскими воротами. Когда рать, сопровождаемая народомъ съ крестами и образами, подошла къ Лобному мѣсту, и святой Діонисій началъ служить здѣсь благодарственный молебенъ, изъ Спасскихъ воротъ показались кремлевскія хоругви и духовенство, несшее икону Владимірской Божіей Матери. Глубоко растроганный народъ, при видѣ этой великой святыни, залился слезами радости и въ чувствѣ невыразимаго умиленія палъ на колѣни предъ этимъ крестнымъ ходомъ. По окончаніи молебна на Лобномъ мѣстѣ, войска и народъ радостно вступили въ Кремль, хотя онъ и былъ страшно опустошенъ. Въ Успенскомъ соборѣ совершено было молебствіе, и затѣмъ началась литургія, не совершавшаяся здѣсь въ теченіе осады. Въ это тяжкое время первопрестольный соборъ всея Руси замѣнялся соборомъ Успенія на Крутицахъ, бывшимъ каѳедрой митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ.

Такъ начался великій день освобожденія Россіи. Сброшено было съ Россіи польское иго, и началось дѣйствіе зиждительныхъ силъ Русскаго народа. Никто изъ освободителей Россіи не подумалъ захватить въ свои руки верховную власть и, по своимъ замысламъ и планамъ,

произвольно строить лежавшее въ развалинахъ государство. Воспрянувшій государственный духъ Русскаго народа приступилъ къ воскрешенію только того, что было создано страдною исторіей Москвы. Созванные въ Москву изъ всѣхъ городовъ излюбленные люди единодушно и безусловно добровольно рѣшили возстановить прежнюю національную монархію, съ неограниченною властью Царя-Самодержца, какъ созданы были онѣ Москвою, и въ такомъ видѣ, какъ существовали онѣ, испы-

Красная площадь.

танныя вѣками, при угасшей династіи св. Владиміра. Сошедшіеся въ Москвѣ выборные заявили, что Россіи прежде всего необходимъ не патріархъ, а царь, и не иностраннаго происхожденія, а прирожденный Русскій и Православный. Выборъ остановился на родѣ, близкомъ уже прежде этого къ царскому престолу,—бояръ Романовыхъ, и именно на юномъ бояринѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ Романовѣ, къ коему было снаряжено отъ Москвы великое посольство, состоявшее изъ высшаго духовенства, боярства и другихъ людей.

Скипетръ царя Михаила.

XI.

Москва, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова.

ожіе Провидѣніе спасло Россію отъ погибели въ тяжкую годину нашего лихолѣтья, — разрушительной смуты, не оставившей камня на камнѣ въ Москвѣ и Россіи. Вотъ почему достопамятнѣйшій день — 21 января 1613 года, когда подписанъ сохранившійся до нашихъ дней актъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, коему предназначено было основать національную династію и возстановить разрушенное до основанія Русское государство, такъ же важенъ, какъ и тотъ день, когда, въ 862 году, наши предки, отказавшись отъ вѣчевого уклада, порѣшили создать у себя государство и призвали къ себѣ первыхъ князей—государей. Чрезъ семнадцать лѣтъ, въ 1913 году, исполнится триста лѣтъ, какъ совершилось это событіе, которое является какъ бы вторымъ основаніемъ Русскаго государства. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, съ знаменательной торжественностью, отмѣтитъ названный годъ, съ коего начинается царствованіе Династіи Романовыхъ.

Молодой царь и основатель новой династіи Михаилъ Ѳеодоровичъ

долженъ былъ одновременно возстановить—разрушенныя государство и его столицу Москву. Но задача нашего труда не позволяетъ намъ останавливаться на общеисторическихъ событіяхъ этого царствованія, какъ напр. на очищеніи Россіи отъ разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, ни на возсозданіи ея учрежденій: мы должны обратиться къ исторіи собственно Москвы, при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ.

Чтобы судить о силѣ ея органическаго творчества, въ дѣлѣ собственнаго возсозданія, достаточно сопоставить то, чѣмъ явилась она предъ народнымъ ополченіемъ князя Пожарскаго, съ тѣмъ, что говорятъ о ней иностранцы въ срединѣ царствованія Михаила Өеодоровича. Прибывшій черезъ двадцать лѣтъ, по его вступленіи на престолъ, голштинецъ Олеарій уже нашелъ ее большимъ и цвѣтущимъ городомъ, не носившимъ слѣдовъ страшной „разрухи". Между тѣмъ, въ 1612 году, совершилось истребленіе огнемъ трехъ четвертей города; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ; а три концентрическихъ круга, или пояса, Москвы погибли; выжжены были: Бѣлый городъ, затѣмъ охватывавшій его деревянный городъ, или „Скородомъ", и, наконецъ, болѣе широкій поясъ окружавшихъ Москву слободъ.

Трудно и представить себѣ, что представляли Китай-городъ и Кремль предъ приходомъ сюда князя Пожарскаго. Что и говорить о первомъ, если во второмъ „всѣ царскія палаты и хоромы стояли безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окошекъ и дверей, такъ что молодому царю негдѣ было поселиться" (Дворц. Разряды. П. 1850. Т. I, стр. 1154). Михаилъ Өеодоровичъ, съ пути своего въ Москву, писалъ боярамъ, чтобы они приготовили для него палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями, а для его матери деревянныя хоромы супруги Василія Шуйскаго; бояре отвѣчали, что „приготовили для государя только комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; тѣхъ же хоромъ, что государь приказалъ, скоро отстроить нельзя, да и нечѣмъ: денегъ въ казнѣ нѣтъ и плотниковъ мало; палаты и хоромы всѣ—безъ крышъ, половъ, лавокъ, дверей и окошекъ нѣтъ, надобно дѣлать все новое, а лѣсу пригоднаго скоро не добыть". Но Михаилъ

Өеодоровичъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ и вновь въ концѣ апрѣля писалъ боярамъ: „по прежнему и по этому нашему указу, велите устроить намъ Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей — хоромы царицы Маріи; если лѣсу нѣтъ, то велите строить изъ брусяныхъ хоромъ царя Василія. Вы писали намъ, что для матери нашей изготовили хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ; въ этихъ хоромахъ жить матери нашей не годится“.

Держава царя Михаила Өеодоровича.

Кипучая дѣятельность, по очищенію Россіи отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, по возстановленію разрушеннаго государства, по исцѣленію язвъ, произведенныхъ въ немъ временемъ смуты, нѣтъ сомнѣнія, сильно задерживала возстановленіе Москвы, какъ города, но также несомнѣнно, что и этотъ процессъ совершался съ необыкновенной энергіей и быстротой. Воскресшій и олицетворившійся въ молодомъ государѣ духъ народа, какъ сила пластическая, поразительно скоро создалъ себѣ скорлупу или оболочку въ Москвѣ, возстановленной, въ главныхъ чертахъ, въ томъ же національно-своеобразномъ видѣ, въ какомъ она существовала, при послѣднемъ представителѣ прекратившейся династіи св. Владиміра. Отвлеченные болѣе важными явленіями, современники

Печать царя Михаила Өеодоровича.

Михаила Өеодоровича мало даютъ намъ свѣдѣній о его строительной дѣятельности въ Москвѣ. Но она была несравненно обширнѣе того, что говорятъ о ней современныя свидѣтельства. Сынъ родоначальника династіи Романовыхъ—царь Алексѣй Михайловичъ принялъ отъ своего отца Москву уже возстановленную и хорошо обстроенную, такъ что

ему на долю выпало только украшеніе ея и умноженіе здѣсь второстепенныхъ уже сооруженій.

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Θеодоровичѣ: 1) выстроился вновь круговой поясъ московскихъ слободъ; 2) полукругъ „Скородома" и Замоскворѣчье, въ коихъ деревянныя стѣны были замѣнены землянымъ валомъ; 3) возстановленъ Бѣлый городъ; 4) обстроенъ Китай-городъ и 5) реставрированъ Кремль.

Само собою разумѣется, что болѣе всего мы имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Θеодоровича въ Кремлѣ. Она сильно проявилась въ этомъ центрѣ Москвы.

Прежде всего работа зодчихъ коснулась Фроловскихъ воротъ, кои со времени царя Алексѣя Михайловича стали называться Спасскими. Построенныя при Іоаннѣ III Антоніемъ Соларіемъ, они, какъ видно на изображеніи Кремля въ царствованіе Бориса Годунова, приведенномъ нами выше, представляли четыреугольное невысокое зданіе, покрытое четырехскатною крышей, подъ которой устроена вышка съ четырьмя фронтонами, увѣнчанная двухглавымъ орломъ. На вышкѣ былъ повѣшенъ колоколъ. Въ 1624 году, по указу царя Михаила Θеодоровича, надъ Фроловскими воротами построена была шестигранная высокая башня, и на ней поставлены были часы, существовавшіе въ своемъ первоначальномъ видѣ до Петра I, который замѣнилъ ихъ другими. Строителемъ башни и часовщикомъ былъ англичанинъ Христофоръ Галловей. Воспроизводимъ на особомъ листѣ изъ книги: „Объ избраніи на царство Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича" рисунокъ, на коемъ башня имѣетъ тотъ видъ, который она сохраняетъ и теперь; но окружающая ее обстановка уже не—та, что при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Такъ, предъ нею мы видимъ на рисункѣ мостъ, перекинутый чрезъ ровъ, наполненнный водой. Самая главная кремлевская стѣна покрыта двухскатною крышей. Сосѣдніе башни, какъ, напримѣръ, та, на которой висѣлъ всполошный (набатный) колоколъ, имѣютъ другой, чѣмъ теперь, видъ. Предъ главной стѣной выведены еще двѣ невысокія стѣны; предъ ними изображенъ рядъ небольшихъ, теперь несуществующихъ, деревянныхъ церквей. На другой сторонѣ виденъ Покровскій соборъ, или храмъ св. Василія Блаженнаго. Въ самомъ Кремлѣ нарисованы: за всполошной башней верхъ несуществующей теперь церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Съ другой стороны Спасской башни видны верхи Вознесенскаго и Чудова монастыря и Иванъ Великій.

На первомъ планѣ рисунка изображено провозглашеніе съ Лобнаго мѣста царемъ Михаила Θеодоровича; здѣсь мы видимъ Рязанскаго архіепископа Θеодорита, со свиткомъ въ рукѣ, Авраамія Палицына, боярина Василія Морозова и другихъ. Вокругъ Лобнаго мѣста народъ и войско. Рисунокъ дозволяетъ видѣть одежду и вооруженіе—изображенныхъ здѣсь людей.

Въ самомъ Кремлѣ въ царствованіе Михаила Θеодоровича кипѣла огромная работа, по возстановленію его храмовъ и дворцовъ.

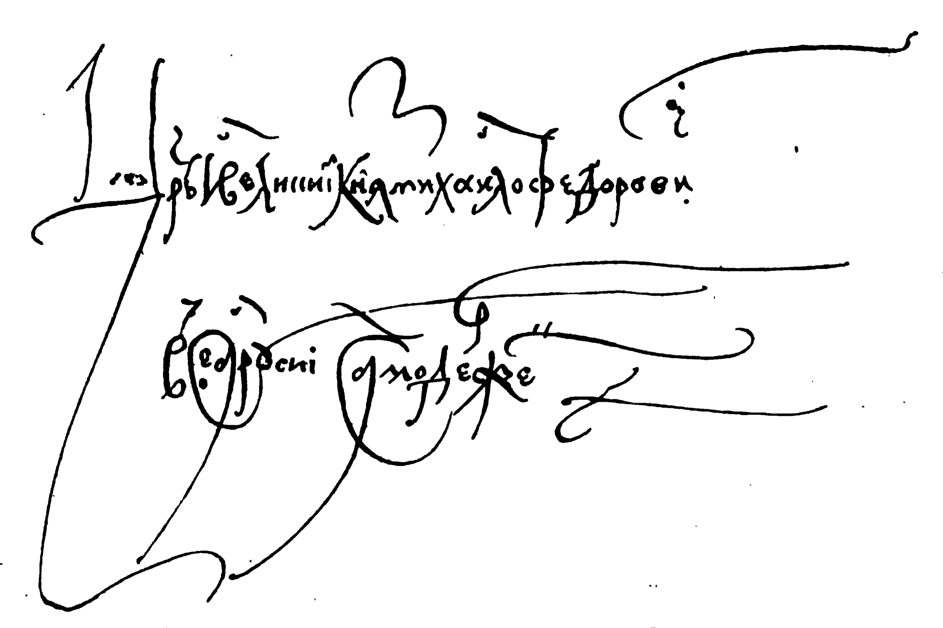
Въ Успенскомъ соборѣ были возстановлены испорченные въ междуцарствіе своды и настѣнная иконопись. По современнымъ свѣдѣніямъ, это послѣднее дѣло было поручено псковскому иконописцу Ивану Паисену, вмѣстѣ съ московскими иконописцами, кои въ точности снимали на листы старую живопись. Возобновленіе ея совершалось, подъ наблюденіемъ боярина Бориса Рѣпнина, стольника Григорія Пушкина и дьяка Степана Угодскаго. Золота употреблено было 210,000 листовъ, на 1,721 червонецъ (около 20,000 руб.). Государь указалъ брать деньги на этотъ предметъ изъ печатнаго и монетнаго дворовъ и изъ приказа Казанскаго дворца. Однако въ возобновленіи собора участвовали патріархъ, давшій на этотъ предметъ 1,000 червонцевъ, и торговый человѣкъ Толечовъ—164 червонца.

„По учиненіи смѣты, поданной государю за руками иконописцевъ Ивана Паисена съ товарищи, оказалось, что если собрано будетъ государевымъ изволеніемъ знаменщиковъ и иконописцевъ шестьдесятъ человѣкъ, то всю соборную церковь уповательно можно надписать въ два лѣта. По приготовленіи красокъ и всего матеріала, потребнаго къ сему дѣлу, начали левкасъ дѣлать изъ старой извести, которую возили изъ Ростова. Въ привозѣ оной значится 200 бочекъ, цѣною каждая по 50 коп., и притомъ за провозъ 50 же. Оную же известь въ левкасъ претворяли слѣдующимъ образомъ: смѣшавъ съ водою, цѣдили въ 20 творилъ черезъ рѣшета, въ творилахъ гребками мѣшали и изъ Москвы-рѣки воду въ опредѣленные часы перемѣняли; емжугъ же, или соръ съ пѣною съ извести снимали и потомъ оную со льномъ сбивали; а ленъ пріуготовляли такъ: 1) оный на мельницахъ терли и выбирали изъ него кострицу, а потомъ сушили въ ведренное и теплое время на шестахъ, а въ ненастное время нарочно избы топили, изсуша, вили веревки, и, изрѣзавъ ихъ, въ творилахъ же съ известью мѣшали; такимъ образомъ, пріуготовивъ левкасъ, снимали со стѣнъ старое иконное письмо на бумажные листы; потомъ старый левкасъ сбивали и, гдѣ оказывались сверху на сводахъ трещины, заливали ихъ вареною смолою. Очистивъ стѣны, набивали оныя для укрѣпленія новаго левкаса гвоздьми, гдѣ же гвозди въ стѣну не входили, то навертывали нарочно сдѣланными пробоями, а потомъ левкасили вновь стѣны и, чтобы гладокъ былъ левкасъ, потирали оный ветошками. Учредивъ все такимъ образомъ, писали иконописцы на стѣнахъ безъ свѣчъ, а по необходимости и при свѣчахъ, противъ снятыхъ знаменщиками стараго письма рисунковъ, растворяя краски на яйцѣ, да на пшеничной вареной водѣ, въ киноварь же и сурикъ—масло, а въ баканъ и ярь—нефть и скипидаръ клали, золотили же только на олифѣ, и оное стѣнное письмо покрывали олифою-жъ. Ревностно продолжая симъ порядкомъ свой трудъ, окончили иконное писаніе въ 1644 году“.

Кромѣ этого, царствованіе Михаила Θеодоровича памятно для Успенскаго собора тѣмъ, что сюда въ 1625 году положена была принесенная послами шаха Персидскаго Аббаса риза Господня, взятая персами изъ Мцхетскаго собора. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, уста-

новивъ по этому поводу ежегодное празднованіе 10-го іюля, устроилъ бронзовый литой шатеръ, искусно сдѣланный котельнымъ мастеромъ Дмитріемъ Сверчковымъ. Между столбами собора, въ 1644 году, было повѣшено восемь паникадилъ.

Изъ записокъ строительныхъ, издѣльныхъ и покупныхъ („Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы"), видно, сколько заботъ посвящалось въ царствованіе Михаила Θеодоровича первопрестольному собору всея Россіи. Особенно много заботился о немъ отецъ государя, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Изъ названныхъ записокъ видно, что и когда, какими мастерами и за какую плату дѣлалось въ соборѣ; здѣсь исчисляются и новыя иконы, написанныя для него, золотыя и серебряныя ризы для иконъ, ковчеги и раки для мощей, облаченія для духовенства, пелены, рѣшетки, аналои и т. д. Пріятно отмѣ-

Собственноручная подпись царя Михаила Θеодоровича.

тить, что для собора работали все русскіе мастера самыхъ разнообразныхъ спеціальностей. Патріархъ иногда поощрялъ ихъ своимъ, особо милостивымъ жалованіемъ. Такъ, напримѣръ, иконописецъ Назарій Истоминъ получилъ отъ святѣйшаго патріарха, изъ его келейной кіоты, Спасовъ образъ, въ серебряномъ окладѣ, ковшъ серебряный же и проч.

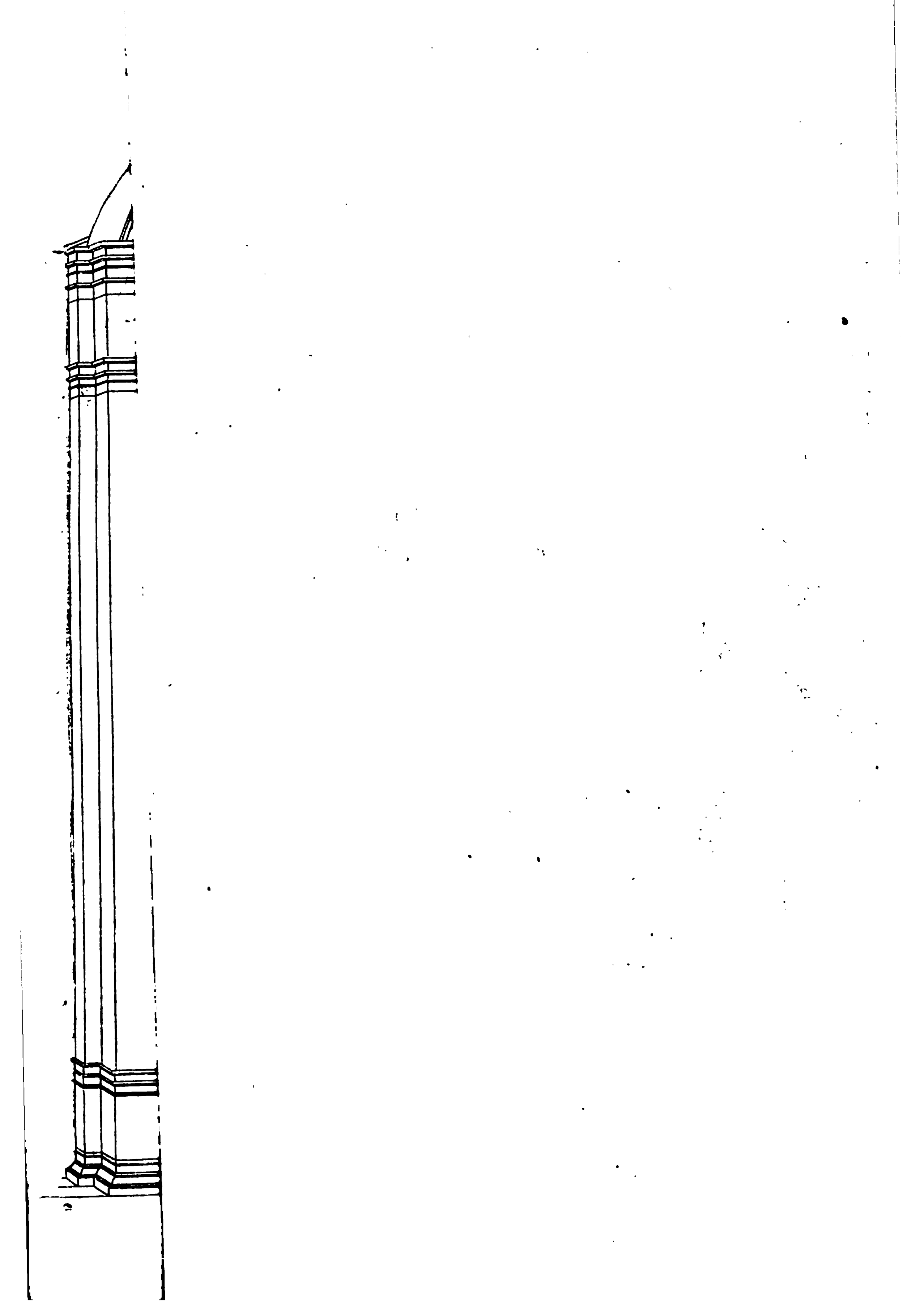
Воспроизводимъ въ отдѣльномъ листѣ изъ „Книги объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича" внутренній видъ Успенскаго собора въ моментъ коронованія молодого государя. Здѣсь мы видимъ пятиярусный иконостасъ, почти съ тѣми же главными иконами, кои существуютъ и теперь, начиная съ образа Владимірской Божіей Матери, и, кромѣ чертожнаго мѣста для коронованія, царское и патріаршее мѣста. Стѣны собора, за исключеніемъ низа ихъ, представляются еще нерасписанными фресковыми изображеніями.

Самое коронованіе Михаила Θеодоровича, изображенное на приведенномъ рисункѣ, совершилось въ томъ же порядкѣ, какъ и Іоанна IV и Θеодора Іоанновича. Царскій выходъ былъ, по принесеніи въ Успенскій соборъ царскихъ Мономаховыхъ регалій, совершился изъ Золотой палаты. Предъ литургіей совершено было возложеніе на царя креста съ частицами Животворящаго Древа, бармъ и вѣнца Мономаховыхъ. Предъ причащеніемъ совершено было таинство мѵропомазанія, а затѣмъ государь причащался таинъ тѣла и крови Христовыхъ. При этомъ священнодѣйствовалъ первенствовавшій тогда іерархъ митрополитъ Казанскій Ефремъ. Принадлежности царскаго сана приносили въ Успенскій соборъ и держали тамъ бояре, князья Дмитрій Пожарскій, Θедоръ Мстиславскій, Дмитрій Трубецкой и бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ.

Второе важное священнодѣйствіе, которое происходило въ царствованіе Михаила Θеодоровича въ Успенскомъ соборѣ—это посвященіе въ патріархи Филарета Никитича—22-го іюня 1619 года; съ особою торжественностью было совершено нареченіе отца государева въ патріархи, происходившее въ Золотой палатѣ, въ присутствіи царя, освященнаго собора и бояръ. 24-го іюня, на праздникъ Рождества Іоанна Предтечи состоялось самое посвященіе. На чертожномъ мѣстѣ Успенскаго собора было приготовлено три сѣдалища: для государя, съ правой его стороны—для Іерусалимскаго патріарха Θеофана, а слѣва—для нареченнаго въ патріархи святителя Филарета Никитича, подъ руки приведеннаго духовенствомъ изъ придѣла Похвалы Богородицы; онъ былъ поставленъ на огромнаго орла. Іерархъ произнесъ символъ вѣры и возсѣлъ на приготовленное сѣдалище, съ коего снова удалился въ названный придѣлъ. Началась литургія; послѣ трисвятой пѣсни на алтарѣ, у престола, священнодѣйствовавшій патріархъ совершилъ возложеніе рукъ на Филарета, съ произнесеніемъ молитвы: „Божественная благодать, немощная врачующая и пр.“ Надѣвъ на себя митру первосвятителей Русской Церкви, новый святѣйшій патріархъ литургисалъ наравнѣ съ патріархомъ Св. града. Послѣ обѣдни государь поднесъ отцу своему драгоцѣнную панагію съ низанными источниками и бѣлый клобукъ, украшенный драгоцѣнными каменьями. Царскій обѣдъ происходилъ въ Грановитой палатѣ; изъ-за третьяго кушанья новый патріархъ всталъ и ѣздилъ вокругъ города на осляти.

Царскій вѣнецъ.

Воспроизводимъ изъ „Книги объ избраніи Михаила Θеодоровича на царство" рисунокъ, какъ на Филарета Никитича возлагаетъ іерусалимскій патріархъ митру. Кромѣ царя, уже возмужавшаго, и патріарховъ, здѣсь обращаютъ на себя вниманіе особые чиновники — огненники. Они были одѣты въ красныя одежды и багряныя остроконечныя шапки и держали въ рукахъ булавы, а, можетъ быть, фонари съ огнемъ, т. е. свѣчами.

Филаретъ Никитичъ сдѣлался соправителемъ сына своего и, въ этомъ качествѣ, а равно какъ и отецъ государя, пользовался титуломъ „великаго государя".

Печать патріарха Филарета.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Архангельскій соборъ, подвергшійся опустошенію во время польскаго владычества въ Москвѣ, требовалъ немало работъ, по своему возстановленію. Но объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ исторіи этого собора это царствованіе отмѣчено, кромѣ вкладовъ, богомольныхъ царскихъ выходовъ и погребенія самого государя, перенесеніемъ сюда изъ Польши гроба развѣнчаннаго царя и невольнаго инока Василія Ивановича Шуйскаго. При заключеніи Поляновскаго мира, польскій король Владиславъ IV согласился отпустить гробы Шуйскаго и его жены въ Москву.

Сюда они прибыли, 10-го іюня 1635 года. Народъ вышелъ встрѣтить гробы на Поклонную гору за Дорогомиловскую заставу. Ихъ несли на головахъ дѣти боярскіе до церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ. Отсюда ихъ понесли московскіе дворяне на плечахъ. Патріархъ Іосифъ, преемникъ Филарета Никитича, встрѣтилъ печальную процессію у несуществующей теперь церкви Николая Зарайскаго, у Каменнаго моста, и, отслуживъ литію, пошелъ за ними вмѣстѣ съ духовенствомъ. Гробы внесли въ Кремль чрезъ Ризположенскія ворота и, когда проходили около двора Бориса Годунова, зазво-

нили во всѣ колокола. Царь съ боярами были всѣ въ „смирныхъ“, или траурныхъ одеждахъ. На другой день происходило погребеніе царя Василія Ивановича въ соборѣ Архангела Михаила. Гробъ его былъ поставленъ у сѣверной стѣны. Надпись гласитъ: „7121—1613 сентября, въ двѣнадцатый день, на память священномученика Автонома, преставился благовѣрный и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Россіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ, въ 65 лѣтъ живота его, а въ Польшѣ лежало его тѣло 23 года.

О Благовѣщенскомъ соборѣ извѣстно только, что царь Михаилъ Θеодоровичъ велѣлъ устроить въ немъ новый каменный полъ, существующій доселѣ. Онъ сдѣланъ изъ набора яшмъ и перенесенъ, по приказанію отца государя, изъ Ростовскаго собора.

Въ это же царствованіе, по благословенію патріарха Филарета, рядомъ съ Ивановскимъ столпомъ Годунова была построена колоколенная пристройка большихъ размѣровъ для помѣщенія колоколовъ. Но это зданіе было взорвано Наполеономъ въ 1812 году и возстановлено было уже послѣ Отечественной войны, хотя и носитъ названіе Филаретовской постройки.

Являясь возстановителемъ прежнихъ храмовъ Кремля, Михаилъ Θеодоровичъ былъ и храмоздателемъ новыхъ. Патріархъ Филаретъ Никитичъ, около 1630 года, построилъ въ Кремлѣ, надъ Тайницкими воротами, первый на Руси храмъ (соборный) во имя Александра Невскаго. Какъ видно изъ дѣлъ патріаршаго приказа, въ этомъ году, 7 іюня, по указу патріарха, „впервые“ выдано двумъ священникамъ и діакону 8 алтынъ и 2 деньги. Вотъ нѣкоторыя подробности объ Александроневскомъ соборѣ, уничтоженномъ въ концѣ XVIII столѣтія. Въ описываемое время, „поволакивалъ бархатомъ червчатымъ“ евангеліе переплетчикъ Ермолаевъ, „знаменилъ и золотилъ евангелистовъ и крестъ знаменщикъ Петръ Матвѣевъ. За кіотъ и образъ св. Александра Невскаго, для ношенія въ крестныхъ ходахъ, заплочено иконнику Ондрюшкѣ Ондрееву 16 алтынъ 4 деньги. За кадило заплочено 2 руб. 3 алтына 2 деньги. Надъ царскими вратами были поставлены образа: Всемилостиваго Спаса, Знаменія, Пречистыя Одигитріи, Пречистыя Владимірскія, Страстотерпца Θеодора и Михаила Малеина, писанныя иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ. Протопопъ собора съ причтомъ на праздникъ св. Александра Невскаго ходилъ къ святѣйшему патріарху со святою водою два раза въ годъ: 30 августа и въ ноябрѣ.

Изъ храмовъ, построенныхъ Михаиломъ Θеодоровичемъ въ Кремлѣ, извѣстны: 1) находящійся теперь внутри дворца Верхоспасскій соборъ, или Спасъ за золотою рѣшоткою. Онъ назывался также Спасомъ Нерукотвореннымъ на сѣняхъ, или на верху. Построеніе этого храма относится къ 1635—1636 году, ко времени увеличенія царскихъ теремовъ. Строитель храма былъ подмастерье каменныхъ дѣлъ Огурцовъ. Въ этомъ храмѣ говѣли и причащались цари, начиная отъ Михаила Θеодоровича и до Петра I, были крещены ихъ дѣти, и совершалось молеб-

ствіе въ день совершеннолѣтія царевичей, когда они объявлялись наслѣдниками престола. Около этого храма, на верху теремной лѣстницы, была боярская площадка, на коей собирались наши сановники прежде, чѣмъ являться къ государю. Церковь Спасова была отдѣлена отъ нея вызолоченною рѣшеткою. 2) „У царицы на сѣняхъ" въ 1626 году, по повелѣнію Михаила Ѳеодоровича, была построена зодчимъ Джономъ Тайлеромъ церковь великомученицы Екатерины и 3) церковь Воскресенія Славущаго, существовавшая съ 1635 года и, по стилю и украшеніямъ, сходная съ Верхоспасскимъ соборомъ.

Исторія Московскаго Кремля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ представляется очень оживленной, не по одному только его храмоздательству, но и по обширному строительству дворцовъ.

По изысканіямъ почтеннаго знатока исторіи Москвы И. Е. Забѣлина, эту сторону дѣятельности молодого царя можно представить въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1614 году были выстроены большія государевы хоромы, а въ слѣдующемъ году ихъ расписывали разными орнаментами и картинами иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисѣевы. Въ 1616 году въ тѣ же хоромы Серебряной палаты сторожъ Михалка Андреевъ дѣлалъ литую висячую подволоку, которая была вызолочена. Въ январѣ государь справлялъ здѣсь новоселье и далъ награду плотникамъ. Затѣмъ надъ царицыной и проходной палатами и на постельномъ крыльцѣ котельные мастера устроили новыя металлическія кровли. Но, 14 февраля 1619 года, въ царскихъ хоромахъ случился пожаръ, и дворцовый плотничный мастеръ строилъ новыя государевы хоромы, столовую избу и постельную комнату; а въ 1621 году ихъ украшали „знаменьемъ и письмомъ" лучшіе иконописцы: Чиринъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ и травникъ Лука Трофимовъ и другіе. Въ ноябрѣ въ столовой было справлено новоселье. Въ 1624 году Михаилъ Ѳеодоровичъ къ своимъ хоромамъ прибавилъ двѣ мыленки, избушку и сѣнничекъ. Въ слѣдующемъ году, возобновилъ церковь Рождества Богородицы на сѣняхъ, съ придѣломъ св. Лазаря. Послѣ того построены были каменные ледники и поварни, а надъ Куретными воротами свѣтлица мастерицамъ, золотымъ и бѣлымъ швеямъ. Но, 3 мая 1626 года, случился новый пожаръ. Въ Кремлѣ, кромѣ монастырей Вознесенскаго и Чудова, „дворъ государевъ и патріаршій и въ приказѣхъ каменныхъ всякія дѣла погорѣша, и казна, и конюшни, и житницы, и всѣ „жила" государевы погорѣша". Опять поднялась стройка, и въ лѣто пожара Первуша Исаевъ поставилъ государю новыя постельныя хоромы. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, построена была брусяная столовая изба, гдѣ, 23 ноября, на новосельѣ государь угощалъ бояръ обѣдомъ, а тѣ подносили ему хлѣбъ-соль и соболей. Иноземецъ—палатный мастеръ Джонъ Тайлеръ—въ этомъ же году возобновлялъ Кремлевскій Срѣтенскій соборъ и строилъ помянутую выше церковь св. Екатерины. Послѣ этого пожара каменныя стройки слѣдуютъ одна за другой. По государеву указу, собраны были изъ Ростова, Суздаля, съ Бѣла-Озера и изъ другихъ мѣстъ всѣ каменщики и кирпичники, „для многихъ церковныхъ, дворцовыхъ и палат-

ныхъ каменныхъ дѣлъ". Выписанъ былъ также „Голландскія земли нѣмчинъ—кирпичный мастеръ Рудерикъ Мартысъ", который устроилъ кирпичный заводъ въ Даниловской слободѣ, „по своему нѣмецкому образцу". Въ 1631 году, на кормовомъ дворѣ выстроена была русскими каменщиками каменная поварня, на которую посредствомъ водоподъемной машины была проведена изъ Москвы-рѣки вода, а въ 1633 году прежде упоминавшійся Галловей взвелъ воду на Свибловскую башню, а оттуда въ поварни, въ сытный и кормовой дворецъ. Въ 1633 — 1636 годахъ, государь для себя и для дѣтей своихъ выстроилъ каменныя жилыя хоромы, хотя до этого, какъ болѣе пригодныя для здоровья, предпочитались деревянныя. Онѣ были построены надъ выстроенною еще при Іоаннѣ III мастерскою палатою и подклѣтными палатами, рядъ которыхъ тянулся къ церкви Рождества Богородицы. Возведены были теперь три новыхъ этажа подъ лицо съ царицыными пріемными палатами. Верхній этажъ съ теремомъ на верху былъ назначенъ для малолѣтнихъ царевичей Алексѣя и Ивана, что значится и въ надписи, сохранившейся и донынѣ. Все зданіе сохранило типъ деревянныхъ жилыхъ хоромъ. Кромѣ каменныхъ растесокъ и рѣзей, напоминающихъ деревянную рѣзьбу, терема въ своемъ внутреннемъ устройствѣ напоминаютъ русскія деревянныя постройки. Почти всѣ комнаты теремнаго дворца одинаковой мѣры, каждая съ тремя окнами, что напоминаетъ великорусскую избу. Въ послѣдніе три года своего царствованія Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ еще какія-то дворцовыя палаты на Цареборисовскомъ дворѣ для Датскаго королевича Вольдемара, за котораго хотѣлъ выдать дочь свою Ирину.

Такимъ образомъ, царь Михаилъ въ теченіе тридцати-двухъ лѣтъ своего царствованія, успѣлъ не только возстановить старый дворецъ, но и увеличилъ его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими, по мѣрѣ умноженія царской семьи и потребностей быта. Его сыну царю Алексѣю Михайловичу оставалось немного дѣла, въ отношеніи основныхъ сооруженій дворца.

Но, безъ сомнѣнія, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича много сдѣлано было и для внутренняго украшенія дворцовыхъ палатъ, на что есть немало письменныхъ указаній, кои, впрочемъ, не опредѣляютъ того, что именно дѣлалось въ это время. Но, конечно, это было возстановленіемъ того, что было во дворцовыхъ палатахъ при Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Если работы иконописцевъ по фресковымъ украшеніямъ дворцовыхъ палатъ уже при Алексѣѣ Михайловичѣ возстановляли „тѣ-жъ вещи, что прежде были писаны", то при Михаилѣ его царскіе иконописцы: „Чиринъ, Назарьевъ, Савинъ, Паисѣинъ, Поспѣевъ, подписывавшіе и жилые и парадные царскіе покои, лишь возстановляли то, что было уничтожено или испорчено смутнымъ временемъ, не внося, конечно, ничего новаго.

На основаніи этого, мы можемъ утверждать, что, напр., Грановитая палата была расписана по своимъ потолкамъ и стѣнамъ, какъ она реставрирована была, при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Импера-

торѣ Александрѣ Александровичѣ, на основаніи описанія фресокъ, сдѣланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ русскимъ художникомъ Симономъ Ушаковымъ. Здѣсь въ разсматриваемое время красовались иконописныя изображенія изъ св. исторіи Ветхаго и Новаго завѣта и изъ Русской исторіи, портреты русскихъ государей, начиная съ Рюрика, и картины, въ родѣ присылки изъ Византіи Владиміру Мономаху царскихъ регалій, также аллегорическія изображенія мужества, правды и т. д.; подобнаго же религіознаго, аллегорическаго и историческаго характера была стѣнопись въ Золотой палатѣ, святыхъ сѣняхъ и жилыхъ покояхъ, если только такую живопись не замѣняла орнаментація, болѣе или менѣе затѣйливаго характера.

Шитыя бармы XVII вѣка.

Михаилу Θеодоровичу пришлось возстановлять во дворцѣ царскіе троны и мѣста, ободранные въ эпоху московской разрухи. Вообще молодому царю привелось немало потрудиться, по возстановленію разореннаго царскаго обихода.

Шествіе царя и царицы къ бракосочетанію.

Михаиломъ Θеодоровичемъ были построены при дворцѣ потѣшныя палаты, гдѣ устраивались различныя увеселенія и хранились различные музыкальные инструменты (стременты), какъ русскія гусли, домры и другіе, такъ и заграничные,—органы, скрипки и проч. При этихъ палатахъ находились бахари, или сказочники, пѣсенники, домрачеи,

гусляры, скрыпотчики. Изъ гусляровъ этого времени извѣстенъ Любимъ Ивановъ; изъ органистовъ Томила Бѣсовъ и Мелентій Степановъ. На свадьбѣ царя тѣшили молодыхъ скрыпотчики: Богдашка Акатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка да новокрещенный нѣмчинъ Арманка. Во дворцѣ стоялъ органъ съ соловьемъ и кукушкой, пѣвшими своими голосами. Органисту Ансу Луну повелѣно было научить русскихъ людей дѣлать такіе „стременты", кои посылались въ подарокъ восточнымъ государямъ, какъ, напр., Персидскому шаху. При Михаилѣ Θеодоровичѣ, на мѣстѣ нынѣшней думы, содержались львы и медвѣди; въ Старомъ Ваганьковѣ, на мѣстѣ Румянцевскаго музея,—большой „псаренный дворъ".

Михаилъ Θеодоровичъ много заботился объ устройствѣ садовъ дворцовыхъ. Эти сады, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, были двухъ родовъ: одни верховые, какъ бы домовые, другіе—внѣшніе, или обыкновенные. Первые устраивались въ видѣ, такъ называемыхъ, висячихъ садовъ на какихъ-нибудь подклѣтяхъ или сводахъ, кои покрывались свинцовыми досками; на нихъ насыпалась земля и сажались фруктовыя деревья: яблони, груши, вишни, сливы, грецкіе орѣхи, даже виноградъ и цвѣты: лиліи, розы, нарциссы, гвоздика, иссопъ и т. д. Въ этихъ внутреннихъ садахъ вѣшались клѣтки съ соловьями, канарейками, перепелами и даже попугаями. Во внѣшніе сады посредствомъ водопроводовъ проводилась вода и устраивались большаго или меньшаго размѣра пруды, на коихъ плавали лебеди и даже потѣшныя лодки, какъ, напр., въ послѣдующее время, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, для его брата царевича Петра. Здѣсь же стояли бесѣдки (чердаки), раскрашенныя разными узорами и даже картинками.

Вотъ какія свѣдѣнія мы имѣемъ о дворцовомъ садоводствѣ царя Михаила Θеодорововича. Въ 1623 году садовникъ Назаръ Ивановъ, уряжая государевъ „садъ на верху", т. е. во дворцѣ, выискивалъ по всѣмъ садамъ Москвы лучшія яблони и высадилъ здѣсь три собственныя яблони большія, наливъ, да грушу царскую. Вѣроятно, на этихъ яблоняхъ росли тѣ яблоки, о коихъ Олеарій говоритъ, что они такъ нѣжны и бѣлы, что, если держать ихъ противъ солнца, внутри ихъ можно видѣть зерна. Не въ этомъ ли саду посажена была махровая роза, впервые привезенная въ Москву изъ Готорпа Петромъ Марцеліемъ? Затѣмъ, извѣстно, что въ 1635 году садовники Иванъ Телятевскій да Титъ Андреевъ строили сады въ верху и на Цареборисовскомъ дворѣ, а садовникъ Никита Родіоновъ, въ это же время, ударилъ челомъ царю Михаилу и царевичу Алексѣю въ ихъ сады яблонями и грушами. Далѣе, въ слѣдующемъ году „въ новый государевъ садъ" обито сукномъ, багрецомъ червчатымъ, на хлопчатой бумагѣ, государево мѣсто. На внутреннемъ дворѣ, близъ Спаса на Бору, со стороны его алтарей, находился особый садъ, который примыкалъ къ столовой избѣ и постельной государевой комнатѣ. Въ этомъ саду въ 1643 году, послѣ кровопусканія Михаилу Θеодоровичу, хоронили въ ямку его царскую руду (Акты истор. III. № 228). Воспроизводимъ изъ „Книги объ из-

Часть скипетра стр. 181).
Феодоро

Часть скипетра царя Михаила Феодоровича.

браніи на царство Михаила Өеодоровича" рисунки Кремлевскихъ дворцовъ и соборовъ, во время коронаціоннаго выноса регалій, а также и коронаціоннаго обѣда въ Грановитой палатѣ.

Первый рисунокъ очень любопытенъ потому, что представляетъ намъ рядъ дворцовыхъ храмовъ и зданій XVII вѣка. За Успенскимъ соборомъ стоитъ храмъ св. Евдокіи и справа какая-то деревянная постройка, слѣва теремъ и предъ нимъ Спасъ Золотая рѣшетка. За теремами храмъ Рождества Богородицы. На Соборную площадь выдвигается Грановитая палата съ крытымъ шатровыми башенками крыльцомъ. Далѣе идетъ Золотая палата съ открытымъ краснымъ крыльцомъ. За нею видны шатровые верхи столовой палаты, а вдали Колымажныя ворота. Лѣвѣй отъ нихъ Срѣтенскій соборъ и, наконецъ, набережныя палаты. Рисунки этихъ зданій любопытно сопоставить съ помѣщеннымъ выше планомъ Кремля Годуновскаго времени.

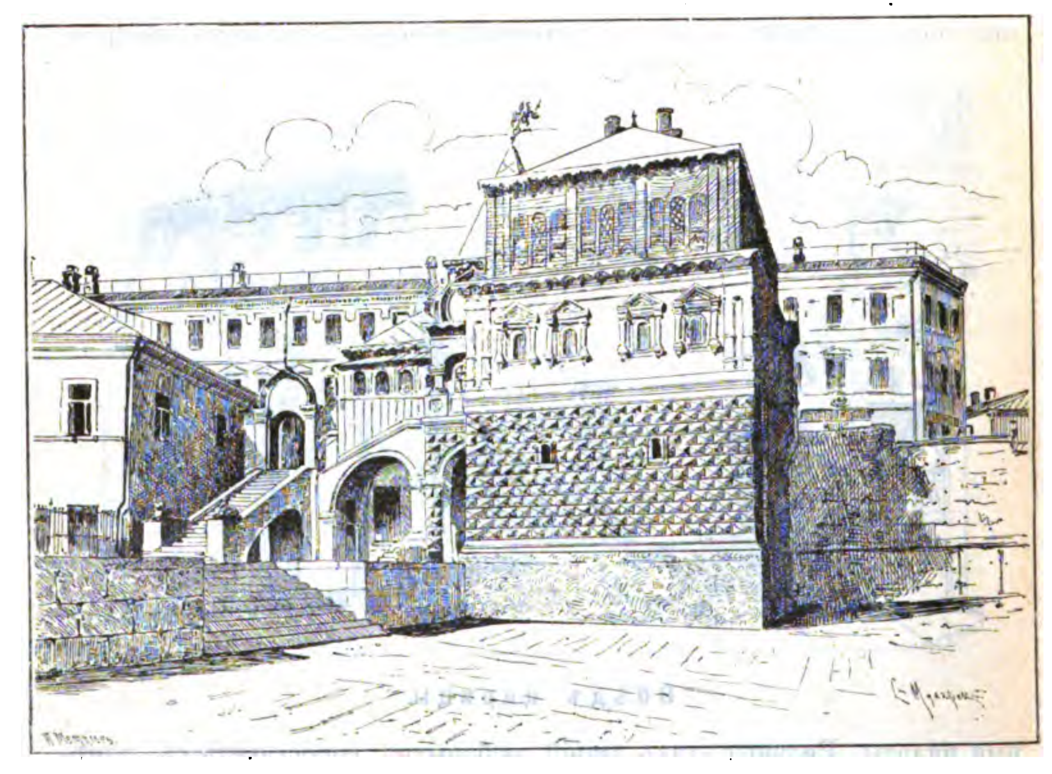
Обѣдъ царицы.

Съ коронаціоннымъ обѣдомъ государя, воспроизводимымъ ниже, интересно сопоставить обѣдъ царицы, изображенный въ рукописи: „Описаніе бракосочетанія царя Михаила Өеодоровича.

Царствованіе Михаила Өеодоровича оставило по себѣ немало памятниковъ и въ Китаѣ-городѣ. Самыми примѣчательными изъ нихъ являются Казанскій соборъ и Знаменскій монастырь. Первый изъ нихъ построенъ былъ княземъ Пожарскимъ и освященъ святѣйшимъ патріархомъ въ 1633 году. Въ немъ поставлена была чудотворная икона Казанской Божіей Матери, сопутствовавшая народному ополченію въ 1612 году. Со времени освященія этого собора, были установлены сюда два крестныхъ хода: 8 іюля и 22 октября.

Въ 1631 году, въ память кончины матери царя, инокини Марөы

Ивановны, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ смутное время и существовавшаго на Варваркѣ со временъ Грознаго двора бояръ Романовыхъ, гдѣ родился Михаилъ Θеодоровичъ, близъ уцѣлѣвшей каменной палаты, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Въ главномъ храмѣ, въ иконостасѣ этого монастыря, находится икона Знаменія Богородицы, передъ которой молился Филаретъ Никитичъ, и серебряная лампада, даръ его супруги. Кромѣ бывшей здѣсь прежде домовой церкви, была построена церковь во имя Аѳанасія Аѳонскаго, ученика и постриженника преподобнаго Михаила Малеина, ангела царя, въ честь коего въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила его мать, былъ выстроенъ особый придѣлъ.

Палаты бояръ Романовыхъ.

Кромѣ этого въ Китаѣ-городѣ выстроены были при Михаилѣ Θеодоровичѣ: сгорѣвшія церкви пророка Иліи на Новгородскомъ подворьѣ (1626 г.) и Николая Чудотворца, „Красный звонъ", и перестроена потерпѣвшая при полякахъ церковь Зачатія св. Анны, что въ углу. Царь бывалъ здѣсь на храмовыхъ праздникахъ, а князь Д. М. Пожарскій, на поминъ своихъ родителей, пожертвовалъ сюда колоколъ. У Варварскихъ воротъ въ 1626 году вновь построена была церковь св. Климента, а храмъ Троицы въ Никитникахъ, деревянный, замѣненъ каменнымъ. Онъ называется и церковью Грузинской Богоматери.

Еще въ 1616 году Михаилъ Θеодоровичъ возстановилъ сгорѣвшій печатный дворъ и въ 1645 на немъ построилъ особую палату,

какъ то значится въ надписи надъ воротами. По описанію Адама Олеарія, въ Китай-городѣ, отъ Василія Блаженнаго, въ это царствованіе шелъ самый большой и лучшій рынокъ, полный по цѣлымъ днямъ торговцевъ и народу. На рынкѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены были лавки и мѣста для торговли всякаго рода товаромъ. Продавцы шелковыхъ и суконныхъ тканей, золототыхъ дѣлъ мастера, сапожники, скорняки, шапочники, сѣдельники, портные и другіе—всѣ

Храмъ Грузинской Богоматери.

имѣли здѣсь свои особые ряды. Въ улицѣ, идущей направо отъ Кремля, находился иконный рядъ, гдѣ вымѣнивались образа.

Далѣе, находится особая площадка, на которой москвичи, подъ открытымъ небомъ, стригутся и бреются. Рынокъ этотъ, называемый вшивымъ, до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ, точно по подушкѣ. Въ этой части города живутъ нѣкоторые изъ бояръ и лучшіе купцы.

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о строительной дѣятельности Михаила Θеодоровича въ Бѣломъ городѣ, Замоскворѣчьѣ, деревянномъ городѣ, или „Скородомѣ", а также въ слободахъ Москвы. Но въ этихъ большихъ концентрическихъ кругахъ, почти сплошь истребленныхъ „разрухой" междуцарствія, работа кипѣла громадная. По описнымъ книгамъ патріаршаго приказа временъ Филарета Никитича, значится уже множество прежде существовавшихъ и новыхъ церквей. Но храмовая исторія Москвы не можетъ съ достаточною точностью указать, что именно возстановлено и что построено здѣсь первымъ царемъ изъ дома Романовыхъ. По свидѣтельству Олеарія, въ это царствованіе во всей Москвѣ было до 2,000 церквей, монастырей и часовенъ.

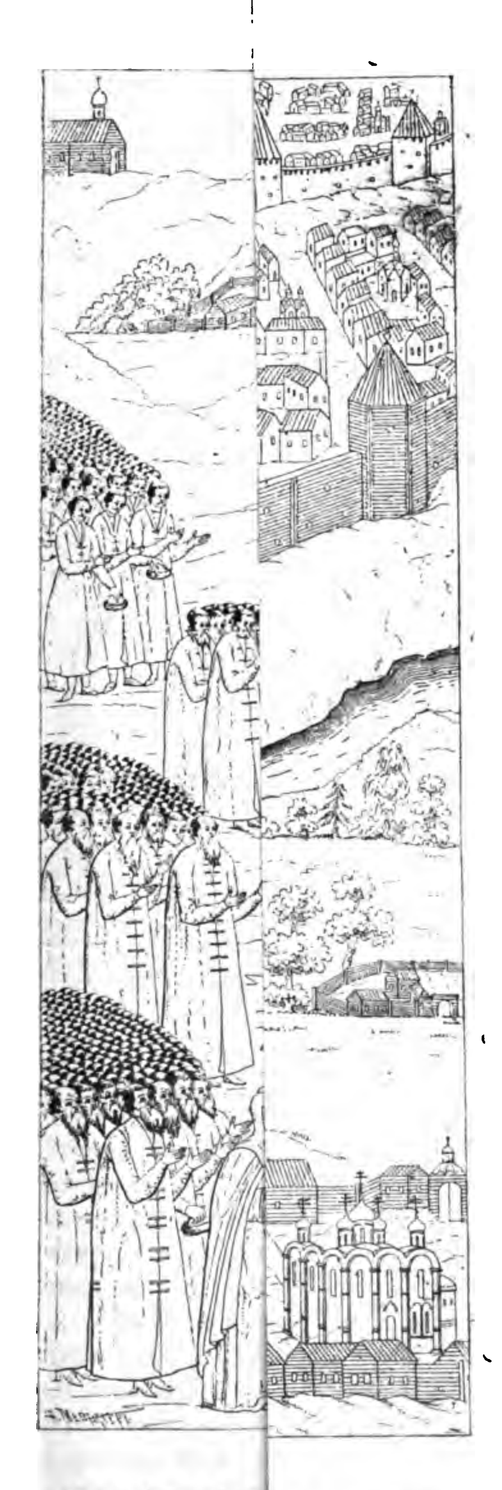
Портреты царей Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ строеній этого времени. Въ Бѣломъ городѣ братъ патріарха Иванъ Никитичъ Романовъ, въ 1625 году, построилъ церковь Знаменія Божіей Матери, существующую теперь, въ качествѣ домовой, при домѣ графа Шереметева; кромѣ того, въ это царствованіе построены церкви: Іоанна Предтечи на Малой Лубянкѣ, Космы и Даміана на Покровкѣ, Николы въ Гнѣздникахъ, Воскресенія на Успенскомъ вражкѣ, въ память встрѣчи съ отцомъ Филаретомъ Никитичемъ, Космы и Даміана на Шубинѣ, Георгія на Красной горкѣ, Петра и Павла у Яузскихъ воротъ.

Печать матери царя Михаила Θеодоровича, инокини Мароы.

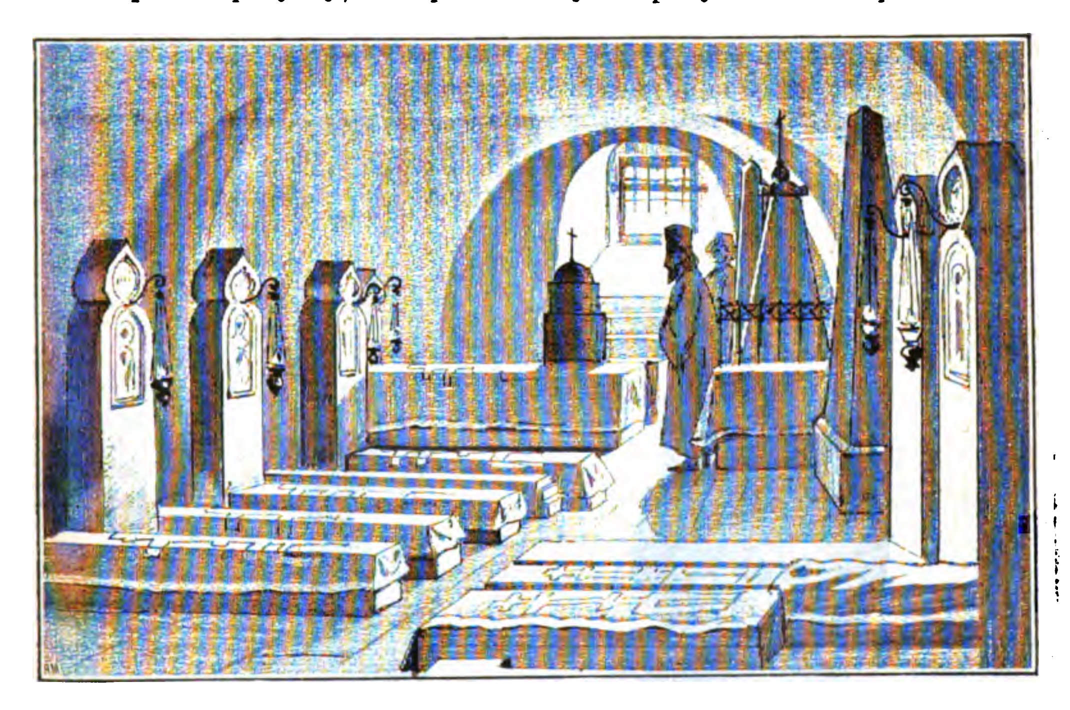
Немало памятниковъ строительной дѣятельности царствованіе это оставило въ Замоскворѣчьѣ, для соединенія коего съ Бѣлымъ городомъ начато было сооруженіе Каменнаго моста, для чего изъ Страсбурга былъ вызванъ (въ 1643) мастеръ Анце Кристлеръ, привезшій съ собою мѣдныя и желѣзныя снасти и инструменты. Сдѣлана была деревянная модель моста, и начаты работы на рѣкѣ, но онѣ были остановлены смертью царя, и сооруженіе было окончено только при Софьѣ Алексѣевнѣ. Многія церкви Замоскворѣчья были возобновлены послѣ раззоренія, а другія построены вновь, какъ, напр., Михаила Архангела, въ Овчинникахъ.

Встрѣча цар Къ стр. 185).

Въ деревянномъ городѣ возобновлено было много старыхъ церквей и немало было построено новыхъ, каковы: Знаменія за Петровскими воротами (каменная, вмѣсто деревянной), Пимена въ Старыхъ Воротникахъ, Іоанна Богослова въ Бронной, Преображенія и Сергія чудотворца въ Пушкаряхъ. Въ селахъ и слободахъ Московскихъ, вошедшихъ затѣмъ въ черту города, Михаилъ Θеодоровичъ тоже построилъ немало храмовъ; такъ, въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ, родовомъ владѣніи бояръ Романовыхъ, гдѣ нынѣ Покровская община, построена была церковь Покрова, въ память отраженія отъ Москвы поляковъ, а также храмъ Введенія въ Семеновскомъ.

По приводимому изъ „Книги объ избраніи Михаила Θеодоровича на царство" рисунку, изображающему встрѣчу его на Прѣснѣ съ

Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

отцомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ, мы можемъ составить себѣ представленіе о „Скородомѣ", или деревянномъ городѣ, откуда вышелъ крестный ходъ: онъ окруженъ валомъ и деревянными стѣнами съ башнями; вдали виденъ и Бѣлый городъ съ его каменными стѣнами, башнями и воротами.

Вообще царствованіе Михаила Θеодоровича, какъ возстановителя первопрестольной столицы, въ высокой степени важно для Москвы. Образованность ея въ это время значительно подвинулась. Филаретъ Никитичъ, владѣвшій образованіемъ (онъ при Грозномъ отъ англичанъ научился по-латыни), заботился о его развитіи: въ Чудовомъ монастырѣ, ранѣе Заиконоспасской академіи, онъ учредилъ славяно-греко-латинскую школу; собиралъ рукописи и книги; поощрялъ ученье; заботился

объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ; довелъ типографское дѣло въ Москвѣ до того, что иностранцы находили, что печатавшіяся тогда у насъ книги не уступаютъ иностраннымъ. Ювелирное дѣло, чеканка монеты (впервые золотой), литье (колоколовъ и пушекъ), живопись и архитектура процвѣтали въ это время въ Москвѣ.

Въ качествѣ памятника XVII вѣка, мы воспроизвели выше находящійся въ Новоспасскомъ монастырѣ портретъ царя Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михайловича и печать матери царя инокини Мароы.

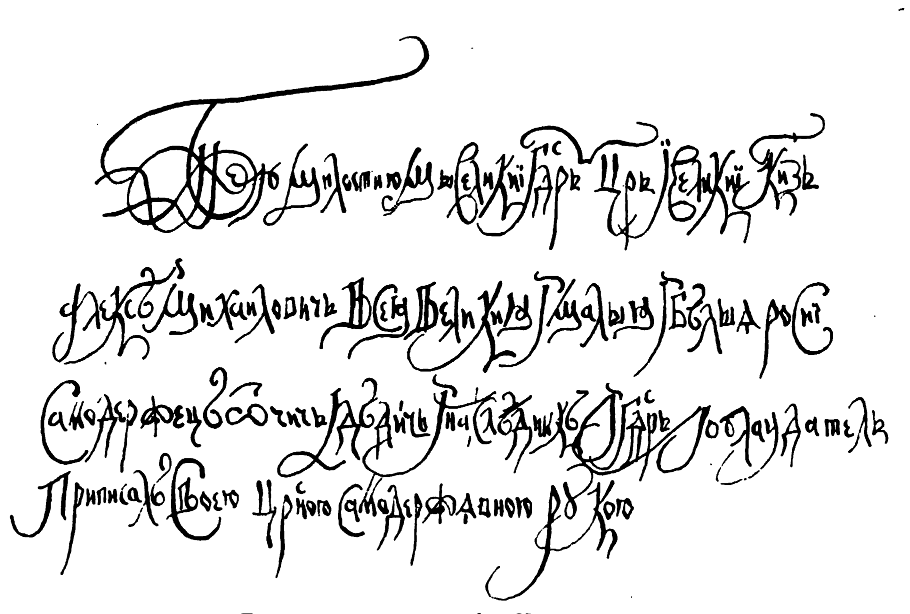
Одинъ изъ нашихъ городовъ собирается воздвигнуть памятникъ царю Алексѣю Михайловичу, какъ своему основателю, но не слѣдуетъ ли Москвѣ подумать о томъ, чтобы поставить достойный памятникъ этому государю, который является не только возсоздателемъ разрушеннаго Русскаго царства, но и возстановителемъ изъ страшныхъ развалинъ самой Москвы? Трудъ его, въ послѣднемъ отношеніи, былъ громаденъ и заслуживаетъ и памяти и памятника.

Братина Михаила.

Стопа Филарета.

Почеркъ царя Алексѣя Михаиловича.

XII.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Прежде, чѣмъ обратиться къ исторіи Москвы, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, мы должны всмотрѣться въ его личность и характеръ, кои отпечатлѣвались на самой Москвѣ, ея бытѣ и даже самой внѣшности.

Шестнадцатилѣтнимъ юношей вступилъ на престолъ этотъ государь и, по самому возрасту своему и душевнымъ свойствамъ, мягкимъ и податливымъ, подчинялся вліянію окружающихъ его, сперва воспитателя своего боярина Морозова, потомъ патріарха Никона и, наконецъ, боярина Матвѣева. Но эти вліянія не исключали въ немъ, особенно въ пору зрѣлости, самостоятельности, которая сказалась и въ его борьбѣ съ своимъ прежде „собиннымъ другомъ" и даже „соправителемъ" и которая сломила этого „великаго государя" и могучаго человѣка. Мягкость характера Алексѣя Михайловича сказывалась въ его благотворительности нищимъ, въ посѣщеніи заключенныхъ въ тюрьмахъ и въ помощи прочимъ страждущимъ, въ его ласковости и, наконецъ, въ данномъ ему народомъ названіи „тишайшаго". Во многихъ его письмахъ отражается его теплое участіе къ людямъ, ихъ горю и нуждѣ. Но, при всемъ этомъ, онъ бывалъ и строгъ къ виновнымъ и, немало лицъ чувствовали на себѣ тяжесть царской опалы. Бывали даже случаи самоличной расправы государя. Такъ, выведенный изъ терпѣнія хвастовствомъ въ бояр-

ской думѣ боярина Милославскаго, Алексѣй Михайловичъ надралъ ему бороду и вытолкалъ его за дверь. Если отрѣшимся отъ мелочныхъ фактовъ, то мы увидимъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ человѣка принципа и сознанной теоріи. Власть свою самодержавную государь ставилъ очень высоко, хотя, какъ и отецъ его, созывалъ земскіе соборы. Въ кругу книгъ, находившихся „на верху" у царя, мы встрѣчаемъ и сочиненія Юрія Крижанича, который, обращаясь къ государю, говорилъ: „въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса,—въ твоихъ рукахъ само-

Царь Алексѣй Михайловичъ.

державіе, — совершенная покорность и послушаніе подданныхъ. Уже давно на свѣтѣ не было такого царя, который имѣлъ бы силу творить такія чудныя дѣла, какія ты можешь легко дѣлать и пріобрѣсти за нихъ у всего славянскаго народа (Крижаничъ былъ провозвѣстникомъ славянскаго единства и врагомъ нѣмцевъ) нескончаемое благословеніе, у другихъ народовъ безсмертную славу, а у Бога, послѣ земного царствованія, царство небесное". Сознавая свое царское величіе, Алексѣй Михайловичъ окружалъ себя необычайнымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Пріемы пословъ, выходы царскіе и торжественные обѣды отличались удивитель-

нымъ великолѣпіемъ. „Дворъ Московскаго государя, писалъ въ то время англичанинъ Карлейль, такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что едва ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который бы превосходилъ въ этомъ Московскаго". Онъ былъ очень начитанъ, писалъ прекраснымъ почеркомъ, образчикъ котораго мы привели выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ была замѣтна склонность къ авторству, что выразилось тѣмъ, что онъ писалъ записки о своихъ походахъ, написалъ уставъ соколиной охоты и въ письмахъ далъ немало картинныхъ описаній разныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., смерти патріарха Іосифа и разныхъ удачъ и неудачъ на охотѣ, особенно съ любимыми имъ соколами и кречетами (при немъ на стрѣлецкихъ знаменахъ часто изображали св. мученика Трифона на конѣ и съ соколомъ въ рукѣ).

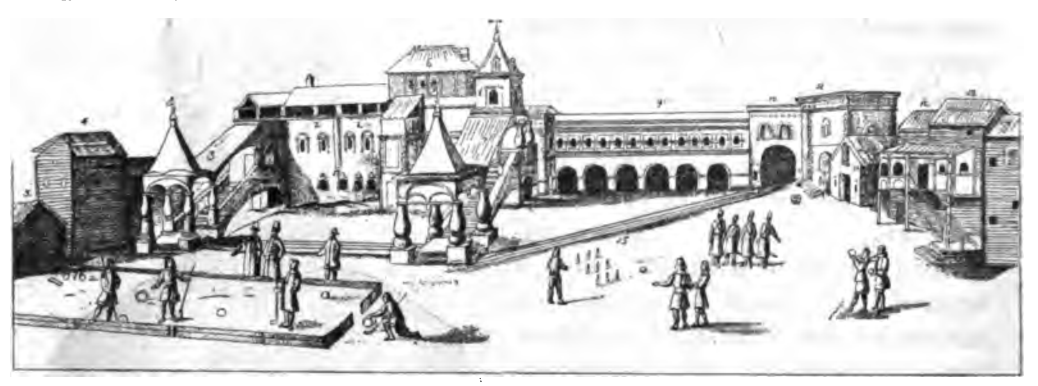
Царица Марія (Милославская).

Онъ не чуждался иностранцевъ и дозволялъ имъ жить въ Москвѣ, но только въ одной Нѣмецкой слободѣ, но, желая пользоваться успѣхами западной образованности, онъ не такъ, какъ его сынъ Петръ I, преклонялся предъ иностранцами. Боясь того, что Крижаничъ называетъ чужебѣсіемъ, онъ предпочиталъ иностранцамъ русскихъ образованныхъ людей, въ родѣ Симеона Полоцкаго, Епифанія Славинецкаго, Өедора Ртищева, Ордина-Нащокина и боярина Матвѣева. Цѣня образованность, Алексѣй Михайловичъ своею набожностью былъ образцомъ царя православнаго: каждый день бывалъ на церковныхъ службахъ и съ необыкновенною строгостью соблюдалъ посты. Въ Великомъ посту обѣ

Выходъ царицы Марьи Ильиничны въ церковь.

далъ только три раза въ недѣлю, а въ остальные дни кушалъ по куску чернаго хлѣба, по соленому грибу и огурцу. Въ домашней жизни своей государь былъ образцовымъ семьяниномъ. Глубоко трудолюбивый, онъ однако не прочь былъ отъ увеселеній и устроилъ „комедійныя храмины“ въ Преображенскомъ и въ Кремлѣ, гдѣ давались представленія, въ родѣ Навуходоносора, царя Вавилонскаго, и Юдиѳи и Олоферна и т. п.

Домъ для чужестранныхъ пословъ.

Наружность его, судя по описанію современниковъ, была такова: онъ былъ бѣлолицъ, румянъ, темнорусъ, имѣлъ красивую окладистую бороду. Тѣлосложенія былъ крѣпкаго и, несмотря на дѣятельную жизнь, былъ склоненъ къ тучности. Воспроизведши изъ „Русской Иконографіи“ покойнаго Ровинскаго портретъ его, мы привели также и портретъ его первой супруги—царицы Маріи (Милославской).

Царствованіе „Тишайшаго“ Алексѣя Михайловича не было для Москвы тихимъ; напротивъ того, оно было по своимъ событіямъ шумнымъ и даже, по временамъ, довольно бурнымъ. Многія посольства изъ разныхъ странъ приходили въ Москву и были принимаемы здѣсь съ выдающимся блескомъ, поражавшимъ иностранцевъ. Воспроизводимъ рисунокъ дома въ Москвѣ, гдѣ останавливались чужестранные послы, какъ онъ представленъ въ „Путешествіи въ Московію“ нѣмецкаго посла барона Мееберга. Въ свою очередь, царь часто отправлялъ русскихъ пословъ въ другія государства, даже въ Испанію, Италію и пограничный съ Сибирью Китай. Видѣла Москва въ это царствованіе и малороссійское посольство отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего казачества, пришедшее бить челомъ, чтобы государь принялъ Малую Русь „подъ свою

Сѣкира Хмельницкаго.

высокую руку“; видѣла также она, какъ царь снаряжалъ на возникшую изъ-за этого присоединенія войну съ Польшей свои рати, какъ напутствовалъ воеводъ своихъ (наказъ имъ положенъ былъ къ иконѣ Владимірской Божіей Матери и оттуда былъ переданъ патріархомъ князю Трубецкому); слышала напутственныя рѣчи царя къ своимъ воинамъ и видѣла, какъ онъ самъ отправился на эту побѣдоносную войну съ Польшей, поручивъ управленіе государствомъ патріарху Никону.

Монета Алексѣя Михаиловича.

Немало однако и смутнаго видѣла Москва въ это царствованіе: и народный бунтъ—противъ Морозова и Милославскихъ, кончившійся смертью Плещеева и дьяка Трахоніатова, и такъ называемый монетный, вызванный вздорожаніемъ всего, вслѣдствіе замѣны серебряной монеты мѣдной, съ принудительнымъ курсомъ первой. Это условливалось тѣмъ, что притокъ изъ-за границы неразрабатывавшагося еще въ Россіи серебра прекратился, такъ какъ англичанамъ была воспрещена безпошлинная торговля; ибо русскіе купцы жаловались на нихъ за то, что они захватили всю торговлю въ свои руки и готовы русскимъ оставить одну только торговлю лаптями.

Но самымъ важнымъ потрясеніемъ этого времени былъ церковный расколъ старообрядства, вызванный исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, которое предпринялъ патріархъ Никонъ. Немало волновало москвичей низложеніе этого „собиннаго друга“ государя, соборный судъ надъ нимъ, въ коемъ участвовали восточные патріархи. Какъ памятникъ этого времени, приводимъ въ настоящемъ очеркѣ портретъ Никона, сдѣланный барономъ Меербергомъ, снимокъ съ почерка патріарха и его гербовую печать. Видѣла также Москва

Портретъ Никона.

эпилогъ страшнаго поволжскаго бунта, въ видѣ казни (четвертованія) Стеньки Разина, испытала нѣсколько сильныхъ пожаровъ и, наконецъ, перенесла тяжелую чуму.

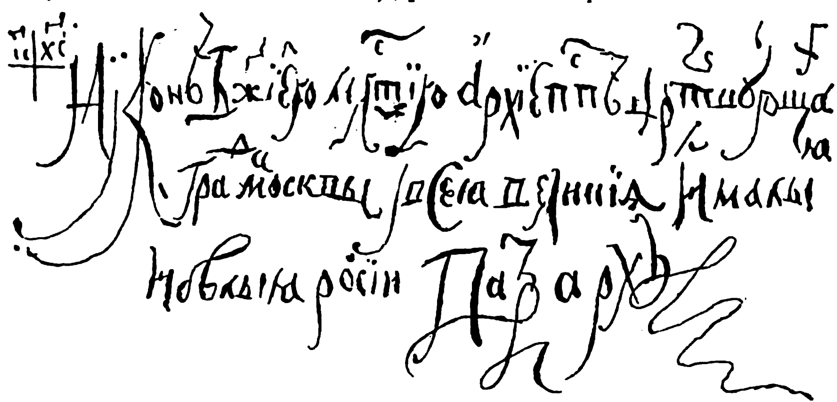
Въ 1654 году, когда царь находился на польской войнѣ, осенью началась въ Москвѣ чума и страшная отъ нея смертность. Царица съ дѣтьми и патріархъ уѣхали въ Калязинъ монастырь. Зараза уничтожила большую часть жителей Москвы. Массы москвичей отъ страха разбѣжались. Въ грамотахъ царю писали, что почти вся Москва вымерла. Въ лавкахъ никто не сидитъ, преступники изъ тюремъ убѣжали, начались грабежи. Кремль былъ запертъ, и оставлена была открытой одна калитка на Боровицкомъ мосту. Множество труповъ валялось не только по домамъ, но и на улицахъ. Гробовъ для покойниковъ не хватало, и ихъ прямо зарывали въ ямы. По списку, сдѣланному царскимъ намѣстникомъ княземъ Пронскимъ, умерло въ одно лѣто 400,800 человѣкъ. Въ Успенскомъ соборѣ остался въ живыхъ одинъ только священникъ. Въ Чудовомъ монастырѣ умерло 182 монаха и осталось въ живыхъ 16. Во время заразы принимались карантинныя мѣры и дезинфекція, въ видѣ окуриванія полынью и можжевельникомъ и сожженія зачумленнаго платья; но все это мало помогало.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, Москва умножила число своихъ святынь. По старанію Никона, 13 октября 1648 года, въ Москву привезена была изъ Цареграда копія съ иконы Иверской Божіей Матери, находящейся на Аѳонѣ, въ Иверскомъ монастырѣ. Встрѣченная царемъ, его семействомъ и патріархомъ Іосифомъ съ духовенствомъ, она сначала была поставлена въ монастырѣ Николая Стараго на Никольской улицѣ, потомъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ 1654 году Алексѣй Михайловичъ отпускалъ икону съ войскомъ въ походъ противъ поляковъ; а въ 1669 году велѣлъ построить для нея часовню въ главныхъ воротахъ Китай-города, потому что на Аѳонѣ икона стоитъ въ монастырскихъ воротахъ и называется „вратарницей".

Въ 1651 году, по совѣту Никона, бывшаго тогда митрополитомъ Новгородскимъ, перенесены были въ Успенскій соборъ гробы: патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря и Іова—изъ Старицы. Въ слѣдующемъ году Никонъ съ княземъ Хованскимъ и Василіемъ Отяевымъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа митрополита. По совѣту Никона, царь написалъ къ этому святителю покаянное посланіе, въ которомъ говорилъ: „молю тебя, святой отецъ, и желаю твоего пришествія сюда, чтобы разрѣшить прегрѣшеніе прадѣда нашего, царя Ивана, совершенное противъ тебя неразсудно, завистію и несдержаніемъ гнѣва..." Митрополитъ Никонъ читалъ эту грамоту предъ ракой святителя въ Соловкахъ.

Царь съ духовенствомъ и дворомъ встрѣтилъ мощи святителя Филиппа въ Неглиненскихъ, или Воскресенскихъ, воротахъ. „Народу, какъ говорилъ самъ царь въ своемъ письмѣ, было такъ много, что онъ не вмѣстился, отъ Тверскихъ воротъ до Неглиненскихъ; и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть; нельзя было ни пройти ни

проѣхать...“ Мощи были принесены на Лобное мѣсто, гдѣ отъ нихъ получила исцѣленіе одна дѣвица; потомъ на площадь противъ Грановитой палаты, гдѣ опять совершилось исцѣленіе, и въ Успенскій соборъ, гдѣ 10 дней онѣ стояли среди церкви, при чемъ уже множество больныхъ получили исцѣленіе. Всѣ эти дни производился звонъ во всей Москвѣ, какъ на святой недѣлѣ; при этомъ митрополитъ Никонъ былъ

Почеркъ патріарха Никона.

избранъ въ патріархи, вмѣсто умершаго Іосифа. Въ память перенесенія мощей царь Алексѣй Михайловичъ построилъ церковь св. Филиппа митрополита, на нынѣшней 2-й Мѣщанской улицѣ.

Гербъ патр. Никона.

Москва, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, представлялась иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, огромнымъ и благоустроеннымъ городомъ, который выдержитъ сравненіе съ любою изъ Западно-европейскихъ столицъ, какъ по количеству своего населенія, такъ и по своимъ огромнымъ размѣрамъ. Что касается до ея живописной и своеобразной панорамы, то иностранцы сильно восхищались въ этомъ отношеніи нашей первопрестольной столицей.

Изъ многихъ описаній внѣшности Москвы въ это царствованіе мы обратимся къ двумъ: къ путешествію въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія, описанному на арабскомъ языкѣ его архидіакономъ Павломъ Алепскимъ, и къ сдѣланному нѣмцемъ, барономъ Мейербергомъ.

Первый изъ нихъ такъ описываетъ наружный видъ ея: „Москва—городъ открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, передъ вами постоянно видъ полей, луговъ и селъ. Городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ, особенно высоко стоитъ Кремлевскій дворецъ. Всякій домъ, съ прилежащимъ къ нему садомъ, заключенъ въ стѣнахъ двора. Вокругъ всего города идетъ тридцативерстный валъ, укрѣпленный деревянными башнями и глубокимъ рвомъ; за нимъ, внутри, на

семь верстъ въ окружности (по линіи нынѣшнихъ бульваровъ), идетъ каменная стѣна, а въ самой срединѣ находится еще Кремль (Китай-городъ опущенъ), построенный изъ кирпича и камня, защищенный глубокимъ рвомъ со стѣнами по краямъ; всѣ амбразуры въ Кремлевской стѣнѣ расположены рядами, другъ надъ другомъ, съ наклономъ ко-внѣ, и построены такъ искусно, что невозможно никому ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться незамѣченнымъ съ какой-либо стороны.

„Противъ водяныхъ воротъ Кремлевскихъ стѣнъ, за рѣкой, находится много садовъ, принадлежащихъ государю, и громадная площадь для ученія конницы, уставленная многими рядами пушекъ. Передъ восточной стороной лежитъ большая площадь (Красная), застроенная ря-

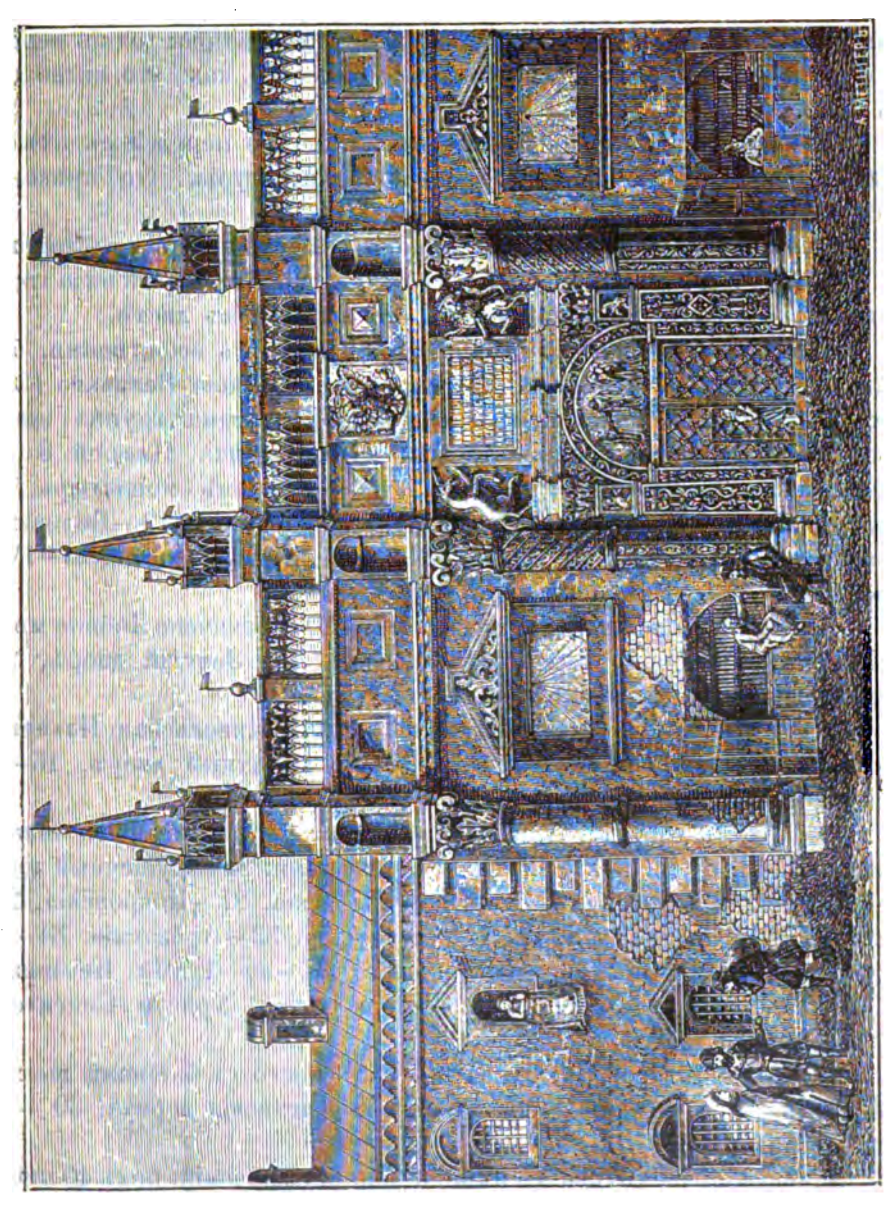

Скитъ патріарха Никона въ Новомъ Іерусалимѣ.

дами лавокъ. Большая часть ихъ построена изъ камня и снабжена желѣзными ставнями и дверями; напротивъ ихъ винные погреба, каменные и кирпичные, которые теплы зимой и холодны лѣтомъ. Между рядами лавокъ есть книжныя лавки, иконныя, лавки для продажи платья, колоколовъ, ладона, посуды и т. д. Въ каждомъ ряду для охраны держатъ собакъ, которыя привязаны на длинныхъ веревкахъ и бѣгаютъ на блокѣ вдоль всего ряда. Дворцы въ Москвѣ очень новы и построены изъ камня и кирпича. Мы съ удивленіемъ любовались на ихъ архитектуру и украшенія, на ихъ прочность, искусное расположеніе частей, множество оконъ и столбовъ на каждой сторонѣ, на высоту ихъ, на громадныя башни и разнообразіе красокъ внутри и внѣ, можно

подумать, что стѣны ихъ обложены плитами настоящаго разноцвѣтнаго мрамора или мелкой мозаикой. Кирпичъ здѣсь очень хорошъ и гладокъ и къ тому же чрезвычайно дешевъ; каменщики высѣкаютъ изъ кирпича фигуры, которыя не отличишь отъ каменныхъ.

„Каждый домъ въ Москвѣ снабженъ большими желѣзными засо-

Печатный дворъ въ XVII столѣтіи.

вами. Двери и ставни дѣлаются изъ прекрасно обдѣланнаго свѣтлаго желѣза. Лѣстницы въ домахъ москвичи строятъ обыкновенно высокія, на четырехъ столбахъ, съ арками. Относительно числа домовъ въ Москвѣ и количества населенія надо сказать, что здѣсь есть дворцы и дома даже за землянымъ валомъ; быть-можетъ, тамъ ихъ болѣе, чѣмъ

внутри города, потому что здѣшнее населеніе очень любитъ поля. Много разъ, когда мы выѣзжали съ нашимъ патріархомъ за городъ, говоритъ Павелъ Алепскій, я замѣчалъ, что отъ монастыря въ Кремлѣ (Св. Ѳеанасія и Кирилла) до землянаго вала нужно ѣхать болѣе часа, а пѣшкомъ, вѣроятно, не пройдешь и полтора; слѣдовательно, длина всего города отъ востока къ западу, по моему счету, равна тремъ часамъ пути. Сельскихъ же домовъ, примыкающихъ къ городу, на разстояніи версты, двухъ, трехъ, даже семи, безчисленное множество, какъ это видно даже изъ самого города".

Особенно поражало иностранцевъ множество церквей съ ихъ высокими колокольнями, очень красивой архитектуры, что придавало Москвѣ чрезвычайно живописный видъ.

Это описаніе Москвы очень хорошо иллюстрируется сдѣланнымъ въ 1661 году барономъ Мейербергомъ планомъ ея, въ формѣ вида города съ птичьяго полета. Воспроизводимъ его на особомъ листѣ.

Здѣсь, подъ буквою А, изображенъ Кремль съ его стѣнами, башнями, церквами и дворцами. За колокольней Ивана Великаго (2, 3), Архангельскимъ и Успенскимъ соборами (4,5) видна группа зданій, составлявшихъ дворецъ царя Алексѣя Михайловича. Цифрой 6 обозначенъ домъ святѣйшаго патріарха, 7 — Чудовъ монастырь, 8— Спасскія ворота, 17—Сытный дворъ, 18—Конюшенный, 19—Боровицкія ворота, 20 - Водоподъемная башня, 22—Набережный теремъ, 23—Государевъ садъ, 30—Тайницкія ворота.

На Красной площади (11) подъ цифрой 10 обозначено Лобное мѣсто, 9—Покровскій соборъ, 12—Торговые ряды, 14—Земскій дворъ, 29—Москворѣцкія ворота и пловучій мостъ.

Въ Китаѣ-городѣ (буква В) видны улицы: Никольская, Ильинка и Варварка, и подъ цифрой 15 обозначенъ печатный дворъ, 16—посольскій дворъ.

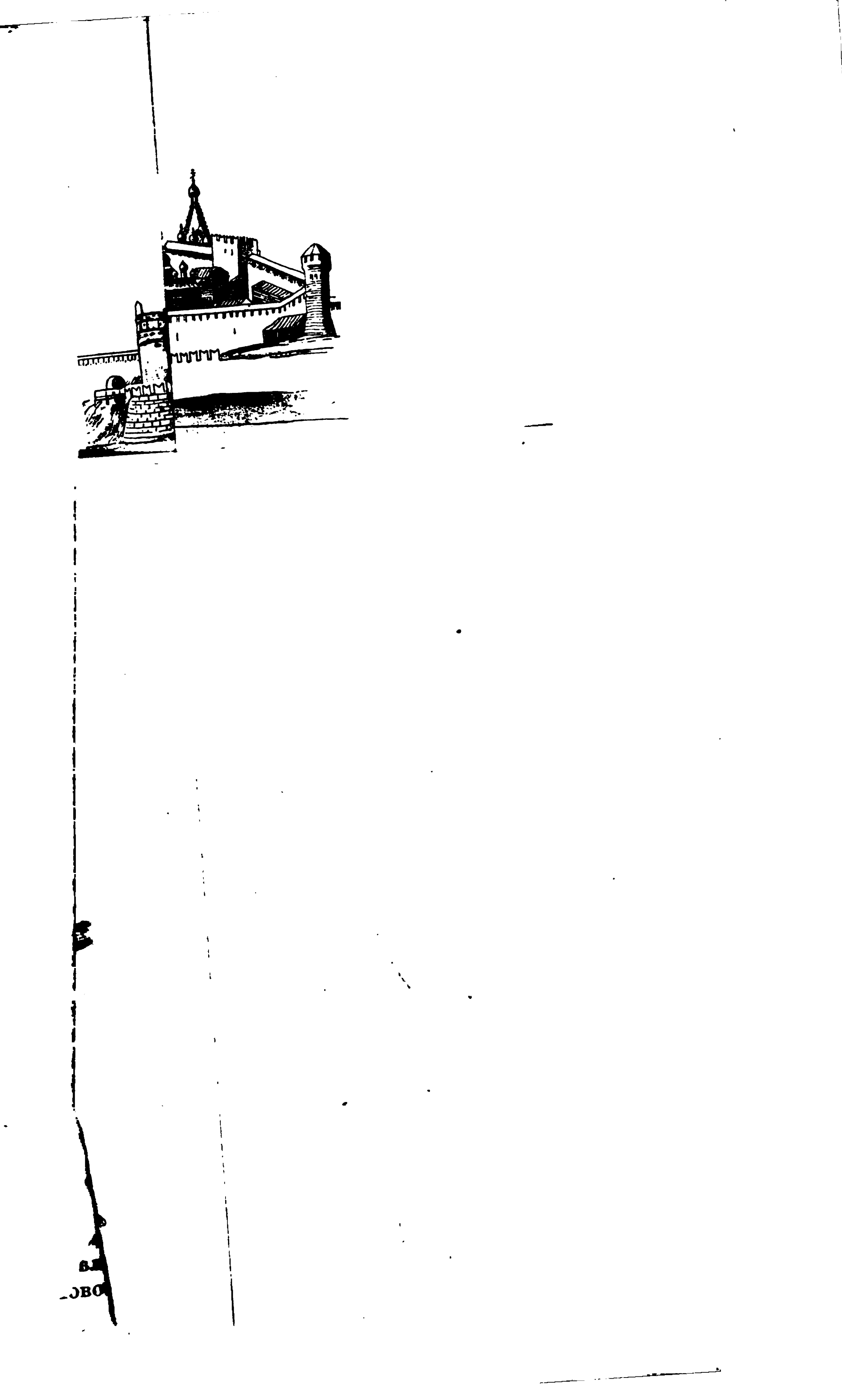
Въ Бѣломъ городѣ (буква С), каменная стѣна котораго шла по линіи нашихъ бульваровъ, видны подъ цифрами: 24—Пушечный дворъ, 25—Срѣтенскія ворота, 26—Вторыя Фроловскія, 27—Покровскія, 28—Яузскія, 32— Чертольскія, или Пречистенскія, 33—Арбатскія, 34—Никольскія, 35—Тверскія, 36—Дмитровскія, 37—на Трубѣ Неглинныя, 44—Алексѣевскій монастырь (гдѣ теперь храмъ Христа Спасителя), 45—Лебединый прудъ.

Въ земляномъ городѣ (буква Д), валъ коего съ башнями шелъ по линіи нынѣшней Садовой, обозначены: 38 Таганскія ворота, 39 — Нѣмецкое кладбище.

Замоскворѣчье (буква Е) имѣетъ мало обозначеній: подъ 40 цифрой поставлены Калужскія ворота, подъ 41—Крымскій дворъ.

Этотъ планъ показываетъ, что Москва времени Алексѣя Михайловича была такою же, какою была до смутнаго времени и выглядѣла на планѣ, составленномъ царевичемъ Ѳедоромъ Борисовичемъ Годуновымъ.

Что касается въ частности вида Кремля, то онъ на приводимомъ

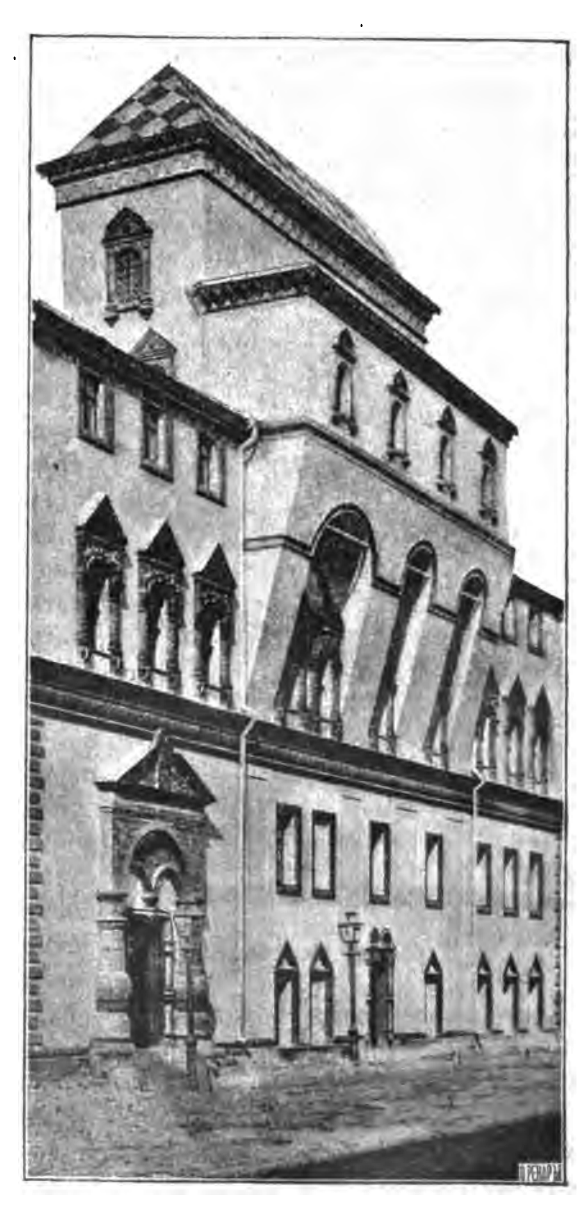

о,

момъ

рисункѣ того же Мейерберга представляется со стороны Москвы-рѣки такимъ: отъ Тайницкой башни, гдѣ находится на Москвѣ-рѣкѣ Іордань, виды: Спасъ на Бору, затѣмъ Срѣтенскій соборъ и разныя дворцовыя зданія, Иванъ Великій съ соборами. Дальше, вправо отъ нихъ, идутъ разныя зданія и, вѣроятно, приказы (въ углу рисунка, ближе къ Спасской башнѣ).

Строительная дѣятельность царя Алексѣя Михайловича уступала, въ количественномъ отношеніи, строительству его отца Михаила Ѳеодоровича, которому пришлось возстановлять Москву, послѣ ея раззоренія въ смутное время. Но и при этомъ его преемникъ оставилъ въ своей столицѣ не малостроительныхъ слѣдовъ.

Потѣшный дворецъ.

Начнемъ съ Кремля и дворцовъ. Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ построилъ себѣ новыя „потѣшныя хоромы“, которыя строилъ дворцовый плотникъ Васька Романовъ; здѣсь давались театральныя представленія. Въ 1660 году была возобновлена палата, въ коей помѣщался аптекарскій приказъ. Послѣ передѣлки въ ней оконъ, дверей и сводовъ, знаменщикъ (живописецъ) писалъ въ ней стѣнное письмо. Она находилась близь церкви Рождества Богородицы. Въ 1661 году, вмѣсто старой столовой избы, государь выстроилъ новую и великолѣпно украсилъ ее рѣзьбой, золоченьемъ и живописью, въ новомъ заморскомъ вкусѣ, по вымыслу инженера и полковника Густава Дикенпина. При этомъ работали, вмѣстѣ съ русскими мастерами, и иноземные, вызванные изъ Польши и причисленные къ Оружейной палатѣ, которая сдѣлалась учрежденіемъ и художественнымъ и ремесленнымъ. Широкое новоселье царь справилъ въ новыхъ хоромахъ, 1 апрѣля 1662 года, въ ца-

рицыны именины. Украшена была живописью и новая столовая царевича Алексѣя Алексѣевича, построенная въ 1667 году. Въ 1674 году построены были новыя постельныя хоромы; плафоны ихъ были расписаны притчами пророковъ Моисея и Іоны и Эсѳири. Въ 1663 году, Никита Шурутинъ починивалъ въ верху у государя церковь Спаса Нерукотвореннаго и трапезу въ ней дѣлалъ наново. Такъ какъ Алексѣй Михайловичъ жилъ въ теремахъ, то храмъ этотъ для двора замѣнилъ соборы Спасопреображенскій, Срѣтенскій и Благовѣщенскій. Около того времени произведены были передѣлки въ теремномъ зданіи, а въ 1670 году верхняя его площадка, находившаяся между царскими покоями и церковью Спаса, была украшена мѣдною вызолоченною рѣшеткой, запиравшею лѣстницу съ постельнаго крыльца. Эта прекрасная рѣшетка сохранилась донынѣ и была перелита изъ тѣхъ мѣдныхъ денегъ, кои замѣняли серебряныя и вызвали столько смутъ. Зданіе это состоитъ изъ пяти этажей. Нижніе служили мастерскими палатами, третій помѣщалъ царскихъ дѣтей, въ четвертомъ жилъ самъ государь, а самый верхній представлялъ одну только палату, вокругъ которой сдѣлана открытая площадка, съ коей видна вся панорама Москвы. Въ царскихъ покояхъ изъ сѣней мы входимъ въ столовую горницу, расписанную живописью и орнаментами, по стѣнамъ и сводамъ, съ изразчатой печью превосходной ценинной работы; за трапезной слѣдуетъ соборная, или думная, палата, потомъ престольная, служившая кабинетомъ царя; затѣмъ опочивальня съ кроватью его и старинным глазетовымъ пологомъ и, наконецъ, моленная комната съ цѣлымъ иконостасомъ образовъ и крестовъ. Воспроизводимъ крыльцо Теремнаго дворца, какъ изящный памятникъ зодчества того времени. Общій же видъ теремнаго дворца мы воспроизвели въ началѣ нашей книги.

Теремной дворецъ.

Честь—быть жилищемъ царя—теремной дворецъ при Алексѣѣ Михайловичѣ дѣлилъ со дворцомъ Коломенскимъ, этимъ прелестнымъ и самобытнымъ созданіемъ русскаго зодчества, въ XVII столѣтіи. Расположенное на высокомъ берегу Москвы-рѣки, съ громадной панорамой поемныхъ луговъ, Коломенское село было любимой дачей Русскихъ царей, начиная съ Іоанна Грознаго. Но никто изъ нихъ не потрудился столько для устроенія здѣсь ухиченной и изящной усадьбы, какъ „тишайшій“ Алексѣй Михайловичъ. Въ окрестностяхъ Коломенскаго царь этотъ особенно любилъ тѣшиться „красною охотой соколиною“. Одно изъ урочищъ села Коломенскаго до сихъ поръ называется Кречетовымъ.

Въ 1649 году, онъ построилъ тамъ новыя хоромы и церковь, которыя ставилъ дворцовыхъ плотниковъ староста Смирной-Ивановъ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ въ 1657 году царь велитъ ставить здѣсь

Коломенскій дворецъ.

еще новыя хоромы. Проходитъ еще десять, и строится новый еще болѣе обширный дворецъ, для всего многочисленнаго царскаго семейства. Строили его русскіе мастера — плотничій староста Сенька Пе-

тровъ и стрѣлецъ Ивашка Михайловъ. Дерево, въ особенности дубъ, привозили сюда издалека; для затѣйливой рѣзьбы изъ Новаго Іерусалима привозили „мастерскія книги по рѣзному дѣлу“, принадлежавшія патріарху Никону; котельные мастера дѣлали крыши съ прихотливыми гребнями и подзорами. Золото для золоченья выписывалось изъ-за границы. Внутренность палатъ украшалась „добрымъ письмомъ“, подъ наблюденіемъ знаменитаго живописца—Симона Ушакова, который расписывалъ Грановитую палату, и Богдана Салтыкова. Самъ царь нерѣдко ходилъ смотрѣть за работами.

Со своими оригинально сведенными чешуйчатыми крышами, изящными башенками, удивительными крыльцами, причудливыми окнами, рѣзными узорочными подзорами, разноцвѣтной раскраской и позолотой, это произведеніе русскаго искусства производило чарующее впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на иностранцевъ. Блистая золотомъ, пестрѣя красками, представляя самыя прихотливыя сочетанія архитектурныхъ линій, постройки Коломенскаго дворца показались Рейтенфельсу „игрушкой, только-что вынутой изъ ящика“. Симеонъ Полоцкій, очарованный видомъ дворца, писалъ:

Седмь дивныхъ вещей древній міръ читаше,
Осьмый дивъ—сей домъ—время имать наше.

Польскіе послы, восхищаясь этимъ дворцомъ, говорили русскимъ людямъ, что здѣсь „мѣсто зѣло весело: хорошо видѣть далече поля, всю Москву—монастыри и рѣку, подъ самымъ дворцомъ текущую... Сѣнокосы едва окомъ презрѣти мочно, по которымъ, егда разольется рѣка, множество птицъ, которымъ Царское Величество тѣшится, и соколовъ на птицъ пускаетъ...“

Всю жизнь свою царь украшалъ любимое Коломенское и оберегалъ его отъ пожаровъ, на случай коихъ было приготовлено здѣсь пять металлическихъ пожарныхъ трубъ. Въ 1673 году, часовой мастеръ Оружейной палаты Петръ Высоцкій устроилъ для этого дворца рыкающихъ и движущихся (при помощи особой механики) львовъ, а на дворцовую башню часы.

Великій грѣхъ лежитъ на XVIII вѣкѣ, преклонявшемся предъ Западомъ, за то, что онъ не только допустилъ до разрушенія этотъ памятникъ самобытной русской культуры, но и не дождавшись постепеннаго разрушенія, разрушилъ его, по причинѣ ветхости. Выше мы воспроизводимъ коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича съ рѣдкой гравюры, сдѣланной за годъ до сломки.

Существуй этотъ дворецъ до нашего времени, сколько бы плодотворныхъ мотивовъ давалъ онъ для дальнѣйшаго развитія на Руси архитектуры, рѣзьбы, орнаментаціи, живописи и т. п.

Кромѣ Коломенскаго, царь Алексѣй Михайловичъ заботился и объ обстройкѣ своихъ подмосковныхъ селъ—Измайлова и Преображенскаго. Точно также немало заботъ было посвящаемо и многочисленнымъ Кремлевскимъ садамъ: нижнему, верхнему, аптекарскому и внутреннимъ, собственно дворцовымъ. Давались царскіе указы „дохтору“, а не

простому садовнику, чтобы въ этихъ садахъ были разные цвѣты; строились въ нихъ бесѣдки и другія украшенія, ставились тамъ клѣтки съ соловьями и другими птицами.

Въ это царствованіе патріархъ Никонъ построилъ для себя новыя великолѣпныя патріаршія палаты, среди коихъ отличалась своими украшеніями Крестовая палата, со времени императрицы Екатерины II, обращенная въ мvроварную. Окружавшій себя необычайнымъ великолѣпіемъ Никонъ неоднократно принималъ въ своемъ домѣ царя Алексѣя Михайловича.

Москва, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ своихъ трехъ концентрическихъ кругахъ: въ Кремлѣ съ Китай-городомъ, въ Бѣломъ городѣ и, наконецъ, въ Земляномъ городѣ съ Замоскворѣчьемъ, достигаетъ окончательнаго своего развитія. Даже процессъ образованія пригородныхъ слободъ, которыя послѣ Петра I замкнулись въ еще болѣе широкій поясъ Камеръ-коллежскаго вала, въ это время почти окончился.

Въ этомъ уже послѣднемъ поясѣ мы въ разсматриваемое время отмѣчаемъ присоединеніе къ древнимъ слободамъ—Сущевской, Напрудной, Кречетниковской и т. д. еще слѣдующихъ: Пушкарской, Новоротниковской, Мѣщанской и Нѣмецкой слободъ. По указу царя, стрѣльцы-пушкари помѣщены были изъ разныхъ мѣстъ въ одно, близъ церкви св. Сергія, которая стала съ этого времени называться „въ Пушкаряхъ“. Здѣсь находился литейно-пушечный заводъ, а также и колокольный. Въ районѣ нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицъ, близъ Напрудной слободы, въ такъ называемой Троицкой слободѣ, по царскому указу, поселены были мѣщане. Завѣдывавшіе воротами воротники были перемѣщены отъ церкви св. Пимена, близъ Малой Дмитровки, въ Сущево, гдѣ они построили храмъ св. Пимена, въ Новыхъ Воротникахъ.

До царя Алексѣя Михайловича иностранцы селились близъ Спаса въ Наливкахъ и въ другихъ мѣстахъ, но, по повелѣнію государя, для иностранцевъ (офицеровъ и техниковъ разнаго рода), отведено было на Яузѣ особое мѣсто, которое стало называться Нѣмецкою слободою, сыгравшею столь важную роль, въ годы молодости Петра I. Здѣсь построены были кирки и костелы, и возникъ центръ новыхъ вѣяній, кои при Петрѣ I привели къ огромному перевороту въ исторіи Москвы и и всей Россіи, къ цѣлому ряду преобразованій, по западнымъ образцамъ.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому послѣднему предмету, мы должны еще разъ вглядѣться въ личность, бытъ отца преобразователя Россіи, въ то старое, чего онъ держался, и въ то новое, что при немъ зачинается въ Москвѣ.

Кротостью своего характера, склонностью подчиняться вліянію окружающихъ и глубокою набожностью онъ похожъ былъ на своего родителя. Но онъ отличался отъ него большей подвижностью, что выражалось его личнымъ участіемъ въ первой польской войнѣ и весьма

частыми поѣздками на охоту. Онъ превзошелъ страстью къ ней Василія III и Іоанна Грознаго. По его приказанію, въ интересахъ охоты, во дворцѣ веденъ былъ дневникъ погоды. Самъ государь, съ задоромъ истиннаго охотника, описываетъ въ письмахъ свои охотничьи удачи. Какъ увлекался онъ поэзіей охоты, видно изъ его собственноручныхъ писемъ къ ловчему А. И. Матюшкину. Въ одномъ изъ нихъ онъ описываетъ, какъ, раннею весною 1657 года (10 апрѣля), поѣхалъ онъ „отвѣдывать птицу на добычахъ и между Сущевымъ и Напруднымъ наѣхалъ прыскъ (мѣсто, залитое вешней водой); тамъ были утки, многіе шилохвосты, свіязи и чирята. Пустили на нихъ одного сокола; онъ высоко взмылъ, но не спустился. Пустили другого Дикомыта; онъ добылъ, къ радости охотника, хорошую добычу и потѣшилъ всѣхъ хорошимъ летомъ“.

Въ другомъ письмѣ царь выражаетъ радость, что улетѣвшаго сокола поймали около Рязани, и пишетъ: „я теперь кладуся на васъ во всемъ, какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ, и вы меня не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепороть; а если убережете, и васъ милостиво пожалую, и сокольниковъ тоже“.

Царь засвидѣтельствовалъ свою любовь къ соколиной охотѣ составленіемъ устава, или „Урядника сокольничьяго пути“. Здѣсь онъ называетъ ее „красною и славною птичьею охотой“, ибо „красносмотрителенъ и радостенъ высокаго сокола летъ“. Поощряя служилыхъ людей къ ней, онъ собственноручно приписываетъ слѣдующій „прилогъ“: „дѣлу время, потѣхѣ часъ“. Посолъ германскаго императора баронъ Мейербергъ, желая снискать царское расположеніе, всячески выказывалъ свой интересъ къ этой охотѣ. Царь, награждая его за это своимъ вниманіемъ, посылалъ къ нему своихъ сокольниковъ, съ лучшими кречетами и другими ловчими птицами. Этотъ дипломатъ даже снялъ съ любимаго государева кречета портретъ и приложилъ его къ описанію своего путешествія въ Москву.

Но, предаваясь охотничьей потѣхѣ, государь прилежно занимался государственными дѣлами; онъ высоко ставилъ свою Царскую самодержавную власть и оберегалъ ее отъ всякихъ посягательствъ на нее, хотя бы они шли отъ „собиннаго друга“ и патріарха всѣхъ сѣверныхъ странъ, какимъ былъ Никонъ. Государь всея Руси, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ ея собирателей, присоединивъ отъ Польши къ Москвѣ Малую Русь. Своимъ законодательствомъ („Соборнымъ уложеніемъ“— подлинникъ его въ видѣ столбцовъ хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), онъ продвинулъ впередъ русское право вообще, и въ особенности государственное, оградивъ Царское Величество не только отъ возстанія на него и неповиновенія, но и отъ малѣйшаго его оскорбленія. На Москву свою онъ смотрѣлъ, какъ на новый Цареградъ, и былъ очень радъ помѣстить въ первопрестольномъ соборѣ икону Влахернской Богоматери, которая считалась покровительницею второго Рима. Относительно блеска своей обстановки, онъ для Восточной

Европы былъ тѣмъ же, чѣмъ для Западной былъ Людвигъ XIV. Ни одинъ изъ государей не окружалъ себя такимъ величавымъ этикетомъ и такой ослѣпительной роскошью, какъ Алексѣй Михайловичъ. Это условливалось не однимъ только накопленіемъ царскихъ сокровищъ въ Москвѣ, но и самыми воззрѣніями и чувствованіями государя. Онъ внесъ живую мысль и искреннее настроеніе въ тѣ величавые и роскошные обряды царскихъ выходовъ, пріемовъ пословъ и церковныхъ празднествъ, кои, будучи совершаемы безъ подобающаго одушевленія, обращаются въ блестящій формализмъ.

Въ этомъ, какъ и въ семейной жизни, государь былъ вѣренъ завѣтамъ и уставамъ своихъ царственныхъ предшественниковъ. Государь былъ любящимъ супругомъ и примѣрнымъ отцомъ своей семьи. Мы привели уже портретъ первой его супруги царицы Маріи (Милославской). Воспроизводимъ портретъ и второй супруги его Натальи Кириловны (Нарышкиной). Она, по словамъ одного иностранца (Рейтенфельса), была блестящей красоты, стройная станомъ, съ челомъ возвышеннымъ, плѣняла звонкою сладостною рѣчью.

Царица Наталья Кирилловна.

Алексѣй Михайловичъ много заботился объ обученіи не только своихъ сыновей, но и дочерей, коимъ въ учителя далъ ученаго Симеона Полоцкаго. Въ новый (1 сентября) 1674 годъ онъ объявилъ старшаго сына, 13-лѣтняго царевича Ѳеодора, своимъ наслѣдникомъ. „Дѣйство (церковно-государственный обрядъ)“ происходило на Красной площади, въ присутствіи двора, духовенства, народа и иноземцевъ. При этомъ царевичъ поздравлялъ отца и патріарха съ Новымъ годомъ и говорилъ рѣчь. Царевича показывали въ этотъ день въ Архангельскомъ соборѣ иностраннымъ посламъ и находившимся въ Москвѣ малороссіянамъ (сыновьямъ гетмана Самойловича).

За два года передъ тѣмъ, 30-го мая 1672 года, родился царевичъ Петръ. Народъ въ своей пѣсни такъ сказывалъ объ этомъ событіи:

Какъ свѣтелъ, радостенъ въ Москвѣ
Благовѣрный государь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына, царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора на землѣ...

Раннимъ утромъ колокола Кремля и Москвы разнесли повсюду вѣсть объ этомъ событіи, и царь-отецъ уже въ 5 часовъ утра былъ на благодарномъ молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ и ходилъ къ Михаилу Архангелу и въ Вознесенскій и Чудовъ монастыри. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ—возвелъ въ окольничьи отца царицы Кирилла Нарышкина и ея воспитателя Матвѣева. Во дворцѣ въ этотъ день угощали бояръ и думныхъ людей и другихъ поздравителей водкой, фряжскими винами и плодами, а 1 го іюля былъ обѣдъ для бояръ въ царицыной палатѣ. 29-го іюня, въ Чудовомъ монастырѣ происходило крещеніе младенца; крестнымъ отцомъ былъ братъ царевича Θеодоръ, а крестной матерью тетка, царевна Ирина Михайловна. На слѣдующій день былъ крестильный столъ въ Грановитой палатѣ. Такъ встрѣченъ былъ въ Москвѣ на зарѣ своей жизни Петръ I...

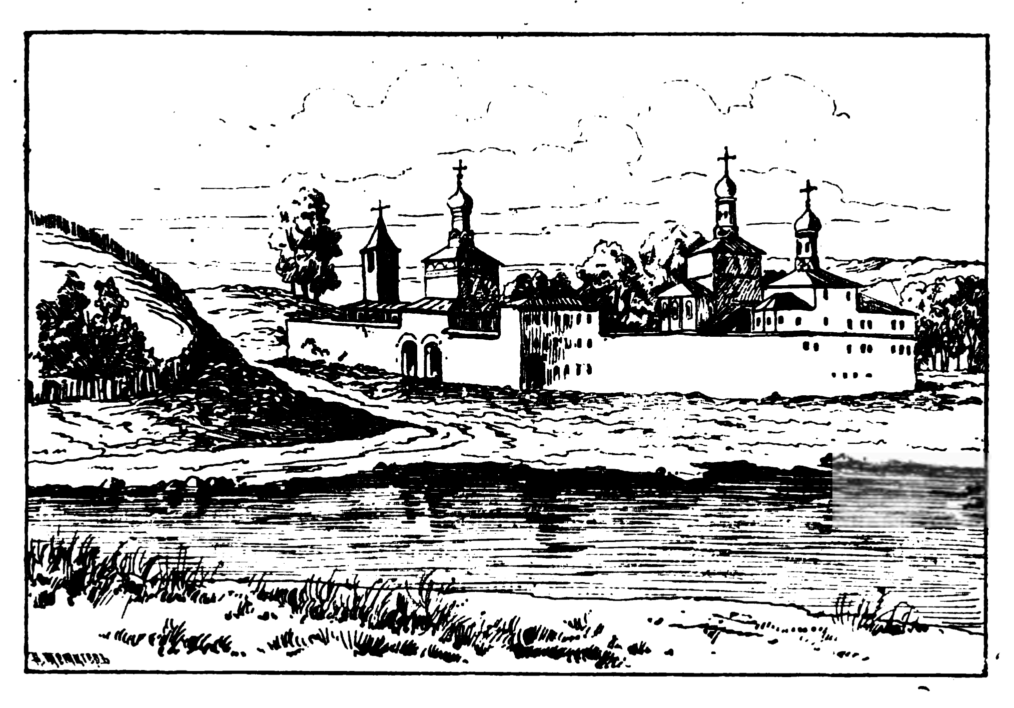
Медаль на рожденіе царевича Петра.

Царь Алексѣй Михайловичъ еще съ пятилѣтняго возраста началъ учиться грамотѣ. Съ этого времени, кромѣ разныхъ игрушекъ и музыкальныхъ инструментовъ, дѣдушка его Филаретъ Никитичъ и бояре стали дарить ему книги, а отецъ приставилъ къ нему въ учителя дьяка Василія Прокофьева, который прилежно училъ его чтенію, письму и даже церковному пѣнію. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, ученье его заключалось въ чтеніи книгъ св. писанія и церковнаго богослуженія. При живыхъ способностяхъ и любознательности царственнаго ученика, учебные годы не пропали для него даромъ. Разнообразнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ образованными людьми, онъ всю жизнь свою пополнялъ свои познанія. По смерти своего отца, онъ замѣтно выдавался изъ ряда своихъ современниковъ своимъ умомъ и интересомъ къ образованію. Молодой государь не только писалъ отличнымъ, какъ мы видѣли, почеркомъ, но и имѣлъ склонность къ писательству. Онъ любилъ писать длинныя письма, выражавшія способность живо подмѣтить и картинно передавать свои мысли и чувства. Не мало осталось отъ него записокъ, замѣтокъ и даже описаній походовъ, московскихъ событій и даже случаевъ на охотѣ и т. д. Государь любилъ и устно говорить рѣчи, какъ, напримѣръ: при отпускѣ воеводъ въ походъ и при другихъ торжествен-

ныхъ случаяхъ. Даже въ одномъ письмѣ его къ Ромодановскому мы видимъ опытъ царя писать стихами...

Царь сочувствовалъ развитію на Руси образованія и ея сношеніямъ съ государствами Запада, начиная съ Франціи и Германіи, и Востока, кончая Китаемъ и Индіей, и не чуждался перемѣнъ и нововведеній.

Нечего и говорить о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ не могъ быть сторонникомъ того умственнаго застоя, который выразился въ расколѣ, въ протопопѣ Аввакумѣ и имъ подобныхъ, и готовъ былъ содѣйствовать насажденію въ Россіи школъ и разнымъ нововведеній, поддерживалъ и приближалъ къ себѣ лицъ такого же направленія.

Андреевскій монастырь.

Представителями ихъ являются патріархъ Никонъ, Ѳ. М. Ртищевъ, А. Л. Ординъ-Нащокинъ и А. С. Матвѣевъ. Предъ этими русскими людьми открывались два пути образованія: одинъ греко-славянскій, вѣрный началамъ православія, другой путь — западный, проложенный въ чуждомъ намъ католическомъ и протестантскомъ мірѣ.

Западъ пережилъ уже къ этому времени эпохи открытій и изобрѣтеній, возрожденія наукъ и искусствъ и реформаціи. Ко времени Алексѣя Михайловича, Италія, напр., выставила уже не только предтечъ возрожденія, какими были Данте, Петрарка и Боккачіо, и великихъ художниковъ возрожденія, какими являются Рафаэль, Микель Анджело, Леонардо да-Винчи, такихъ представителей науки, какъ Макіавели и Галилей; Германія—Эразма и Рейхлина, Корпеника и Кеплера; Фран-

ція—Декарта и Рабле, и тамъ начался славный вѣкъ Людовика XIV, съ Корнелемъ, Расиномъ, Мольеромъ и друг.; Англія уже имѣла Шекспира, Бэкона, Мильтона, Ньютона и др.

Но русскіе люди, въ силу историческихъ условій, отдѣленные отъ общей жизни Запада, опасливо относились къ западно-европейской образованности, какъ основанной на католическомъ и протестантскомъ инославіи. Однакожъ потребность въ образованіи чувствовали самъ царь и тѣ люди, коихъ онъ приближалъ къ себѣ; но всѣ боялись учиться у людей Запада, какъ у инославныхъ. Предпочтеніе оказывалось грекамъ и западно-русскимъ ученымъ, усвоившимъ западно-европейскую образованность, потому что тѣ и другіе были православными и не могли стирать особенностей въ вѣрованіяхъ, воззрѣніяхъ и обычаяхъ русскихъ людей. Только нѣкоторые обращались къ полякамъ и западнымъ славянамъ, неправославнымъ. Патріархъ Никонъ входитъ въ сношенія съ греческими патріархами и посылаетъ на Востокъ за древними греческими и славянскими рукописями Арсенія Суханова.

Съ разрѣшенія государя и по благословенію патріарха, Ѳ. М. Ртищевъ вызвалъ изъ Малороссіи нѣсколькихъ ученыхъ людей, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Эти люди, сначала составившіе ученое общество въ Андреевскомъ монастырѣ и затѣмъ переведенные въ Чудовъ монастырь, въ основанную тамъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ славяно-греческую школу, и привлеченные къ дѣлу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, старались проводить у насъ „ясные лучи греческаго ученія, чтобы разсѣять тьму мрачнаго невѣдѣнія“. Но они шли противъ латинской образованности, которая взяла верхъ даже въ Кіевѣ, въ тамошней академіи Петра Могилы, такъ какъ она, по ихъ мнѣнію, вела къ сближенію съ католичествомъ. Это греко-славянское образованіе поддерживали патріархъ и духовенство. Такого же рода ученіе преподавалось и въ основанной при типографіи школѣ, которую вели греки Тимоѳей и Мануилъ.

Другое образованіе, возникшее въ Москвѣ въ это время, было латинскаго характера. Оно насаждено было западно-русскимъ ученымъ Симеономъ Полоцкимъ, который основалъ школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ учились подъячіе изъ приказа тайныхъ дѣлъ. Этотъ ученый сдѣлался воспитателемъ царскихъ дѣтей: царевичей Алексѣя и Ѳеодора и царевны Софьи, основалъ новую типографію на верху у государя и, будучи сторонникомъ латинскаго образованія, шелъ противъ представителей греческаго у насъ образованія. Онъ былъ не чуждъ латинскихъ мнѣній въ дѣлѣ вѣры, писалъ свѣтскіе стихи и сочинялъ театральныя пьесы.

Но были люди, кои хотѣли еще болѣе западнаго образованія. Таковъ замѣчательный дипломатъ и начальникъ посольскаго приказа (царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель) А. Л. Ординъ-Нащокинъ. Онъ зналъ не только латинскій языкъ, но и нѣмецкій языкъ, сближался съ иностранцами, завелъ у насъ заграничную почту и рукописную газету „Куранты“, сообщавшія о за-

падно-европейскихъ событіяхъ, далъ при посредствѣ поляковъ хорошее образованіе своему сыну, который, впрочемъ, наслушавшись много о Западѣ, бѣжалъ за границу. Въ домѣ своемъ онъ держался иноземныхъ обычаевъ. Но западничество не пустило однако слишкомъ глубокихъ корней въ этого новаго человѣка: онъ окончилъ свою жизнь инокомъ...

Другой начальникъ посольскаго приказа и также любимецъ Алексѣя Михайловича, А. С. Матвѣевъ, женился на иностранкѣ изъ Нѣмецкой слободы, родомъ шотландкѣ, присоединенной однако къ православію. Онъ также сочувствовалъ западной наукѣ и искусству и завелъ у себя дома западную обстановку, устраивалъ у себя собранія, на коихъ бывали и женщины, недержавшіяся прежняго затворничества.

Царская печать.

Эти элементы отразились и на нашей литературѣ и даже начали вліять на нравы въ Москвѣ.

Памятниками этого являются произведенія свѣтскаго характера. Е. Славинецкій, по просьбѣ Ртищева, составилъ греко-славяно-латинскій лексиконъ. Въ 1653 году въ Москвѣ была напечатана славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго. Для исторіи Русской царствованіе Алексѣя Михайловича не осталось безплоднымъ.

Кромѣ сдѣлавшихся уже обычными у насъ лѣтописныхъ сводовъ (Никоновской, Воскресенской и др.), укажемъ на слѣдующее. Въ посольскомъ приказѣ, по приказанію боярина Матвѣева, была составлена „Государственная Большая книга“, представляющая Русскую исторію съ портретами государей и патріарховъ. Въ томъ же посольскомъ приказѣ и при томъ же Матвѣевѣ была составлена „Книга объ избраніи на царство Михаила Θеодоровича“. Она, по указанію этого начальника приказа и самого царя Алексѣя Михайловича, была писана подьячимъ Иваномъ Верещагинымъ. Для иллюстрацій ея былъ вытребованъ отъ князя Василія Васильевича Голицына изъ Пушкарскаго приказа иконописецъ Иванъ Максимовъ, который и нарисовалъ 21 листъ рисунковъ, относящихся къ этой коронаціи и къ поставленію въ патріархи Филарета Никитича. Не лишено интереса для Русской исторіи и сочиненіе Катошихина: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Этотъ эмигрантъ-подьячій очень критически относится къ московскому боярству, но все же въ его сочиненіи немало правдиваго, напр. что „многіе изъ бояръ грамотѣ неученые и нестудированные“. Юрій Крижаничъ, родомъ хорватъ, переселившійся къ намъ, чтобы послужить своей

ученостью одноплеменному народу, самому могущественному между славянами, написалъ сочиненіе: „Русское государство во второй половинѣ XVII вѣка". Это сочиненіе трактуетъ о народномъ богатствѣ, о силѣ государства, преимущественно военной и, наконецъ, о мудрости, преимущественно политической. Онъ выставлялъ необходимость для Россіи науки и школъ и коритъ нѣмцевъ за то, что они держали славянъ въ невѣжествѣ. Но, желая для Россіи образованія, Крижаничъ доказываетъ, что для нея необходимо самостоятельное національное развитіе. Привязанность къ иностранцамъ, „чужебѣсіе", онъ считаетъ величайшимъ бѣдствіемъ для русскихъ и всѣхъ славянъ. Въ эпиграфѣ къ своей книгѣ онъ говоритъ: „хочу вытѣснить всѣхъ инородныхъ мастеровъ и ратниковъ и поднимаю всѣхъ днѣпрянъ, поляковъ, сербовъ и кто только есть славянскаго рода за одно ратовать со мною". Крижаничъ предлагаетъ крѣпкій союзъ со своими одноплеменниками. Славянскіе народы, утратившіе политическую самостоятельность, должны возвратить свою „слободину". Нѣмцы притѣсненіями довели большую часть славянъ до такого отчаянія, что послѣдніе стыдятся своего рода и языка; многіе изъ нихъ скрываютъ свое славянское происхожденіе и выдаютъ себя за людей иного народа. Кому же предлежитъ великій подвигъ освобожденія славянъ? „На тебѣ одномъ, пресвѣтлый царь, попеченіе о всемъ славянскомъ народѣ,—говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу. — Ты, какъ отецъ, долженъ нести заботу и чинить промыселъ о разсыпанныхъ дѣтяхъ, да соберешь ихъ воедино. Ты одинъ поставленъ отъ Бога, да начнутъ они промышлять о просвѣщеніи и о сверженіи нѣмецкаго ига". Крижаничъ является антагонистомъ всѣхъ инородцевъ, среди единоплеменныхъ славянъ. Въ славянской странѣ, говоритъ онъ, куда наплывутъ нѣмцы, по наружности, явится много лучшаго; но это лучшее будетъ служить только для пользы тѣхъ же нѣмцевъ, а славяне станутъ у нихъ рабочею силою. Обезьяническое перениманіе чуждой образованности мало можетъ содѣйствовать самобытному развитію народнаго творчества. Защищая славянскую самобытность, Крижаничъ является убѣжденнымъ сторонникомъ принципа Царскаго самодержавія. Превосходство его, по мнѣнію Крижанича, видно изъ того, что Самодержавный государь можетъ лучше всѣхъ исправлять пороки и дурные обычаи своего государства. При этомъ онъ указываетъ на безурядицы Польши, гдѣ нѣтъ

Печать Алексѣя Михайловича.

единства и крѣпости власти, гдѣ столько маленькихъ королей, сколько пановъ.

Болѣе вліятельнымъ распространителемъ у насъ образованности является западно-русскій ученый Симеонъ Полоцкій. Онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей, придворнымъ проповѣдникомъ и поэтомъ. Онъ въ самомъ дворцѣ устроилъ новую (вторую въ Москвѣ) типографію. Въ одной изъ проповѣдей своихъ на Рождество Христово,отъ лица вселенскихъ патріарховъ, съѣхавшихся тогда въ Москву, онъ обращается къ царю съ моленіемъ заводить училища греческія и славянскія и другія, умножать число учащихся, отыскивать благоискусныхъ учителей и всѣхъ „честьми поощрять на трудолюбіе". Онъ написалъ чрезвычайно много различныхъ сочиненій, не только духовнаго содержанія, но и свѣтскаго и притомъ въ стихотворной формѣ. Кромѣ псалтыря, онъ излагалъ въ стихахъ предметы не религіознаго характера, такъ, напр.: его „Риѳмологіонъ" содержитъ въ себѣ стихи разнообразнаго содержанія: похвальные, поздравительные, элегическіе, драматическіе. Здѣсь помѣщены: праздничныя привѣтствія царю и царицѣ отъ имени царевича Ѳеодора Алексѣевича; „Орелъ Россійскій"—обширная похвала царю Алексѣю Михайловичу, утѣшительное посланіе къ нему по кончинѣ его первой супруги и поздравленіе со вторымъ бракомъ и двѣнадцать драматизированныхъ плачей, по кончинѣ этого царя. Наконецъ, не смотря на свой монашескій санъ, Симеонъ написалъ для театра драматическія пьесы: „О блудномъ сынѣ" и „Царѣ Навуходоносорѣ". Направленіе Полоцкаго было латинскаго характера, и онъ, и его ученики не убереглись отъ нѣкоторыхъ католическихъ мнѣній, вызывало неудовольствіе въ представителѣ греческаго у насъ образованія Епифаніи Славинецкомъ и патріархѣ.

Чисто же католическая и протестантская образованность въ православныхъ людяхъ возбуждала большія опасенія. Отсюда можно было, по понятіямъ того времени, заимствовать только одни техническія усовершенствованія. Но наши крайніе западники, чтобы выше поставить реформы Петра I, преувеличенно рисуютъ отсталость допетровской Руси въ дѣлѣ техническомъ, хотя это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

При Алексѣѣ Михайловичѣ процвѣтали многіе прежніе виды промысловъ, какъ то: ювелирное дѣло (золотое и серебряное), литейное, строительное. Но онъ особыя заботы прилагалъ къ развитію у насъ металическаго производства. При немъ добывалась мѣдь близь Соликамска и продавалась по 4 р. съ полтиною за пудъ. Въ концѣ этого царствованія, еще была найдена мѣдная руда близъ Олонеца и на Мезени. Обработка желѣза производилась близь Тулы и Каширы. Самый большой желѣзный заводъ находился близь первой и принадлежалъ Марселису. Другой,—на рѣкѣ Протвѣ, находился въ завѣдываніи Акемы. На заводахъ выдѣлывалось полосовое, листовое и прутовое желѣзо, якори, гвозди, мельничные снаряды, ставни, ступы, ядра и даже пушки. Сибирскимъ удальцамъ, отправлявшимся для открытія новыхъ земель, давался приказъ высматривать, нѣтъ ли гдѣ золотой и серебряной руды,

слюды и драгоцѣнныхъ камней. Въ селѣ Измайловѣ царь завелъ стеклянный заводъ, посуда коего славилась и во время Петра I и представляетъ не мало прекрасныхъ образцовъ въ нашей Оружейной палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названное село сдѣлалось образцовой сельскохозяйственной фермой, гдѣ уже примѣнялись разныя земледѣльческія машины. Примѣчательно, что эти машины устраивали не иностранцы, а русскіе мастера. Однѣ машины молотили хлѣбъ силой воды, другія—колесами безъ воды. Кромѣ того, Алексѣй Михайловичъ завелъ въ этомъ селѣ ботаническій, аптекарскій и другіе сады; въ нихъ акклиматизировались иноземныя фруктовыя деревья, имѣлись виноградники и даже шелководство.

Особенное вниманіе обращалъ царь на начавшееся еще при Михаилѣ Өеодоровичѣ устройство войскъ, по иностраннымъ образцамъ. Вмѣсто наемныхъ полковъ изъ иностранцевъ, Алексѣй Михайловичъ сталъ заводить такіе же изъ русскихъ людей. Изъ служилыхъ людей онъ набиралъ конницу, полки рейтарскіе и драгунскіе. Они были обучаемы иноземцами, носившими чины полковниковъ, полуполковниковъ, майоровъ и ротмистровъ. Въ 1649 году, царь начинаетъ заводить солдатскіе пѣхотные полки. Они раздѣлялись на роты и были вооружены мушкетами и саблями. Петръ I въ своихъ солдатскихъ полкахъ только продолжалъ начатое его отцомъ. Не ограничиваясь этимъ, Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ попытки завести и русскій флотъ. Въ 1662 году Московскій посолъ, проѣзжая въ Англію чрезъ Курляндію, много говорилъ тамъ, нельзя ли въ Курляндскихъ гаваняхъ завести намъ корабли. Курляндскій канцлеръ отвѣчалъ, что великому государю пристойнѣе заводить корабли у своего города Архангельска. Ординъ-Нащокинъ, управляя Ливоніей, завелъ флотилію на Западной Двинѣ, уничтоженную Кардисскимъ договоромъ. Но Алексѣй Михайловичъ не опускалъ рукъ отъ этихъ неудачъ и въ 1667 году издалъ указъ „въ селѣ Дѣдиновѣ, на Окѣ (въ Зарайскомъ уѣздѣ), строить корабли для посылокъ изъ Астрахани на Хвалынское (Каспійское) море и то корабельное дѣло вѣдать боярину Ордину-Нащокину“. Въ этомъ году нанятъ былъ въ Голландіи Давыдъ Бутлеръ „служити Царскому Величеству на морѣ Хвалынскомъ капитаномъ и кормщикомъ—генераломъ. Бутлеръ бывалъ во многихъ краяхъ свѣта и разумѣетъ многіе индѣйскіе языки и торги, и извычаи индѣйскіе, и небесное теченіе и какъ

Воевода.

водится моремъ кораблямъ ходить". Въ Дѣдиновѣ построенъ былъ первый русскій корабль, за 9.000 руб. (100 тысячъ по нынѣшнему курсу), и названъ былъ „Орломъ". Но этотъ родоначальникъ Русскаго флота былъ сожженъ Стенькой Разинымъ.

Даже въ сферахъ установившихся на Руси искусствъ, начинаютъ замѣчаться различныя нововведенія. Такъ, напр., въ зодчествѣ появляются новые способы рѣзьбы. Вмѣсто русской рѣзьбы, по одной только поверхности дерева, появляется фигурная нѣмецкая работа, во вкусѣ рококо. Самые столярные инструменты вачинаютъ носить нѣмецкія названія; появляются шерхебли, гзымзубли, нашляхтебли и проч. Окрѣпшая уже и развившаяся русская живопись проявляетъ нѣчто новое. Для плафонной живописи выписываются мастера изъ Польши. У природныхъ же русскихъ живописцевъ измѣняется пошибъ. Лучшимъ представителемъ нашей иконописи временъ царя Алексѣя Михайловича является царскій иконописецъ Ушаковъ, стремившійся къ ея усовершенствованію. Онъ писалъ въ двоякомъ стилѣ: въ собственно такъ называемомъ иконописномъ и во фряжскомъ и соединялъ въ своихъ произведеніяхъ византійское преданіе съ усовершенствованною на Западѣ техникою. Но его стремленіе усовершенствовать иконопись въ правильности рисунка, въ перспективѣ и ландшафтѣ, въ живомъ колоритѣ не только не противорѣчитъ роднымъ преданіямъ этого искусства, но и вполнѣ съ нимъ согласуется. До насъ дошли его превосходныя иконы, по грудь, въ медальонахъ, въ церкви Троицы, въ Никитникахъ, изображающія Іисуса Христа въ святительскомъ облаченіи, Діонисія Ареопагита, Григорія Нисскаго, Амвросія Медіоланскаго и другихъ и Нерукотвореннаго Спаса.

Въ самыхъ обычаяхъ высшаго класса въ Москвѣ зачинаются нововведенія. Въ домахъ бояръ появляется заграничная мебель, часы, картины, даже статуи, и, наконецъ, русскіе люди начинаютъ курить табакъ и даже одѣваться въ иноземное платье. Но противъ этого вооружались не только старообрядцы, но и такіе люди, кои были въ своемъ родѣ передовыми, какъ напр., патріархъ Никонъ. Подъ вліяніемъ Матвѣева и другихъ сторонниковъ иноземныхъ обычаевъ, новшества начинаютъ проникать въ самый дворецъ. Эти нововведенія поддерживаетъ и молодая царица Наталья Кирилловна, являвшаяся народу открыто въ своей каретѣ. Въ разрядныхъ записяхъ мы находимъ любопытное описаніе одного вечерняго кушанья у великаго государя, въ Потѣшныхъ хоромахъ (Потѣшный дворецъ). Перечисливъ, кто изъ бояръ приглашенъ былъ къ этому кушанью (въ ихъ числѣ духовникъ царскій—протопопъ Андрей Савиновичъ), запись говоритъ, что „послѣ кушанья государь изволилъ тѣшить себя великими игры: и въ органы играли (нѣмчинъ) и въ сурну, и въ трубы трубили и по накрамъ (бубнамъ) и литаврамъ били во-вся. Да жаловалъ великій государь своего духовника, бояръ и дьяковъ думныхъ водками и ренскими и руманеей и всякими разными питьи; и пожаловалъ ихъ своею государскою милостью: напоилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ..." Подъ вліяніемъ

Матвѣева, который завелъ у себя домашній театръ, построили сперва въ Преображенскомъ, а потомъ и въ Кремлѣ комедійную храмину. И то тамъ, то здѣсь государь съ царицей, царевичами и царевнами, подъ звукъ фіолей и другихъ „страментовъ" смотритъ дѣйства (драмы), взятыя изъ Библіи (Юдиѳь и Олоферпъ, Аманъ и Мардохей и проч.), или изъ миѳологіи (Орфей). Здѣсь на сценѣ играютъ, а иногда и танцуютъ актеры или изъ нѣмцевъ или изъ дворовыхъ боярина Матвѣева. Во главѣ труппы и оркестра стоятъ иноземцы Нѣмецкой слободы Яганъ Готфридъ, Грегори, Рингуберъ, органистъ Симонъ Гутовскій и другіе.

Но, не смотря на всѣ эти нововведенія, попрежнему сохранялись всѣ національныя основы царскаго быта, всѣ его торжественные религіозные обряды и даже мелкіе обычаи, до выслушиванія отъ верховыхъ старцевъ былинъ и преданій. Уваженіе царя къ русскому быту сказалось всенароднымъ указомъ, отъ 6 августа 1674 г.: „Князя Андрея Княжъ Михайлова сына Кольцова-Мосальскаго изъ стряпчихъ записать по жилецкому списку за то, что онъ на головѣ волосы у себя подстригъ. А стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ указалъ великій государь свой государевъ указъ сказать, чтобъ они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не подстригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людямъ своимъ потому-жъ носить не велѣли. А будетъ кто впредь учнетъ волосы подстригать и платья носить съ иноземнаго образца, и такое-жъ платье объявится на людѣхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины". Замѣчательный указъ этотъ былъ однимъ изъ послѣднихъ распоряженій царя Алексѣя Михайловича.

Московскіе франты XVII столѣтія.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, возстановивъ раззоренные въ смутное время кремлевскіе храмы, оставилъ уже немного заботъ о нихъ своему преемнику; и царь Алексѣй Михайловичъ, по отношенію къ первымъ, является не столько храмоздателемъ, сколько вкладчикомъ.

Въ первопрестольномъ Успенскомъ соборѣ этотъ государь оставилъ по себѣ память слѣдующимъ. Въ придѣлъ апостоловъ Петра и Павла Алексѣй Михайловичъ поставилъ замѣчательную по древности и сдѣланную изъ особаго рода мастики икону Влахернской Божіей Матери. Она была нѣкогда покровительницей Цареграда и привезена была оттуда въ даръ государю. Въ 1653 году царь принесъ въ даръ Успен-

скому собору серебряное въ 2 пуда блюдо и при немъ ведро, съ коимъ онъ самъ ходилъ на Іордань и зачерпалъ имъ только-что освященную воду. Его же пожертвованіе—великолѣпныя золотыя, украшенныя жемчугомъ священнослужительскія облаченія и пелена къ Владимірской Богоматери, „на поминъ родителей". Царица Наталья Кирилловна пожертвовала громадное евангеліе, оправленное массивнымъ золотомъ и разнообразными драгоцѣнными камнями. При Императрицѣ Екатеринѣ II, оно было оцѣнено въ два милліона рублей. Своякъ государя, по первой его супругѣ, бояринъ Морозовъ, пожертвовалъ къ Успенію огромное паникадило въ 60 пуд. серебра, висѣвшее посрединѣ собора до 1812 года. Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перенести изъ церкви Рождества Богородицы въ Успенскій соборъ царицыно мѣсто и поставить его противъ лѣваго клироса. Оно рѣзное изъ дерева, вызолочено, и верхъ его на четырехъ углахъ увѣнчанъ двуглавыми орлами. Никонъ въ это время поновилъ патріаршее мѣсто.

Тронъ царя Алексѣя Михаиловича.

Архангельскій, Благовѣщенскій и другіе соборы Кремля получали также, какъ и придворные храмы, разные болѣе или менѣе цѣнные вклады набожнаго царя Алексѣя Михайловича. Изъ дворцовыхъ храмовъ особенной заботой его пользовалась церковь Екатерины великомученицы, „у царицы на сѣняхъ", гдѣ въ это время былъ устроенъ придѣлъ въ память матери царя (Евдокіи Лукьяновны); здѣсь царицы брали молитву, послѣ родовъ, и причащались постомъ. Въ церкви Распятія надъ жертвенникомъ находится икона, на коей изображены св Константинъ и Елена, а также Алексѣй Михайловичъ, его супруга Марья Ильинишна и патріархъ Никонъ.

„Тишайшій царь" не оставилъ безъ вниманія и колокольню Ивана Великаго. Находившаяся при немъ звонница съ громаднымъ колоколомъ Годунова сгорѣла, и самый колоколъ разбился. Царь приказалъ воспользоваться его осколками и отлить новый. Баронъ Мейербергъ, видѣвшій его, въ 1661 году, говорилъ, что онъ былъ вылитъ русскимъ литейщикомъ, 24 лѣтъ, вѣситъ 8,000 пудовъ и поставленъ былъ на новой звоницѣ. Въ пожаръ 1701 года, онъ разбился, но, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, былъ вылитъ снова и сдѣлался слѣдовательно отцомъ царя-колокола; къ осколкамъ этого произведенія XVII вѣка прибавлено было еще 2,000 пудовъ мѣди. Въ память царя Алексѣя

Михайловича сдѣлано было на царь-колоколѣ его изображеніе рядомъ съ изображеніемъ названной императрицы. Чудовская обитель св. Алексѣя митрополита, гдѣ воспріялъ крещеніе Алексѣй Михаиловичъ, и Вознесенскій монастырь, гдѣ онъ самъ хоронилъ свою первую супругу и дочерей, пользовались вкладами этого государя. Въ Вознесенскомъ монастырѣ и до сихъ поръ сохраняется большая серебряная водосвятная чаша, даръ царя.

Заботясь о храмахъ и дворцахъ, государь подъ конецъ своего царствованія обратилъ вниманіе и на приказы. Къ 1670 году кремлевскія палаты разныхъ приказовъ „обветшали гораздо и порушились во многихъ мѣстахъ; сидѣть въ нихъ было опасно". Поэтому приказы съ ихъ дѣлами были переведены изъ Кремля въ Китай и Бѣлый городъ и размѣщены тамъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ 1675 году, каменный (строительный) приказъ началъ постройку новыхъ приказовъ въ Кремлѣ, по горѣ, начиная отъ Архангельскаго собора къ Спасскимъ воротамъ. По чертежу, который былъ присланъ изъ посольскаго приказа; предполагалось выстроить: Разрядъ, Посольскій приказъ съ четвертьми, Большую казну, Помѣстный и Стрѣлецкій приказы и Казанскій дворецъ. Денегъ на постройку исчислено было 24,806 руб., 3 алтына, 5 денегъ. Но эти стройки были исполнены уже при Θеодорѣ Алексѣевичѣ.

Не мало хлопотъ доставлялъ ему и Китай городъ. Въ заботѣ о благообразіи Красной площади было повелѣно сломать и убрать разсѣянные на ней и ея перекресткахъ торговые шалаши и скамьи и было предписано „всякими товары торговать въ рядѣхъ, въ которыхъ коимъ указано и гдѣ кому даны мѣста". По Соборному Уложенію, оптовая торговля должна производиться только въ Гостинномъ ряду (между Ильинкой и Варваркой), а „въ рознь товаровъ тамъ не продавать". Розничная торговля была исключительно рядскою. Алексѣй Михайловичъ далъ указъ, чтобы гостинный дворъ и ряды не торговали въ субботу, какъ станутъ звонить къ вечернѣ, и въ воскресенье, до окончанія литургіи.

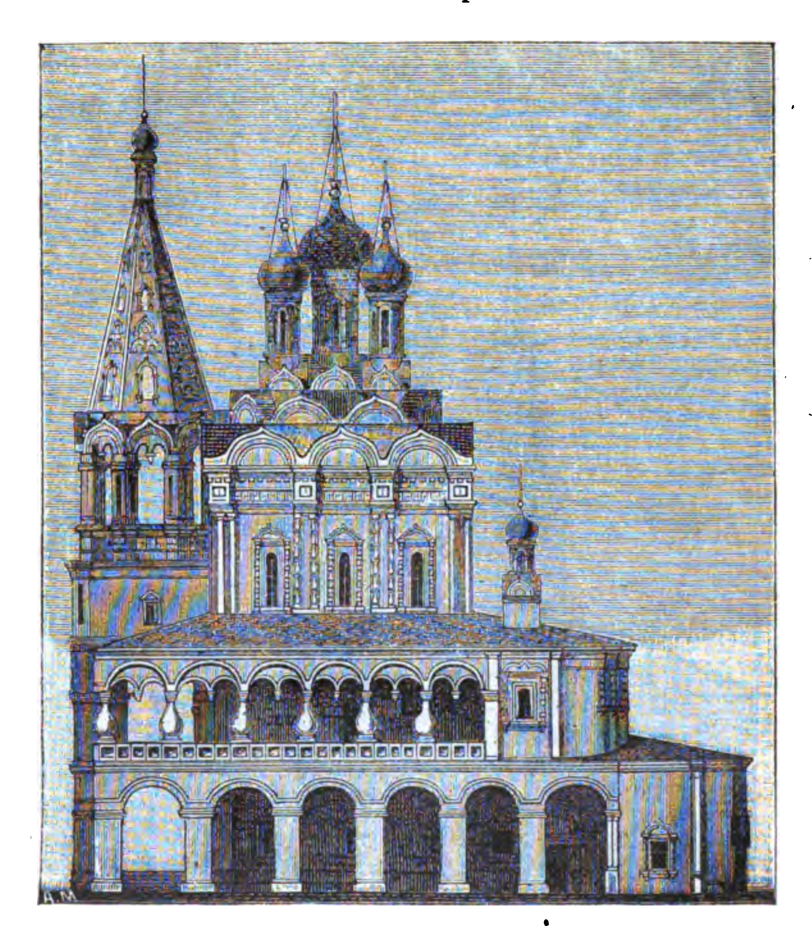

Воскресенскія ворота.

У Неглиненскихъ (Воскресенскихъ воротъ) государь построилъ часовню для Иверской Божіей Матери. Въ Казанскомъ соборѣ онъ оставилъ по себѣ память вкладами. Въ Покровскомъ—постройкой новыхъ придѣловъ. Въ Богоявленскомъ монастырѣ, благодаря пожертвованію боярыней Рѣпниной земли, выходившей на Никольскую улицу, построены существующія и теперь ворота съ храмомъ Іоанна Предтечи. Въ Заиконоспасскомъ монастырѣ построена была двухъ-этажная соборная церковь, освященная въ 1661 году. Здѣсь въ 1666 году поселенъ былъ западно-русскій ученый Симеонъ Полоцкій, и построено было за счетъ государя зданіе для него и учениковъ,

которыхъ онъ долженъ былъ учить „полатынямъ". Начали учиться здѣсь молодые подъячіе изъ приказа тайныхъ дѣлъ. Изъ этой школы возникла знаменитая славяно-греко-латинская академія. Въ 1653 году Алексѣй Михайловичъ дозволилъ въ Никольскомъ (Аѳонскомъ) монастырѣ совершать богослуженіе на греческомъ языкѣ.

Въ опустошительный пожаръ 1668 года, сильно пострадалъ Знаменскій монастырь. Царь и его родственники на свой счетъ возобновили его. Не только были возстановлены старинныя Романовскія палаты, но

Храмъ св. Николая на Столпахъ.

и были построены вновь другія зданія и, вмѣсто прежней деревянной ограды, была возведена каменная. Сложена была новая церковь Знаменія, а подъ нею теплая во имя Аѳанасія Аѳонскаго. Постройки продолжались и по смерти Алексѣя Михайловича.

Изъ приходскихъ церквей Китай-города много заботъ этотъ государь посвятилъ Зачатію св. Анны, что въ углу. Здѣсь, по случаю рожденія дочери, онъ построилъ придѣлъ во имя св. Екатерины, а въ 1668 году, по случаю пожара, возобновилъ и украсилъ всю церковь. Вообще царь любилъ эту церковь и въ праздники съ своимъ се-

мействомъ слушалъ здѣсь литургію, которую совершалъ патріархъ. Рядомъ съ этимъ храмомъ въ 1664 году построена была церковь св. Николая, существовавшая до конца прошлаго столѣтія. Въ 1657 году бояриномъ Салтыковымъ построена была церковь Троицы на Полянхъ, гдѣ раньше была церковь св. Георгія.

Не мало памятниковъ это царствованіе оставило и въ стѣнахъ Бѣлаго города. Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году приказалъ принести въ Москву чудотворную икону Страстной Богоматери изъ вотчины князя Лыкова, въ Нижегородской области (Палицы), и, встрѣтивъ ее съ

Церковь въ селѣ Останкинѣ.

крестнымъ ходомъ, приказалъ построить для нея Страстной монастырь съ двухъ-этажнымъ въ немъ храмомъ.

Изъ приходскихъ храмовъ Бѣлаго города особенно хорошо былъ обстроенъ въ это царствованіе основанный еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ храмъ св. Николая на Столпахъ, гдѣ былъ домъ боярина Матвѣева, гдѣ жила Наталья Кирилловна Нарышкина и гдѣ послѣ похороненъ былъ убитый стрѣльцами Матвѣевъ. Храмъ двухъ-этажный. Надъ нижнею церковью сдѣлана галлерея, кровля коей поддерживается каменными столбами на подобіе кувшиновъ. Рисунокъ этого храма воспроизведенъ на предшествующей страницѣ.

Въ 1650 году, на Лубянкѣ, на мѣстѣ старой церкви Софіи-Премудрости, построена была новая и освящена патріархомъ Никономъ. Въ 1657 году, у Мясницкихъ воротъ построена была церковь Флора и Лавра. Въ 1649 году близъ Покровскихъ воротъ построена была церковь Троицы на Грязяхъ, какъ значится на одномъ изъ крестовъ, находящихся въ церкви. Въ Охотномъ ряду въ 1667 году, построенъ храмъ преподобной Парасковіи-Пятницы. Въ 1647 году, Григоріемъ Горихвостовымъ поставлено было, на Успенскомъ Вражкѣ, Успеніе Богоматери. На Большой Дмитровкѣ въ 1652 году—Преподобн. Сергія.

Храмъ въ селѣ Тайнинскомъ.

Въ стѣнахъ Земляного города были построены слѣдующіе храмы: въ 1656 году Св. Николая на Берсеновкѣ; въ 1650 году, деревянная церковь Троицы на Листахъ замѣнена каменной, которую достраивали стрѣльцы, усмирявшіе бунтъ Стеньки Разина; въ 1653 г.—Георгія Побѣдоносца въ Яндовѣ; въ 1649 году—Петра и Павла на Якиманкѣ; въ 1660 году—Казанской Богоматери тамъ же; въ 1652 году—Харитонія въ Огородникахъ; въ 1676 году—Апостола Іакова въ Казенной; въ 1647 году—Введенія въ Барашахъ, въ 1653 году Благовѣщенія на Воронцовомъ полѣ (взамѣнъ старой); въ 1657 году—Косьмы и Даміана

въ Кузнецкой (взамѣнъ старой); въ 1656 году того же имени, но въ Таганской слободѣ; въ 1654 году—Успенія въ Гончарахъ; въ 1671 году—Воскресенія въ Таганкѣ; въ 1652 году—Филиппа митрополита на Мѣщанской; въ 1650 году—Георгія на Всполье (деревянная); въ 1653 году—Ржевскія Пресвятыя Богородицы на Поварской; въ 1670 году—Николая Чудотворца въ Плотникахъ; въ 1650 году—Св. Николая на Щепахъ, (здѣсь былъ царскій дровяной дворъ); въ 1658 году—Воздвиженія на Вражкѣ (Пометномъ); въ 1647 году—Николая Чудотворца въ Пыжахъ.

Чрезвычайно было бы полезно для исторіи Москвы этимъ, а равно и всѣмъ вообще приходскимъ церквамъ нашимъ, издать свои историческія описанія, съ видами и планами самихъ храмовъ, снимками иконографическими, археологоческими, палеографическими и проч. Это значительно подвинуло бы дальнѣйшую разработку исторіи Москвы.

Церковь Рождества, что въ Путинкахъ.

Изъ монастырей, находившихся на окраинахъ Москвы, три были построены, при Алексѣѣ Михайловичѣ: Андреевскій въ Плѣнницахъ, Покровскій на Убогихъ домахъ и Зосимо-Савватіевскій у Краснохолмскаго моста.

Въ мѣстности, между Калужской заставой и Воробьевыми горами, въ 1648 году любимцемъ и окольничьимъ царя Ѳ. М. Ртищевымъ возстановленъ упраздненный древній Андреевскій монастырь, ставшій къ этому времени богадѣльней. Строитель назвалъ его Преображенскою пустынью и основалъ здѣсь ученое общество и школу. Онъ вызвалъ сюда изъ Кіева ученыхъ: Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго, Дамаскина Птицкаго и Ѳеодосія Сафоновича, для перевода греческихъ книгъ и обученія русскихъ людей свободнымъ наукамъ. Труженики эти въ три года изготовили огромные фоліанты, и въ 1649 году выпущена была изъ печати книга: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“. Это учрежденіе Ѳ. М. Ртищева много сдѣлало для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и подготовило открытіе славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ.

Покровскій монастырь построенъ былъ въ 1655 году, по указу Алексѣя Михайловича, на комнатную царскую сумму. Мѣсто, на которомъ поставлена обитель, занято было прежде кладбищемъ для бѣдныхъ, странниковъ и умершихъ насильственною смертью. Здѣсь былъ такъ называемый „Убогій домъ“.

Въ Гончарной слободѣ, у Холма, царь основалъ третій монастырь, во имя св. Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Но, по случаю постояннаго затопленія этой мѣстности разливами Москвы-рѣки, онъ былъ перенесенъ въ Бронницы.

Старые монастыри въ это царствованіе обстраивались новыми храмами, обогащались вкладами и жаловались землями. Особенное вни-

маніе царь обращалъ на Новоспасскій монастырь, какъ придворный и какъ мѣсто погребенія своей бабушки—царственной инокини Мароы и своихъ родственниковъ бояръ Романовыхъ. Мы воспроизвели видъ находящейся въ этомъ монастырѣ ихъ усыпальницы. Царь съ своей семьей, боярами и духовными властями, даже съ восточными патріархами, нерѣдко предпринималъ сюда богомольные походы. Государь достраивалъ здѣсь и богато украшалъ заложенный еще его отцомъ новый соборный храмъ и въ 1673 году построилъ церковь Покрова Богородицы.

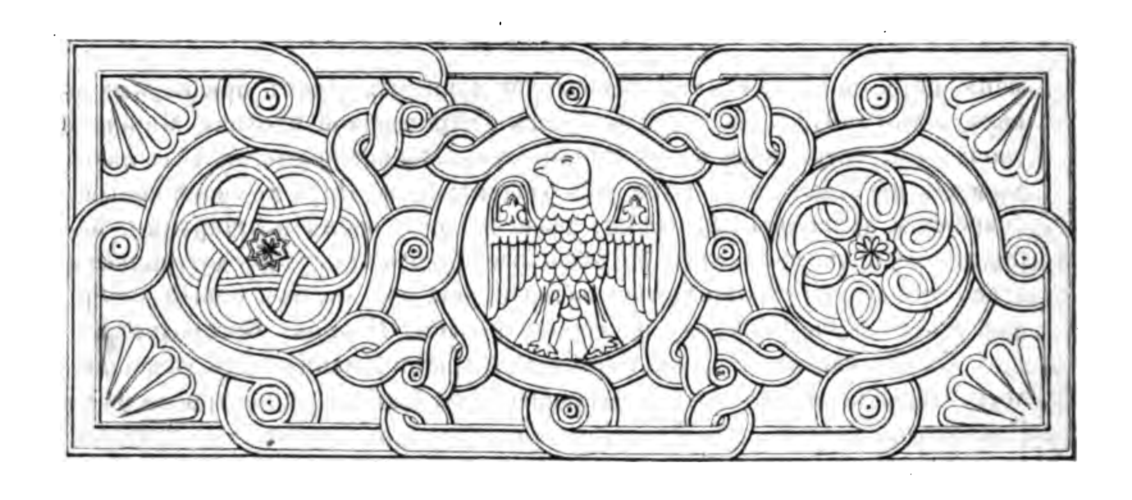
Въ Даниловскомъ монастырѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, совершилось открытіе мощей св. благовѣрнаго князя Даніила, и построена была Покровская церковь. Въ Донскомъ монастырѣ построены два придѣла, при трапезной церкви. Ризницы монастырей получили въ это время не мало богатыхъ царскихъ вкладовъ.

Русское зодчество въ царствованіе Алексѣя Михайловича сдѣлало еще шагъ въ дальнѣйшемъ своемъ самобытномъ развитіи. Отличаясь отъ построекъ чисто византійскаго стиля, оно очень разнообразно и стройно разрабатывало русскіе мотивы въ устройствѣ колоколенъ, главъ, крышъ, крылецъ, галлерей, разнообразныхъ украшеній и т. д. Мотивы ихъ взяты изъ чисто самобытно-русскихъ деревянныхъ построекъ.

Какъ образцы зодчества второй половины XVII вѣка, воспроизводимъ храмы: Рождества въ Путинкахъ, въ селѣ Тайнинскомъ и въ Останкинѣ.

Печать царицы Маріи Милославской

XIII.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе царевны Софіи.

Исторія Москвы, въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, не богата фактами: потому что оно продолжалось всего шесть лѣтъ (1676—82). Онъ вступилъ на престолъ 14 лѣтъ и былъ очень хилаго сложенія. Въ день кончины отца своего, онъ лежалъ больной въ постели, и его на рукахъ принесли въ Грановитую палату и посадили на престолъ.

Самая кратковременность этого царствованія и сходство его по духу съ послѣдними годами правленія царя Алексѣя Михайловича условливали то, что оно не дало много новаго.

Хотя Матвѣевъ и Нарышкины подверглись въ это время опалѣ и удаленію отъ двора, но начавшееся сближеніе съ Западомъ продолжалось. Питомецъ прежде упомянутаго Симеона Полоцкаго, научившійся отъ него по-латыни и по-польски, самъ писавшій вирши, или стихи, царь Θеодоръ не чуждался нововведеній.

Въ придворной верхней типографіи Симеонъ Полоцкій дѣятельно, безъ разрѣшенія патріарха, печаталъ свои книги. Такъ въ 1680 году былъ напечатанъ въ этой типографіи тестаментъ Василія, царя греческаго, а затѣмъ стихотворная псалтырь. При типографіи находилось училище, помѣщавшееся въ трехъ палатахъ, коимъ завѣдывалъ монахъ Тимоθей, а учителями приглашены были два грека Лихуды. Въ 1684 году училище было переведено въ Богоявленскій монастырь. Въ 1685 году патріархъ Іоакимъ перевелъ это училище въ Заиконоспасскій монастырь.

Симеонъ Полоцкій выработалъ проэктъ преобразованія этой школы въ высшее училище — въ Славяно-греко-латинскую академію, въ коей должны систематически изучаться богословіе, философія, піитика, реторика и всѣ части граматики. Она должна быть не только разсадникомъ науки, но и охранительницей православія: наблюдать за инославными иностранцами и судить еретиковъ. Но академія была открыта, по смерти Θеодора Алексѣевича, въ правленіе царевны Софьи. Большой портретъ этого царя до сихъ поръ находится въ Заиконоспасскомъ училищѣ. Симеонъ Полоцкій похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ продолжалось начатое еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ преобразованіе нашего войска, по западно-европейскимъ образцамъ. Это обсуждалось на земскомъ соборѣ, высказавшемся въ пользу уничтоженія мѣстничества, старинныхъ родовыхъ счетовъ бояръ. И Москва была свидѣтельницей сожженія разрядныхъ книгъ и заведенія новыхъ родословныхъ. Въ это время число полковъ иноземнаго строя у насъ было болѣе 60, а именно 25 конныхъ (рейтарскихъ и копейныхъ) и до 40 пѣшихъ солдатскихъ. Душой этого преобразованія былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ царевны Софьи. Онъ продолжалъ дѣйствовать въ духѣ Ордина-Нащокина, который желалъ, чтобы мы учились хорошему у иностранцевъ и совѣтовалъ царю Алексѣю Михайловичу завоевать Нарву, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) и все теченіе Невы до Ньешанца, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Петербургъ, и въ особенности Ригу, какъ важную пристань близъ моря.

Портретъ царя Θеодора Алексѣевича.

Преемникъ Нащокина, по управленію посольскимъ приказомъ, князь В. В. Голицынъ, былъ горячимъ поклонникомъ Запада, нерѣдко забывавшимъ русскую старину. Въ его домѣ, въ Охотномъ ряду, все было устроено на европейскій ладъ: въ большихъ залахъ простѣнки были заставлены зеркалами, на стѣнахъ висѣли портреты (парсуны) русскихъ и иностранныхъ государей и нѣмецкія географическія карты. У него была значительная библіотека, въ коей русскій лѣтописецъ стоялъ рядомъ съ нѣмецкой геометріей. Въ библіотекѣ Голицына были и „Политичныя думы“ Крижанича. Голицынскій домъ былъ центромъ

для пріѣзжавшихъ въ Москву образованныхъ иностранцевъ. Онъ, вмѣстѣ съ другими придворными, игралъ въ хоромахъ царевны Софьи „Доктора по неволѣ“ Мольера и часто говорилъ о необходимости для бояръ ѣздить за границу и отдавать дѣтей для обученія въ польскія школы. Отъ Голицына иностранцы были безъ ума...

Подъ западнымъ вліяніемъ въ Москвѣ начинаютъ замѣчаться въ это время и бытовыя перемѣны. Θедоръ Алексѣевичъ въ первый разъ былъ женатъ на Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой, польскаго происхожденія. Ея вліянію приписываютъ то, что въ Москвѣ начали въ то время брить бороды, носить польскіе кунтуши и сабли.

Въ то же время царь, замѣтивъ безпорядки въ ѣздѣ по Москвѣ, повелѣлъ боярамъ, окольничьимъ и думнымъ людямъ ѣздить въ городѣ на двухъ лошадяхъ. Въ праздничные дни боярамъ дозволялось ѣздить на четырехъ лошадяхъ, а въ случаѣ свадьбы—шестерикомъ. Въ это время у насъ появляются кареты.

При Θеодорѣ Алексѣевичѣ, московскія церкви были раздѣлены на сороки, или заказы, и поставлены были подъ вѣдѣніе закащиковъ, нынѣшнихъ благочинныхъ. Сороковъ было шесть: Китайскій (159 церквей), Пречистенскій (210), Никитскій (176), Срѣтенскій (150), Ивановскій (117) и Замоскворѣцкій (131). Во всѣхъ сорокахъ было 943 церкви, въ въ томъ числѣ во имя св. Николая 128.

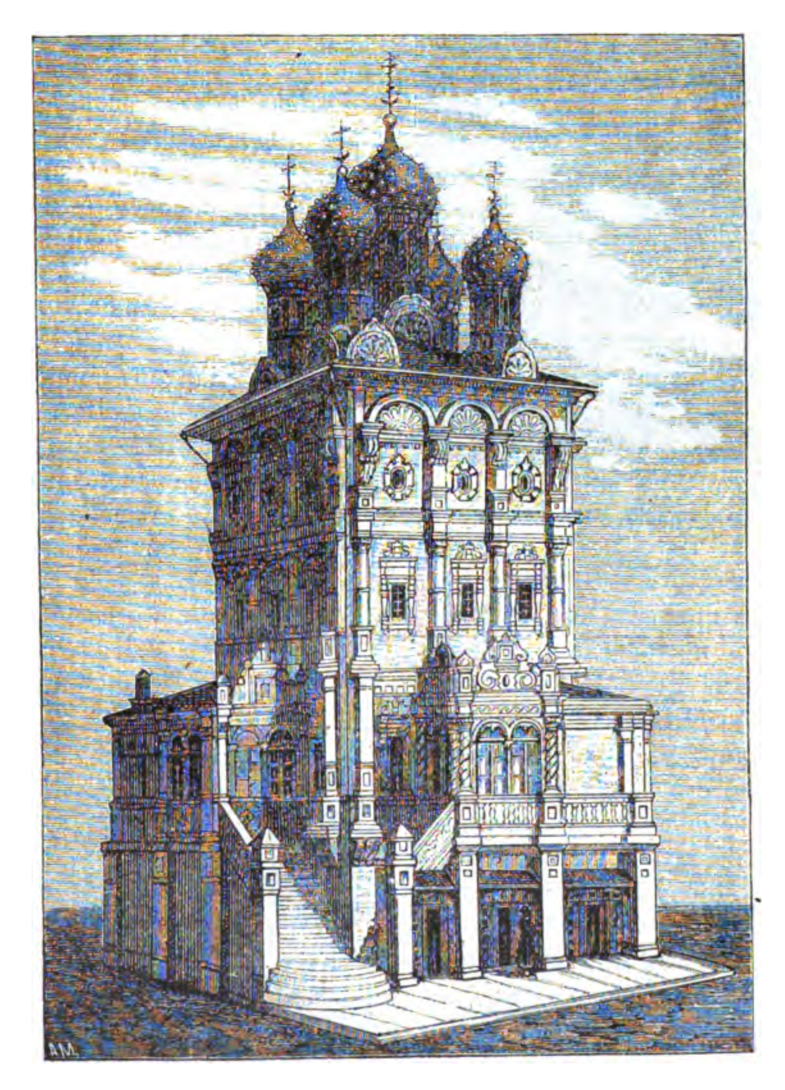
Въ Кремлѣ, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, строились палаты для приказовъ. Такъ въ 1677 году готовы были нижніе этажи 28 палатъ и стали строить верхнія. На проѣзжихъ воротахъ была построена церковь Трехъ Исповѣдниковъ. Въ 1680 году царь указалъ въ новопостроенныхъ палатахъ учинить приказы: отъ Архангельскаго собора Посольскій съ четвертьми (4 палаты), у проѣзжихъ воротъ Большая казна и Новгородскій приказъ съ четвертьми. На Мстиславскомъ дворѣ, отъ проѣзжихъ воротъ, Помѣстный приказъ съ четвертьми (4 палаты), рядомъ Казанскій дворецъ (въ одной палатѣ здѣсь былъ устроенъ колодезь). Рядомъ съ Помѣстнымъ приказомъ помѣстился Стрѣлецкій. Въ Китаѣ-городѣ, на Ильинкѣ, былъ выстроенъ храмъ св. Николая (Большой крестъ).

Патріархъ Іоакимъ въ своей слободѣ, на Козьемъ болотѣ, откуда текъ ручей въ рѣчку Прѣсню, не подалеку отъ тамошнихъ прудовъ, приказалъ вырыть нѣсколько прудовъ, изъ коихъ одинъ существуетъ до сихъ поръ и называется Патріаршимъ. Въ 1681 году, на Прѣснѣ былъ выстроенъ государевъ дворецъ и при немъ каменная церковь Воскресенія, отчего государево село стало называться Новымъ Воскресенскимъ. Въ томъ же году сюда была перенесена деревянная церковь Николы Чудотворца „съ Курьей ножки“, близъ Поварской.

Въ это царствованіе построена Дмитріемъ Калошинымъ, близь Дѣвичьяго поля, церковь Неопалимой Купины. Этотъ бояринъ особенно чтилъ икону Неопалимой Купины, находившуюся въ Святыхъ сѣняхъ предъ Грановитою палатой. Однажды онъ подпалъ царскому гнѣву, хотя и не зналъ за собою никакой вины, и сталъ молиться предъ этой

иконой о небесномъ заступничествѣ. Богоматерь, явившись во снѣ царю, возвѣстила ему о невинности опальнаго. Освободившись отъ своей невзгоды, бояринъ въ благодарность за это построилъ Неопалимовскій храмъ.

27 апрѣля 1682 года, ударъ колокола на Иванѣ Великомъ возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ царя Θеодора Алексѣевича. Во дворецъ от-

Храмъ Николая Чудотворца на Ильинкѣ.

правились патріархъ Іоакимъ съ архіереями и бояре. Собравшіеся прежде всего поклонились усопшему царю, а затѣмъ цѣловали руки его двумъ братьямъ, царевичамъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Приходилось рѣшать вопросъ, кому наслѣдовать престолъ, послѣ бездѣтнаго Θеодора. Старшій его братъ былъ болѣзненъ, подслѣповатъ и слабоуменъ (скорбенъ главою). Десятилѣтній Петръ былъ крѣпокъ тѣ-

ломъ и уже обнаруживалъ замѣчательныя способности. Немедленно духовныя лица и бояре собрались, для рѣшенія вопроса, въ передней палатѣ. Большинство бояръ, прибывшихъ, на случай смятенія, въ панцыряхъ, было на сторонѣ Петра, но и не мало было и на сторонѣ Іоанна. Чтобы прекратить недоумѣніе, по предложенію патріарха, рѣшено было предложить это дѣло людямъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Въ Москвѣ находились призванные Θеодоромъ (по вопросу о податяхъ и отправленіи выборной службы) выборные люди. Народъ собрался предъ церковью Спаса за Золотою рѣшеткою и на предложенный патріархомъ вопросъ провозгласилъ царемъ Петра. Онъ находился въ это время у гроба брата. Освященный соборъ и бояре нарекли его здѣсь царемъ. Патріархъ благословилъ государя-отрока крестомъ, и его посадили на тронъ. Бояре, дворяне и люди всякихъ чиновъ принесли ему присягу, поздравляли его съ восшествіемъ на престолъ и цѣловали царскую руку.

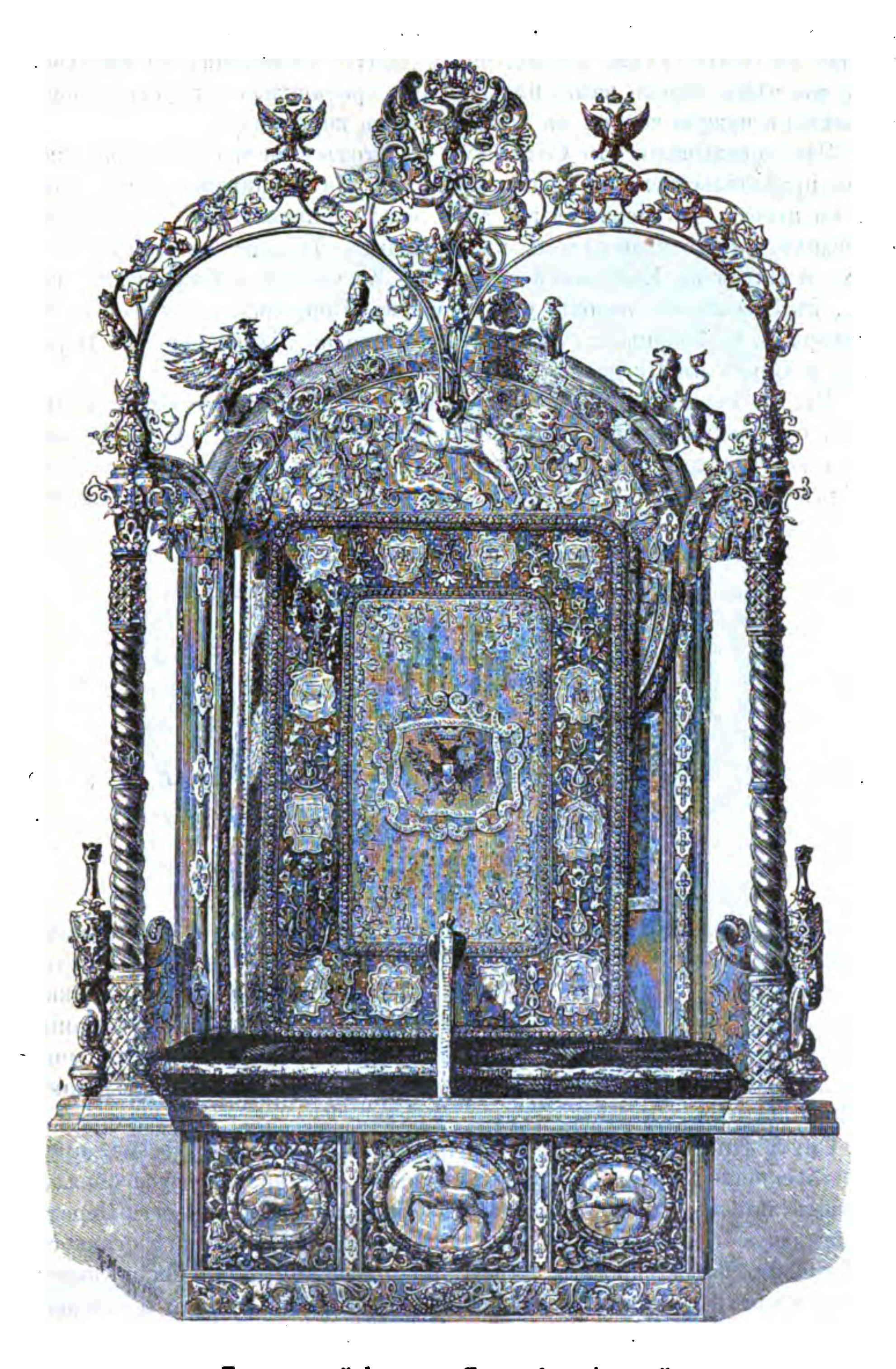

Портретъ Іоанна Алексѣевича.

На другой день происходило погребеніе царя въ Архангельскомъ соборѣ. Тѣло его несли въ саняхъ стольники, а за нимъ въ другихъ саняхъ несли молодую вдовствующую царицу Марθу Матвѣевну Апраксину. За гробомъ шелъ царь-отрокъ. Но рядомъ съ Петромъ, вопреки обычаю, шла дѣвица-царевна Софья. Она громко голосила и покрывала своими воплями причитанья цѣлой толпы черницъ. Она была уже 25 лѣтъ и отличалась дородствомъ и еще при покойномъ братѣ покинула теремъ и, владѣя не малымъ образованіемъ, принимала участіе въ дѣлахъ правленія. По окончаніи погребенія, царевна Софья, возвращаясь во дворецъ, всенародно вопила: „братъ нашъ, царь Θедоръ, нечаянно отошелъ со свѣта отравою отъ враговъ. Умилосердитесь,

Стрѣльцы.

Тронъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

добрые люди, надъ нами, сиротами. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата-царя. Иванъ, нашъ братъ, не избранъ на царство. Если мы чѣмъ передъ вами, или боярами провинились, отпустите насъ живыхъ въ чужую землю, къ христіанскимъ королямъ".

Это показывало, что Софья уже въ этотъ моментъ готовилась вырвать правительственную власть изъ рукъ Нарышкиныхъ и овладѣть ею. Ея агенты, съ первыхъ же дней, стали шнырять въ Стрѣлецкихъ слободахъ, за Москвой-рѣкой: въ приходахъ Троицы въ Вишнякахъ, Петра и Павла на Калужской улицѣ и Казанской у Калужскихъ воротъ, въ Земляномъ городѣ, у Пимена въ Воротникахъ, у Сергія въ Пушкаряхъ, у Троицы на Листахъ, у Николая Чудотворца въ Воробинѣ, у Спаса въ Чигасахъ за Яузой.

Мы не станемъ описывать извѣстныя подробности Стрѣлецкаго бунта, отмѣченнаго кровавыми явленіями и утихшаго, къ концу мая 1682 года, государственнымъ переворотомъ, выразившимся провозглашеніемъ первымъ царемъ Іоанна, вторымъ—Петра, а правительницей

Медаль царей Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Софьи. Упоминаемъ бунтъ раскольниковъ, опиравшихся на стрѣльцовъ и дошедшихъ до дерзкаго требованія, чтобы цари вѣнчались, по старымъ обрядамъ. Памятниками этого смутнаго времени въ Москвѣ явились столбъ на Красной площади, поставленный, по требованію стрѣльцовъ, съ именами убитыхъ ими бояръ и съ перечисленіемъ мнимыхъ ихъ винъ, и гробница убитаго тогда предъ Краснымъ крыльцомъ боярина Матвѣева, у Николы на Столпахъ.

Смута еще не улеглась, а вѣнчаніе на царство обоихъ государей было совершено 25 іюня. Все происходило, по установившемуся обряду. Первымъ лицомъ при коронаціи былъ князь Василій Голицынъ. Передъ возложеніемъ на государей вѣнцовъ патріархъ, облаченный въ саккосъ митрополита Фотія, спросилъ царей, „како они вѣруютъ и исповѣдаютъ Отца и Сына и Святаго Духа?" Государи въ отвѣтъ на это прочитали вслухъ символъ вѣры. Коронаціонный обѣдъ, по установившемуся обычаю, происходилъ въ Грановитой палатѣ.

Недолгое и смутное время правленія царевны Софьи не могло оставить по себѣ многихъ памятниковъ въ Москвѣ.

Въ ноябрѣ 1682 года, въ Кремлѣ произошелъ большой пожаръ; сгорѣли выстроенныя Ѳеодоромъ деревянныя хоромы Петра Алексѣевича и царевенъ; загорѣлся Успенскій соборъ, на которомъ сгорѣла мѣдная кровля и въ главахъ оконницы; всѣ значительныя иконы и мощи были вынесены въ Архангельскій соборъ на то время, пока шли работы по возстановленію первопрестольнаго собора. Въ возобновлен-

Царевна Софія.

номъ Успенскомъ соборѣ патріархъ поставилъ епископа Луцкаго и Острожскаго Гедеона (князя Святополка-Четвертинскаго) въ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Черезъ три года, на мѣстѣ погорѣвшихъ, выстроены были новыя, для царя Петра и его матери, деревянныя хоромы (въ дворцовомъ при нихъ саду Петръ пускалъ на пруду маленькіе кораблики), а для царевны Софіи и другихъ меньшихъ царевенъ были возведены трехъ-этажныя каменныя палаты; въ нижнемъ этажѣ

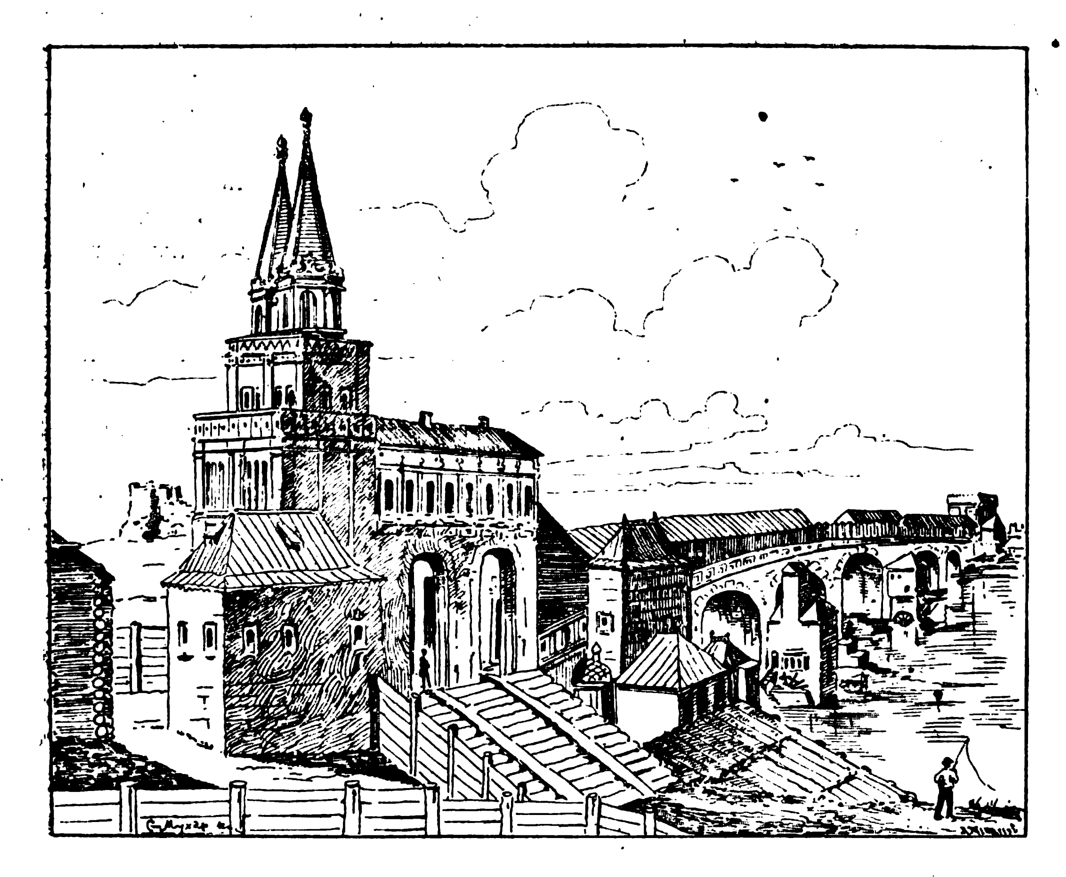
ихъ была устроена, по приказанію Софіи, комната, „гдѣ сидѣть съ боярами и слушать всякія дѣла". Въ то же время на кормовомъ дворѣ, возлѣ верхняго краснаго сада и новыхъ хоромъ царя Петра, построена церковь свв. Петра и Павла. Для подкрѣпленія Верхоспасскаго собора въ Меньшой Золотой палатѣ подведены были подъ своды крестообразныя каменцыя „перететивы". Возобновлены были Грановитая, Золотая (средняя), Отвѣтная и другія палаты. Вообще предъ единодержавіемъ Петра Кремль достигъ апогея своего величія. Царскіе дворцы находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, до какого не достигали ни въ одно изъ предыдущихъ царствованій. Въ это время обширность и великолѣпіе дворцовъ вполнѣ выражали характеръ царской жизни, во всемъ ея блескѣ и пышности.

Въ 1686 году было окончено построеніе церкви во имя святителя Алексѣя въ Чудовомъ монастырѣ, по чертежу, данному Θеодоромъ Алексѣевичемъ. Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи собственными руками перенесли мощи святителя Алексія, изъ храма Михаила Архангела, во вновь построенную церковь, гдѣ онѣ стоятъ и нынѣ. Царевна Софья участвовала, вопреки обычаю, въ этомъ торжественномъ шествіи. При большомъ звонѣ во всѣ колокола, правительница вышла съ обоими царями изъ дворца и прошла съ ними въ Чудовъ монастырь. Здѣсь она, во время службы, стояла рядомъ съ ними, а когда цари, вмѣстѣ съ патріархомъ, понесли угодника, она одна изъ всего царскаго семейства слѣдовала за ними. Съ этихъ поръ она не пропускала уже ни одного торжества, или крестнаго хода, чтобы показаться народу. Этимъ она старалась достичь того, чтобы всѣ привыкли смотрѣть на нее, какъ на свою царицу и самодержицу.

Памятникомъ въ Москвѣ правленія царевны Софьи былъ Каменный мостъ чрезъ Москву-рѣку, считавшійся чудомъ нашей столицы наравнѣ съ Иваномъ Великимъ. До этого времени Замоскворѣчье соединялось съ Кремлемъ и Бѣлымъ городомъ, посредствомъ такъ называемыхъ „живыхъ мостовъ", кои составлены были изъ плотовъ и разводились въ половодье. Мы видѣли, что Михаилъ Θеодоровичъ, для постройки постоянаго каменнаго моста, вызвалъ изъ-за границы инженера Ягана Кристнера, который сдѣлалъ модель этого моста и началъ его постройку. Но она остановилась за смертью царя, возобновилась только при Софьѣ Алексѣевнѣ и продолжалась пять лѣтъ, отъ 1682 года по 1687 годъ. Строитель моста былъ какой-то монахъ, имя котораго, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Вбивали дубовыя сваи въ русло рѣки и, настлавъ ихъ брусьями, выводили на нихъ каменныя сооруженія. Постройки стоили такъ дорого, что тогда сложилась пословица: „дороже каменнаго моста". Воспроизводимъ рисунокъ его, сдѣланный при Петрѣ I. На лѣвомъ берегу рѣки, съ двухъ сторонъ къ этому мосту, называвшемуся Всесвятскимъ, примыкали вторая кремлевская стѣна и стѣна Бѣлаго города, сходившіяся у Всесвятской стрѣльницы съ проѣзжими воротами. У отводныхъ его быковъ пристроены были водяныя мукомольныя мельницы съ плотинами. На самомъ мосту стоя-

ли палаты Предтеченскаго монастыря, еще четыре небольшія палатки и деревянныя лавки. На южномъ концѣ моста были ворота и палаты, надъ коими возвышались два шатровые верха, увѣнчанные двуглавыми орлами. Подъ ними находились галлереи, изъ коихъ деревянный сходъ велъ на набережную, къ Царицыну лугу и Берсеневкѣ. Здѣсь находились каменно-мостскія бани.

Правленіе царя-дѣвицы было смутно. Оно, какъ извѣстно, началось буйствомъ раскольниковъ, кои, опираясь на сочувствовавшаго имъ новаго начальника Стрѣлецкаго приказа князя Хованскаго и старо-

Каменный мостъ въ Москвѣ.

обрядческую часть мятежнаго войска, подъ предлогомъ преній о вѣрѣ съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, совершили буйство и на Красной площади и въ самой Грановитой палатѣ, не смотря на присутствіе здѣсь правительницы и обоихъ царей. Торжествовавшіе раскольники праздновали свою мнимую побѣду и при колокольномъ звонѣ торжественно служили благодарственный молебенъ въ церкви Спаса въ Чигасахъ. Но скоро они, по приказанію царевны, были схвачены, и Москва видѣла, какъ казнили на Красной площади ихъ вожака Никиту Пустосвята.

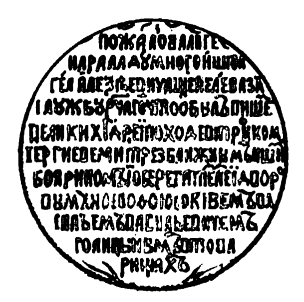
Поддерживавшій раскольниковъ и мутившій стрѣльцовъ князь Хованскій сталъ подозрителенъ для двора, а волненія среди стрѣльцовъ все росли. Эти обстоятельства принудили царевну со всѣмъ царскимъ семействомъ уѣхать изъ Москвы, сперва въ село Коломенское, а затѣмъ въ Воздвиженское близъ Троицы. Обвиненный въ цареубійственныхъ замыслахъ Хованскій съ сыномъ былъ вызванъ туда и казненъ. Стрѣльцы было захватили Кремль и готовились къ вооруженному сопротивленію, но когда Софья, на защиту царской семьи, созвала къ Троицѣ служилыхъ людей, стрѣльцы одумались и принесли чрезъ своихъ выборныхъ повинную. Царевна-правительница отправила часть стрѣлецкихъ полковъ въ Кіевъ и приказала снять поставленный на Красной площади столбъ, на коемъ написано было оправданіе мятежныхъ дѣйствій стрѣльцовъ, 15, 16 и 17 мая. Начальникомъ стрѣлецкаго приказа былъ назначенъ думный дьякъ Ѳедоръ Шакловитый, ставшій опаснымъ орудіемъ Софіи противъ ея брата Петра.

Подпись Шакловитаго.

Очевидно было, что Софья Алексѣевна изъ временной регентши стремилась стать царицей, хотя ея правленіе и не было благословлено успѣхами и сопровождалось много разъ неудачами, каковы были неудачи двухъ походовъ ея любимца князя В. В. Голицына въ Крымъ, за кои онъ, впрочемъ, былъ осыпанъ милостями царевны. Она не только принимала пословъ, рѣшала государственныя дѣла и писала грамоты отъ своего имени и своихъ братьевъ, но и называла себя самодержицей.

Почеркъ князя В. Голицына.

Памятникомъ этихъ ея стремленій остаются ея портреты, на коихъ она изображается въ коронѣ, со скипетромъ и державой въ рукахъ

Медаль того времени.

и во всемъ царскомъ облаченіи, какимъ является приведенное нами прежде ея изображеніе на императорскомъ орлѣ. Другой портретъ ея выгравированъ былъ вызваннымъ изъ Чернигова сихъ дѣлъ мастеромъ

Тарасевичемъ, который, какъ говорилось тогда, „умѣлъ печатать персоны“. Названный Тарасевичъ занялся этимъ дѣломъ въ загородномъ домѣ Шакловитаго, на Дѣвичьемъ полѣ. Царевна была вырѣзана въ царской коронѣ, съ державою и скипетромъ въ рукахъ и въ царской одеждѣ. Вокругъ нея длинный и подробный титулъ ея, съ наименованіемъ ея самодержицей всея Руси; далѣе были сдѣланы аллегорическія изображенія семи даровъ Духа, или добродѣтелей правительницы. Внизу были помѣщены стихи ученика Симеона Полоцкаго,—Сильверста Медвѣдева, восхвалявшіе мудрость Софьи и сравнивавшіе ее съ различными славными царицами древняго міра. На другой доскѣ тотъ же Тарасевичъ вырѣзалъ св. Ѳеодора Стратилата, съ воинскими доспѣхами у ногъ, съ литаврами, знаменами, копьями и другимъ оружіемъ, вѣроятно, въ честь Ѳеодора Шакловитаго. Оттиски съ этихъ портретовъ раздавались многимъ лицамъ, а одинъ былъ посланъ въ Голландію для печатанія тамъ, но съ подписями и виршами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Болѣе сотни экземпляровъ этого портрета были присланы изъ Голландіи въ Москву.

Вообще въ это время въ Москвѣ начинаетъ прививаться гравированіе. Такъ, въ 1685 году была выпущена у насъ иллюстрированная „Комидія-причтъ о блудномъ сынѣ“. Одновременно съ этимъ образовалась особенная вѣтвь гравированія, — такъ называемыя лубочныя картины, которыя вырѣзывались на деревянныхъ доскахъ. Народъ охотно украшалъ стѣны своихъ домовъ лубочными картинами. Онѣ печатались у Троицы на Листахъ и въ приходѣ Успенія въ Печатникахъ, а продавались у Спасскихъ воротъ и на Крестцахъ. Патріархъ Іоакимъ запрещалъ печатать иконы на лубочныхъ листахъ, потому что, подъ вліяніемъ иностранцевъ, появились отпечатки иконъ „на подобіе лицъ нѣмецкихъ и въ своестранскихъ одеждахъ“.

Софья Алексѣевна очень любила садоводство и въ кремлевскихъ садахъ заводила рѣдкія тропическія растенія. Она любила театральныя представленія. Карамзинъ въ „Пантеонѣ россійскихъ авторовъ“ говоритъ, что Софья занималась литературою: писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. А. Шаховской, на основаніи семейныхъ преданій, увѣрялъ, что она написала духовную драму „Екатерина великомученица“, которая ставилась у нея въ терему. Петръ отрокомъ присутствовалъ будто на театральныхъ представленіяхъ своей сестры. Вообще Софья Алексѣевна проявляла значительное образованіе, начало коему было положено ея учителемъ Симеономъ Полоцкимъ.

Почеркъ царевны Софіи.

Но дни ея владычества были сочтены: въ селѣ Преображенскомъ росла, въ лицѣ ея брата, страшная гроза для похитительницы власти.

Ко времени Петра I Москва вполнѣ выработала свой типъ и создала свою своеобразную физіономію, которая, не смотря на всѣ послѣдующія воздѣйствія на нее, отличаетъ ее не только отъ иностран-

ныхъ столицъ, но и отъ новыхъ городовъ самой Россіи, начиная съ Петербурга.

Обозрѣнныя нами эпохи создали изъ Москвы столицу Русскаго Царства и средоточіе нашего православія, государственно-церковный и вмѣстѣ народный центръ. Это давало и самой ея внѣшности и всей ея жизни особый національно-самобытный характеръ. Какъ престолъ и жилище Русскихъ царей, она была, соотвѣтственно своему времени, блестяще и великолѣпно обстроена, особенно въ своемъ сердцѣ Кремлѣ, съ Китаемъ-городомъ, и въ Бѣломъ городѣ. При тѣсномъ у насъ союзѣ государства съ Церковью, Москва, будучи резиденціей первосвятителя Всероссійской Церкви, представляла собою столицу Русскаго православія. Религіозное усердіе царей, боярства и самого народа создали въ Москвѣ столько храмовъ, сколько нельзя найти ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ. Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, съ глубокой мѣткостью сужденія, какъ мы говорили прежде, сказалъ: „Москва—это

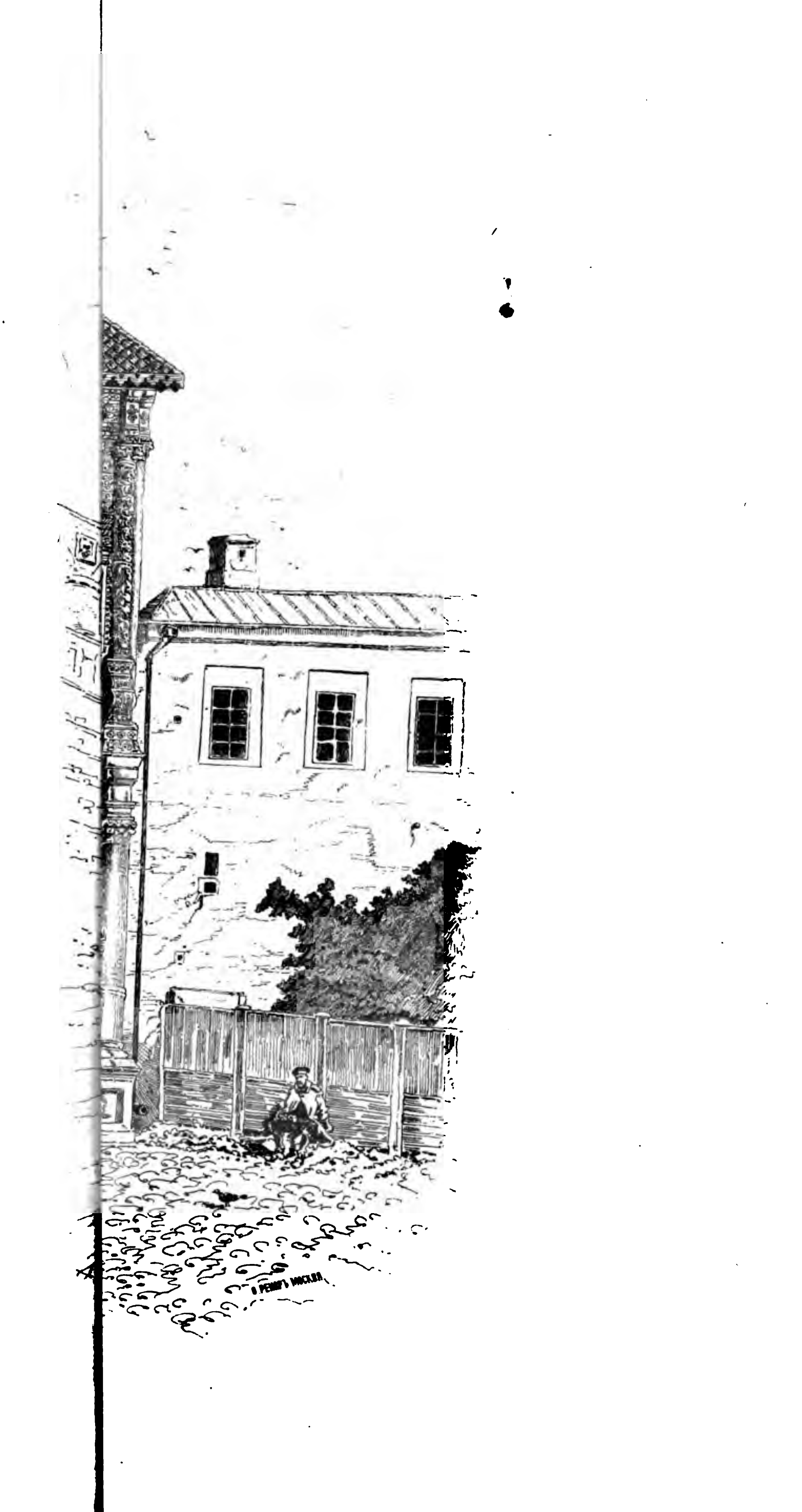

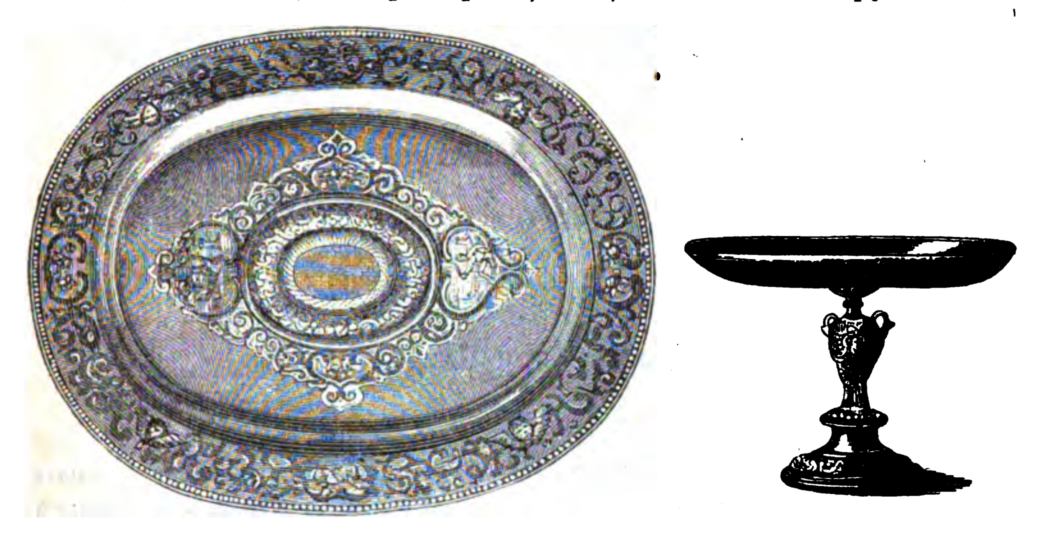
Блюда XVII вѣка.

храмъ, а Кремль—это его алтарь". Дѣйствительно, то, что прежде всего поражаетъ въ Москвѣ, это — кажущееся несчетнымъ число главъ ея храмовъ и поразительный звонъ колоколовъ этого, по выраженію народному, „Златоглаваго" города... Кажется, Москва готова была сдѣлаться храмовыми святцами, минеями-четьими, кои читаются не въ книгахъ, а въ ея церквахъ, посвященныхъ не только всѣмъ двунадесятымъ праздникамъ, но и огромному числу святыхъ, память коихъ празднуется въ будни. Чуть не въ каждый день цѣлаго года, въ до-Петровской Руси, въ Москвѣ, то въ томъ, то въ другомъ концѣ ея, слышался красный звонъ храмового праздника. Величественна была обстановка царской жизни съ множествомъ дворцовъ не въ одномъ Кремлѣ, а и въ разныхъ частяхъ города, съ громаднымъ дворомъ, съ великолѣпными царскими выходами. Все это, въ связи съ другими особенностями нашей жизни, налагало на бытъ москвичей свой особый отпечатокъ.

Но Москву, и при этомъ ея своеобразіи, нельзя винить въ безусловной національной замкнутости, по отношенію къ иностранцамъ,

въ отчужденіи отъ просвѣщенія, развившагося на западѣ. Вѣдь, Москва въ своей Заиконоспасской академіи, еще до Петра, создала уже высшее училище, начинала допускать у себя вліяніе не одной техники, а и западно-европейскаго искусства, до театральнаго включительно. Объ усвоеніи иностранной техники и говорить нечего; Москва завела у себя западно-европейскій военный строй, заводила уже пушечно-литейные и стеклянные заводы, выдѣлку своего оружія, сахаровареніе, ботаническіе сады и т. д. Она готова была на заимствованіе всего полезнаго отъ иностранцевъ, но только желала это дѣлать не вдругъ, а постепенно, не огуломъ, а съ разборомъ, такъ, чтобы это не нарушало на-

Старинная серебряная посуда.

роднаго органическаго творчества, не мѣшало бы развитію нашего національно-культурнаго типа, чтобы основы жизни оставались прежними.

Но подъ Москвой, на вольномъ воздухѣ села Преображенскаго, выросталъ тотъ, кто развѣнчаетъ Москву, кто перенесетъ изъ нея мѣстопребываніе царей на берегъ Варяжскаго моря, вмѣстѣ съ средоточіемъ церковнаго управленія, кто прорубитъ тамъ окно въ Западную Европу, для широкихъ заимствованій оттуда, кто обрѣжетъ въ Москвѣ русскія бороды и длинные старорусскіе полы и рукава одеждъ и заставитъ насъ жить и дѣйствовать на западно-европейскій ладъ.

Обронный орнаментъ XVII вѣка.

XIV.

Москва при Петрѣ I.

Начинающаяся, съ царствованіемъ Петра I, новая эпоха въ исторіи Россіи отразилась на нашей Москвѣ, множествомъ глубокихъ внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ.

Но примѣчательно, что Москва сама дала преобразователю Россіи всѣ элементы его западничества; она представила ему уже въ самомъ Кремлѣ зачатки западныхъ обычаевъ и образованія, а въ Нѣмецкой слободѣ—иностранныхъ инструкторовъ; на маленькихъ прудахъ въ Кремлѣ, гдѣ пущены были первые потѣшные кораблики, и на Яузѣ, гдѣ былъ спущенъ англійскій ботикъ, воспитала въ юномъ царѣ стремленіе къ морю...

Опальный, при Өеодорѣ Алексѣевичѣ и Софьѣ, царевичъ, а затѣмъ и царь, не могъ получить себѣ хорошаго учителя, въ родѣ учившаго его старшихъ братьевъ и сестеръ и владѣвшаго значительнымъ образованіемъ Симеона Полоцкаго, а долженъ былъ довольствоваться учителемъ простой грамоты—дьякомъ Зотовымъ. Мало того, царица Наталья Кирилловна съ своимъ царственнымъ сыномъ должна была покинуть Кремлевскій дворецъ и проживать въ селѣ Преображенскомъ, дворъ коего мало кѣмъ посѣщался и часто зароталъ травою. Здѣсь трудно было поддерживать не только тотъ этикетъ, который господствовалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, но и простой порядокъ... Одаренному живою, кипучей природой, царственному отроку—Петру трудно было усидѣть въ уны-

ломъ Преображенскомъ дворцѣ, а удержать его тамъ было некому. И вотъ онъ начинаетъ пользоваться свободою,—не только бѣгать въ окрестностяхъ Преображенскаго, но и заводить знакомства, съ кѣмъ придется. Эта свобода движеній на чистомъ воздухѣ была, конечно, полезна въ физическомъ отношеніи, но она могла стать вредною въ нравственномъ и умственномъ.—Но Провидѣніе, бодрствующее надъ Россіей, обратило къ пользѣ Россіи эти несчастливыя обстоятельства отрочества и юности Петра. Отыскивая выходъ своей энергіи, онъ затѣвалъ непрерывныя игры и, томимый любознательностью, самъ находилъ себѣ учителей.

Село Преображенское, на сѣверо-восточной сторонѣ Москвы, направо отъ Сокольничьяго лѣса, можетъ быть названо мѣстомъ воспитанія Петра I, колыбелью его преобразованій, родиной императорской гвардіи, начиная съ ея Преображенскаго полка. Недаромъ здѣсь, въ

Потѣшные Петра I.

1883 году въ дни св. коронованія императора Александра III, праздновалось двухсотъ-лѣтіе существованія двухъ старѣйшихъ полковъ нашей гвардіи.

Къ сожалѣнію, здѣсь не сохранился ни дворецъ, построенный еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, ни деревянная церковь св. Петра и Павла, построенная преобразователемъ Россіи. Здѣсь-то Петръ собиралъ вокругъ себя сверстниковъ—дѣтей боярскихъ и даже служительскихъ сыновей и обучалъ ихъ новому солдатскому строю. Первымъ солдатомъ Преображенской роты считался придворный конюхъ Сергѣй Бухвостовъ. Здѣсь Петръ, съ помощью иностранныхъ инструкторовъ, производилъ правильныя ученья своимъ потѣшнымъ ротамъ, и самъ прилежно упражнялся съ ними, строилъ земляныя укрѣпленія и бралъ ихъ приступомъ. Какъ въ Преображенскомъ возникли преобразованія

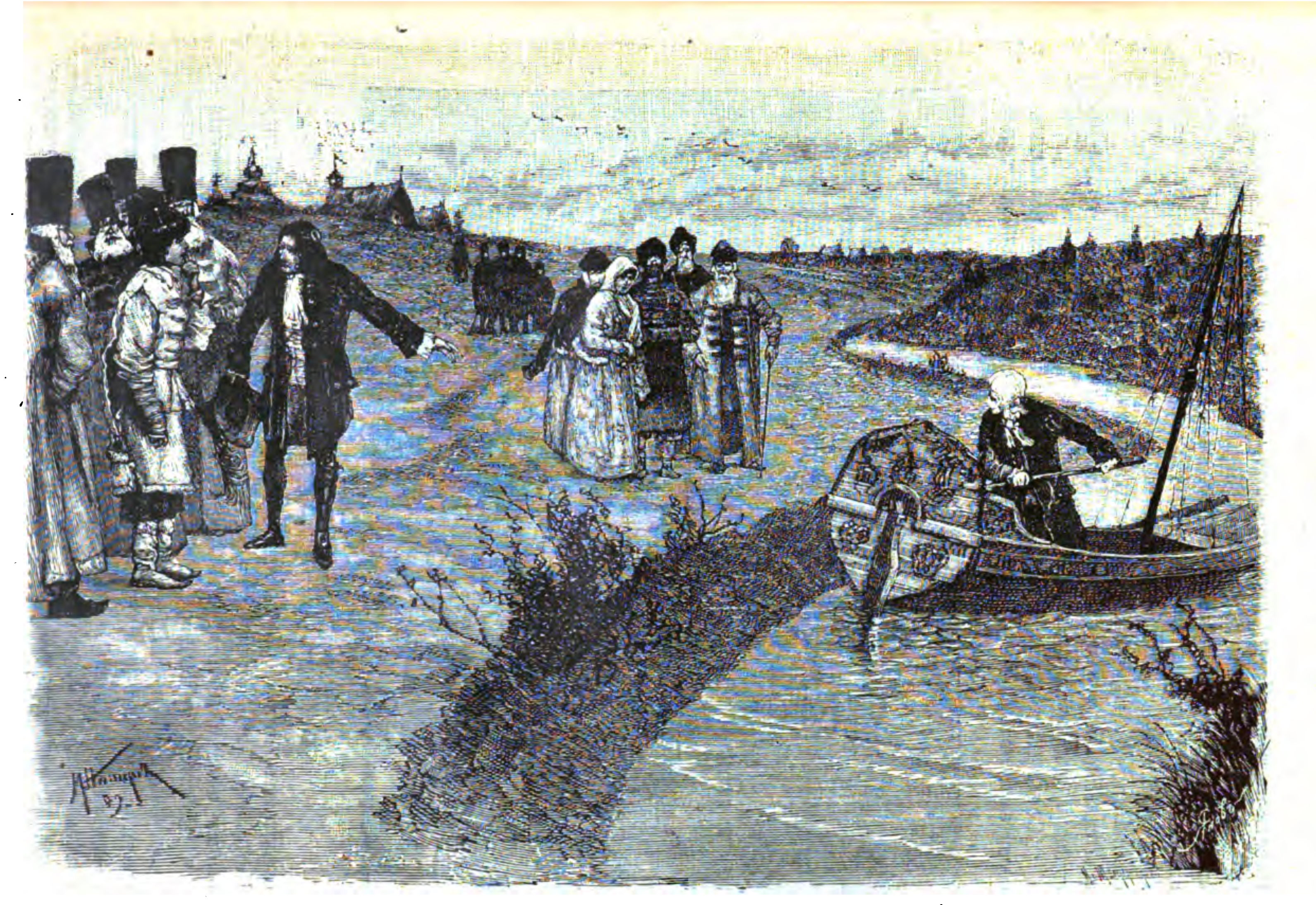
нашего войска и самая русская гвардія, такъ здѣсь же зародился и нашъ флотъ. Найденный въ селѣ Измайловѣ, среди вещей боярина Никиты Романова, англійскій ботикъ, былъ спущенъ на Яузу, вблизи Преображенскаго. Воспроизводимъ этотъ начальный моментъ въ исторіи нашего флота съ рисунка художника М. В. Нестерова.

Для обученія своихъ потѣшныхъ ротъ, преображенской и семеновской, и спуска ботика на Яузу пришлось Петру обращаться за инструкторами въ Нѣмецкую слободу, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ поселилъ всѣхъ иностранцевъ, находившихся на московской службѣ. При Петрѣ она великолѣпно обстроилась, но при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ видно на рисункѣ барона Мейерберга, она была далеко не такъ внушительна. Тутъ жили офицеры, разные техники, врачи, ремесленники, купцы, и было нѣсколько кирокъ и костеловъ, господствовали пестрые

Гвардейцы Петра I.

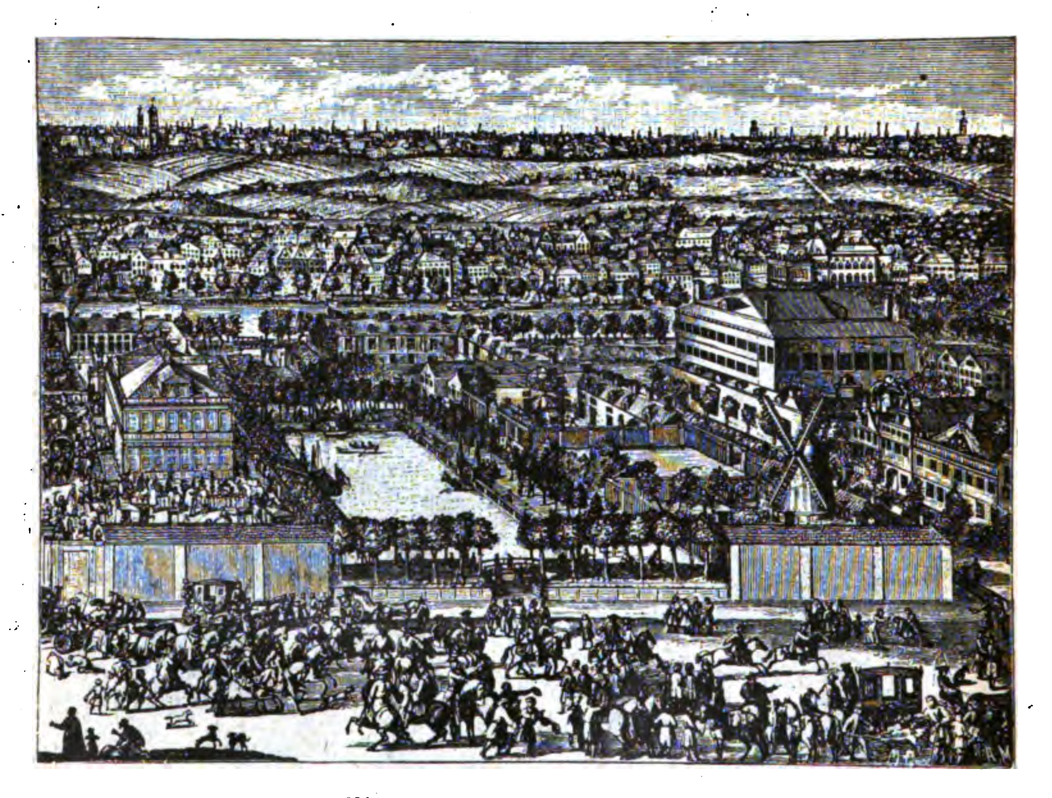
заграничные нравы, совсѣмъ не схожіе съ обычаями Москвы. Жившіе здѣсь голландцы, нѣмцы, англичане, швейцарцы и т. д., владѣли, конечно, не Богъ знаетъ какимъ образованіемъ, но все же это былъ на Востокѣ кусочекъ культурнаго Запада Европы. Въ Нѣмецкой слободѣ, въ лицѣ ея наиболѣе серьезнаго представителя, шотландца генерала Гордона, Петръ нашелъ себѣ учителя военнаго искусства, въ Тиммерманѣ—математики и фортификаціи, въ голландцѣ Брантѣ — учителя морского дѣла, а во Францѣ Лефортѣ—того друга, который освоилъ его съ обычаями Запада и зажегъ любовь къ нему. Правда, всѣ эти инструкторы едва ли годятся теперь для нашихъ, средней руки, училищъ, но геніальный ученикъ извлекалъ и изъ нихъ много для себя пользы, обучившись у нихъ военному дѣлу, во всѣхъ его отрасляхъ, до артиллеріи, осады крѣпостей, управленія кораблями и постройки ихъ включительно.

Спускъ ботика на Яузу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, часто проводя время въ бесѣдахъ или пирушкахъ съ обитателями Нѣмецкой слободы, сживался со всѣми ея хорошими и плохими обычаями и переставалъ походить, въ своей жизни, наружности и одеждѣ, не только на тѣхъ русскихъ, кои строго держались своихъ обычаевъ, но и на тѣхъ, кто усвоилъ себѣ не мало иностраннаго. Однимъ словомъ, Нѣмецкая слобода стала для Петра первою станціей на пути его на Западъ... Воспроизводимъ съ старинной гравюры видъ этой слободы.

Софья Алексѣевна думала, что маневры и ученье съ потѣшными солдатами, потѣхи на водѣ и пирушки въ Нѣмецкой слободѣ только

Нѣмецкая слобода въ Москвѣ.

отвлекаютъ Петра отъ правленія государствомъ. Но она ошиблась: Петръ обратилъ свои потѣхи въ серьезную науку и въ настоящее дѣло,— быстро зрѣлъ для того, чтобы взять въ свои руки бразды правленія.

Пріѣзжая въ Москву на разныя торжества, въ коихъ должны были участвовать оба царя, Петръ I, видя властолюбивыя стремленія сестры своей, сталъ давать ей чувствовать гнѣвъ свой, напримѣръ, не принявъ ея любимца, князя В. В. Голицына, по его возвращеніи изъ Крымскаго похода. Чрезъ 7 лѣтъ, послѣ своего воцаренія, Петръ вступилъ даже въ открытое столкновеніе съ сестрою. 8 іюля, въ день Казанской Богоматери, оба царя были на обѣднѣ въ Успенскомъ соборѣ и должны были идти, въ крестномъ ходу, въ Казанскій соборъ. Петръ сказалъ

Софьѣ, чтобы она не ходила въ этотъ крестный ходъ, но она не послушалась и взяла икону: „О Тебѣ радуется", и пошла за крестами и хоругвями. Царь, крайне разгнѣванный этимъ, ушелъ въ Архангельскій соборъ, а отсюда уѣхалъ въ Преображенское, а Софья поняла, что ей предстоитъ борьба, и рѣшилась не уступать. Наканунѣ Смоленской Божіей Матери, она отправилась въ Новодѣвичій монастырь ко всенощной. Ее сопровождали пятисотенники и пятидесятники всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ. По окончаніи службы, она стала жаловаться имъ,

Сухарева башня.

что царица Наталья Кирилловна затѣваетъ на нее зло, и прибавила: „годны ли вы намъ? Буде годны, то вы за насъ постойте, а буде не годны, мы оставимъ государство". Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнить ея приказаніе. „Ждите повѣстки",—сказала Софья.

7 августа, Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа, собралъ стрѣльцовъ въ Кремль, чтобы отсюда вести ихъ на Преображенское, поджечь его и убить Петра съ его семействомъ. Но семеро стрѣльцовъ рѣшились извѣстить объ этомъ Петра. Двое изъ нихъ, Мельновъ и Ладогинъ, около полуночи разбудили его страшною вѣстью. Петръ веко-

чилъ съ постели, неодѣтый сѣлъ на коня и ускакалъ въ ближайшій лѣсъ, куда принесли ему одежду. Отсюда, съ страшной быстротой, уѣхалъ онъ въ Троицкую лавру, куда прибылъ въ такомъ изнеможеніи, что его сняли съ коня и положили въ постель. Сюда прибыло царское семейство, стали собираться служилые люди и прибылъ оставшійся вѣрнымъ Петру стрѣлецкій полкъ Лаврентія Сухарева. Въ честь этого полка, царь построилъ Сухареву башню, у Срѣтенскихъ воротъ Земляного города, гдѣ полкъ имѣлъ свое пребываніе; его полковою церковью былъ храмъ св. Троицы на Листахъ. Слѣдующая лѣтопись о построеніи сего памятника высѣчена на двухъ каменныхъ доскахъ, вставленныхъ надъ воротами съ южной стороны: „повеленіемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, самодержавнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, по стрѣлецкому приказу, при сидѣньи въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова, построены во второмъ стрѣлецкомъ полку, по Земляному городу, Срѣтенскія ворота, а надъ тѣми вороты палаты и шатеръ съ часами, да каменный амбаръ, а позади воротъ, къ Новой Мѣщанской слободѣ часовня съ кельями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ; а начато то строеніе строить въ лѣто 7,200 (1692), а совершено 7,203 (1695), а въ то время будущаго у того полка стольника полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева“. Такимъ образомъ, прошлаго 1895 года, Сухаревой башнѣ исполнилось ровно двѣсти лѣтъ. Другимъ памятникомъ въ Москвѣ этого доблестнаго полка являются хранящіяся въ Оружейной палатѣ два знамени его. На одномъ изъ нихъ изображенъ Всемилостивый Спасъ, съ припавшими къ Его стопамъ св. Николаемъ и преп. Сергіемъ, и образъ Знаменія съ четырьмя московскими святителями; на другой—Покровъ Богородицы. Вышина Сухаревой башни 30 саженей. Съ нею связано много любопытныхъ преданій Петровскаго времени. Здѣсь часто бывалъ Петръ, для совѣщанія съ своими сотрудниками, и помѣстилъ колыбель Русскаго флота — адмиралтейское управленіе и первую навигацкую (мореходную) школу, родоначальницу высшаго морского училища въ Петербургѣ. На Сухаревой башнѣ находилась обсерваторія, съ коей, по порученію Петра, наблюдали солнечное затменіе и дѣлали съ него рисунокъ. Сюда былъ перенесенъ съ Ивановской колокольни громадный глобусъ, подаренный Голландскими штатами царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь жилъ знаменитый ученый и составитель прославленнаго календаря Яковъ Брюсъ, котораго народъ считалъ чернокнижникомъ.

Почеркъ Брюса.

Въ рапирной (фехтовальной) залѣ Сухаревой башни, по преданію, происходили тайныя засѣданія какого-то Нептунова общества, очевидно, имѣвшаго мореходныя цѣли; тамъ предсѣдательствовалъ Лефортъ, портретъ коего воспроизводимъ съ стариннаго кубка. Самъ царь былъ

первымъ надзирателемъ, а архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ ораторомъ этого общества. Первый адмиралъ флота Апраксинъ, Брюсъ, Фергюсонъ (Фармазонъ), князь Черкасскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ и другіе близкіе къ государю люди были членами этого общества, похожаго на масонское. Исторія и преданіе скрыли отъ насъ происхожденіе и цѣль этой тайной думы; но въ народѣ долго ходила молва, будто тамъ хранилась черная книга, которую сторожили 12 духовъ и которая была заложена въ стѣну и заколочена алтынными гвоздями. По другому преданію, въ восточную стѣну рапирной залы была замуравлена чугунная доска съ правилами и именами членовъ Нептунова общества. Однимъ изъ учителей мореходной школы на Сухаревой башнѣ былъ Леонтій Магницкій, составившій ариѳметику, напечатанную изобрѣтеннымъ Петромъ новымъ гражданскимъ шрифтомъ и арабскими цифрами. Русскій математикъ придаетъ особое значеніе своему труду и выражается о немъ въ стихахъ:

Съ старинняго кубка.

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, не нѣмчинъ.

Въ Сухаревой башнѣ происходили и театральныя представленія. Здѣсь же хранился маскарадный корабликъ съ 8-ю мѣдными пушечками, который возили въ торжественныхъ процессіяхъ по Москвѣ, то на саняхъ, то на колесахъ.

Но возвратимся назадъ.

На другой же день, по своемъ пріѣздѣ въ Троицкую лавру, Петръ послалъ къ Софьѣ запросъ, для чего былъ сдѣланъ, ночью 7-го августа, сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ. Отвѣтъ былъ полученъ—„для богомолья царевны“. Тогда государь потребовалъ къ себѣ изъ Москвы полковника Циклера и 50 стрѣльцовъ. Онъ, съ товарищами и многими другими лицами, открылъ замыслы и наказы стрѣльцамъ царевны. Видя, что къ Петру стекается все болѣе народа, Софья думала помириться съ братомъ, при помощи посланнаго къ Троицѣ патріарха. Но онъ, прочитавъ показанія объ умыслахъ царевны, перешелъ на сторону Петра. Когда въ Москвѣ были получены его грамоты стрѣльцамъ и народу—идти къ Троицѣ на защиту царя, а ряды приверженцевъ царевны все рѣдѣли, тогда она сама рѣшилась ѣхать къ брату, но передъ Троицей, въ селѣ Воздвиженскомъ, получила приказъ не ѣхать туда, иначе „съ нею нечестно поступлено будетъ“. Когда она возвратилась въ Москву, къ ней пришло требованіе выдать Шакловитаго, монаха Сильвестра Медвѣдева и ихъ сообщниковъ. Шакловитый съ нѣкоторыми стрѣль-

Franz Lefort

Почеркъ Лефорта.

*) Много нѣмцы, писалъ Посошковъ, ушнѣе насъ науками, а наши остротою ума не хуже ихъ они; ругаютъ насъ напрасно.

цами былъ казненъ. Медвѣдевъ же былъ сначала посаженъ въ заключеніе и только впослѣдствіи, когда явились новыя противъ него улики,— былъ казненъ; князь В. В. Голицынъ отправленъ въ заточеніе; сама Софья Алексѣевна заключена въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ впослѣдствіи была насильственно пострижена, подъ именемъ Сусанны.

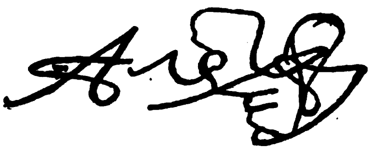
Съ 1689 года начинается правленіе Петра, въ которое не вмѣшивается его слабый братъ Іоаннъ, умершій ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ 1696 году. Въ теченіе шести недѣль, надъ его гробомъ, въ Архангельскомъ соборѣ, денно и нощно, стояли бояре, окольничьи, думные люди, стольники и т. д.

Но молодой царь еще мало занимался государственными дѣлами, продолжая предаваться своимъ сухопутнымъ и водянымъ потѣхамъ.

Еще лѣтомъ 1684 года, когда царю было всего 12 лѣтъ, онъ недалеко отъ отцовскаго дворца, въ Преображенскомъ, построилъ потѣшную крѣпостцу, которая была названа Пресбургомъ, или Прешпуромъ. Петръ, съ заступомъ въ рукахъ, самъ работалъ надъ этимъ укрѣпленіемъ и втаскивалъ на него пушки. Здѣсь были башни, свѣтлицы съ часами, бившими перечасье, и столовая, гдѣ обѣдали. Крѣпостца была предметомъ воинскихъ упражненій: потѣшные Преображенцы и Семеновцы брали ее приступомъ. Недалеко отъ потѣшнаго городка Яуза была запружена, и тамъ стояла мельница. Здѣсь въ 1686 году были спущены небольшія суда — карбусы и лодки, на которыхъ плавали по Яузѣ въ Нѣмецкую слободу. Въ 1688 году, какъ разсказывалъ самъ Петръ, въ Измайловѣ, въ старыхъ амбарахъ боярина Никиты Романова, былъ найденъ англійскій ботикъ, который, при содѣйствіи учителя фортификаціи Франца Тиммермана, тогда же былъ отданъ въ починку мастеру Карштену Бранту. Ботикъ былъ спущенъ на Яузу, но онъ по узости ея толкался въ берега и послѣ того спущенъ былъ на Просяное озеро въ Измайловѣ. Когда Петру пошелъ 17-й годъ, царица Наталья Кирилловна женила его на боярышнѣ, дочери окольничьяго, Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной. Старше Петра на три года, она была воспитана въ отеческихъ обычаяхъ и отличалась смиреннымъ характеромъ и набожностью. Свадьба совершилась скромно, 27 января 1689 года; небольшое число приглашенныхъ было поражено красотой новобрачныхъ. Петръ, съ его богатырскимъ сложеніемъ, съ огненно-черными глазами, съ черными вьющимися волосами, являлся уже олицетвореніемъ красоты и силы. Но, къ несчастью, онъ не любилъ своей жены... Женитьба не уменьшила страсти Петра къ излюбленнымъ его воинскимъ потѣхамъ: потѣшные походы и маневры дѣлаются все чаще. 6 августа 1690 года, царь устроилъ на поляхъ Преображенскихъ примѣрное сраженіе между потѣшными полками и стрѣльцами; послѣдніе были побиты народившеюся гвардіей царя — Преображенцами и Семеновцами. 4 сентября, здѣсь происходила новая битва; генералъ Гордонъ говоритъ о ней: „мы бились партіями и цѣлыми корпусами до темной ночи и съ такою запальчивостью, что многіе были ранены и обожжены порохомъ". Самъ Гордонъ былъ раненъ въ ногу. Въ слѣдующемъ 1691

году опять было сраженіе. И самъ Петръ писалъ о немъ: „и тотъ бой равнялся судному дню“. Ближній стольникъ князь И. Д. Долгоруковъ „отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчны кровы, по чину Адамову“. На штурмѣ полкового двора, въ селѣ Семеновскомъ, бросая гранаты, царь сильно опалилъ себѣ лицо. Но частыхъ фейерверковъ и примѣрныхъ сраженій для Петра было мало. Онъ самъ строитъ ботики и яхты, ѣдетъ на нихъ съ потѣшными и стрѣльцами, по Москвѣ-рѣкѣ, на Угрѣшу, отправляется на Переяславское озеро, гдѣ устраиваетъ цѣлую флотилію. Наконецъ, подъ предлогомъ богомолья въ Соловкахъ, ѣдетъ въ Архангельскъ и, вопреки запрету матери, плаваетъ на настоящихъ корабляхъ, по настоящему морю.

Всѣ эти занятія отвлекали Петра отъ матери и жены и вообще отъ семейной жизни, хотя царь очень обрадовался рожденію перваго сына, царевича Алексѣя. Крещеніе его происходило, 23 февраля 1690 года, въ Чудовомъ монастырѣ. Крестнымъ отцомъ былъ патріархъ Іоакимъ, а крестной матерью царевна Татьяна Михайловна. Къ родильному столу былъ приглашенъ и генералъ Гордонъ; но патріархъ рѣшительно заявилъ, что иноземцамъ, при такихъ случаяхъ, быть неприлично, и тотъ долженъ былъ оставить дворецъ; зато на другой день онъ обѣдалъ съ Петромъ за городомъ. Въ этомъ же году скончался и патріархъ Іоакимъ; въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ просилъ царей не допускать православныхъ сближаться съ иновѣрцами и не отдавать первыхъ подъ начальство вторыхъ. Въ преемники ему былъ поставленъ Адріанъ, митрополитъ Казанскій.

Почеркъ царевича Алексѣя.

Посѣтивъ Архангельскъ, Петръ думалъ было основать здѣсь торговый и военный портъ, но, уже въ 1694 году, обратилъ свои взоры для этой цѣли на югъ, именно, на принадлежавшій туркамъ Азовъ. Въ слѣдующемъ году объявленъ походъ, и на югъ отправлено было войско, подъ начальствомъ Лефорта, Гордона и Головина. Съ нимъ отправился и самъ царь, въ чинѣ бомбардира Преображенской роты, подъ именемъ Петра Михайлова. Несмотря на то, что онъ напрягалъ всѣ свои усилія взять Азовъ, проводя ночи въ траншеяхъ и наводя пушки на осажденный городъ, предпріятіе его, по неопытности войска и особенно за отсутствіемъ флота, который обложилъ бы крѣпость съ моря, окончилось неудачно,—осада была снята. Но Петръ рѣшилъ построить флотъ на рѣкѣ Воронежѣ, гдѣ были корабельные лѣса и жили русскіе судовщики - строители и куда созваны были годные для дѣла иностранцы изъ Москвы и Архангельска. Подъ руководствомъ самого Петра, взявшагося за циркуль и топоръ, здѣсь закипѣла невиданная работа. Царь

Собственноручная подпись Петра I.

писалъ о ней Стрѣшневу: „Мы, по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой“. Зато, къ апрѣлю 1696 года, была готова цѣлая эскадра въ 30 галеръ, и она по Дону явилась подъ стѣнами Азова. Окруженный, и съ суши и съ моря, городъ долженъ былъ сдаться Петру, не знавшему границъ своему восторгу. Исторія Петра, въ ея важнѣйшихъ событіяхъ, очень подробно представлена въ многочисленныхъ, въ ихъ честь, медаляхъ. Въ память построенія флота на рѣкѣ Воронежѣ была выбита медаль; на лицевой сторонѣ ея изображенъ былъ портретъ молодого царя, а на оборотной — вновь созданные русскіе корабли, плывущіе по морю подъ русскимъ флагомъ. Надпись гласитъ: „небываемое — бываетъ“. Въ честь взятія Азова выбита была медаль, съ портретомъ царя и съ изображеніемъ города, блокируемаго съ суши и съ моря; надпись гласитъ: „молніями (артиллерійскими) и волнами (корабельными) побѣдитель“.

Медаль въ память первой постройки кораблей на рѣкѣ Воронежѣ.

Царь, по случаю этого радостнаго событія, устроилъ въ Москвѣ никогда невиданное торжество — тріумфальное вступленіе въ столицу побѣдоносныхъ русскихъ войскъ.

30-го сентября, изъ села Коломенскаго двинулось тріумфальное шествіе. На Всесвятскомъ (каменномъ) мосту были построены тріумфальныя ворота. На правой сторонѣ ихъ была поставлена статуя Марса, бога войны; на щитѣ его сдѣлана надпись: „Марсовою храбростью“; у ногъ его лежалъ татарскій мурза съ двумя татарами; подпись гласила:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ же отъ Москвы едва бѣгствомъ спасались.

На лѣвой сторонѣ воротъ была поставлена статуя Геркулеса съ палицей и вѣткой, на коей была сдѣлана надпись: „Геркулесовой крѣпостію“. У ногъ его лежалъ азовскій паша и два турка въ цѣпяхъ. Подписанные здѣсь стихи говорили:

Ахъ! Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

Предъ входомъ въ ворота висѣли парчевыя полости, съ золотыми кистями и съ надписями: „побѣда царя Константина надъ нечестивымъ Максентіемъ“ и „возвратъ съ побѣдою царя Константина“. Внутренность воротъ была обтянута шелковою матеріей, на коей были вытканы русскія побѣды прежнихъ государей и между ними взятіе Казани Іоанномъ IV. По своду воротъ написаны были золотомъ слова

Цезаря: „прійдохъ, увидѣхъ,. побѣдихъ“. Со свода спускался лавровый вѣнокъ. Ворота были увѣнчаны двуглавымъ орломъ подъ тремя коронами. На спускавшихся съ воротъ флагахъ нарисована была артиллерія и корабли съ подписью: „Богъ съ нами, никтоже на ны“ и „достоинъ дѣлатель мзды своея“.

Около тріумфальной арки стояли перевитыя зеленью двѣ пирамиды съ двумя надписями: „въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ“ и „въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ“. Отъ пирамидъ шли большія картины, изображавшія: штурмъ Азова, морское сраженіе и бога морей Нептуна, сидящаго на морскомъ тритонѣ съ надписью: „се и азъ поздравляю со взятьемъ Азова и вамъ покоряюсь“. Перила моста были увѣшаны персидскими коврами. Во главѣ процессіи шли государевы пѣвчіе, за ними ѣхали въ каретахъ: думный дьякъ, учитель Петра—Никита Моисеичъ Зотовъ, бояринъ Головинъ и кравчій Кириллъ Нарышкинъ. Въ открытой тріумфальной колесницѣ, на подобіе раковины, окруженный тритонами и наядами, ѣхалъ генералъ-адмиралъ Францъ Лефортъ въ бѣломъ нѣмецкомъ мундирѣ; предъ нимъ несли новый русскій морской флагъ: бѣлый, синій и красный. За адмираломъ шли 3000 матросовъ. Послѣ ряда каретъ и колясокъ, шли полки: Преображенскій и Семеновскій. Солдаты по землѣ влекли турецкія знамена и вели связаннаго плѣннаго турка. Передъ преображенцами, въ мундирѣ капитана, шелъ самъ Петръ. Когда адмиралъ подъѣзжалъ къ тріумфальной аркѣ, съ нихъ въ мѣдную трубу были прочитаны стихи, начинавшіеся словами:

Генералъ-адмиралъ, морскихъ силъ всѣхъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага...

Послѣ этого привѣтствія, послѣдовали выстрѣлы изъ пушекъ, поставленныхъ у тріумфальныхъ воротъ. Затѣмъ загрохотала артиллерія,

Медаль на взятіе Азова.

стоявшая у Бархатнаго двора, заиграли трубы, забили барабаны, литавры, бубны, раздался колокольный звонъ по всей Москвѣ. Такъ Петръ праздновалъ въ нашей столицѣ взятіе Азова.

Вслѣдъ за описаннымъ тріумфальнымъ вступленіемъ въ Москву, съ войсками, взявшими Азовъ, у Петра I возникъ планъ о созданіи для Россіи, на счетъ землевладѣльцевъ, большого флота, и въ связи съ этимъ явилась мысль о путешествіи за-границу. Самъ царь, во введеніи къ морскому регламенту, такъ объясняетъ причины своего путешествія: „дабы новое дѣло (строеніе флота) вѣчно утвердилось въ Россіи, государь умыслилъ искусство дѣла того ввести въ народъ свой и того ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектурѣ и управленію корабельному". „И что дивнѣе всего: монархъ не захотѣлъ отстать отъ подданныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ и самъ воспріялъ маршъ въ Голландію".

Молодой царь сталъ снаряжать въ Москвѣ невиданное у насъ великое посольство. 6-го декабря 1696 года, думный дьякъ объявилъ царскую волю объ этомъ въ посольскомъ приказѣ. Во главѣ посольства были поставлены Лефортъ, сибирскій намѣстникъ бояринъ Головинъ и думный дьякъ Возницынъ. Свита ихъ состояла изъ 200 человѣкъ, въ числѣ коихъ было 30 „волонтеровъ", отправлявшихся съ цѣлью изученія морского дѣла. Десятникомъ во второмъ ихъ десяткѣ былъ дворянинъ Петръ Михайловъ, т. е. самъ государь. На цѣлыхъ полтора года онъ покинулъ Москву и Россію. Такое отсутствіе, какъ и временное регентство, составляли нѣчто невиданное и неслыханное на Руси. Мы не станемъ описывать путешествіе Петра за-границей, по Германіи, Голландіи, Англіи и Австріи, не будемъ пересказывать, какъ онъ изучалъ тамъ военное, а особенно морское дѣло и разныя отрасли техники, чтобы все это пересадить въ свою Россію, вмѣстѣ съ западноевропейскими обычаями и нѣкоторыми новыми образовательными и правительственными учрежденіями. Что цѣль великаго посольства и самаго путешествія царя была учебная,—это показываетъ печать, которою онъ запечатывалъ свои письма въ Москву. На приводимой здѣсь, этой достопамятной печати былъ изображенъ молодой плотникъ, окруженный корабельными инструментами и военными орудіями, съ выразительной надписью: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую".

Печать Петра I.

Но это путешествіе царя за-границу, укрѣплявшее его планы о широкихъ преобразованіяхъ въ Россіи на западный ладъ, неожиданно закончено было въ Вѣнѣ, откуда предполагалась поѣздка еще въ Италію, потому что получены были тревожныя вѣсти о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, который привелъ къ уничтоженію стрѣлецкаго войска, существующаго у насъ со временъ Іоанна IV.

Царь возвратился въ Москву, 25-го августа 1698 года, и отправился не въ Кремль, а въ село Преображенское, и въ тотъ же день побывалъ въ Нѣмецкой слободѣ. На другой день, рано утромъ, въ Преображенскій дворецъ бояре пришли поклониться государю. Онъ ласково привѣтствовалъ, обнималъ и цѣловалъ ихъ и разсказывалъ о своемъ

заграничномъ путешествіи. Но на этомъ же пріемѣ сразу показалъ всѣмъ, что начинаетъ эру преобразованій Россіи, и именно съ внѣшности бояръ. Къ неописанному ихъ изумленію, онъ собственноручно обстригалъ имъ

Полковое знамя.

ножницами бороды. Сначала онъ остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромодановскаго, а затѣмъ и другихъ вельможъ. Пощажены были только бороды у боярина Стрешнева и князя Черкасскаго...

Это было началомъ преобразованій, которыя столь многое измѣнили на Руси и такъ много дали ей новаго. Но систематическое ихъ проведеніе останавливается сначала страшнымъ розыскомъ, по упомянутому стрѣлецкому бунту, а потомъ приготовленіями къ Великой Сѣверной войнѣ со Швеціей, ради возвращенія Россіи Балтійскихъ береговъ.

Москва не безъ ужаса увидѣла развязку послѣдняго стрѣлецкаго бунта. Еще до отъѣзда царя былъ раскрытъ заговоръ на его жизнь стрѣлецкаго полковника Циклера, Алексѣя Соковнина, сочувствовавшаго раскольникамъ и Ѳедора Пушкина, нехотѣвшаго посылать своихъ сыновей за-границу. Казнь ихъ совершилась, 4 марта 1697 года, въ Преображенскомъ, при чемъ тѣло дяди царевны Софьи, Ивана Милославскаго, было выкопано изъ могилы и привезено туда на свиньяхъ. Гробъ его былъ поставленъ у плахъ измѣнниковъ, и, когда имъ сѣкли головы, кровь ихъ лилась на трупъ Милославскаго. Это отразилось на стрѣлецкомъ войскѣ: тотчасъ послѣ этого стрѣльцы были смѣнены съ дворцовыхъ и кремлевскихъ карауловъ, кои отселѣ держали служилые люди, Преображенскіе и Семеновскіе солдаты. Послѣ взятія Азова, часть стрѣльцовъ была отправлена на южныя границы для ихъ охраны, другіе же—на польско-литовскую окраину. Стрѣльцы были сильно недовольны этимъ, какъ и устанавливавшимися въ Москвѣ порядками, особенно новыми войсками и подъемомъ значенія здѣсь иностранцевъ. Среди волновавшихся на западѣ стрѣльцовъ пошли злонамѣренные толки, что государя за моремъ не стало, а сына его Алексѣя Петровича хотятъ удушить бояре; только и думы было у стрѣльцовъ—идти къ Москвѣ, бояръ перебить, Кукуй съ нѣмцами раззорить и т. д. Со всѣмъ этимъ сплетались сношенія съ заключенной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ царевной Софьей. Стрѣльцы двинулись на Москву. Но Гордонъ, Шеинъ и князь Кольцо-Мосальскій пошли противъ нихъ съ войсками, и они были разбиты подъ Новымъ Іерусалимомъ. По распоряженію временнаго правительства, 56 стрѣльцовъ были казнены. Но возвратившійся въ Москву Петръ остался этимъ недоволенъ, главнымъ образомъ потому, что сдѣланный розыскъ не раскрылъ участія въ этомъ мятежномъ дѣлѣ руки Софьи. Около половины сентября 1698 года, подъ личнымъ наблюденіемъ государя, начался въ Преображенскомъ новый, болѣе строгій розыскъ. Суровые и при Алексѣѣ Михайловичѣ розыски сдѣлались теперь грозными. Въ Преображенскомъ работало до 14 застѣнковъ. Патріархъ Адріанъ для смягченія гнѣва Петра отправился туда съ иконой Богоматери. Государь, увидѣвъ патріарха, сказалъ ему: „къ чему эта икона? Развѣ твое дѣло приходить сюда? Уходи скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть-можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ“. Не станемъ описывать извѣстныя подробности безпощаднаго наказанія стрѣльцовъ. Достаточно сказать, что число казненныхъ, въ сентябрѣ и октябрѣ, доходило до тысячи. Трупы казненныхъ долгое время оставались на мѣстахъ казней. Немало стрѣльцовъ

повѣшено было подъ окнами кельи царевны Софьи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ челобитными въ рукахъ. Извѣстно, что она, постриженная въ инокини подъ именемъ Сусанны, содержалась здѣсь подъ строгимъ присмотромъ, скончалась въ 1704 году и была погребена здѣсь. Ее могли навѣщать сестры только въ Свѣтлое Воскресенье и въ храмовой праздникъ монастыря (28 іюля). Супруга Петра, царица Евдокія, уже послѣ его смерти, докончила свою иноческую жизнь въ томъ же монастырѣ. Вслѣдъ за Софьей была пострижена и царевна Мароа. Скоро послѣдовало уничтоженіе самаго стрѣлецкаго войска,—„скасовано было",—по выраженію Петра,—10 полковъ; „у нихъ отобрано было оружіе, и стрѣльцы разосланы были по городамъ, откуда повелѣно было не отпускать ихъ безъ „проѣздныхъ листовъ" и гдѣ они обратились въ простыхъ посадскихъ.

Теперь прослѣдимъ тѣ преобразованія, коими отмѣтилъ Петръ I въ Москвѣ конецъ XVII и начало XVIII столѣтія.

Мы видѣли, что бритье бороды и ношеніе иностранной одежды у насъ замѣчалось еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, и уже слышались теоретическія оправданія этихъ новшествъ. Такъ Юрій Крижаничъ говоритъ, что „русскій строй власовъ, брады и платья является непристойнымъ и непригожимъ къ храбрости"; въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ „рѣзвости" и „свободы" и совѣтуетъ слѣдовать примѣру „наиплеменитыхъ европцевъ".

Старорусская одежда.

Въ 1681 году, царь Θеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ —всему синклиту, служилымъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны, вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ, и запретилъ въ этихъ одеждахъ являться въ Кремль. Многіе стали брить себѣ бороды и подстригать волосы. Но приверженцы русскихъ обычаевъ возставали противъ этого. Такъ патріархъ Іоакимъ, сильно порицая обычай брадобритія, говорилъ, что онъ, послѣ запрещенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, „паки нынѣ нача губити образъ, отъ Бога мужу дарованный". Онъ даже отлучалъ отъ Церкви не только тѣхъ, кто брилъ бороды, но и тѣхъ, кто съ брадобрѣйцами общеніе имѣлъ. Преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ издалъ посланіе противъ брадобритія,— „еретическаго безобразія, уподоблявшаго человѣка котамъ и псамъ". Несмотря на это, Петръ, и до отъѣзда за-границу, уже въ Москвѣ одѣвался въ нѣмецкое платье. Но за-границей онъ рѣдко надѣвалъ русское платье, а, по возвращеніи въ Москву, уже совсѣмъ не надѣвалъ его.

Чрезъ пять дней, по пріѣздѣ своемъ, государь былъ на пиру у боярина Шеина. Гостей было множество; нѣкоторые явились бритыми, но немало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого и мигомъ ее обрѣзывалъ. Три дня спустя, на ассамблеѣ у Лефорта, гдѣ было немало дамъ, уже не было видно бородачей.

Дошла очередь и до русскихъ кафтановъ. По разсказу одного иностранца, Петръ въ февралѣ 1699 года, на одномъ пиру, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ изъ гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взялъ ножницы, обрѣзалъ рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ работать, что такими рукавами легко задѣть и опрокинуть что-либо. До насъ не дошли первые законодательные акты относительно брадобритія. Но уже въ 1698 году установлена была бородовая пошлина. Впослѣдствіи (1705 года) платили за бороду: люди гостинной сотни 100 рублей; бояре, служилые люди и торговые — второй статьи 60 рублей; посадскіе люди, ямщики, извозчики и т. д.—30 рублей. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ, брали по 2 деньги за бороду. Стоимость рубля въ то время была очень значительна: за рубль можно было купить двѣ четверти ржи. Уплатившимъ пошлину выдавались особые бородовые знаки. Воспроизводимъ эти знаки съ надписями: „съ бороды пошлина взята", „борода лишняя тягота". Приверженцы старины отрѣзанную бороду носили подъ сорочкой на груди и приказывали класть ее съ собою въ гробъ...

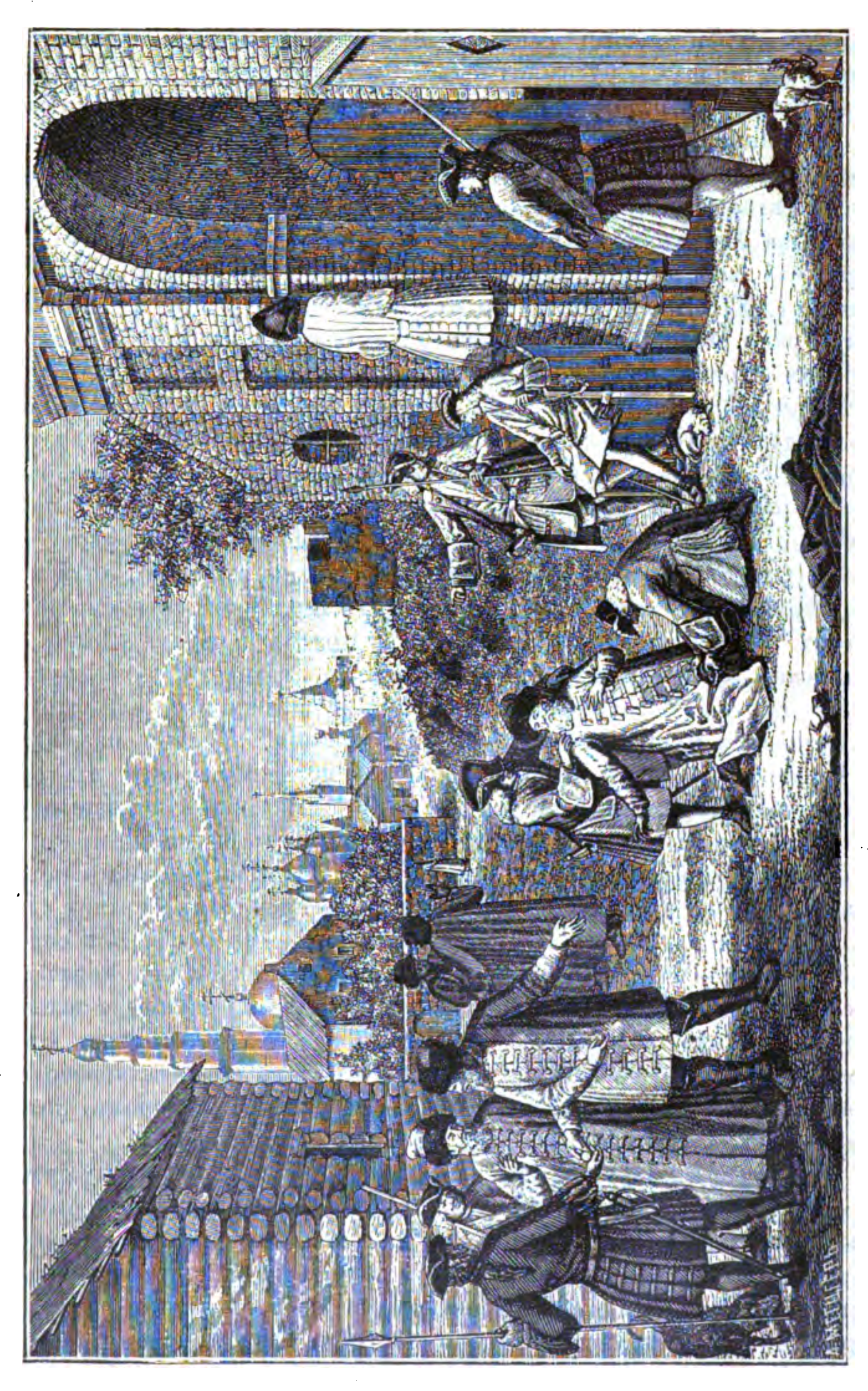

Первый дошедшій до насъ указъ о ношеніи иностранной одежды относится къ январю 1700 года. Въ этомъ актѣ приказано: „боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ, стольникамъ, дворянамъ московскимъ и всѣхъ чиновъ людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ носить платья—венгерскіе кафтаны—верхніе, длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ". До масляницы каждый долженъ озаботиться о пріобрѣтеніи такого платья. Лѣтомъ всѣ должны носить нѣмецкое платье. И женщины высшихъ классовъ должны участвовать

въ этой бытовой перемѣнѣ, а также являться на ассамблеи для танцевъ и другихъ увеселеній.

Преслѣдованіе въ Москвѣ русской одежды.

Но русскіе люди съ трудомъ и неохотой разставались съ своей національной одеждой. Царю докладывали уже въ томъ же году, что

надобно возобновить указы о платьѣ, хотя бы „съ пристрастіемъ", потому что думаютъ, что все будетъ попрежнему. Пришлось повторять указы, выставлять на улицахъ чучела въ нѣмецкихъ, венгерскихъ, французскихъ и другихъ платьяхъ и прямо запрещать носить и продавать въ лавкахъ русское платье. Съ ослушниковъ брали пошлину въ воротахъ, съ пѣшихъ 40 коп., съ конныхъ по 2 руб. съ человѣка.

Желая разграничить рѣзкою чертою старое время отъ новаго, царь, 20 декабря 1699 года, повелѣлъ, по примѣру западныхъ народовъ, ввести лѣтосчисленіе, не отъ сотворенія міра, какъ было доселѣ, а отъ Рождества Христова, и Новый годъ начинать и праздновать не 1 сентября, а 1 января. „Въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго (XVIII) вѣка, говорится въ Петровскомъ указѣ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ проѣзжимъ и знатнымъ улицамъ, людямъ знатнымъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірского чину, передъ воротами, учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинномъ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ учинить возможное; а людямъ скуднымъ комуждо, хотя по деревцу, или вѣтви надъ воротами или надъ хороминою своею поставить; и чтобъ то поспѣло нынѣ будущаго января къ 1 числу". Далѣе было предписано, какъ въ этотъ день всѣ должны поздравлять другъ друга „съ новымъ годомъ" и „столѣтнимъ вѣкомъ", „какая должна быть стрѣльба изъ пушекъ и мушкетовъ и какая иллюминація". Пальба изъ 200 пушекъ, стоявшихъ на Красной площади, а по всему городу изъ ружей не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью по Москвѣ горѣли потѣшные огни и хлопали ракеты. Торжество кончилось только въ Крещенье крестнымъ ходомъ на Іордань, на Москвѣ-рѣкѣ. Но, въ отмѣну прежняго обычая, царь не пошелъ въ крестномъ ходу, а въ офицерскомъ мундирѣ стоялъ при своемъ полку, построенномъ съ другими — на рѣкѣ. Всѣ солдаты были прекрасно обмундированы и вооружены, но красивѣе всѣхъ былъ царскій „лейбъ-регементъ" (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ. Такъ вступала Москва въ новое XVIII столѣтіе. Въ это время угасъ старо-московскій церковный обрядъ встрѣчи новаго года, въ видѣ молебствія на площади предъ Успенскимъ соборомъ, которое совершалось, 1 сентября, въ день Симеона-лѣтопроводца.

Въ октябрѣ 1700 года, скончался святѣйшій Адріанъ, коему суждено быть послѣднимъ всероссійскимъ патріархомъ. Царь получилъ объ этомъ событіи извѣщеніе подъ Нарвой, гдѣ началась Великая Сѣверная война. Петръ разсудилъ не назначать новаго патріарха, памятуя недовольство на нововведенія западнаго характера, со стороны двухъ послѣднихъ патріарховъ, и столкновеніе Никона съ отцемъ его. 16 декабря, состоялся указъ: „Патріаршему приказу и разряду не быть; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому", который съ тѣхъ поръ назывался „экзархомъ святѣй-

шаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ". Новый монастырскій приказъ отданъ въ завѣдываніе боярину И. А. Мусину-Пушкину. Перемѣна эта повела къ учрежденію коллегіи духовныхъ дѣлъ, или св. Синода. Отмѣна же патріаршества сказалась въ Москвѣ прекращеніемъ многихъ величавыхъ обрядовъ, начиная съ шествія въ Вербное воскресенье на осляти, дѣйства Страшнаго суда, на Ивановской площади, въ недѣлю мясопустную, пещного дѣйства и т. п. Начавшаяся огромная война, до Полтавской битвы, затормозила нѣсколько преобразованія, но все же они шли понемногу: множились ассамблеи, гдѣ собирались мужчины и женщины для различныхъ увеселеній на западный ладъ, чѣмъ кончалось теремное затворничество женщинъ; было запрещено вѣнчать, безъ согласія брачащихся и ранѣе 6 недѣль, послѣ обрученія. Въ Москвѣ появляются новыя лавки для продажи иноземнаго платья, а также открытая продажа недавно еще запрещеннаго табаку; начинаются маскарадныя комическія процессіи, въ коихъ князь Ромодановскій ѣздитъ, наряженный въ царскую одежду, а дьякъ Зотовъ—папой, или патріархомъ, пресбургскимъ, заяузскимъ и всего Кокуя (Нѣмецкой слободы). Вводится невиданная въ Москвѣ гербовая или орленая бумага, учреждается орденъ Андрея Первозваннаго; медаль на его учрежденіе приведена нами, въ видѣ заставки, въ началѣ XIV очерка. Въ 1703 году, когда былъ основанъ Петербургъ, въ типографіи на Никольской, по указу царя, печатаютъ первую на Руси газету, или Вѣдомости, въ 1000 экземплярахъ. Вѣдомости печатались церковнымъ шрифтомъ и составлялись, при участіи самого государя, который правилъ первый листъ этого періодическаго изданія, хранящійся донынѣ въ Синодальной типографіи. Скоро затѣмъ царь въ Москвѣ, съ справщи-

Съ стариннаго кубка.

Почеркъ Ромодановскаго.

комъ Ѳедоромъ Поликарповымъ, принимается въ Москвѣ за изобрѣтеніе новаго гражданско-русскаго шрифта, который знаменуетъ новую эпоху въ нашей печати, отличную отъ прежней церковно-славянской. Окончивъ это изобрѣтеніе, царь заказалъ новый шрифтъ въ Голландіи и, получивъ его оттуда, много еще разъ исправлялъ его. Памятникомъ этого нововведенія Петра въ Москвѣ, по дѣламъ печати, хранится въ Синодальной типографіи первый станокъ, печатавшій указы и другія произведенія новымъ гражданскимъ шрифтомъ. Общество любителей древней письменности издало fac-simile корректуру первой гражданской азбуки Петра Великаго.

Столь много новаго появляется въ Москвѣ, и подъ давленіемъ его начинаетъ въ ней отцвѣтать, вянуть и сохнуть многое старое.

Но главная причина этого процесса заключалась въ томъ, что царь основалъ, близъ моря, на устьяхъ Невы, въ 1703 году, новую

Медаль въ память основанія новой столицы.

столицу. Это важнѣйшее для исторіи Москвы, какъ и для всей Россіи, событіе, было отмѣчено появленіемъ новой приводимой здѣсь медали. На одной сторонѣ ея портретъ Петра держатъ: богъ войны Марсъ (съ городомъ въ одной рукѣ) и—торговли Меркурій; ниже течетъ рѣка, предъ нею видна новооснованная Петропавловская крѣпость. Латинская надпись гласитъ: основалъ эти сильныя стѣны, портъ и верфь Петербурга. На оборотной сторонѣ, — выбитъ Нептунъ съ трезубцемъ и корабли на морѣ. Надпись латинская — „вотъ тебѣ земля Финновъ (Finnia) трезубецъ — когда заведено мореходство на Балтійскомъ морѣ“.

Памятникъ императору Петру I.

Императрица Екатерина II поставила въ новой столицѣ памятникъ Петру I, который изображается на слѣдующей медали.

Великій преобразователь, перенеся мѣстопребываніе и престолъ русскихъ царей изъ нашей столицы въ основанный Петроградъ, унесъ изъ Москвы ту главную ея силу, которая, въ продолженіе пяти вѣковъ,

давала ей главенствующее значеніе во всей Россіи, строила ее и расширяла, придавала ей особое величіе и своеобразіе. Вмѣстѣ съ царемъ перешли изъ Москвы въ новооснованную столицу и всѣ высшія правительственныя учрежденія; туда же передвинулся и центръ церковнаго управленія; перешли и всѣ тѣ высшіе, по происхожденію и умственному развитію, элементы, кои даютъ тонъ среднимъ и низшимъ классамъ народа; потянулись туда люди образованія, торговли, промышленности и разныхъ ремеслъ. Конечно, Москва покорно подчинилась своему развѣнчанію и зажила своею новою вдовьей уже долей. Но само собою разумѣется, она не могла не питать элегическаго, даже горькаго свойства чувствъ, по поводу наставшаго для нея безвременья. Однако Москва не подымала, по этому поводу, громкихъ воплей,—слишкомъ сильнаго ропота. Только люди, крайне оппозиціонно относившіеся ко всѣмъ преобразованіямъ Петра, говорили, что онъ „одѣлъ Петербургъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву обулъ въ лапти...“

Этимъ, т. е. 1703 годомъ, когда была основана новая столица,—возникшій „на берегахъ пустынныхъ волнъ, изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ, дивный Петроградъ“, оканчиваются наши очерки изъ исторіи Москвы, но мы должны сказать еще о нѣкоторыхъ фактахъ въ ея жизни въ Петровское время.

Печать Петра I.

Петръ I мало оставилъ слѣдовъ своей строительной дѣятельности въ Москвѣ, потому что его стремленія влекли его въ другую сторону и самыя грандіозныя постройки въ Петербургѣ, поглощали много его заботы и занимали огромное количество вызванныхъ со всей Россіи рабочихъ. Тѣмъ не менѣе наша древняя столица чувствовала на себѣ его

заботы. Такъ указомъ 1701 года онъ, въ видахъ урегулированія Кремля, велѣлъ сломать церкви и дворы, находившіеся между Никольскими и Троицкими воротами, по обѣимъ сторонамъ улицы, до ограды Чудова монастыря и до кремлевской стѣны, у Вознесенскаго монастыря. Въ 1702 году началась стройка Оружейнаго дома (арсенала или цейхгауза), оконченнаго въ 1736 году. При этомъ были сломаны дворы князя Одоев-

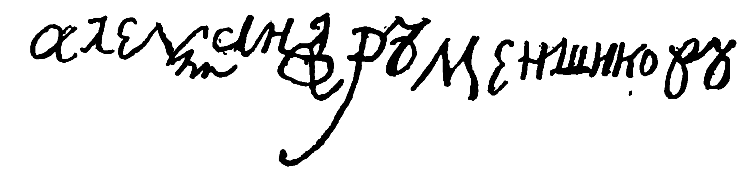

Соборъ 12-ти апостоловъ.

скаго, кравчаго, Салтыкова, и взята земля, принадлежавшая боярину Стрѣшневу. Кромѣ того, разобрана была церковь Входа въ Іерусалимъ, у Никольскихъ воротъ, и сахарныя палаты, гдѣ былъ первый сахароваренный заводъ, между улицей и дворами князей Трубецкого и Салтыкова. Но зато Петръ построилъ въ Кремлѣ соборъ 12-ти апостоловъ.

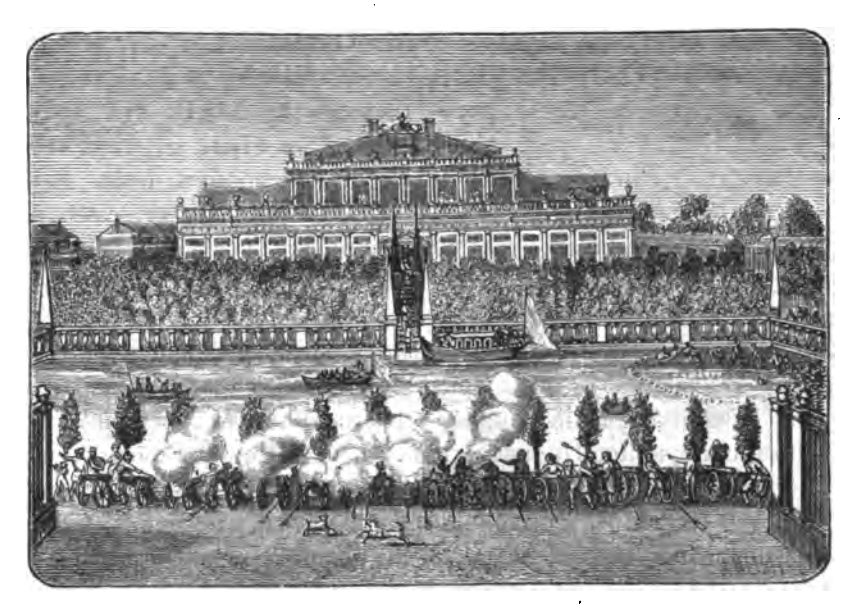
Государь, заботясь о дорожномъ благоустройствѣ Москвы, издалъ Высочайшее повелѣніе, вмѣсто деревянныхъ мостовыхъ, дѣлать въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ мостовыя изъ дикаго камня. При Петрѣ I въ

въ Москвѣ не было выстроено ни одного монастыря, но сооружено было нѣсколько церквей, изъ коихъ нѣкоторыя были построены, по собственноручнымъ планамъ царя, какъ—св. Николая на Мясницкой, Петра и Павла на Басманной, Іоанна Воина на Якиманкѣ. Въ Китаѣ-городѣ, по обѣщанію царицы Натальи Кириловны, была построена церковь Владимірской Богоматери. Въ 1708 году, на мѣстѣ сгорѣвшей

Почеркъ А. Д. Меншикова.

деревянной церкви Троицы на Капелькахъ, построена была, на пожертвованіе Екатерины, новая каменная церковь, которую въ 1712 году освятилъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій. Объ этой церкви сложилось народное преданіе, что ее построилъ цѣловальникъ, долгіе годы отливавшій въ кружечномъ или питейномъ домѣ, по капелькѣ, у каждаго покупавшаго у него вино, скопилъ капиталъ и на

Домъ Лефорта въ Москвѣ.

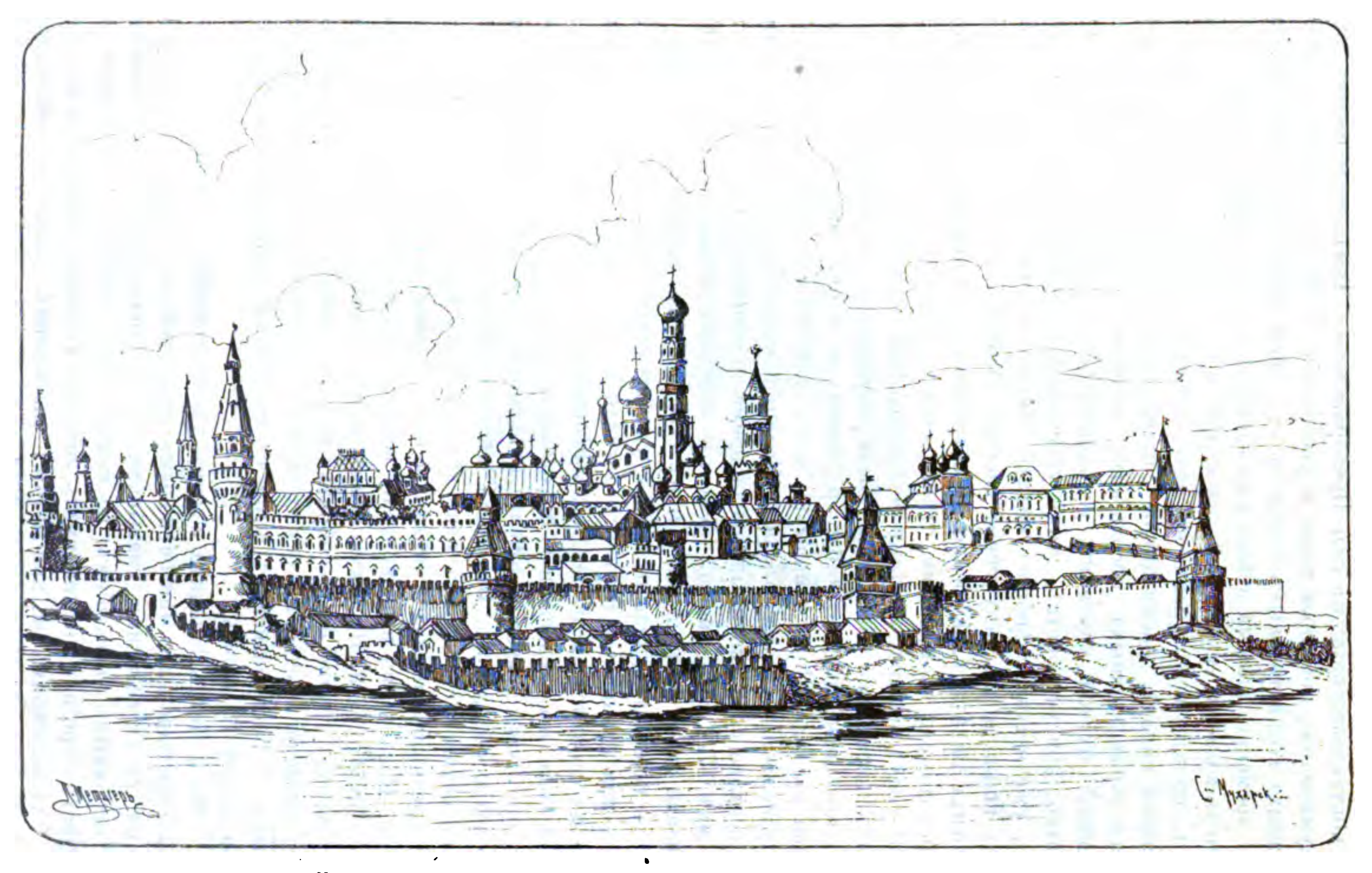
это построилъ церковь. Но эта церковь упоминается еще во время Михаила Ѳеодоровича и значится „на Каплѣ", а Капля была маленькая рѣчка, впадавшая въ рѣчку Напрудную. По собственному плану Петра, былъ выстроенъ въ 1706 году военный госпиталь и при немъ анатомическій театръ, гдѣ царь иногда занимался вскрытіями. Имъ же былъ основанъ и Ботаническій садъ, куда перевозились растенія изъ Измайловскихъ садовъ и цвѣтниковъ царя Алексѣя Михайловича. Самъ го-

сударь сажалъ здѣсь разнообразныя деревья, изъ коихъ нѣкоторыя растутъ еще и въ наши дни. Недалеко отъ военнаго госпиталя находился огромный Лефортовскій дворецъ, гдѣ теперь помѣщается кадетскій корпусъ. Русскій любимецъ Петра, Александръ Данилычъ Меньшиковъ, имѣвшій домъ на Мясницкой, недалеко отъ храма Архангела Гавріила, на Поганомъ прудѣ (тамъ были свалки), построилъ на ея мѣстѣ новую каменную церковь, на подобіе высокой башни. Прудъ былъ очищенъ и названъ Чистымъ, а новопостроенный храмъ сталъ называться Меньшиковой башней. Построенная зодчимъ Иваномъ Зарудньімъ, она, не безъ тайной, вѣроятно, тенденціи, перевершала Ивана Великаго на цѣлую сажень. На церкви были поставлены часы, или куранты, купленные въ Лондонѣ за дорогую цѣну, съ музыкой въ перечасье, полчаса и даже четверть часа. Въ заботѣ о благоустройствѣ Москвы, царь приказалъ, въ отмѣну обычая ставить дома посреди дворовъ, строить ихъ по улицѣ. Кромѣ того, изданъ былъ указъ крыть дома желѣзомъ. Въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ допускались деревянныя постройки, но требовалось, чтобы потолки были непремѣнно обмазаны глиною, а печи ставились на землѣ, а не на подставкахъ.

При Петрѣ жизнь Москвы отливала отъ Кремля къ Преображенскому и Нѣмецкой слободѣ. Такъ какъ сюда направлялись тріумфальныя шествія, какъ напр., по случаю взятія Орѣшка, или Шлиссельбурга, то на пути тутъ были устроены, на магистратское иждивеніе, т. е. купцовъ, Красныя деревянныя ворота. Народъ называлъ эти тріумфальныя ворота „трехвальными“. Русскіе вельможи стали строить себѣ дома вблизи Нѣмецкой слободы. Такъ Головинъ построилъ себѣ домъ противъ нея, за Яузой; великолѣпный домъ Лефорта, по его смерти, перешелъ, какъ и Головинскій, въ собственность государя. Стала знать строить дома также на Басманной, Покровкѣ, Мясницкой, Разгуляѣ, Гороховомъ полѣ и проч.

Самое Преображенское село сдѣлалось важнымъ центромъ. Сюда, со времени стрѣлецкихъ розысковъ, перенесенъ былъ главный судъ и расправа (Преображенскій приказъ). По пятницамъ, здѣсь, на Генеральномъ дворѣ, собиралась Царская дума, въ коей присутствовалъ самъ государь. Здѣсь производились войсковыя ученья и смотры недорослямъ, брили бороды, одѣвали въ нѣмецкія платья. Здѣсь же происходило множество увеселеній: и театральныя представленія, и маскарадныя шутовскія шествія, процессіи для славленія Христа въ святки, фейерверки и т. п. Даже ближнія окрестности стали населяться и оживляться. Такъ на Красномъ пруду устраивались разныя празднества, въ родѣ „взятія Азова“, при чемъ строились укрѣпленія, башни и каланчи, на полѣ, гдѣ теперь Николаевскій вокзалъ.

„Шведская война, начавшаяся съ первыхъ лѣтъ XVIII столѣтія, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, окончательно выселила Петра не только изъ дворца, но и изъ самой Москвы. Съ этого времени дворецъ былъ совсѣмъ покинутъ, такъ что церемоніальные въѣзды царя въ Москву, совершаемые въ ознаменованіе славныхъ баталій, направлялись уже не че-

Кремль въ началѣ XVIII столѣтія. Съ старинной гравюры.

резъ Кремль, въ Спасскія ворота, какъ бы слѣдовало ожидать, а мимо, въ новую резиденцію, въ село Преображенское. Тамъ всегда происходили тріумфованіе, побѣдные пиры и увеселенія. Въ Кремлевскомъ дворцѣ и разныхъ хозяйственныхъ отдѣлахъ его стали помѣщать, по большей части временно, разныя новыя учрежденія, въ родѣ ратуши, магистрата, камеръ-коллегіи, мундирной канцеляріи и т. д. Царскія палаты оставались, правда, незанятыми, но зато ветшали и разрушались. Въ Грановитой палатѣ, расписанной „бытейскимъ письмомъ", вмѣсто прежнихъ торжественныхъ посольскихъ пріемовъ, теперь, какъ въ весьма удобной, пустой хороминѣ, устраивались уже комедіи и діолегіи. Вѣроятно, при устройствѣ этихъ увеселеній, забѣлена была известью и вся, уже ветхая, стѣнопись палаты. Впрочемъ, царь обратилъ, въ 1713 году вниманіе на запустѣніе дворца. Осмотръ его показалъ, что во многихъ палатахъ, особенно въ погребахъ и ледникахъ, а также подъ переходами и площадками, стѣны, своды и столбы, послѣ бывшаго (въ 1701 году) пожара, мѣстами осыпались или обвалились, въ иныхъ мѣстахъ показались разсѣлины. Была ассигнована на возстановленіе всего этого небольшая въ 6,618 р. сумма, но и она, видно, не была пущена въ дѣло. Подъ площадью, межъ Золотыхъ палатъ—царицыной и государевой, гдѣ былъ старый Жилецкій подклѣтъ, было навалено много всякаго сору, который долгое время не убирался. Чрезъ девять лѣтъ, въ маѣ 1722 года, новый осмотръ дворцовъ показалъ, какіе успѣхи сдѣлало здѣсь разрушеніе. Опись его говоритъ слѣдующее: кровли во всѣхъ пріемныхъ палатахъ были уже простыя тесовыя, отчасти гонтовыя, или драничныя, и тѣ всѣ погнили и обвалились. Покои Теремнаго дворца стояли безъ дверей, безъ оконницъ, безъ половъ. Какъ пожаръ 1071 года все деревянное опустошилъ, такъ все и оставалось, а каменное—тоже; рѣзьба, золоченье, стѣнопись,—все было попорчено огнемъ и частію обвалилось. Въ иныхъ мѣстахъ обвалились своды, другія палаты оставались совсѣмъ безъ кровель, какъ напр.: государевы покои, у Куретныхъ воротъ, и свѣтлицы надъ Кормовымъ и Хлѣбеннымъ дворами. Расходъ на возобновленіе всего этого, по смѣтѣ, былъ выведенъ въ 52,899 рублей. Но такую сумму, при огромныхъ расходахъ военныхъ и другихъ, трудно было собрать, да и не было интереса къ возобновленію громадной ветхости, осужденной на уничтоженіе новымъ порядкомъ жизни..." Воспроизводимъ выше съ старинной гравюры, видъ Кремля, при Петрѣ Великомъ.

Но и Петръ I своимъ яснымъ умомъ понималъ, что Москва съ своимъ царственнымъ, многовѣковымъ прошлымъ и его жизненными преданіями, съ ея великими святынями, съ ея центральнымъ положеніемъ, съ огромнымъ населеніемъ, не можетъ быть низведена до степени заурзаднаго города и должна имѣть значеніе столицы, хотя бы и второй.

О размѣрахъ ея, при Петрѣ I, мы можемъ судить по слѣдующимъ даннымъ. Земскій приказъ въ 1701 году представилъ въ Ближнюю канцелярію слѣдующія свѣдѣнія о Москвѣ, въ отношеніи къ ея пространству и числу дворовъ. По мѣрѣ Кремля, съ проѣзжими воротами и глухими

башнями,—1055½ саженъ. По Китаю, съ проѣздными воротами и глухими башнями,—1205½ саженъ. Бѣлаго города, около городовой стѣны и башенъ—4463¾ сажени; Земляного валу—7026 саженъ съ ½ аршина.

Въ этомъ пространствѣ, съ небольшимъ въ 14 верстъ въ окружности, помѣщались 10,241 дворъ. Затѣмъ 6,117 дворовъ находилось за Землянымъ городомъ и его деревянными стѣнами. Этотъ новый посадъ обведенъ былъ впослѣдствіи Камеръ-коллежскимъ валомъ, который простирается на 32 версты слишкомъ.

Приводимъ еще нѣкоторыя событія изъ жизни Москвы въ Петровское время. Король Шведскій Карлъ XII думалъ сдѣлать то, за осуществленіе чего, въ 1812 году, взялся Наполеонъ I, именно—продиктовать Русскому царю и Россіи миръ въ Москвѣ. Поэтому Петръ I распорядился объ ея укрѣпленіи, а равно и окрестныхъ городовъ: Серпухова, Можайска, Твери. Въ Москвѣ были приняты мѣры для строжайшаго

Голова Петра I на памятникѣ въ Петербургѣ.

надзора, въ особенности за иностранцами. Всѣ сословія населенія Москвы должны были участвовать въ работахъ надъ укрѣпленіями. Всѣмъ было приказано быть готовыми или къ бою, или къ немедленному отъѣзду; предполагалось государственныя и церковныя сокровища увезти въ Бѣлоозеро. Царевичу Алексѣю Петровичу государь поручилъ руководить оборонительными работами въ Москвѣ. Но Карлъ XII, въ надеждѣ на помощь Малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы, поворотилъ на югъ, и Москвѣ не пришлось увидать Шведовъ предъ своими стѣнами.

Петръ I продолжалъ посѣщать Москву. Окончивъ Великую Сѣверную войну Ништадскимъ миромъ, въ 1721 году, и принявъ Императорскій титулъ, новый императоръ не ограничился празднествами въ молодомъ своемъ царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ, теперь Императорской столицѣ, но прибылъ въ свою древлепрестольную столицу, въ сопровожденіи всего своего петербургскаго двора. Въ Москвѣ, къ пріѣзду

императора, было построено трое тріумфальныхъ воротъ: на Тверской, на Красной площади, у Казанскаго собора, и на Мясницкой. Въ Москвѣ начались двухнедѣльныя празднества. Устроена была прогулка флота, по московскимъ улицамъ: на сани были поставлены изображенія разныхъ кораблей. Всѣ были въ маскарадныхъ платьяхъ — китайцевъ, индѣйцевъ, персіянъ, турокъ, негровъ и т. д. Въ процессіи было много комическаго: поѣздъ открывался колесницей, на коей сидѣлъ Бахусъ; затѣмъ ѣхали сани, запряженныя медвѣдями, собаками, свиньями, слѣдовалъ шутовской папа на тронѣ, окруженный кординалами, на осѣдланныхъ быкахъ. Самъ Петръ, одѣтый морякомъ, сидѣлъ на двухпалубномъ фрегатѣ. За нимъ ѣхала государыня въ одеждѣ Фрисландской крестьянки, окруженная придворными и ряженными неграми. Поѣздъ отправился въ домъ Лефорта, гдѣ былъ большой балъ. Фейерверки, балы, маскарады и процессіи занимали Москву цѣлыя двѣ недѣли.

Въ 1722 году, въ Москвѣ учреждена была должность московскаго оберъ-полицеймейстера и велѣно было здѣшнимъ обывателямъ выстроить каменные дома и покрыть ихъ гонтомъ, для чего данъ былъ приказъ — вызвать изъ Малороссіи мастеровъ, умѣющихъ дѣлать такія крыши. Въ этомъ году императоръ Петръ опять былъ въ Москвѣ, чтобы отсюда Волгою отправиться на Персію.

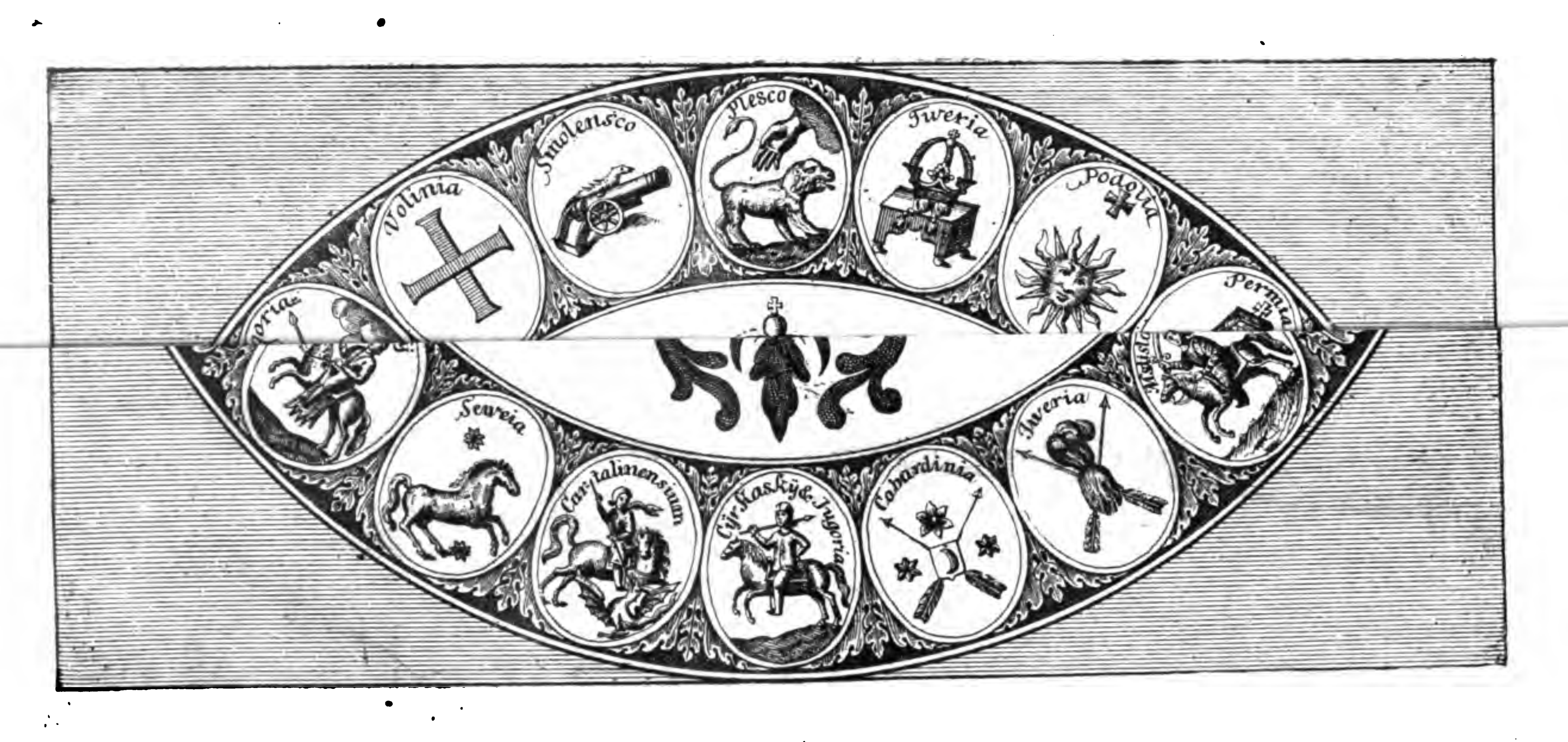
Онъ не рѣшился короновать супругу свою Екатерину Алексѣевну въ Петербургѣ и устроилъ, въ 1724 году 7 мая, ея коронованіе въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, причемъ самъ возложилъ на нее корону и устроилъ въ Москвѣ придворныя и народныя празднества. Такова сила историческаго преданія... Ради коронаціи повелѣно Грановитую, Столовую и мастерскія палаты (въ Теремномъ дворцѣ) и прочія принадлежащія къ тому строенія „совсѣмъ вычинить и исправить такъ, чтобъ въ оныхъ могла великая публика чинно исправиться".

Рака св. Александра Невскаго.

Въ 1723 году, 18 августа, Москва крестнымъ ходомъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и громадномъ стеченіи народа, встрѣчала перевозимыя изъ Владиміра, въ новую столицу Россіи Петербургъ, въ Александро-Невскую лавру, мощи св. Александра Невскаго. Но громадный катафалкъ надъ гробницей св. родителя перваго Московскаго князя св. Даніила Александровича не могъ пройти въ Кремлевскія ворота, и мощи, не побывавъ въ Кремлѣ, были отправлены въ сѣверную столицу.

Любопытно было бы прослѣдить, какъ, уже при Петрѣ I, сталъ измѣняться бытъ Москвы, и подъ наплывомъ сюда иностранцевъ [illegible] подъ вліяніемъ преобразованій его, уничтожившихъ прежнія моско[illegible] учрежденія, какъ напр. боярскую думу и приказы, старую сосл[illegible] организацію, въ особенности служилаго класса (бояре, дворян[illegible]

Гербъ Московскаго государства, конца XVII вѣка. (Къ стр. 263).

боярскіе), подъ воздѣйствіемъ новыхъ отношеній общественныхъ классовъ къ государственной власти и между собой и, наконецъ, подъ вліяніемъ законовъ, создававшихъ новыя формы самаго быта, въ одеждѣ, распорядкѣ жизни и т. д. Но все это еще не выразилось вполнѣ и отразилось въ Москвѣ уже въ то время, которое лежитъ внѣ предѣловъ нашей книги.

Главою Россіи сталъ Петербургъ, но сердцемъ ея продолжаетъ оставаться Москва. Здѣсь живѣе и ярче сознаются и чувствуются наши государственныя и церковныя преданія, не только въ простомъ народѣ, но и въ образованныхъ классахъ общества, что такъ сильно проявляется въ дни великихъ событій, радостныхъ ли, или печальныхъ. Сюда, какъ бы невольно, приливаютъ соки народные, въ видѣ разнаго рода отраслей промышленности и торговли. Сюда, какъ бы сами собою, сходятся дорожныя артеріи, до желѣзныхъ линій включительно. Богатство и народонаселеніе Москвы, несмотря на потерю ею прежняго государственнаго значенія, все растутъ; сама она въ своихъ постройкахъ увеличивается и въ ширь, и въ высь. Она славится своей огромной благотворительностью, русско-національнымъ мышленіемъ, своимъ старозавѣтнымъ хлобосольствомъ,—она не измѣняетъ своего характера, своей физіономіи. Однимъ словомъ, историческій духъ Москвы, ея геній, не даетъ понизиться ей на степень просто большого и богатаго города, какими теперь не бѣдна наша необъятная Россія... „Москва, Москва, какъ много въ этомъ звукѣ для сердца Русскаго слилось, какъ много въ немъ отозвалось“...

Такимъ образомъ, мы видѣли зарожденіе изъ селъ боярина Кучка Москвы, какъ небольшого „древяннаго города“, затѣмъ обращеніе его въ стольный удѣльный городъ; потомъ—въ великокняжескую столицу, собравшую вокругъ себя, подъ своею властью, всѣ удѣльныя княжества Сѣверо-восточной Руси. Тогда Москва стала Царскимъ Престоломъ всея Россіи, великимъ царствующимъ градомъ, важнымъ не только для нашего отечества, но и для другихъ государствъ. Но и созданіе Петромъ I новой императорской столицы въ Петербургѣ не могло понизить Москву на степень только большого города...

Въ заключеніе воспроизводимъ на особомъ листѣ изъ „Дневника Корба“, секретаря германскаго посольства, гербъ Московскаго государства, какъ онъ сложился къ концу XVII вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Источники и пособія.

Имѣя въ виду въ настоящихъ очеркахъ представить главные факты и моменты въ Исторіи Москвы, мы избѣгали входить въ спеціальныя подробности и, при составленіи настоящей книги, могли бы ограничиться только общедоступными сочиненіями, относящимися къ нашему предмету. Но, въ интересѣ провѣрки даже установленныхъ данныхъ и ихъ свободнаго освѣщенія, мы должны были часто обращаться къ первоисточникамъ нашего предмета. Всего болѣе приходилось имѣть дѣло съ лѣтописными сказаніями о Москвѣ, съ Полнымъ Собраніемъ Русскихъ лѣтописей, изд. Археограф. комиссіи, и отдѣльными ихъ изданіями. Изъ напечатанныхъ документовъ по Исторіи Москвы важны были для насъ: „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ". М. 1813—28, 4 т.; издаваемые городомъ Москвою, подъ редакціей И. Е. Забѣлина: „Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы". Не смотря на свое слабое знакомство съ Россіей и тенденціозное высокомѣріе, иностранцы даютъ намъ, въ своихъ сказаніяхъ о Москвѣ, не мало данныхъ, какъ напр., Герберштейнъ (Rerum Moscovit. Commentarii), Маржеретъ (Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго) въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. С.-П. 1837; Адамъ Олеарій (Подробное описаніе путешествія въ Московію и Персію. Изд. Общества Исторіи и Древностей, М. 1870). Баронъ Мейербергъ (Iter in Moscoviam) С.-П. 1827. и друг.

Пользуясь общими по Русской Исторіи сочиненіями: Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), Соловьева (Исторія Россіи), Иловайскаго (Исторія Россіи т. II и III), Бестужева-Рюмина (Русская Исторія), Буслаева (Очерки Русской словесности и искусства. С.-П. 1861—О Русской иконописи. М. 1866), мы часто обращаемся къ слѣдующимъ сочиненіямъ:

1) И. Е. Забѣлина—Бытъ Русскихъ царей. М. 1895 и—царицъ—М. 1872, и къ разнымъ отдѣльнымъ его статьямъ, по археологіи Москвы.

2) И. М. Снегирева и А. Мартынова—Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. М. 1865.

3) П. Хавскаго—Семисотлѣтіе Москвы, 1147—1847. Указатель источниковъ ея топографіи и исторіи.

4) Вельтмана—Достопамятности Московскаго Кремля. М. 1843.

5) Снегирева и Мартынова—Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. М. 1860.

6) Опись Московской Оружейной палаты. 10 т. Изд. съ Высочайшаго соизволенія. М. 1884.

7) Архимандрита Саввы—Указатель Московской патріаршей ризницы. М. 1858.

8) Плечко—Москва. Историческій очеркъ. М. 1883.

9) Москва и ея святыни и памятники, подъ редакціей В. И. Шемякина. М. 1894.

10) Фабриціуса—Кремль въ Москвѣ. М. 1883.

11) Сѣдая Старина Москвы. Историческій обзоръ и указатель ея достопамятностей. М. 1883.

12) Записки о Русскихъ Гербахъ. Московскій гербъ. С.-П. 1856.

13) Книга объ избраніи на царство Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Θеодоровича. Изд. Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. М. 1856.

14) Е. И. Забѣлина—Подземныя хранилища Московскаго Кремля. Изд.Московск. Археологическаго Общества. М. 1894. Доведенныя до конца раскопки тайниковъ Кремля дадутъ не мало новаго для исторіи Москвы.

Кромѣ этого, мы пользовались многими монографическими описаніями Московскихъ соборовъ, монастырей и приходскихъ храмовъ, а также и тѣми книгами, кои указываются въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

II.

Рисунки.

Давая въ нашихъ очеркахъ 212 рисунковъ, иллюстрирующихъ Исторію Москвы, мы имѣли въ виду собрать въ нашей книгѣ, по возможности, цѣлый альбомъ такихъ изображеній, кои бы представили наглядно ея прошлое, не въ однихъ только памятникахъ зодчества и топографическихъ таблицахъ, но и въ ея бытѣ и главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Поэтому въ каждомъ очеркѣ мы предлагаемъ изображенія крѣпостныхъ сооруженій Москвы, дворцовъ, монастырей, храмовъ, то вымышленныя (художественнымъ путемъ) изображенія нашихъ великихъ князей и царей, то ихъ современные портреты, снимки съ царскихъ регалій, знаменъ, оружія, одеждъ, монетъ, печатей, медалей, подписей историческихъ лицъ, отрывковъ изъ рукописей, орнаментовъ и т. д.

Не говоря о рисункахъ, по нумизматикѣ (монеты) сфрагистикѣ (печати), укажемъ только на изображенія Кремля. Представленный въ современныхъ рисункахъ и планѣ, онъ является у насъ послѣдовательно въ изображеніяхъ и планахъ временъ Бориса Годунова (Geographie Blavione), Михаила Θеодоровича (по книгѣ: Избраніе его на царство), Алексѣя Михайловича (изъ путешествія Мейерберга), и, наконецъ, Петра I. Здѣсь мы можемъ видѣть, какимъ выглядѣлъ Кремль въ прежнія эпохи и, путемъ какихъ измѣненій, принялъ свой настоящій видъ.

Клише всѣхъ приводимыхъ рисунковъ сдѣланы въ цинкографіяхъ Ангерера (въ Вѣнѣ) Метцгера и Ренара (въ Москвѣ) и Яблонскаго (въ Петербургѣ).

Большая часть клише предоставлена въ наше распоряженіе для настоящаго изданія Н. И. Пастуховымъ, въ изданіяхъ коего (Гусляръ и Прибавленія къ Москов. Листку) печаталась часть нашихъ очерковъ. Приносимъ за это искреннюю признательность этому почтенному русскому человѣку.

Рисунки наши или сдѣланы по фотографическимъ снимкамъ, или извлекались изъ множества изданій, посвященныхъ Исторіи и Археологіи Москвы и вообще Россіи. Перечисляемъ важнѣйшія изъ нихъ.

1. Древности Россійскаго Государства. М. 1849—53.

2. Снегиревъ. Памятники Московской Древности. М. 1845.

3. Снегиревъ и Мартыновъ. Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. М. 1859.

4. Русскія Достопамятности А. Мартынова. М. 1877—80.

5. Опись Московской Оружейной палаты, съ альбомомъ рисунковъ. 10 частей. М. 1884.

6. Москва. Снимки съ видовъ мѣстностей, храмовъ, зданій и другихъ сооруженій. М. 1886.

7. Ровинскій. Матеріалы для исторіи Русской иконографіи. С.-П. 1884—86.

8.—Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ.

9. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. 1813—18.

10. Снимки съ древнихъ Русскихъ печатей. Изд. Комиссіи печатанія грамотъ. М. 1882.

11. Чертковъ. Древнія Русскія монеты. М. 1834—37.

12. Сахаровъ. Лѣтопись Русской Нумизматики. С.-П. 1851.

13. Schubert. Monnaies et Medailles Russes. Leipzig. 1856. Атласъ 1857.

14. Шодуаръ. Обозрѣніе русскихъ денегъ. С.-П. 1837.

15. Сонцовъ. Деньги и пулы Древней Руси. М. 1862.

16. Лакіеръ. Русская геральдика. С.-П. 1855.

17. В. П. Верещагинъ. Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей. С.-П. 1891.

18. М. П. Погодинъ. Атласъ историческій, археологическій и географическій. Древняя Русская Исторія. Т. 3. М. 1871.

19. Сиповскій. Родная Старина. С.-П. 1883—88.

20. Устряловъ. Снимки, планы и карты къ Исторіи царствованія Петра I.

21. Иверсенъ. Medailen auf die Thathen Peter Groszen. С.-П. 1872.

22. Брикнеръ. Иллюстрированная Исторія Петра Великаго. С.-П. 1882.

23. Москва и ея святыни. М. 1895.

24. Фабриціусъ. Кремль. М. 1883.

25. Мейербергъ. Атласъ къ путешествію въ Москвѣ. М. 1827.

26. Родъ бояръ Шереметевыхъ. С.-П. 1881—88.

Приводимъ перечень рисунковъ.

ксѣя митрополита, по факсимилированному его изданію митрополита Леонтія, въ память пятисотлѣтія съ кончины препод. Сергія. М. 1892.

20)—стр. 35. Печать митрополита Алексѣя. Госуд. Грамоты и Договоры.

21)—стр. 36. Три монеты Іоанна II. Древнія Русскія монеты Черткова.

22)—стр. 37. Печать его же. Грам. и Договоры.

23)—Штемпеля монетъ его же. Лѣтопись Русск. Нумизматики Сахарова.

24)—стр. 41. Димитрій Донской. Рисунокъ академика Верещагина.

25)—стр. 44. Вознесенскій монастырь въ нынѣшнемъ видѣ.

26)—стр. 45. Девять монетъ Донского. Обозр. Русск. монетъ Шодуара.

27)—Штемпеля съ его монетъ. Лѣтоп. Русск. нумизматики Сахарова.

28)—стр. 46. Начальныя слова Лаврентьевскаго списка. Несторовой лѣтописи. Атласъ Погодина.

29)—стр 47. Уменьшенный снимокъ съ начала духовнаго завѣщанія В. К. Димитрія. Грам. и Договоры.

30)—Его печать. Ibid.

31)—стр. 48. Заставка: древне-русскій витязь надъ убитымъ татариномъ. Какъ строилась Русская Земля.

32)—стр. 49. Древне-русскій орнаментъ изъ книги св. Александръ Невскій М. Хитрово.

33)—стр. 50. Князья Василій I и Владиміръ Андреевичъ. В. П. Верещагина.

34)—стр. 51. Срѣтеніе иконы Владимірской, современный рисунокъ.

35)—стр. 53. Снимокъ съ этой иконы. Эта икона встрѣчена была Москвою за 10 лѣтъ до битвы Тамерлана съ Баязетомъ при Ангорѣ. Александръ Невскій Хитрова.

36)—стр. 54. Благовѣщенскій соборъ, съ фотографіи.

37)—стр. 55. Десять монетъ Василія Дмитріевича Лѣтоп. Нумизматики.

38)—стр. 56. Еще четыре монеты его же. Ib.

39)—Отдѣльныя изображенія штемпелей всѣхъ его монетъ.

40)—стр. 57. Двѣ монеты его же и печать князя Патрикѣева (XV вѣка) съ коннымъ сокольникомъ. Русск. Геральдика.

41)—стр. 59. Древняя и новѣйшія постройки храма св. мученика Трифона въ Напрудной. Художеств. сборникъ работъ Русскихъ архитекторовъ и инженеровъ.

42)—стр. 60. Двѣ печати Василія Дмитріевича. Госуд. Грам. и Догов.

43)—стр. 64. Печать Св. Іоны митрополита. Ib.

44)—стр. 66. Четыре монеты Василія Темнаго. Обозрѣн. Русск. монетъ Черткова.

45)—Еще три монеты того же князя, но съ иными штемпелями. Ib.

46)—стр. 67. Василій II и его сынъ Іоаннъ Верещагина.

47)—стр. 68. Печать Василія II.

48)—Печать Димитрія Шемяки. Грамоты и Договоры.

49)—Древнерусскіе шеломы и сѣкиры.

50)—стр. 69. Заставка изъ книги: „Александръ Невскій“ и буква П изъ книги: „Какъ строилась Русская земля“.

51)—стр. 71. Вѣнецъ Владиміра Мономаха.

52)—стр. 72. Четыре сканныхъ золотыхъ запоны отъ древнихъ бармъ, найденныхъ, въ 1822 году, въ землѣ, на мѣстѣ Старой Рязани. Союзникъ Юрія Дмитріевича и врагъ Василія II Рязанскій князь Иванъ Өедоровичъ, при взятіи Москвы, овладѣлъ частью великокняжеской казны и, можно думать, среди ея вещей, и бармами. Отсутствіе въ Москвѣ бармъ Греческаго царя Константина Мономаха доказывается тѣмъ, что царь Алексѣй Михайловичъ, для пополненія древняго царскаго чина, заказалъ цареградцу Ивану Юрьеву бармы, или діадиму, „противъ образца діадимы Греческаго царя Константина. Рисунки заимствованы изъ „Описи Московской Оружейной палаты“.

53)—стр. 73. Тронъ изъ слоновой кости. По древностямъ Россійскаго государства.

54)—стр. 75. Тотъ же тронъ съ боку.

55)—стр. 76. Печать Іоанна III съ Московскимъ гербовымъ всадникомъ, поражающимъ дракона. Сравни съ монетными штемпелями Василія Темнаго. Снимки съ древнихъ печатей.

56)—Печать съ Московскимъ ѣздецомъ и Византійскимъ двуглавымъ орломъ. Изъ Снимковъ съ древнихъ Русскихъ печатей.

57)—стр. 77. Иконографическое изображеніе Георгія Побѣдоносца въ Ладожской крѣпости. Изъ книжки: „Исторія Московскаго герба“.

58)—стр. 79. Отрывокъ изъ Судебника Іоанна III. Родн. старина Сиповскаго.

59)—стр. 81. Троицкія ворота, съ фотографіи.

60)—стр. 82. Храмъ Архистратига Михаила въ Чудовѣ монастырѣ, съ фотографіи.

61)—стр. 83. Печать Великаго Новгорода, посадника и тысяцкаго. Госуд. Грамоты и Договоры.

62)—стр. 84. Три монеты Іоанна III въ увеличенномъ размѣрѣ съ титуломъ: государь всея Руси, сдѣланнымъ и полными буквами и вязью.

63)—стр. 85. Іоаннъ III, по старинной гравюрѣ, у Ровинскаго.

64)—стр. 86. Заставка, въ видѣ Спасской башни, по фотографіи.

65)—стр. 87. Заставки: Кремль съ фотографіи и буква И съ древней рукописи.

66)—стр. 89. Василій III, окруженный рындами, боярами и послами (одинъ западный, другой восточный). Рисунокъ академика Верещагина.

67)—стр. 91. Новодѣвичій монастырь съ гравюры начала XVIII вѣка Бликланда въ Русской иконографіи Ровинскаго.

68)—стр. 92. Снимокъ съ грамоты Василія III. Грам. и Догов.

69)—Его печать. Ib.

70)—Печать митрополита Даніила. Тоже.

71)—Двери въ храмѣ Св. Владиміра, въ Старыхъ Садѣхъ. Памятники древн. художества въ Россіи А. Мартынова. М. 1850.

72)—стр. 94. Печать государства Псковскаго. Псковскія монеты графа И. Толстого СПБ. 1886.

73)—стр. 97. Отправленіе великаго князя на псовую охоту. Изъ Царственной книги.

74)—стр. 98. Василій III, по рисунку барона Герберштейна, возсѣдающій на тронѣ. Съ боку Московскій гербъ.

75)—стр. 100. Постриженіе въ иноки умирающаго великаго князя. Изъ Царственной книги.

76)—стр. 101. Выносъ его тѣла въ Архангельскій соборъ. Ib.

77)—стр. 105. Вѣнчаніе на царство Іоанна IV, по той же рукописи.

78)—стр. 106. Осыпаніе царя золотомъ, при выходѣ изъ Успенскаго собора. Оттуда же.

79)—стр. 108. Іоаннъ IV и его невѣста Анастасія Романовна. Ib.

80)—стр. 110. Отправленіе войска изъ Москвы въ Казанскій походъ. Родъ бояръ Шереметевыхъ.

81)—стр. 111. Храмъ Василія Блаженнаго въ нынѣшнемъ видѣ.

82)—стр. 113. Знамя Грознаго. Изъ описи Оружейной палаты.

83)—стр. 115. Большая государственная печать при Іоаннѣ IV. Грамоты и Договоры.

84)—стр. 116. Тоже оборотная сторона въ уменьшенномъ видѣ. Ib.

85)—стр. 117. Портрэтъ Грознаго, по Титулярнику, времени царя Алексѣя Михайловича.

86)—стр. 121. Ѳеодоръ Іоанновичъ съ иконографическаго портрета, находившагося въ Архангельскомъ соборѣ.

87)—стр. 123. Донской монастырь, съ старинной гравюры Бликланда, въ Иконографіи Ровинскаго.

88)—стр. 125. Царь-пушка, по фотографіи.

89)—стр. 126. Изображеніе на ней царя Ѳеодора. Родная Старина Сиповскаго.

90)—стр. 129. Печать перваго Всероссійскаго патріарха Іова. Грам. и Договоры.

91)—Его подпись.

92)—Шествіе на осляти, по Олеарію.

93)—стр. 130. Золотая печать Ѳеодора Іоанновича.

нихъ храмъ этого монастыря; на нихъ царскія облаченія; вокругъ головы ореолъ святости. Изъ Русскихъ Достопамятностей. Изд. Мартынова М. 1880.

131)—стр. 184. Печать матери царя Михаила Өеодоровича государыни-инокини Мареы.

132)—стр. 185. Усыпальница бояръ Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Изд. Мартынова.

133)—стр. 186. Братина царя Михаила и стопа патріарха Филарета. Родная Старина Сиповскаго.

134)—стр. 187. Образчикъ почерка царя Алексѣя Михайловича, представляющій его титулъ. Послѣдняя строка гласитъ, что это приписалъ онъ „своею царскою самодержавною рукою".

135)—стр. 188. Портретъ Алексѣя Михайловича, изъ Русской иконографіи Ровинскаго.

136)—стр. 189. Царица Марія (Милославская), по Мейербергу. Атласъ.

137)—Его же рисунокъ, изображающій выходъ царицы въ церковь подъ балдахиномъ. Предъ нею мамка несетъ царевича и идутъ три царевны-дочери, какъ и мать въ вѣнцахъ.

138)—стр. 190. Посольскій домъ на Ильинкѣ, любопытный, по чисто русскимъ архитектурнымъ деталямъ, по Мейербергу.

139)—Бердышъ Хмельницкаго. Надпись на немъ гласитъ: „Подъ Замосцемъ я Богданъ Хмѣльницкій, съ 30 тысячами казаковъ; а ляхамъ, жедамъ и попамъ (ксендзамъ латинскимъ)—супостатамъ симъ бердышемъ заграю на ихъ толстыхъ шіяхъ казаки. Року (года) 1648, мѣсяца листопада (ноября) 11 дня. Вѣсъ его $10^3/_4$ фунта.

140)—стр. 191. Полтина Алексѣя Михайловича. Monnaies Russes Шуберта.

141)—Патріархъ Никонъ въ келейной одеждѣ (по Мейербергу).

142)—стр. 193. Подпись патріарха Никона, у Сиповскаго.

143)—Его гербовая печать. Въ гербѣ, въ числѣ четырехъ геральдическихъ эмблемъ, помѣщенъ и ключъ Петровъ.

144)—стр. 194. Скитъ патріарха Никона въ Новомъ Іерусалимѣ, съ фотографіи.

145)—стр. 195. Печатный дворъ въ XVII вѣкѣ. Истор. Петра I Брикнера.

146)—стр. 197. Потѣшный дворецъ. Москва, ея святыни и памятники.

147)—стр. 198. Крыльцо Теремнаго дворца. Исторія Русской архитектуры академика Павлинова М. 1894.

148)—стр. 199. Коломенскій дворецъ, съ гравюры прошлаго столѣтія, приведенной въ Русской Иконографіи Ровинскаго.

149)—стр. 203. Царица Наталья Кирилловна, съ стариннаго портрета, привееннаго у Брикнера въ Исторіи Петра I.

150)—стр. 204. Медаль на рожденіе Петра I, сдѣланная уже въ XVIII столѣтіи: изображены его отецъ и мать. Medaillen auf die Thathen Peter Groszen Иверсена.

151)—тср. 205. Андреевскій монастырь, съ старинной гравюры. Москва. Снимки съ видовъ, мѣстностей и проч.

152)—стр. 207. Печать Алексѣя Михайловича, отличающаяся отъ другихъ тѣмъ, что подъ орломъ на престолѣ лежитъ булава и къ ней идутъ казаки. Привѣшена къ царской грамотѣ, обращенной къ малороссійскому казачеству.

153)—стр. 208. Другая печать, съ изображеніемъ у крыльевъ орла Кремлей разныхъ городовъ, а внизу вооруженныхъ витязей, быть-можетъ, предковъ государя.

154)—стр. 209. Военачальникъ. Бояринъ въ горлатной шапкѣ, въ богатой накидной епанчѣ, въ рукахъ шестоперъ, съ боку роскошно украшенная кривая сабля. Родная Старина Сиповскаго.

155)—стр. 212. Два молодыхъ человѣка въ роскошныхъ терликахъ и бобровыхъ шапкахъ. Ib.

156)—стр. 213. Алмазный тронъ царя Алексѣя Михайловича обложенъ золотою басмою и сѣтчатыми, чеканными накладками, украшенъ драгоцѣнными камнями. На спинкѣ трона, по бархату, вышиты шелкомъ и золотомъ, мѣстами, низанные жемчугомъ, два генія, съ трубами, поддерживающіе корону. Въ латинской надписи, 1659 г., Алексѣй

Михайловичъ названъ могущественнѣйшимъ и непобѣдимѣйшимъ Императоромъ Московіи. На этомъ тронѣ, въ коронацію 1883 года, возсѣдала Государыня Императрица Марія Θеодоровна. Опись Оружейной палаты.

157)—стр. 214. Воскресенскія ворота и Иверская часовня. Изъ книжки: „Какъ строилась Русская Земля".

158)—стр. 215. Храмъ св. Николая на Столпахъ. Заимствовано изъ Древностей Прохорова, въ Родной Старинѣ Сиповскаго.

159)—стр. 216. Храмъ въ селѣ Останкинѣ, графа А. Д. Шереметева. Подмосковная Старина Мартынова, М. 1889.

160)—стр. 217. Церковь въ селѣ Тайнинскомъ. Ib.

161)—стр. 218. Церковь Рождества, что въ Путинкахъ, на Малой Дмитровкѣ. Исторія Русской архитектуры Павлинова.

162)—стр. 219. Печать царицы Марьи Ильиничны Милославской. Снимки съ древнихъ русскихъ печатей.

163)—стр. 221. Портретъ царя Θеодора Алексѣевича, съ стариннаго портрета, у Сиповскаго.

164)—стр. 223. Храмъ Николая Чудотворца на Ильинкѣ. Древности Прохорова.

165)—стр. 224. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ на портретѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Исторія Петра I. Брикнера.

166)—Стрѣльцы. Рядовой съ сѣкирой и пищалью въ кафтанѣ. Черезъ плечо ремень, на немъ висятъ патроны. На головѣ остроконечная шапка съ опушкой. На знаменщикѣ шапка безъ опушв. Два офицера стрѣлецкіе, на нихъ поверхъ кафтановъ охабни, или опашни, въ рукахъ трости. Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, у Сиповскаго.

167)—стр. 225. Тронъ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, за коимъ за занавѣ кой скрывалась царевна Софья.

168)—стр. 226. Медаль съ изображеніемъ царей Іоанна и Петра и царевны Софіи. Медали въ честь Русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Иверсенъ С.-П. 1878—1883.

169)—стр. 227. Портретъ Софьи Алексѣевны въ царскомъ гербѣ. Русск. Иконогр. Ровинскаго.

170)—стр. 229. Каменный мостъ. Русск. Старин. Мартынова.

171)—стр. 230. Подписи Шакловитаго и князя В. Голицына. Снимки, планы и карты къ исторіи царствованія Петра I. Устрялова.

172)—Медаль Шевелеву за Крымскій походъ. Медали Иверсена.

173)—стр. 231. Почеркъ Софьи изъ Атласа Устрялова.

174)—стр. 232. Блюда патріарха Адріана. Указат. патріарш. ризницы. Арх. Саввы.

175)—стр. 233. Серебрян. посуда. XVII в. Ib.

176)—Обронный орнаментъ XVII вѣка. Мотивы орнамента старинныхъ русскихъ произведеній. Изд. Строгановскаго училища. М. 1888.

177)—стр. 234. Медаль, въ память учрежденія ордена св. Андрея Первозваннаго, въ 1698 году, съ копіи XVIII вѣка. Изъ Собранія Русскихъ Медалей. Изд. Археографич. Коммиссіи. С.-П. 1840—43.

178)—стр. 235. Потѣшный. Царствованіе Петра I. Брикнера.

179)—стр. 236. Гвардейцы. Ib.

180)—стр. 237. Спускъ Ботика на Яузу. Рисунокъ художника М. В. Нестерова. Въ книгѣ: Преображенское и окружающія его мѣста. П. В. Синицына М. 1895.

181)—стр. 238. Нѣмецкая слобода съ старинной гравюры, по Брикнеру.

182)—стр. 239. Сухарева башня, по фотограф.

183)—стр. 240. Почеркъ Якова Брюса, по Атласу Устрялова.

184)—стр. 241. Портретъ и подпись Брюса. Памятники художества въ Россіи. Мартынова.

185)—стр. 243. Подписи Петра I и царевича Алексѣя. Атласъ Устрялова.

186)—стр. 244. Медаль на память первой постройки кораблей на рѣкѣ Воронежѣ, у Иверсена.

187)—стр. 245. Медаль на взятіе Азова. Ib.

188)—стр. 246. Учебная печать Петра I. Атл. Устрялова.

189)—стр. 247. Знамя Петровскаго времени. Опись Оружейной палаты.

190)—стр. 249. Русскіе бояре въ національныхъ костюмахъ, у Брикнера.

191)—стр. 250. Бородовые знаки, изъ Атласа Устрялова.

192)—стр. 251. Преслѣдованіе русской одежды съ голандской гравюры, у Брикнера.

193)—стр. 253. Князь Ромодановскій и его подпись. Памятники Русскаго художества Мартынова.

194)—стр. 254. Медаль въ память основанія С.-Петербурга, у Иверсена.

195)—Въ честь постановки памятника Петру въ Петербургѣ. Собраніе Русскихъ Медалей. Изд. Археологич. Коммиссіи.

196)—стр. 255. Медаль на освященіе Исаакіевскаго, въ память рожденія Императора Петра I, Собора, въ 1858 году. Медали царствованія императора Александра II. Ю. Б. Иверсена.

197)—Печать Петра I, на коей онъ изображенъ выбивающимъ изъ глыбы камня статую Россіи. Атласъ Устрялова.

198)—стр. 256. Соборъ 12-ти апостоловъ, Москва и ея святыни.

199)—стр. 257. Подпись князя А. Д. Меншикова. Атл. Устрялова.

200)—Домъ Лефорта, съ старинной гравюры, у Брикнера.

201)—стр. 259. Кремль при Петрѣ I, съ старинной гравюры, у Плечко.

202)—стр. 261. Голова мѣднаго всадника на памятникѣ Петру I въ Петербургѣ.

203)—стр. 262. Рака св. Александра въ Невской лаврѣ, у М. Хитрова.

204)—Отдѣльный листъ къ стр. 171. Рисунокъ, изображающій провозглашеніе съ Лобнаго мѣста царемъ Михаила Θеодоровича Романова, воспроизведенъ изъ книги: Избраніе его на царство.

205)—Тоже къ стр. 173. Изъ той же книги. Царское вѣнчаніе въ Успенскомъ соборѣ. Михаилъ Θеодоровичъ изображенъ, въ моментъ возложенія на него короны. Онъ облаченъ въ царскій далматикъ или платно. На плечахъ его бармы, а на груди крестъ съ частицами Животворящаго древа.

206)—Тоже къ стр. 174—175. Посвященіе въ патріархи отца Михаила Θеодоровича Филарета Никитича. Изъ той же книги.

207)—Тоже къ стр. 181. Изъ той же книги. Важный, для представленія себѣ выноса царскихъ регалій, рисунокъ этотъ любопытенъ, особенно по изображенію на немъ зданій дворцовыхъ.

208)—Отдѣльный рисунокъ, къ стр. 181, изображающій коронаціонный обѣдъ царя Михаила Θеодоровича. Изъ той же книги.

209)—Отдѣльный планъ Москвы, и видъ Кремля, по Мейербергу, къ стр. 196—197. Атласъ къ путешествію по Россіи. М. 1827.

210)—Остатки Крутицкаго терема въ настоящее время, къ стр. 233.

211)—Къ стр. 263. Московскій Государственный гербъ въ „Дневникѣ Корба", представляетъ очень подробное изображеніе геральдическихъ подробностей этой государственной эмблемы. На груди орла Московскій всадникъ—Георгій Побѣдоносецъ. На правомъ крылѣ—знамена Кіевское, Новгородское и Астраханское, на лѣвомъ—Владимірское, Казанское и Сибирское. Вокругъ всего орла, на особыхъ щиткахъ, 26 другихъ гербовъ областей и городовъ, упоминаемыхъ въ титулѣ Русскаго царя.

212)—Древнерусскій орнаментъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

27. 11. 46. — 75p.

